Ф.Ф. Палицын

ЗАПИСКИ

1916 – 1921

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Во 2 томе воспоминаний Фёдор Фёдорович Палицын описывает события с 1916 по 1921 годы, с момента своего назначения представителем Ставки в Военном совете союзных армий во Франции. Его глазами мы следим за действиями Русского экспедиционного корпуса, операциями союзников во Франции и Салониках, работой правительственных учреждений и военачальников английских, французских и американских частей.

Происходит революция в России, новая власть ведет сепаратные переговоры с Германией в Брест-Литовске. Новообразовавшиеся Польша, Украина, Прибалтийские государства преследуют свои интересы. Россия распадается на куски. Русские генералы Деникин, Колчак, Врангель не могут договориться с бывшими союзниками по Антанте, а Соединенные Штаты навязывают европейским политикам свои условия на мирных переговорах. Ллойд Джордж, Вудро Вильсон, Клемансо, Гинденбург – каждый ведет свою игру. Мелькают люди разного социального статуса, появляются и исчезают различные эмигрантские организации: во всем неопределенность. Ослабленная после Великой войны Европа меняется на глазах. И во всей этой сумятице русский генерал пытается заглянуть в будущее России.

Публикуются впервые.

- Ф.Ф. Палицын
  - ○
  - ○ Франция
    - ■
    - ■ Beauvais. 26-I/8-II 1917 г
    - ■ Beauvais 7/20 января 1917 г
    - ■ 12/23 января
    - ■ 2/15 февраля
    - ■ 22-II/7-II-17
    - ■ 3 /16 апреля
    - ■ 18 апреля /1 мая
    - ■ 5 /18 июня 1917 г. Баньол де Лорн
    - ■ 6/19 июня
    - ■ 17-VI-17
    - ■ 19-V/2-VI-17
    - ■ 20-VI–I7
    - ■ 21-VI-17
    - ■ Четверг 22-VI-17

- 25-VI/6-VII-17. Пятница
- 24-VI-17
- 25 июня 1917
- 27 июня 1917
- 27-VI-17
- 29-VI/11-VII-17. Париж
- 5/18-VII-17
- 9/22 июля 1917 г
- 11/24-VII-17
- Залцабаден Швеция 4 /17 [августа] пятница 1917 г
- 18 августа н. с
- 19 августа
- 22 августа
- 11/24 августа
- 27 августа н. с
- Петроград 28 августа
- Париж 1-XI-1917 года
- 2-IX-1917 года
- 4-IX
- 30 ноября 1917
- 2-XII-17
- 2-XII-17
- 28-XII-17
- 18/31-XII-17
- 20-XII-17/2-I-18
- 15/28 [I-18]
- 21-XII-17/ 3-I-18
- 22-XII-17
- 24-XII-17/6-I-18
- 25-XII-17/7-I-18
- 5 /18 января 1918 года
- 27-XII-17/9-I-18
- 28-XII-17/10-I-18
- 29-XII-17/11-I-18
- Вечером 30-XII-17/12-I-18
- 1/14-I-18
- 2/15-I-18
- 5/18-I-18
- 20–1-18
- 8/21-I-18
- 9/22–1-18
- 10/23–1-18
- 11/24-I-8

- 13/26–1-18
- 15/28-I-18
- 12-I-18 (н. ст.)
- 18/31-I-18
- 20-I-18
- 24-I-18
- 12/25-II-18
- 26-I-18
- 27–11–18
- 1-III-18
- 2-III-18
- 5-III-18
- 9-III-18
- 11-III-18
- 14-III-18
- 15-III-18
- 17-III-18
- 22-III-18
- 23-III-18
- 24-III-18
- 25-III-18
- 26-III-18
- 28-III-18
- 29-III-18
- 30-III-18
- 31-III-18
- 1-IV-18
- 2-IV-18
- 3-IV-18
- 6-IV-18
- 9-IV-18
- 12-IV-18
- 13-IV-18
- 15-IV-18
- 17-IV-18
- 19-IV-18
- 21-IV-18
- 24-IV-18
- 25 апреля
- 28-го апреля
- 29-го апреля
- 1-го мая
- 5-V (22 апреля)
- 6 мая

- Баньоль де Лорн. 9-го мая
- 10-го мая
- 12-го мая
- 14-го мая
- 16-го мая
- 22-го мая
- 24-го мая
- 25-го мая
- 26-го мая
- 29-го мая
- 6-го июня
- 18-VII-18
- 1-VII-18
- 9-VIII-18
- 10-го августа 18
- 23-VIII-18
- 29-VIII-18
- 14-IX-18
- 15-IX-18
- 5-IX-18
- 18-IX-18
- 19-IX-18
- 20-IX-18
- 25-IX-18
- 27-IX-18
- 29-IX-18
- 1-X-18
- 7-X-18
- 8-X-18
- 10-X-18
- 29-го октября. Париж
- 2-XI-18
- 7-XI-18. Булонь сюр Сейн
- 8-XI-18
- 6-XI-18
- 9-XI-18
- 10-XI-18
- 11-XI-18
- 12-XI-18
- 16-XI-18
- 18-XI-18
- 19-XI-18
- 25-го-XI-16
- 26-XI-18

- 19-XI-18
- 30-XI-18
- 3-XII-18
- 4-XII-18
- 5-XII-18
- 6-XII-18
- 8-XII-18
- 9-XII-18
- 10-XII-18
- 11-XII-18
- 18-XII-18
- 22-XII-18
- 25-XII-18
- 26-XII-18
- 27-XII-18
- 28-XII-18
- 14-I-19
- 11-II-19
- 7-IV-19
- 9-IV-19
- 10–1V-19
- 18-IV-19
- 29-IV-18
- 10-V-19
- 18-VI-19
- 19-VI-19
- 30-VI-19
- 24-XII-19
- 25-XII-19
- 8-I-20
- 17-I-20
- 20-I-20
- 8-февраля
- 12-II-19
- 5-I-18
- 22-II-20
- 23-II-20
- 25-II-20
- 14-III-20
- 20-III-20
- 20-IV-20
- 16-IV-20
- 17-IV-20
- 2-V-20

- 4-V-20
- 7-V-20
- 11-V-20
- 12-V-20
- 20-V-20
- 22-V-20
- 1-VI-20
- 14-VII-20
- 15-VII-20
- 17-VII-20
- 22-VII-20
- 28-VII-20
- 30-VII-20
- 21-VII-20
- 7-VIII-20
- 1-VIII-20
- 12-VIII-20
- 22-VIII-20
- 27– III-1921

-
- Фото с вкладки

- notes
  - Примечания
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21

- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65

- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109

- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138

○ Комментарии

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14

- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58

- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102

- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146

- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190

- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234

- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278

- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322

- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359
- 360
- 361
- 362
- 363
- 364
- 365
- 366

- 367
- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384
- 385
- 386
- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396
- 397
- 398
- 399
- 400
- 401
- 402
- 403
- 404
- 405
- 406
- 407
- 408
- 409
- 410

- 411
- 412
- 413
- 414
- 415
- 416
- 417
- 418
- 419
- 420
- 421
- 422
- 423
- 424
- 425
- 426
- 427
- 428
- 429
- 430
- 431
- 432
- 433
- 434
- 435
- 436
- 437
- 438
- 439
- 440
- 441
- 442
- 443
- 444
- 445
- 446
- 447
- 448
- 449
- 450
- 451
- 452
- 453
- 454

- 455
- 456

Ф.Ф. Палицын
Записки. Том 2. Франция (1916–1921)

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Издательство выражает благодарность Павлу Лукину, Федору Палицыну, а также Жерару Горохову и Андрею Корлякову за помощь в подготовке текста и иллюстраций книги

© Издательство им. Сабашниковых, 2014

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru), 2014

Франция
1916–1921

* * *

30 сентября /13 октября 1916 я вернулся в Тифлис из Эрзерума. Главнокомандующий послал меня туда, чтобы переговорить с генералом Юденичем: 1) о помощи, которая ему нужна от великого князя Николая Николаевича; 2) выяснить ряд вопросов, касающихся войск, материальной их части, транспортов, путей и вообще всего того, что составляет службу тыла и 3) по выяснении всего на месте, переговорить с генералом и убедить его перейти к решительной атаке армии Изет-Паши, до наступления больших холодов и снегов.

Совместные работы с генералом Юденичем и начальником его тыла генералом Карнауховым привели первого к убеждению, что операцию эту возможно осуществить если не через 4, то через 6 недель, а в крайности даже позже.

Генерал Юденич обещал, что после моего отъезда из Эрзерума он поедет на фронт и личным осмотром решит все частности.

Трудности сосредоточивались в тыловых работах, в обеспечивании войск нужным и, в особенности, образовать запасы при войсках. Генерал Карнаухов взялся исполнить эти работы в назначенной срок, лишь бы ему не мешали.

Миссия моя, казалась, разрешилась успешно: решение принято, осталось во власти командующего армией подготовка и исполнение.

Приехав утром 30-IX/13-X 1916 г. в Тифлис, я был вызван к великому князю, который сказал мне, что 29/12 он получил от государя телеграмму, в которой его величество просит уступить меня для посылки во Францию, вместо генерала Жилинского. От себя великий князь добавил, что он уже протелеграфировал в Ставку, что я уеду в Тифлис 4/17-X.

Великая княгиня{1} и великий князь очень радовались моему назначению и, как всегда, были ко мне добры и ласковы. Мне жаль было их оставить, а также Кавказ, в особенности в виду предстоящей важной и серьёзной операции.

О своей поездке я сказал одному князю Леонтию Алексеевичу Шаховскому{2} и предложил ему ехать со мной. Сначала он согласился, но затем, 1/14 октября, отказал; он не почел себя вправе оставлять великого князя. Князь Шаховской был прав. При великом князе не было человека более ему близкого и притом всегда правдиво, со знанием дела и вдумчиво ему докладывавшего.

4/22-X утром приехал в Ставку, откуда мог выехать только 13/26 октября.

Большая работа была у великого князя Сергея Михайловича по артиллерийской части. Надо было выяснить труды

артиллерии. В Петрограде пришлось это переделать, ибо данные Генерального штаба и Главного артиллерийского управления не сходились со сведениями Ставки, в особенности по части тяжелой артиллерии. Но прибыв в Париж, оказалось, что сведения парижские об артиллерийских потребностях расходились со Ставкой и Петроградом. Кто же был прав?

Михаил Васильевич Алексеев посвятил меня в положение армий, в ход организационных работ и в виды на будущее. В тылу уже давно шли сильные передвижения войск для усиления Румынии. При мне послана была генералу Сахарову{3} телеграмма безотлагательно отправиться на Нижний Дунай и принять там командование войсками; значительное число артиллерийских штаб– и обер-офицеров отправлялись на усиление румынской артиллерии.

Государь отпустил меня милостиво. Я доложил его величеству, что по силам, а главное, по отсутствию гибкости, не гожусь на предназначенную мне работу. Но с этим его величество не согласился.

Разговорившись с государем императором о событиях в Румынии, я доложил, что при дальнейшем наступлении врагов, мы должны предвидеть, что часть немцев и болгар перейдет Дунай в среднем его течении (район Рущука).

«Почему Вы так думаете», – спросил государь.

«Общий ход германских операций, их группировка и метод их действий указывают мне на неизбежность такой переправы», – был мой ответ.

«Да, это возможно», – задумчиво сказал государь.

Чтобы вовремя прибыть на конференцию 2/15 ноября, надо было выехать из Петрограда 23-X/5-XI. С большими усилиями удалось это сделать. Накануне отъезда повидал военного министра Шуваева, который, не дав никаких поручений, ограничился одним указанием: не вмешиваться в заказы. Заехал к министру иностранных дел Штюрмеру{4}, но видеть его не удалось. Свои дела пришлось бросить на произвол судьбы.

27-X/9-XI сел на пароход в Бергене и на следующий вечер прибыл в Нью-Каннель, где был встречен английским генералом Уотерсом{5}, генералом Ермоловым{6} и другими. В Лондоне меня встретили члены посольства со старшими русскими военными чинами; вечером был обед у посла графа Бенкендорфа{7}. На следующий день длительные разговоры по поводу заказов с чинами Лондонской заготовительной комиссии, в 5 часов поехал к великому князю Михаилу Михайловичу{8}, а утром в понедельник, выехал через Фолкстон в Булонь и поздно вечером прибыл в Париж, где был встречен послом А.П. Извольским{9},

генералом По[10] и многими другими.

В Булони мне передан был объемистый пакет с докладом Главной французской квартиры[11], приготовленный для конференции 2/15-XI.

l/14-XI я из Парижа утром поехал в Шантильи представиться главнокомандующему, генералу Жоффру[12], который встретил меня радушно и любезно. После завтрака поехал в Париж к нему, от него к председателю министров Бриану[13], а в 5 час. дня к президенту республики г-ну Пуанкаре[14].

Передача приветствий от его величества, расспросы, разговоры общего характера заняли немного времени.

На следующий день было первое заседание военной Конференции, которая должна была выработать и установить основания действий на первую половину 1917 г., определить средства и взаимную помощь, которую Франция и Англия могли нам оказать.

Чтобы легче разобраться в вопросах артиллерийского снабжения, великий князь Сергей Михайлович предложил мне взять во Францию командира гвардейского тяжелого артиллерийского дивизиона, полковника Война-Панченко[15], хорошо осведомлённого с этой частью. Он оказался сведущим офицером и во многом вначале был мне полезен.

2/15 ноября под председательством генерала Жоффра открылось заседание конференции. Собраны были: английские генералы Хейг[16], Робертсон[17], Моррисон[18], сербский генерал Пашич[19], бельгийский начальник штаба, французский генерал Кастельно[20] (начальник штаба Жоффра) и я.

После краткого приветствия и объяснений генерала Жоффра, генерал Пелле[21] стал читать по пунктам меморандум, копия с которого передана была мне в Булони. Меморандум был объемист и заключал в себе краткие определения целей и задач по фронтам и общие определения целей в конце. К нему приложена была ведомость средств каждой воюющей стороны.

Составлен он был вдумчиво, в общих чертах, не касаясь частностей, и его чтение, обсуждение, исправление, а затем переделка всего начисто, потребовало 3 заседания.

Вопросы о материальных нуждах переданы были в особую подкомиссию, под председательством генерала Пелле, в которую я назначил полковника Война-Панченко.

Споры возбудил Салоникский фронт. Генерал Робертсон противился его усилению, генерал Пашич и я стояли за усиление. Мною была доложена телеграмма генерала Алексеева от 2/15 ноября, с просьбой усилить Салоникскую армию до 35 дивизий, вместо бывших там 17–18. Но итальянцы не соглашались довести

число своих дивизий даже до цифры, условленной раньше, и в защиту представляли очень хитрые доводы.

Не будучи ещё ознакомленным со всеми условиями, мне очень трудно было доказательно возражать против того, что представлялось препятствием к усилению той армии. Уже один фактор, недостаток транспортных средств мог быть достаточным, чтобы отказаться от усиления Салоникской армии не только до 35, но и меньшего числа дивизий. Разница во взглядах, однако, выражалась главным образом в том, что одна сторона оценивала Салоникский фронт как важный, другая как второстепенный, а генерал Робертсон считал, что усиливать этот фронт просто вредно и надо усиливать западный. Но и его постановка была односторонняя. Бесспорно, западный фронт надо было усилить, но оставлять Салоникскую армию в беспомощном состоянии, тоже нельзя было.

По этому вопросу, ознакомившись подробнее с положением и главным образом с транспортными средствами в Средиземном море, я подал генералу Жоффру ноту, в которой указывал на возможность и необходимость усиления Салоникской армии до 25 дивизии с целью, оттеснив врага, занять линию Бабуны-Криванак, вместо невыгодного для действий фронта, занятого в ноябре 1916. Не буду доказывать возможность предложенной операции и больших оперативных выгод, которые явились же последствием нашего положения на Бабуне, но оговорю, что в скором времени, силою обстоятельств, армию эту пришлось усилить довольно значительно, но уже под влиянием крупных успехов, достигнутых Центральными державами на Дунае и в Румынии.

Одновременно с конференцией в Шантильи, в Париже заседала другая, политическая{22}.

3/16 ноября у Бриана был завтрак и там встретил многих старых знакомых. Там же я познакомился с Ллойдом Джорджем{23} и с Асквитом{24}. После завтрака поехал в Crillon[1], где имел продолжительный разговор с [бывшим] генерал-квартирмейстером английского Генерального штаба генералом Мюрреем{25} о месопотамских и египетских делах и ему сообщил о том, что решено было в Эрзеруме и Тифлисе. Он познакомил меня с транспортными средствами Англии в Средиземном море. С французскими транспортными средствами меня ознакомил французский морской министр{26} и его помощник{27}.

Английские транспортные средства в Средиземном море, по сравнению с нашим масштабом, были очень велики. Но и снабжение английских войск, во всех отношениях, шире нашего. Бездорожье театра кроме того требовало перевозки больших

железнодорожных средств, камионов[2] и вьючных животных и, как признался генерал Мюррей, и с этими даже средствами, все-таки временно ощущаются затруднения. Организация и использование этих средств были прекрасными.

4/17-XI был обед у президента республики и там уже определенно говорили, что конференции в Шантильи и Париже цены иметь не будут, а в декабре соберется конференция в Петрограде, и ее слово будет окончательное. На первых порах это показалось очень странным. Зачем же было собирать людей в Париж?

Три недели тому назад я выехал из Ставки, 12 дней тому назад из Петрограда и о возможности такой конференции не было и намека. Откуда подул ветер и кому это понадобилось?

Как в России между Ставкой и главными управлениями в Петрограде, так здесь между заготовительными органами и Петроградом, с места, пришлось натолкнуться на разногласие и неопределённость всего того, что исходило от центра. Работали порывами, под влиянием минуты.

Была ли то наша неумелость в боевых делах или нечто иное, сказать не могу. Но союзники наши, привыкшие к точности и к тому, что на неделе не 7, а одна пятница, этим ходом требований от нас не восхищались, но относились снисходительно. Мы были бедны короткими калибрами, стали просить о них, а немного спустя стали требовать длинные. Бесконечная переписка затянулась по поводу стале-чугунных снарядов, взамен стальных.

Тем не менее, Англия и Франция, в период конца 1916 и начала 1917 г., дали столько, сколько мы в организационной работе на месте не могли переработать, ибо эта работа была поставлена не удовлетворительно, как неудовлетворительно были оборудованы приемные пункты в Архангельске и в особенности в Коле.

В Шантильи, я надеялся изучить прошлое по работам, которые велись раньше моим предшественником, но ни дел, ни копий телеграмм не нашёл и только несколько разрозненных карт лежало в кабинете.

В составе моей миссии были: полковники Война-Панченко и Кривенко{28}, ротмистр Панчулидзев{29}, французской службы капитан князь д'Аренберг, Нарышкин, лейтенант Извольский{30}. Полковник Кривенко, в скором времени, уехал в Россию, а ротмистр Панчулидзев перешел в канцелярию военного агента в Париже{31}. Остались Нарышкин и Извольский очень достойные и воспитанные молодые люди и на долю их выпала вся работа.

Представитель верховного командования во Франции был поставлен не нормально. Будучи в очень большом чине, в

деловом отношении до него ничего не касалось, и ни русские войска, ни военный агент, ни другие учреждения ему подчинены не были. С формальной стороны ему предоставили: утверждать награды и судебные приговоры, а по всем остальным вопросам и сам он, и военный агент, и войска должны были обращаться в Петроград или в Ставку, так как войска внедрены были во французскую армию, то естественно, что они должны были подчиниться французской военной иерархии.

Но эта последняя не могла входить во все вопросы внутренней жизни и инспекторского характера, касающихся войск. По ним войска обращались в Петроград в Ставку. Все что приехало из России по делу и без дела обращалось к военному агенту как местному органу. Из учтивости некоторые приезжали ко мне, но за время пребывания их во Франции они представителю подчинены не были и их работа шла помимо него.

Для дела это была проруха, которая усугублялась тем, что присылались люди Бог знает по каким делам, не уведомляя даже военного агента, который как местный орган, центр всего заготовления и связь наших управлений с французскими военными и другими министерствами, ставился в неловкое положение, и каждый действовал и требовал по-своему, а так как французы были уступчивы и любезны, то эта самостоятельность принимала и своевольные выражения, затрудняя местные власти.

Главная сила военного агента графа Игнатьева была то, что денежный сундук был в его распоряжении и он мог дать и не дать, ибо для этого не было выработано правил. Те, которые его не признавали, в конце концов все-таки должны были придти к нему.

Представитель верховного командования был лишь связью между нашей Главной квартирой и Главнокомандующим генералом Жоффром.

3/16-XI заболел генерал Алексеев и его временно заменил генерал Гурко{32}. С его вступлением изменились и сношения Ставки со мной.

В нашей Ставке французским представителем был генерал Жанен{33}. Все дела Ставка стала проводить через него. Потерпел я это, а затем заявил нашей Главной квартире{34}, если вам угодно так работать, то уберите меня, я здесь лишний. Но меня оставили и протелеграфировали, чтобы французское командование свои дела проводило через меня. На это я им ответил: делайте как вам угодно, но просить французскую Главную квартиру, чтобы она свои дела проводила через меня не буду. Так продолжалось до выздоровления генерала Алексеева. Со вступлением его на должность начальника штаба Верховного

главнокомандующего, течение дел потекло нормально.

Beauvais. 26-I/8-II 1917 г

Уже с середины ноября старого стиля стали циркулировать слухи о возможном уходе Главнокомандующего, о неудовольствии парламента правительством и ходом военных дел. И действительно, вскоре генерал Жоффр, пожалованный высоким званием маршала, [ушел].

События эти не могли не отразиться на работе Главной квартиры и всего военного начальства; творческая работа пошла уменьшенным темпом. Бывшие на местах ожидали своей смены, вновь прибывающие знакомились, но не уверенно.

В Главной квартире появился генерал Гамелен{35}, очень достойный и симпатичный, но ненадолго. Г.О.Е.{36} перешло в Париж.

Наконец в первой половине декабря стало известно о назначении генерала Нивеля{37} главнокомандующим; вместо генерала Жофра военным министром назначен был генерал Лиоте{38}, командующий войсками в Марокко. Генерал Кастельно ушел; ему предстояло принять руководство армиями на правом фланге, но раньше он должен был отправиться на конференцию в Петроград. И генерал Фош{39} должен был покинуть свой пост, приняв временно в свое ведение те войска, которые потом принял генерал Кастельно. Начальником штаба был назначен генерал По, а помощниками его остались генералы Клодель, Дюпон и полковник Пондрон.

Все это протекало не сразу.

Говорили, что палата настаивает и на переходе Главной квартиры из Шантильи в другое место, действительно, в начале января 1917 г. она перешла в Beauvais. И эта операция внесла также ненужные осложнения. По приезде генерала Нивеля в Шантильи я ему представился. Познакомился с ним раньше в ноябре, у генерала Петена{40}. Очень трогательно простился с маршалом Жоффром. Жалел об его уходе и по личным чувствам и в сознании, что уход его повредит общему делу.

В то время как на востоке Центральные державы уничтожали Румынию и наши войска, в законодательных учреждениях Парижа шла другая, борьба бескровная, но чреватая последствиями.

История не представляет примера выступления столь значительного числа равноправных по политическому значению и вооруженной силе держав. Пока во главе французских войск был маршал Жоффр, объединение сосредоточивалось в нем. Может быть не всегда искренно, но его слову все подчинялись и с его мнением очень считались.

Генерал Нивель, несмотря на блестящее прошлое и личные качества, для иностранных командных органов был еще мало известен и занять сразу то положение, которое занимал, по отношению всех союзников генерал Жоффр, естественно, не мог.

Война захватывала народы целиком.

В 1916 г. первым министром Англии Асквитом провозглашено было и сочувственно было принято то начало, что «Война ведется правительством». Но я бы сказал, что борьба ведется всей страной, всеми ее средствами: войну (это совокупность всех операций) ведет Главнокомандующий со своим Генеральным штабом, а правительство правит. В этом нет разделения, а правильное распределение работы в таком громадном и важном деле. Сойти с правильного пути, отречься от природы и законов, которыми характеризуется борьба вообще, а война в частности, значит, создавать себе ряд затруднений и трений, которые непременно дадут себя почувствовать, тому, кто с того пути сошел по каким бы то ни было причинам.

Война тянется 2½ года, и каждое государство ведет ее самостоятельно, согласуя свои действия повременно собираемых совещаний. Нет одной воли, единой мысли.

Пока был генерал Жоффр, благодаря его заслугам и прошлому, он был до известной степени центром, к которому сходились нити объединения. По этому вопросу писал генерал Жоффр в ноябре, а при первом свидании с генералом Лиоте, я поставил ему вопрос прямо и резко.

«Да Вы меня за горло хватаете, – вскричал генерал Лиоте, вскочив с кресла. – Я только и думал об этом, но как это сделать?»

«Это уж Ваше дело, – ответил я ему. – Начните с западного фронта, а затем притяните Италию и Салоники. Россия слишком далеко, но, поверьте, там пойдут навстречу этому».

Долго мы по этому поводу беседовали с ним.

После разговора с генералом Лиоте у меня подобный же разговор был с генералом Нивелем. И он заявил мне, что объединение командования на западном фронте находит необходимым и настолько, что готов, если это нужно, подчиниться фельдмаршалу Хейгу. К этому он добавил, что наши отношения к англичанам так доверчивы и дружественны, что как бы не решился этот вопрос, но в применении его, среди нас, никаких недоразумений не может быть.

Beauvais 7/20 января 1917 г

20 декабря 1916/2 января 1917 я получил высочайшее повеление ехать на конференцию в Рим. Назначение это состоялось, как мне казалось, по желанию французских властей. 21/8 выехал в большом обществе. 23/10 утром приехал в Рим; 24/11 было первое заседание. Докладывали генерал Саррайль{41} и английский генерал{42}, контролировавший переход греческой армии в Пелопоннес и разоружение ее{43}.

Ллойд Джордж задавал вопросы, длилось это недолго, и затем господа правители и дипломаты перешли в другую залу, а военные остались и стали толковать о Салоникском фронте. Господа Робертсон и Кадорно{44} говорили одно, генерал Лиоте и я другое, и убедить друг друга не могли, несмотря на горячие речи Лиоте. Дело было сделано у штатских и главным образом Ллойд Джорджем, а именно, английские и итальянские войска, наконец, были подчинены Саррайлю, а до этого, как генерал Саррайль мне говорил во время перерыва первого заседания, он мог их просить, но не приказывать.

«И вы с таким положением смирились?» – спросил я его. Вообще наши сборища не производили на меня впечатления большого между нами согласия. Кадорно держался к Робертсону, я к Лиоте, но над нами, прежнего влияния объединяющей мысли, не было.

Штатская конференция, вероятно, была дельнее.

В первый день приезда в Рим 23-XII-16/5–1-17 я поехал к генералу Кадорно и продолжительное время с ним беседовал о военном положении их фронта, о целях. Днем я представился ее величеству королеве{45}, регенту и сделал необходимые визиты. 24/6 был парадный обед у французского посла Баррера{46}, с которым познакомился еще в 1908 году на маневрах в центре Франции.

25 декабря / 7 января поехал в церковь к обедне, будучи уже больным, а вечером добрался до купе, куда очень любезно, зашел Соннино{47}, чтобы справиться о здоровье и проститься. По пути в Париж удалось выпросить у Альбера Тома{48} посылку вместе с орудиями 105-ти см и конской упряжи. Он обещал и сделал.

При отъезде в Рим полковник Война-Панченко на Лионском вокзале сообщил мне, что через итальянское военное министерство Главное Артиллерийское Управление поручило исполнить заказ в 200–42 линейных (105-ти см) пушек по цене, которая в несколько раз превосходит цену французских заводов.

И генерал, и наш артиллерийский представитель в Риме,

полковник Рейнгард[49], подтвердили это. Полковник Рейгартен также считал цену за пушку совершенно несообразной, но оправдывался тем, что на это им получено категорическое приказание Главного артиллерийского управления подписать контракт, что и было им исполнено за несколько часов до нашего разговора. Я протелеграфировал об этом военному министру, со своим заключением.

С тракторами поступили по-иному. Итальянские тракторы превосходны, и были бы очень пригодны нам. Но летом 1916 года наш технический представитель от них отказался, признав их непригодными. Осенью 16-го года мы бросались повсюду, чтобы достать тракторы, и неуспешно. Не будь этого, мы могли бы летом и осенью 16 года, когда затруднения в транспортах были не так велики, перевести к себе значительное число итальянских тракторов и устранить чувствовавшую у нас нужду в тракторах. Подобных изложенным выше случаям в нашей заготовительной заграницею работе было немало.

12/23 января

В ноябре мне удалось посетить наши бригады{50} на Мурмелонском и Людском (против Реймса) участках. Войска имели прекрасный вид, и французское начальство было ими довольно и хвалило их. Познакомился я в Шалоне с главнокомандующим французской группой армий генералом Петеном, а в Клермоне с начальником северной группы в ноябре с генералом Фошем, а позже, с генералом Франше д'Эспере{51}. На завтраке у генерала Петена, я встретился с генералами, командовавшими армиями: Нивелем, Мазелем{52} и Манженом{53}. У общего любимца войск генерала Гуро{54}, под начальством которого были наши войска, я обедал. Все это лица так хорошо всем известны их самоотверженной работой с начала войны и подвигами личной храбрости, что воздержусь от характеристики их и похвал.

Но суровый и молчаливый Петен очень мне понравился своей выдержкой и основательностью. В Верберне побывал у генерала Жерара{55}, смененного затем генералом Файолем{56}.

Больше всего мне пришлось беседовать с генералом Фош. Вся настоящая война, все самые трудные и сложные эпизоды связаны с его именем. Но уже в ноябре он был намечен к отчислению. Глубоко сожалел об этом.

2/15 февраля

Во второй половине января я поехал в район бельгийского и английского фронта, а равно к главнокомандующему Мишле{57} и командующими 1-й и 3-й французскими армиями{58}.

В Палле я представился бельгийскому королю{59} и был представлен бельгийской королеве{60}. Его величество расспрашивал меня о государе, о России, о народном настроении. Или это была его манера, или он лучше меня был осведомлен, но в тоне, в манере говорить, мне казалось, было какое то сомнение, когда еще доложил, что во время борьбы наше народное настроение не выразится беспорядками и возмущениями. Его величество наградила меня Леопольдом I ст. и пристегнул мне Croix de guerre[3].

Удивительная простота, большое достоинство отличительные черты этого благородного короля. Не могу писать ему панегирик. Королева, кроме простоты обращения, отличалась большим очарованием.

После завтрака я отправился к бельгийскому начальнику штаба; фактически это был начальник бельгийского фронта. С ним толковал о злободневном вопросе объединения командования. Простившись, поехал в Дюнкерк, к командиру 36-го корпуса Балфурье{61}, нашего георгиевского кавалера за Верден. Пообедал у него в кругу его штаба и к 10 час. вечера вернулся в Кале. Было холодно; к вечеру мороз подходил к 10º. Утром следующего дня направился в Montreuil, к генералу Хейгу, главнокомандующему английскими армиями. По окончании завтрака я остался с генералом Хейгом, и главным предметом нашего разговора было тоже объединение командования на западном фронте.

Генерал Хейг сообщил мне некоторые подробности о фронте, о числе дивизий, действующих и ожидаемых, вместе с португальцами.

Генерал Хейг считал, что командование на всем фронте должно быть объединено.

«А знаете ли Вы, как смотрит на этот вопрос генерал Нивель», – спросил я его. «Генерал Нивель, – продолжал я, – считает это столь важным, что если для достижения этого начала ему необходимо было бы подчиниться Вам, то он пойдет на это не колеблясь».

«Зачем, – ответил мне Хейг, – я тоже считаю это очень важным и ничего против подчинения французской Главной квартире не имею, ибо и теперь мы следуем их советам, как более

опытным. А сверх сего наши взаимные отношения основаны на таком полном доверии и дружбе, что между нами розни не может быть. Генерал Нивель человек широкого решения (décision), и подчинение ему никаких неудобств, кроме выгод, представить не может».

Все это было очень отрадно. Два главных действующих лица смотрели на этот важнейший вопрос одинаково, высказываясь при этом одними и теми же словами. Затруднения, значит, крылись не в армейском управлении, а где-то повыше.

Свой разговор с генералом Хейгом я передал генералу Нивелю, по возвращении моем в Beaurais. Там же в скором времени, я получил ноту приказ генерала Лиоте о взаимных отношениях и обязанностях разных частей Главной квартиры в Военному министру.

Согласно этой ноты, согласование всех действий, надзор и указания в развитии решения военного совета (conseil de guerre) должны исходить от военного министра – генерала Лиоте. Это касалось как Салоникской армии, так и французского фронта. Как же это будет теперь? спросил я генерала Нивеля. Это ничего, пока военным министром генерал Лиоте ответил мне Нивель. С ним всегда оговоримся. В мелочах я могу пойти на уступки, а в главном не сомневаюсь, разногласия не будет и Лиоте упорствовать не будет.

А вот если он уйдет и вместо него будет штатский, тогда такое положение может быть серьезным. Слова эти были пророческие. Чтобы отдать себя всецело войскам и войне, генерал Лиоте взял помощника, который мог бы облегчить ему его сношения с парламентским миром и дать ему всецело отдастся войне. Он мне это сказал еще в декабре. Я ему ответил, что и до меня успело это дойти, но я сомневаюсь, чтобы ему удалось так ограничиться. Если Вы к ним не пойдете, они к Вам придут, и, право, не знаю, что лучше будет для дела, первое или второе.

На мой взгляд, [этим] приказом, генерал Лиоте не шел по пути объединения общего командования, а отдалился от него, ибо, прежде всего, в ожидании грядущих больших операций, надо было достигнуть установления этого командования на западном фронте.

Если допустить, что военные требования взяли бы вверх над гувернантальным сепаратизмом и неуместными в общем деле недоверии, то вероятно, в 1917 г. Англия пошла бы на то, что во главе всего западного фронта стало бы одно лицо. По моим понятиям француз, как по снабжениям большого совершенства французских органов военного управления, так и потому, что английские и русские войска вели борьбу на французской земле.

Но думаю, Англия никогда не согласилась бы, чтобы ее армиями управлял бы французский военный министр, зависимый от правительства и палат. Тоже и обратно. О Петроградской конференции никаких сведений. С тех пор как делами, за болезнью генерала Алексеева, правили Гурко и Лукомский{62}, сношения велись через генерала Жанена, как будто русского представителя во Франции не было. О мелочах переписывались.

22-II/7-II-17

После блестящего захвата передовых позиций Вердена, в декабре, 25-го настало сравнительное затишье.[4]

<…>[5]

Основные правила военного дела французским начальникам хорошо известны. Не будут они атаковать, не будут сосредотачивать громадные средства, которые в случае неуспеха могут пропасть, не будучи обеспечены в наиболее жизненных направлениях. Чтобы атаковать группой Мишле надо прочно стоять на фронте Суассон – Рибекур – Мондидье. Надо атаковать в этом направлении раньше, чем поведена будет атака в направлении Лаон.

Если центр Лаон, говоря о направлении; то атака должна была быть обеспечена, и в смысле ее безопасности и общего положения, и в смысле содействия.

Группа Франше д'Эспере сильна (22 дивизии, 2 территориальные на фронте в 52 км), а соответствующее распределение средств и сил еще более ее усилят и позволят выполнить ее назначение.

Группа Мишле (24½ дивизии, 2 территориальные дивизии и 3 территориальные бригады{63}, всего 27 дивизий) на фронте в 68 км одинаковой силы с северной группой, но за нею должна быть X армия (примерно из 4 кор. в 8–12 дивизий), которые должны развить дело.

Но главные силы Мишле должны быть сосредоточены к центру и ближе к Кроану, обнажая Суассон, который, как и Компьен лежит на ближайшем направлении к Парижу. Если на участке к западу от Реймса будут выжидать удобной минуты, то на юге против Вердена, Нанси и в восточном Эльзасе немцы могут предпринять решительные действия, чтобы не только удержать там войска, но привлечь к этим районам войска с запада, т. е. расстроить атаку.

Хотя силы англо-французского фронта и превосходят в числе дивизий немцев (на 25–26 дивизий), но распределение их по фронту не одинаковое. На 130 км англо-французов стоят почти 60 дивизий, а 110½ французских дивизий на остальных границах фронта в 550 км против 63 дивизий немцев на фронте и 16 во второй линии и всего против 79–80 дивизий немцев. Но не взяты во внимание дивизии, стоящие в глубине на других участках. Против 60 + 7½ [дивизий] французских бельгийцев – стоит около 60 немцев, не считая стоящих в глубине. Таким образом, нельзя говорить о превосходстве, которое обеспечивало бы ход

операции и возможность ее развития.

Большое превосходство лишь там, где французы намереваются вести главные действия от Роа до Реймса включительно. 51 дивизия французов против 21 дивизии немцев, считая резервы VII и II германские армии + 2 дивизии III армии. Но если мы возьмем от Прюнэ до Швейцарской границы, то против 58 французских дивизий будет 61 дивизия германцев.

Промедления в подготовке французов и англичан дали немцам довести число своих дивизий от 130 до 140 и более. В дальнейшем немцы могут прогрессировать. Обстоятельство это указывает, что медлить нельзя, ибо пока выгоды еще на нашей стороне. Но надолго ли?

22 марта (4 апреля) Главная квартира переехала в Компьен. Сегодня переехал Нивель, а 24 перееду я, закончив работы. В эти дни, начиная с 14 марта (27 марта) ряд телеграмм от Алексеева, что приступить к операциям раньше 1 июня и 4 июля невозможно и с просьбой задержать действия здесь. Положение здесь сложилось так, что задержаться французы не могут. По каждой телеграмме переговаривал с Нивелем, а на первой он мне написал и дал свое заключение.

Опасения М. В. Алексеева, что действия здесь развертываются быстро, – ошибочное. Кроме методичности действий, отход немцев с полным разрушением всего, что было на занятых ими местах, все задерживает, и думать о быстрых действиях не время, разве немцы сами перейдут в наступление очень большими силами, на что, однако показаний нет. Если мы на Русском фронте будем иметь возможность развернуть силы в марте и тогда начать (теперь нельзя: большие снега, начало оттепели, отсутствие дорог) операции, то и тогда будет не поздно. Но что-то застряло у союзников – III армия и англичане – подвигаются, I армия – оттянута, V армия и VI армия – все готовят и пухнут числом, усиливается и IV армия, но еще не начинает, а пропущен уже добрый месяц.

Надеюсь, М.В. успокоится. У него и без того много тягостных забот. Как думал, так и случится – Алексеев верховного командования не примет.

Мысль Жоффра была довести готовность для атаки, к половине февр. Пертурбации в ноябре и декабре, смена его и назначение новых, неопределенность и неустойчивость во всем, в работе государственного механизма, все это задержало подготовку французов и англичан. Затем специальная подготовка на французском фронте перешла в руки Мишле. Немцы в марте отступили, что произвело переполох и затяжку повсюду. Однако изменившееся положение не внесло существенных изменений в

дальнейшие намерения, и дело прямолинейно велось по-прежнему. Время было упущено. Немцы значительно усилились, а французская подготовка в тылу приняла размеры, которыми сами французы были скованы. Никто этого, как будто не замечал.

3 /16 апреля

Сегодня утром началась атака главных сил.

Со вторника, 28 марта /10 апреля началась артиллерийская подготовка. Она должна была длиться 4 дня; на самом деле длилась 6 суток. Атака идет по всему фронту. Англичане от Лейса до Ст. Кентэна, III французская армия от Ст. Кантэна и огибая Ст. Голэн с севера, запада и юга-запада на Эне, в районе Лафо-Крон и далее к Реймсу наносят главный удар. Завтра поведет атаку и IV армия со стороны Шалона. Усиленные действия начались в VIII и VII армиях у Кастельно.

В декабре началась подготовка, а начало в половине марта к северу от Уазы и в первой половине апреля (10 апреля) главная масса (район V и VI армии) начала артиллерийскую подготовку. Стремление сложилось так, что V армия и VI армия прорывает и опрокидывает немецкие линии, заходя левым и правым плечом, X армия использует время в чистом поле. Об этом много говорили с декабря по конец марта. Но это была манера говорить, не думаю, чтобы серьезные люди могли предполагать, что такой способ вообще возможен.

Формула была разбить и отбросить передовые части германцев и затем развить успех вводом свежих частей. Для этой цели к району от Уазы до Аррагона постепенно ко времени атаки сосредоточено было в общем 56–58 дивизий (точнее обозначу потом), а считая с Верденом 72–74 дивизии, которым по данным бюллетеня сего числа немцами выставлены 56, а может быть в действительности около 60 дивизий из числа 151–153 дивизий, собранных на западном фронте. Такая же крупная группировка немцев в районе к северу и частью к югу от Арраса против англичан.

По-видимому, район к югу от Камбрэ – по каналу Ст. Кентэн до Уазы рассматривается пока, как пассивный.

Впрочем, разбирая расположение германцев по всему фронту, нельзя с уверенностью сказать, что они подготовились нанести удар в одном или другом направлениях. Группировка в районе против Арраса к северу, и немного к югу более интенсивная, как равно к северу от Эна (Краон-Лаон) и в Шампани, чем в остальных частях, но пока по имеющимся данным, нельзя еще говорить, что немцы готовы к удару. Я сказал бы, что они принимают удар, тактически будут местами атаковать, но подготовки явной к атаке и наступлению не видно.

18 апреля /1 мая

6 апреля /19 апреля получил от М.В. Алексеева телеграмму, что Временное правительство назначило своего представителя генерал-майора Занкевича{64}, а мне надлежит продолжать работу до его приезда. 17/30 IV получил такую же телеграмму от Гучкова{65}. Почему это понадобилось, не знаю. Дело ли это рук других или желание иметь отдельного представителя Временного правительства? Также не знаю, может быть так лучше. В декабре просил меня отозвать. Французам это не очень приятно. Отношения установились хорошие, но, в сущности, не все ли им равно, я или другой. Мне интересно было бы знать, как отнесся к этому Алексеев, ибо, далек от мысли, что это его инициатива. Если он сам мне скажет, что это было его желание, то поверю, а если скажут другие, не поверю. А.М. Гучкову тоже нет основания меня заменять другим. А впрочем, кто знает? С политической точки зрения новому порядку опасности я не представляю. От дел отошел давно, и, в сущности, с 1909 г. по 1916 был не в фаворе, может быть моя близость к великому князю Николаю Николаевичу? Но какая же это близость, когда до конца 1915 я был в загоне. Наконец, мои отношения к нему просто душевные, а не деловые…

Но ломать головы над этим не буду. Решили и баста. Я поеду в Россию, но раньше, если будет возможно, полечусь. По своему положению члена Государственного Совета, и то не присутствующего с 1 января 1917 года, я никому не нужен. Кроме того, что будут делать с членом Государственного Совета по назначению – никто не знает. Не знаю, дадут ли содержание за март и далее, и не уволят ли нас на все четыре стороны, хорошо, если с пенсией, а то уволят и без нее. Цела ли квартира, цело ли Травино? Слава Богу, сестра Мари телеграммой дала признаки жизни.

Что будет впереди, не знаю. От России мы так основательно отрезаны, что ничего не доходит. Узнать можно, когда доедешь, но и доехать не так просто, из-за подводной войны. Скорее потонешь, чем доедешь. А что в России, вот это загадка. Надо верить и положиться на Господа Бога и ехать. А там будет видно.

5 /18 июня 1917 г. Баньол де Лорн

18/31 мая приехал Занкевич. 19 мая /1 июня я отдал свой прощальный приказ; 20 мая /2 июня вступил Занкевич, а 28 мая /9 июня выехал в Баньол, чтобы лечиться.

Баньол выбрал, чтобы быть ближе к Парижу, в случае нужды скорее собраться уехать. Узнал о Баньоле от генерала Нивеля, который там будет лечиться от артрита, а так как мое падение развило, кроме прочего и артрит, то Баньол оказался пригоден. Туда же меня посылал и консилиум у Карреля. Выбор оказался удачный. Воды сильные и подходящие, а местность очаровательная. Но главная моя болезнь, это полная усталость. Сего дня – 9-ый день, что я здесь, а все еще хожу как муха и больше валяюсь. Обещают, что будет лучше, потом кончу лечение, останусь для маленькой Nach Kur[6], а затем с Богом домой. Никому я там не нужен, а все-таки дома лучше. Вернусь к прошлому.

Весеннее наступление, в широких размерах, на всех фронтах предусматривалось на конференции в Шантильи.

Жоффр, который в это время был в полной силе, хотя втихомолку против него собиралась гроза, основным условием этого наступления ставил предупреждение врага. Французская армия могла бы быть готова к февралю, англичане несколько позже, мы не хотели и не могли рисковать зимней кампанией, итальянцы заявили готовность к маю. Это было в ноябре, когда заканчивалась Румынская трагедия. Кавказ молчал, Месопотамия и Египет готовились.

Центральные державы были ослаблены своим успехом в Румынии. Соммская операция замирала и закончилась 15/2 декабря блестящим захватом передовых позиции Вердена. Союзники в праве были ожидать, что совокупность их усилий против ослабленной Германии может увенчаться успехом и положить конец губительной для них подводной войне, которая принимала все более активный, и угрожающий оборот.

Почти 7 месяцев прошло с тех пор, и, пожалуй, никогда Германия со своими союзниками не являлась столь угрожающей, как именно теперь. Что привело нас к этому печальному положению, которое я считаю фактом неоспоримым (хотя печать говорит обратное). Что за причины ослабили действия громадной силы союзников, вынужденных отбиваться и удерживаться, пока не появится новый военный фактор, в лице Соединенных Штатов.

Да против Германии восстал почти весь свет, и все-таки она не унывает и ведет свою борьбу, с надеждой на победный конец.

Причины же в ней ли, в ее силе или в нашей слабости?

Я далек от мысли класть решения таким серьезным явлениям. История в свое время разберет и скажет, но через меня и мимо меня проходили явления, которые уже с конца ноября давали указания, что в нашем согласии мало согласия, что за громкими словами кроется что-то другое, что во всем деле ведомое как будто сообща, не достает главного рычага – одной воли.

В то время как враг наш для борьбы собрал всех своих союзников в свою железную руку и ведет борьбу, руководимую одной волей, мы представляем зрелище делового раздвоения. Пока был Жоффр, со своим авторитетом и прошлым, его слушались и ему как будто подчинялись. Но в Париже им и Брианом были недовольны. Сторонние люди, не занимавшиеся военным делом, знали ведение войны лучше того, который в самую критическую минуту спас Францию от крушения. И он и Бриан сделались центром нападок. Сначала съели Жоффра, затем Бриана. И это длилось почти три месяца.

С уходом Жоффра ослабился престиж высшего французского командования, ибо Нивель и Лиоте были новые люди, союзникам малоизвестные. Почти 2 месяца глухой борьбы, 3 месяца смен, ожиданий, неопределенности, все это тормозило подготовительную работу в высших центрах и на местах. Старые деятели, ожидавшие ухода и смены, не могли принимать решения, новые знакомились.

Вместо намеченного Жоффром февраля, начало действий у французов определилось в середине апреля. Два потерянных месяца, в течение которых произошли события у врага, сильно обеспокоившие французское военное командование.

Немцы от района Бапома до Суассона отошли на новые линии к востоку, обратив в пустыню ранее занимаемые ими позиции. Началось это на севере и продолжалось до середины марта, в районе Роа и Лассиньи, когда III и I армии готовы были атаковать. Снова затяжка.

В это время разразилась наша революция, а за ней разруха внутренняя нашей армии.

14/27 марта и в последующие дни – ряд телеграмм от Алексеева с просьбой, чтобы французы отложили свое наступление, так как наша армия может оправиться только к июню. Нивель решительно отказал, сообщив об этом мне письменно. В последующих телеграммах генерал Алексеев высказывал надежду, что во второй половине мая наша армия, вероятно, в состоянии будет действовать. Свои объяснения, помимо заявления Нивеля, я дал Алексееву в 2-х телеграммах.

Французы не могли отложить свои действия. Обстоятельства складывались так, что необходимость действий являлась, как бы фатальной, и не действие могло бы отразиться самым гибельным образом.

Французы были связаны англичанами, которые уже начали наступление и подвинулись почти до линии Гинденбурга. Остановка, вернее не начинание атаки, могло бы погубить успехи англичан, после чего французы могли быть сами атакованы и не там, где были их силы, а там, где линии их были заняты слабо, главное, обнажены от артиллерии, притянутой к пункту главной атаки. Необходимо было сдвинуть итальянцев. Предшествующие переговоры указали Нивелю, как трудно сдвинуть их на решительные действия.

Более 4, почти 5 месяцев шла подготовка. Громадные средства, почти все, что было возможно из войск притянуто к югу от Эна – между Реймсом и Уазой.

Армия, вся Франция напряженно работали и думали о предстоящем наступлении. Настроение было повышенное и злобное. Опустошения, производимые немцами при отступлении, возбудили во всех злобное чувство.

Выбора не было. Стоять было опасно, разгружаться в подготовке гибельно; ожидать еще месяц, может быть, два, и неизвестно сколько, ибо жизнь в России текла лихорадочно, и никто не знал, где грани успокоения. Может быть 4 месяца, а можете быть народное и солдатское настроение примет такие формы, что протекут много, много месяцев, прежде чем государственные силы России придут в порядок. Нам они своих опасений не высказывали, но ясно было и стороной знали, что французы и англичане не рассчитывали более на русскую реформированную армию. Надежда была на себя и, в будущем, на Соединенные Штаты.

С моей точки зрения вся подготовка так была ведена Мишле, что она сама сковала не только свободу маневра, но свободу решения. И не одно мое это мнение. Когда потом, уже в мае, когда совершилась перемена командования, мною высказана была эта мысль, она не только встретила возражения, но была подхвачена. И Нивелю я это говорил, и он не мог мне возразить. Подготовка к главному удару была сконцентрирована на таком тесном пространстве, и с обилием таких артиллерийских средств и всего с этим связанным, что меня это очень беспокоило.

В феврале, когда Лиоте давал завтрак одной нашей миссии, по окончании его я с ним говорил о событиях и высказал, что у меня накопилось много беспокойных мыслей по поводу подготовки. «У меня тоже ответил, – ответил он мне. – Приходите

ко мне на днях, побеседуем мы спокойно и с картой поговорим». Но нам поговорить не удалось, через несколько дней Лиоте подал в отставку, а с ним и кабинет.

Громадное скопление средств и войск на тесном пространстве, исполненное Мишле, совершенно сковало высшее управление. Все было до мелочей предназначено и разработано, но только для случая, который был создан самим деятелем.

Удар V армии, с захождением левым плечом, VI армии с захождением правым, выдвижение X армии между, в промежуток, – все это было как-то несоответственно с природой и требованиями современной, и при том характера крепостной войны; как картина это не дурно, но кто знаком с исполнением, знает, что подобные кунштюки хороши на карте, где нет ничего такого, что характеризует бой, и нет противника с его волей и средствами.

Когда Лохвицкий{66} мне говорил о плане, и в частности, о задачах бригады, я его успокоил, что ничего подобного не будет и что ему следует, взяв Курси, следить за боем и когда пресловутый маневр осуществится, тогда совокупно вести дальнейшую атаку к стороне Бримона.

Все было рассчитано по часам и более того, число снарядов тоже было рассчитано, повторяю, как будто перед нами не было врага, это предвзятость, сковавшая совершенно частный почин высших войсковых начальников, имел дурные последствия. О некоторых эпизодах, подтверждающие мои выводы, мне рассказывал на днях Нивель, прибавив: «Не будь этого, мы могли бы и в Бери-о-Бак иметь не местный, и а решительный успех».

Блестящие эпизоды на Эн, у форта Кондэ, были осуществлены личным вмешательством Нивеля.

Старая истина, трудности начинаются при исполнении и управлении, скованные свыше бумажным методизмом, и не могут рассчитывать на большие успехи. В частности, благодаря отваге войск были исполнены, и французские войска и наши войска дали тому доказательства, ибо условия атаки были непомерно трудные. Все сулило и могло дать большой успех.

Но вышел частичный успех, который, однако, раскрыл карты противника и, приковав германские силы к направлению атаки, до сих пор передал союзникам почин действий. В этом отношении, наступление это, так напугавшее Париж, дало союзниками большой плюс. Не будь его, Италия не заговорила бы.

Молчок, хуже того, братание с немцами на нашем фронте.

Может быть в России, в угаре политических событий, это не так чувствуется, как здесь. А здесь – стыдно. Стыдно и теперь,

когда ушел с поста представителя Верховного командования при французской Главной квартире и стыдно будет всю жизнь.

К этому прибавилось щемящее чувство за поведение наших двух бригад и раненых. Что же произошло в бригадах?

6/19 июня

Было бы странно предполагать, что события такой необыкновенной важности, которые произошли в России в конце февраля и в начале марта, могли бы не произвести сильнейшего впечатления на наши войска во Франции. 28 февраля, 1 и 2 марта я был в районе IV армии, в Мальи и Шалоне, у командира корпуса Дюма, которому подчинялась 3-я особая бригада (1 особая бригада перешла из Мурмелона в Реймский сектор) и который отзывался как о ней, так и о 3-й особой бригаде с величайшей похвалою. Войска вели себя хорошо, несколько распущены были раненые и больные в тыловых госпиталях, где шла умышленная пропаганда всяких пацифистов и людей, ненавидевших существующей порядок. О том, что в России происходит что-то серьезное, я узнал, когда вернулся поздно вечером в Бовэ.

3 марта пришли радиотелеграфные сообщения об отказе от престола государя в пользу великого князя Михаила Александровича и назначении великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим, а затем об отказе Михаила Александровича. Чтобы войска узнали это от нас, я немедленно протелеграфировал это в бригады, с добавлением, что нам необходимо исполнить волю России, вести борьбу до конца и подчиниться Временному правительству.

Постепенно пропаганда со стороны стала настраивать войска враждебно ко всему, что было. Еще сильнее эта работа шла в госпиталях. Однако условия, в которых находились бригады, не позволяли этому настроению выливаться в особо протестующие формы, а 3 апреля 1-ая бригада, а затем 5 и 6 апреля 3-ая бригада доблестно выполнили на полях сражения свой долг. По моему ходатайству 1-ая бригада уже 5 апреля была выведена и затем поставлена в Париньи ле Реймс, а 3-ая бригада, числа 8 /21 или 9 /22 апреля перешли несколько восточнее, также в виду Реймса. Обе бригады получили citation{67}. Что-то изменилось в них, но все-таки все было прилично, когда я благодарил войска от имени России за исполненную службу. Они, хоть и в малом числе, имели хороший военный вид, как в 1-ом, так и в 3-м полку. Стояли они под огнем немцев и например в Ласси, за 20 мин. до моего приезда ко 2-му полку, немцы открыли огонь и разрушили два дома. Вслед за этим поехал в Бурже, где было свыше 500 раненых, и там встретил людей, сильно изменившихся в настроении. Все-таки держались, в общем, прилично, как следует солдатам, но что-то неуловимое по внешности, скорее угадываемое чувством, указывало, что солдат наш изменился.

Правда, в Бурже все было хорошо, в смысле содержания. Туда раненых не ожидали, были госпитали отличные, но некоторые были переполнены. Но это обстоятельство могло повлиять неблагоприятно на настроение только очень избалованных людей. К сожалению, наши солдаты всем: и отпусками, довольствием и деньгами, были очень избалованы.

Бригады в конце нашего апреля переведены были более к югу и расположены отдельно по деревням: 1-ая бригада южнее Шалонского шоссе, 3-ая севернее, в окрестности Фере Шампенэ, чтобы пополниться и подучиться.

С этого времени упадок внутреннего порядка в бригадах стал проявляться сильнее. Пропаганда из Парижа и науськивания, все это дало свои плоды.

Наши бригады, не считая единичных случаев, вплоть до апреля держались хорошо. 3-ая бригада в этом отношении была лучше 1-ой. Она была основательнее сформирована, и отношения офицерского состава и старших начальников было заботливее и правильнее, чем в 1-ой отдельной бригаде. Между бригадами близости не было, но не было и антагонизма. В 1-ой бригаде были в ходу телесные наказания, что вынудило меня, узнав об этом стороною, напомнить, что оно не законно и неуместно и указывает на отсутствие нравственного воздействия начальников на подчиненных. В этой же бригаде шло какое-то науськивание русских на французов, если и не поддерживаемое генералом Лохвицким, он это отрицал, но, тем не менее, он позволял себе осуждать французов в мелочах, а иногда и в важных вопросах. Лохвицкий был мужественным офицером, но и Марушевский{68} (командир 3-ей) обладал теми же достоинствами, но по мягкой натуре своей был уживчивей и скромнее. Эти свойства начальников естественно имели свое отражение и на части. Внутренний распорядок 1-ой бригады был ниже 3-ей, да и состав был слабее, и распропагандирована 1-ая бригада была основательнее 3-ей.

Как никак, но обе бригады, и в особенности 1-ая, продолжительное время находились в траншеях. То, что французы, в виде освежения и обучения, делали у себя систематически, наши делали в виде исключения.

Так, 3-ая бригада с октября по март не имела смены, а затем сменная, сейчас же была поставлена в Пронэ, а затем отправлена к западу от Реймса. На состояние внутреннего порядка это имело не благоприятное влияние. Когда же обе бригады были отведены, что было необходимо для устройства и обучения, то все распустились, и притом сверху.

События, совершившиеся с марта, вместе с пропагандой из

Парижа, ожидание вольностей, свобод и прав охватили всю праздную массу. К этому прибавились письма и извещения из госпиталей от почти 5 тысяч раненых, больных и уклонившихся, о каких-то не удовлетворениях и притеснениях, и извещения из Петрограда. К 1 мая нашего стиля оно создало настроение, которое если не созрело до преступности, то, во всяком случае, в 1 бригаде уже имело характер солдатского своеволия. Прежний масштаб порядка или непорядка был совершенно неприменим при новых условиях, когда выход полков с красными и черными знаменами, с митингами, аплодисментами, не отдание чести людьми, ибо таковое заменено добровольными приветствиями, было нормально и никакому мудрецу не удалось бы определить, что законно и незаконно, что допустимо и что недопустимо. Такими я видел полки 1 бригады, но до преступности они еще не дозрели, это пришло потом.

Можно ли это было исправить? Я думаю, что да, если бы и французы и, в особенности наши начальники, кроме умения, вдумчивости, были бы люди с большим характером. Много вреда принесли госпитали, оттуда шло брожение и претензии, из которых большинство неосновательных. Но претензия на несвоевременную выдачу денег больным и раненым была основательная и это была вина и бригадных и полковых командиров.

Все остальные заявления были уже удовлетворены, сами претензии были уже запоздалыми и являлись лишь предлогом. Люди не могли понять, что все затруднения произошли от громадного количества раненых за время боев 3–7 апреля, каковое не ожидалось французскими властями.

Как же они могли понять, что, как например, в Бурже, куда было направлено свыше 500 раненых, к ним не применялись льготы, которые я выпросил у Годара{69} еще в феврале, о выдаче 800 гр. хлеба и о приготовлении им супа с капустой, картофелем, крупой, а не бульона. А на этом бульоне они разыгрывали целые арии. А дело было просто. Циркуляр Военного министерства до Бурже еще не дошел, ибо туда никто не предполагал посылать русских. Но послать пришлось, и людям давали бульон. 15 апреля я был в Бурже и на этот бульон мне жаловались со всех сторон. Но все это было устранено. Я заявил о циркуляре главному медицинскому начальнику в Бурже, и меня сопровождавшего высшего медицинского чина, и им стали давать суп. То же было с табаком. Надо было благодарить французов и за размещение, и за уход, и за пищу, а наши люди только и дело, что отыскивали на что жаловаться.

Люди в праздности, и чувствуя, что переворот выдвинул их

на первый план, ибо переворот, будем говорить и называть события настоящим именем, был произведен улицей и скученными в одном месте солдатами запасных батальонов, т. е. недоучками все выдумывали предлоги к обвинению и все волновались. И все это шло crescendo. Вероятно, и в их среде были и умные, которые отлично поняли, что в состоянии беспорядка и необученности их на фронт не пошлют. Эти впечатления я передал и Занкевичу и Лохвицкому.

В Петрограде заготовлялся приказ о комитетах, дисциплинарных судах, декларация о правах солдата. Последние приказы пришли после меня. Надо было все-таки знать, что это такое. Так как развитие брожения могло привести к печальным событиям, авторитет нашей власти уже пал, а начали действовать комитеты, то я прибег к последнему средству – самому тогда популярному – Керенскому{70}. Помогите и скажите ваше слово. Он поручил это эмигранту Раппу{71}. Рапп поехал в бригады, а я сдал представительство приехавшему Занкевичу.

17-VI-17

По прибытию в Париж, я просил графа Игнатьева доложить мне, в каком положении находится призрение наших больных и раненых, и как вообще совершается служба в тылу, а санитарная в особенности. Бригады имели свои дивизионные лазареты французского устройства около Мурмелона и в Мальи, и сверх того два автомобильных отряда; созданных французами и поднесенные императрице. Средств на содержание этого отряда не было и члены Думы и Государственного Совета, бывшие во Франции летом 1916 г. выхлопотали на это 100 т. руб. Автомобильные отряды эти обслуживали и французов (хирургический и банный отделы в Суиппе (Suippe), а передовая часть в Реймсе и Мурмелоне).

В Бресте, не разобранными недель шесть, стояли два лазарета: большой и малой Крестовоздвиженской Общины (Беловенец и Быков). Все больные и раненые были разбросаны по французским госпиталям Парижа: в Мишле и в гостинице Карлтон, в Ст. Серване и Бресте, и в разных других, по мелочам.

Больные и раненые 2 и 4 бригады Салоники имели французские учреждения в Македонии, небольшой госпиталь Св. Георгия, содержавшиеся на посольские средства и эвакуировали своих больных и раненных во Францию в Марсель и в Канн, где было 4–5 госпиталей французских, а равно и в Ниццу (специализировавшихся болезнями глаз и ушей).

В Монпеллье формировалось при французском госпитале отделение для калек, требующих искусственных конечностей и особое лечение. Всех сестер было около 40 с госпожой Романовой во главе, только что прибывшей; сверх того были добровольные сестры русские и не русские, говорящие, по-русски и не говорящие. Пополнения, идущие в Салоники, проходили через Францию и собирались около Тулона, в лагерях Фрегюс (Fregus) и в Бресте в морских казармах.

Находились команды, бежавшие из плена, понемногу препровождавшиеся в Россию. В самом Париже и по разным заводам разбросаны были разные команды и отдельные офицеры, командированные из России. Последние часто появлялись неожиданно, и военный агент узнавал об их существовании, когда они ему являлись. Отношение центральных управлений было самое безалаберное. Центром был военный агент. Через него проходила вся денежная часть и весь личный состав, которой должен был ему быть подчинен, как коменданту. Военному агенту ежемесячно открывался кредит во Французском Банке в 125

миллионов. Это и была та сила, которая связывала и привлекала к военному агенту всех. Не будь этой силы, все бы рассыпалось в нашем обычном своеволии. Положение военного агента было трудное. Все военные и не военное заказы проходили, вернее должны были проходить через него, но на самом деле это было не так. В Париже ютились лица разных учреждений, которые распоряжались самостоятельно, но когда дело доходи до денег, то в подавляющем числе случаев все-таки приходили к графу Игнатьеву, так как кредиты были в его руках. Наконец пришли к сознанию, что все заказы во Франции могли исполняться только через французское правительство. Французское же правительство принимало заявления только от военного агента. Эти начала уложили заказы в более спокойное, верное и правильное русло. Лично я, по своему положению в эту область не входил, и мое участие выражалось в напоминании ускорить производство той или другой отрасли, и наладить в тех случаях, когда в силу нашей центробежности вырывалось из нормального русла. <…>

Перехожу к войскам.

Наши бригады были выброшены в чужую страну, как выбрасывают щенков в воду. Канцелярии думали, писали, но до дел не додумались. По трафарету сформировали 6 бригад. Сформировали по тому же трафарету и запасную бригаду, но забыли, что две бригады остались в России, 2 во Франции, 2 в Салониках. Управление запасной бригады прибыло во Францию, и даже должен был прибыть бригадир. Я протелеграфировал, что не нужно, и просил ее расформировать. Сделали.

Какой-либо организации и устройства вне войсковой зоны не было, и наши люди брошены были в госпитали с чужими людьми, не знающими ни нашего языка, ни потребностей, ни привычек наших людей. Надзора, помощи материальной и духовной не было. Люди должны были удовлетворяться жалованием и суточными от полковников, но полки трудно разбирались, где их люди и, занятые своими делами, забывали своих. Салоникские больные были далеко и сообщения трудные. В таком же забросе оставались и пополнения. Когда поднимался вопль, в Париже шевелились, говорили, охали, проектировали. Люди же, в особенности на юге, бродили без призора, неодетые и чуть не нищенствовали, ибо денег им не давали.

Чтобы оградить солдат и помочь им, я в виде проекта предложил тыловое устройство, передал его Игнатьеву на рассмотрение и для введения. Собрали комиссию и, сделав одну неудачную поправку, приняли. Сущность предложения заключалась в следующем: Все потребности должны были удовлетворяться верховным агентом. В Тулоне учреждалось

главное комендантство, со штатом людей; в главных пунктах, где госпитали и команды выздоравливающих – комендантства. Комендант в Гьерах, где должен был быть устроен пункт для 600–800 человек выздоравливающих. На севере коменданты в Мальи, Париже и Бресте.

Коменданты, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь солдат, должны были наблюдать за благочинием и порядком вне госпиталей, а в самом госпитале являлись посредниками между больными и ранеными, чинами и медицинским начальством. Они выдавали денежные довольствия, вели учет, хранили и держали в исправности казенную одежду солдат, привозимых в госпитали, до выписки их из госпиталей. Все они подчинялись старшему коменданту. Старший комендант подчинялся военному агенту. Коменданты в пунктах для выздоравливающих и в лазаретах были начальством воинских чинов. Что было прискорбно, что многие из наших начальствующих людей, лица медицинского персонала, отчасти сестры милосердия, главным образом, не из сестер Красного Креста, никак не могли примириться с мыслью, что мы не в своей стране, что мы гости, и до некоторой степени, забыв наши привычки, должны применяться к тем требованиям, которые предъявляются французской жизнью. И исполнить это было очень легко, ибо французы все делали по нашему желанию, на все были согласны, лишь бы угодить и чтобы нашим было бы лучше. Не знали они также, что французская казна оплачивала все расходы. У нас, наше природное своеволие все-таки ограничено правилами, которые более или менее всем известны и начальством, а здесь французских правил не знали, да и начальство их не признавали.

Должен сказать, что военный агент постоянно об этом напоминал, но его напоминания забывались и выходили шероховатости. Солдаты были размещены хорошо, кормили их хорошо, но трудности были лишь во взаимном не знании языка. Неудовольствие и потом раздражение среди солдат главным образом сеялись гостями, которые, кроме пропаганды всякого оттенка, сеяли еще раздор между русскими и французами. А так как французское госпитальное начальство вообще было снисходительно к русским солдатам, то они понемногу распустились и опустились внешне.

Коменданты с внешней стороны немного подтянули людей, но оградить солдат от прошенных и непрошенных гостей они не могли, ибо власти на это не имели. Это было дело госпитального начальства.

Так ненормально, с точки зрения военной, текла жизнь больных и раненых солдат.

А когда в России совершился переворот, то при посредстве тех же гостей, главным образом политических эмигрантов, бывших в тесной связи с Советом рабочих и солдатских депутатов и другими сферами, стали уже распространять те мероприятия, которые возникали в этих кругах и которые, систематически разрушая армию, загубили и опозорили Россию. Но пока в Петрограде меры эти вырабатывались, в виде правил и приказов, пока их печатали, рассылали, здесь среди темной массы, избалованной и развращенной пропагандой, все это стало пониматься так, что распоряжения эти скрывают, задерживают, лишая их каких-то прав и прерогатив. Появилось раздражение и озлобление, а слабость наших, здешних заправителей привело к самочинным комитетам, судам и т. п.

Устроена была эвакуационная комиссия.

По моей мысли, эвакуационная комиссия должна была определить лиц, увольняемых из госпиталей в Россию и совсем от службы. Все остальное в госпиталях должно было делаться госпитальным начальством: в русских русскими, в французских, французами. Комиссия Игнатьева создала летучую комиссию, которая должна была объезжать все госпитали, осматривать всех больных и давать им определение. Это было недурно для первого раза, чтобы ознакомить французский врачебный персонал с нашими медицинскими определениями и взглядами. Но вышло нехорошо, потому что французское госпитальное начальство сразу утвердилось во взгляде, что движение наших больных до них не касается, а зависит от комиссии.

Комиссия могла бывать изредка, и в результате госпитали заполнялись выздоровевшими и переполнялись. Это же служило источником разных неурядиц, ибо здоровым в лечебных заведениях не место.

Хотя это и было мною отменено, но впечатление о назначении нашей эвакуационной комиссии в умах французского госпитального начальства оставалось, и они не выписывали выздоровевших, ожидая комиссии. И до сих пор, несмотря на циркуляр Service de Santé[7], это ничтожное, по-видимому, обстоятельство, продолжает влиять неблагоприятно.

Главные основания устройства тылового управления были представлены в Главное управление в декабре 1916 года, я уехал в мае 1917 года, и ответа об утверждении получено не было. <…>

С неполным составом управление начало свою работу и внесло некоторый порядок в жизнь больных и раненых. Много потрудился полковник 1-го полка Киселев{72}, выбранный мною старшим комендантом. В январе или феврале я посетил все

госпитали юга и Мишле. Содержание, помещение и старания французских госпитальных властей и общества по отношению наших людей не позволяет требовать большего. В медицинском отношении, говорят, были прорехи, но где таковые не бывают при массовой работе и, наконец, укоры эти возникают у наших врачей и по другим основаниям. <…>

19-V/2-VI-17

Итак, тыловое устройство и по настоящее время не утверждено, состав не прислан, а то, что было установлено временно на юге, могло только несколько упорядочить жизнь людей в госпиталях, среди которых большой % был здоровый.

Держались, пока не произошел переворот, а затем со дня на день, в особенности после боев, когда в существующие и новые прибыло свыше 4800 больных и раненых, брожение все более и более увеличивалось.

Во второй половине апреля я поехал в Бурже, чтобы осмотреть, как размещены наши раненые.

Французские власти, неизвестно почему ожидали, что потери при наступлении будут сравнительно небольшие. Действительность оказалась, однако, иная. Потери были большие, и в деле эвакуации и призрения оказались прорехи. Пришлось направить туда, куда не думал, и наскоро создавать госпитали, где таковых не было. Раненые наши в значительном числе были направлены в Бретань, даже в Бордо и наконец в Бурже, где их совсем не ждали.

20-VI–17

Недаром сложилась народная поговорка, что со своим уставом в чужой монастырь не суйся.

Наши привычки не подходят французам. У нас одна с ними общая черта – они формалисты и канцеляристы даже больше нас. Бумажки все, а в делах административных формальность у них играет большую роль и здесь уступки, как и в наших высоких и невысоких канцеляриях, ждать нельзя.

После моей поездки в южные госпитали я был у Годара и получил обещание, что наши люди будут причислены к разряду gros mangeur[8], что отдано будет приказание, чтобы им готовили пищу более подходящую и чтобы были бы приняты меры для их размещения вместе. Игнатьев оформил бумажкой и издан был циркуляр военного министра. Так как никто не предполагал, что в Бурже могут послать русских, то циркуляр или не дошел или его не прочли. Но кроме формалистики во французских госпиталях большая дисциплина и порядок. Французские больные пользуются относительной свободой, но в определенные часы они точно должны возвращаться в госпиталь. Вне, ведут себя прилично и исключения в этом редки. Власть в руках начальника госпиталя.

Наши люди, к сожалению, вели и ведут себя как дети. Самовольно приходят и уходят, в одежде не соблюдается опрятность, а за неимением форменной, выходят. Бог знает в чем, напиваются. Когда ворота заперты, перелезают заборы, не исключая калек. В наших госпиталях в России, при надзоре, относительный порядок. Во Франции, при отсутствии надзора, выходит беспорядок, портивший репутацию русского человека вообще. Для установления порядка принят был ряд мер: учреждены коменданты с несколькими н. ч. и портными, чтобы чинить одежду, оправлять казенную обмундировку, ибо с позиции люди приходили иной раз в одном белье, выдача белья и т. п. мелочей. <…>

Как всегда я всех обошел, со всеми поговорил подробно, употребив 1½ дня на обход 500 больных.

Некоторым, особенно сильно раненым дал Георгиевские медали. Один тяжело раненый со слезами благодарил, что посетил их: «Господь Вам воздаст, что Вы посетили нас».

Бурже не был подготовлен к приему раненых. Хотя из 500–94 были действительно раненые, а остальные столь легко задеты и контужены и совсем не пострадавших, что собственно половина могла бы остаться при частях, но размещены были вообще тесно,

в особенности в военных госпиталях. Два госпиталя были очень хороши и люди были довольны и благодарны; остальные были переполнены, и в одном один раненый заявил, что при перевозке его ударили. Это была правда. Начальник военного госпиталя, очень сконфуженный, заявил, что такие случаи не будут. И окружному заявил, что такие случаи совершенно не возможны, как бы не были утомлены и раздражены врачи; были случаи не мягкого снимания повязок, был случай, что солдат заявил, что у него сидит осколок в боку, а врач заявлял, что ему в день привоза сделали фотографию, и что солдату кажется. Однако, опросив соседей и больных, я настоял, чтобы мне дали фактическое доказательство сделанного. После разбора оказалось, что солдат был прав. Обещали сделать. По приезду в Париж я послал начальнику госпиталя официальную телеграмму, сделана ли фотография, и получил ответ, что все сделано и с благоприятным исходом. Все эти недостатки являлись результатом несоответствия числа раненых с врачебным персоналом, не знавшим языка.

Но эти факты, жалобы солдат перекатились в полки и послужили предметом митинговых заседаний и предъявления мне требований. Но это был только предлог: ибо недостатки эти были устранены, равно невысылка денег и т. п.

Такое время мы переживаем, что все требовали, и с яростью, лишь бы найти обвинение. По существу же, беря во внимание обстановку, раненных и больных, в госпиталях никаких требований возбуждать не могли, ибо получали то, что французские раненые и больные, не меньше, а затем стали получать, как gros mangeurs, и больше. Однако французские раненые на это претензий не возбуждали. В общем, кто-то, вероятно, их немало, сеяли между нами и французами раздор, и очень настойчиво. Наши наивные люди принимали все за чистую монету, и сплетни и женевские газеты настроение это обостряли. И среди офицеров и кругом ходил слух, что и Лохвицкий неосторожными словами поддерживал какое-то раздражение к французам. Месяца 2 тому назад, или вернее, 6–7 недель, когда в частях был полный разлад и полное отсутствие внутреннего порядка, это раздражение было особенно сильно, и, к сожалению, обострилось, приняв стыдные формы. Не знаю, как теперь, надеюсь, улеглось. Люди все-таки инстинктивно чувствовали, что то, что у них делается, французам не нравится. Не могли они не чувствовать, что наше бездействие у нас и братание с немцами, бесконечные митинги, шатание по окрестностям, не могло нравиться французам. Французы огородились от наших в квартирном расположении часовыми, и наших к себе не пускали.

Вообще отношения изменились. Среди наших бродили пущенные слухи, что их разоружат и поставят на работы и, что всего более боялись, – что отправят в Салоники. Праздная и безопасная жизнь понравилась. Харчи такие, что не съесть, и дела никакого. 5 апреля вывели из линии 1-ю бригаду, после двухдневного боя, 7 апреля, 3-ю бригаду, и с тех пор они ничего не делают. В боях вышло из рядовых 5 тыс., но из них 3 тыс. таких, о которых и говорить не приходится и которым лучше было бы оставаться в строю. Очень стыдно было слышать это от французов.

Не верил этому, но Бурже и затем Брестские госпиталя, осмотренные Бобриковым{73}, это подтвердили. Стали возвращать из госпиталей, и Лохвицкий вместо того чтобы отнестись к этому серьезно, прислал мне клерком телеграмму, что высылают с незалеченными ранениями. Я потребовал представить медицинские акты. Доставили один.

1 мая я видел таких раненых. Это были здоровые люди, которым гораздо лучше быть в роте, под надзором своих же врачей и фельдшеров, чем болтаться праздно в госпиталях. Лохвицкий находил, что это одно затруднение. Но спрашивается, какое? При нескольких врачах простые перевязки проще делать у себя. Тем более что полки отведены на отдых, далеко от боевой линии, и живут в мирной обстановке.

Если бы вопрос о суточных деньгах был бы разрешен правильно и разумно, т. е. суточные деньги выдавались бы только находящимся в строю, то госпитали наполовину были бы пусты, и казна сохранила бы в год не один миллион франков. В январе послал запрос об этом, но интендантство разъяснило, что надо давать всем.

Со времени переворота о русских войсках во Франции, русское центральное управление забыло. Чтобы удержать нити и настроение в руках начальства, 3 марта, как только я получил радио-извещение о совершившемся, послал от себя уведомление начальникам бригад, для того чтобы объявили приказом. Затем телеграфировал просьбу выслать содержание новой присяги. Каменский сообщил, что будет послано почтою. Хорошо, что Ставка на мою просьбу выслала телеграммою и 17 марта быстро были отпечатаны присяжные листы, отправлены в полки и Игнатьеву и 19 марта предложено всем парижским присягнуть в посольской церкви, и там же я первый подписал присяжный лист. Что происходило в России, мы только узнавали из французских газет, но сведения были скудные.

Госпитали и полки питались другими путями и осведомлены были лучше нас. В госпиталях скрытно сформировались комитеты, то же было и в полках, появились депутаты. Наконец

после усиленных моих просьб в апреле сообщили из Петрограда выдержки из приказа, и таковые отданы были мною приказом по нашим войскам. Затем Каменский{74} на мой запрос сообщил, что комитеты надо устанавливать в госпиталях, а через 2 дня Аверьянов телеграфировал, что никакие комитеты в госпиталях не должны быть.

30 апреля, по моей просьбе Гучков прислал свое обращение к бригадам, в виде приказа, а 1 мая я поехал в полки, чтобы прочесть им приказ. Прочел я только в 1-м и 2-м полках, поручив начальнику 3-й бригады прочесть в 5-м и 6-м полках.

Сил не было проделать это в последних полках, после того, что было в 1-м и в особенности во 2-м. И искушать Господа Бога нечего было, тем более, что настроение чинов 3-й бригады было неизвестно, хотя в 5-м полку – полк вышел по форме и как было приказано, т. е. без оружия. Настроение в 3-й бригаде было спокойное.

Настроение 1-й бригады, в особенности во 2-ом полку, было не революционное, но полное недоверия и злобы. В 1-м полку это почти не проявилось, а в 2-м дошло до криков уничтожить старого бюрократа и арестовать его. 2-й полк был весь вооружен, с пулеметами и часовыми кругом, как будто ожидали западню или сами собирались ее устроить. Слава Богу, для нас, для меня, для бригады Лохвицкого, этого не случилось и после двух часов разговоров я спокойно слез с лошади, люди расступились, и я вышел. Окончив чтение и разговоры в 1-м полку, где кроме некоторого напряжения все сошло, по данному времени, пристойно и даже добродушно, я с Лохвицким поехали ко 2-му. Подходя к полку, в 50 шагах, ко мне подошел командующий полком, полковник Иванов{75}, и вместо рапорта заявил мне, что просит к полку не подходить, а удалиться в ближайшее поместье, чтобы ему переговорить с людьми, успокоить их, ибо он так настроены, что могут быть эксцессы.

Я на это ему сказал, что сделать это не могу, и подошел к правому флангу полка, не прерывая оратора, который с помоста говорил о печальном положении наших раненых. Я дал ему окончить. Затем вышел другой и заявил, что, так как приехал генерал, то просит прервать и закончить после. Я объехал, поздоровался и потом просил меня обступить. Они сделали это нерешительно, вероятно чего-то подозревая. Пока они это делали, я вызвал заявившего о прекращении, похвалил его, сказав, что это было учтиво. Прочел приказ, сказал несколько слов, что Россия решила вести борьбу до конца, что надо исполнить присягу Временному правительству и сделать все, чтобы каждый из нас мог бы вернуться с гордо поднятой головой, в сознании

исполненного каждым солдатом своего долга. Затем пошли те же разговоры о раненых и госпиталях. Речь какого-то солдата с уничтожением меня, старого бюрократа, об аресте меня, почему не дал им отпраздновать самый дорогой им праздник 1 мая (хотя праздник 1 мая во Франции был отпразднован 18 апреля). Но все это кончилось. Было 2 часа. Что-то не дозрело для эксцесса. И внутри и снаружи я был совершенно спокоен и спокойно им отвечал. Смотря на них, я видел в знакомых добрых глазах русского солдата, что, по крайней мере, 2/3 из них на дурное дело и на преступление не способны.

Для многих из них я, однако, был ставленник царя и старый бюрократ. Нельзя же разубеждать массу. Но что для меня, старого солдата, было сильным и неисправимым ударом – это вся обстановка людей, их выражение, их отношение. Я увидел других людей, совсем других, чужих по всему, и это было очень больно, и этим болею до сих пор. <…>

21-VI-17

Укажу еще на одну особенность, которая имела неблагоприятные последствия во многих сторонах внутренней нашей жизни и влияла на больных и раненых. Наши деятели, в особенности сестры и посторонние безответные люди, желавшие принести долю пользы в общем деле, непременно желали делать по-своему, как им казалось лучше. При этом то, что делалось у французов, они бранили и подчиняться общим условиям – или не подчинялись, или подчинялись неохотно. Они не знали или не хотели знать, что мы всецело зависим от французов, причем, например, попечение и расходы на больных и раненых всецело ложилось на французскую казну и на французскую администрацию. Мы только требовали, а французы исполняли. Подчиняться же французским правилам и дисциплине мы не хотели. Сколько, Игнатьев и я, мы не твердили, что мы гости, что мы не можем вводить свои порядки, желания, убеждения, эти помогало мало, но часто, хотя и в мелочах нарушали доброе согласие. Нашим больным и раненым лучше от этого не было, несмотря на то, что французы всегда проявляли готовность исполнять наши просьбы, и в госпиталях на многое смотрели сквозь пальцы. В особенности это было в начале. Мы стремились отделиться, но у нас ничего не было: ни средств, ни людей, ни денег.

Прекрасная мысль, чтобы наших больных и выздоравливающих отправляли в отдельных поездах и вагонах. Игнатьев поддался на это, и выпустил приказ о таком отдельном отправлении.

Что же вышло? Приезжаю в госпиталь в Мальи. Врачи скорбят и жалуются: станция Шалон не принимает русских больных иначе, как в отдельном поезде, т. е. 250 чел, а надо отправить отдельных раненых и больных, требующих специального лечения в Париж и выздоравливающих.

Вечером у главнокомандующего Петена прошу: нельзя ли помочь этому горю? Он этому не верит и говорит c'est idiot[9].

Верно, но благодаря нашей просьбе такой приказ был отдан, и станция должна была его исполнить. Отменили. Во время боев тоже решили возить наших раненых отдельно, в отдельных поездах. Кто знаком с условиями эвакуации, в особенности в период генерального сражения, с наплывом многих десятков тысяч страдальцев к одному пункту, и притом под выстрелами дальнобойной артиллерии и непрерывных действий с аэропланов, тот поймет всю неосновательность такой меры. Когда начальник

станции или военный комендант стали просить, нельзя ли отправлять повагонно, пристегивая их к французским поездам, то в ответ заявили, что нельзя, ибо получили приказ отправлять отдельные русские поезда. Наши раненые пролежали около Эпернэ несколько дней лишних. Нельзя путаться со своими требованиями в таком большом деле, где все должно исходить от одной власти.

6 апреля капитан Семенов{76} по телефону по пути из Эпернэ в Париж просил меня, чтобы раненых направили бы в Париж, а не в Бретань. В Париж и ближе, а может быть и лучше; но исполнение такой просьбы в массовой перевозке была совершенно недопустима, по целому ряду причин, ему вероятно неизвестных. Он же по рапорту французов распоряжался, кричал на должностные железнодорожные лица, требуя то и другое. В своем рапорте капитан Семенов опровергал и обвинял французов. <…>

Через неделю будет месяц, как я уехал из Парижа, что происходит в нашей среде с новым представителем, что происходит в госпиталях и в войсках, не знаю. Занкевич, по-видимому, приехал с полномочиями и властью, чего у меня не было. Но как он их проявит? Со мною он был скрытен. Ничего не говорил. Это мой бывший подчиненный, скромный Занкевич, который в 1905–1908 гг. был военным агентом в Бухаресте. Как он поведет дело? Желаю от всей души, чтобы при нем наступило бы успокоение в войсках и среди больных и раненых. Кроме дел мною пересмотренных, я оставил ему длинный проспектус[10], с изложением всех дел, которые были в ходу и не получили своего разрешения. В день его вступления солдаты 3-й бригады отрешили Марушевского, и затем и командира полка, как в этой, так и в 1-й бригаде.

Наши обе бригады должны были развернуться в 2 дивизии. Я просил развернуть их по французскому образцу, что отвечало всем военным требованиям и основам управления. В декабре представил расчеты и просил, чтобы прислали только людей, а все остальное сделаем здесь, что будет удобнее, дешевле и скорей. Но канцелярия решила по-своему. Ей до условий обстановки нет дела. Она делает по трафарету и, сделав, думает, что исполнила свой долг. От нее-то мы и гибнем, ибо канцелярии до жизни никакого дела нет.

Долго они в Петрограде рядили, и наконец наперекор всем представлениям решили создать одну дивизию с артиллерией, с обозами, с лазаретами и т. п., как для французского фронта, так и для Салоник.

Французы поморщились, но делать нечего было.

Позаботились по-своему и о представительстве, создав ряд ненужных отделений, передав ему санитарную часть. Я просил доложить Военному Министру, что все это не соответствует положению и снова просил, чтобы это предоставили бы представителю на месте решить все эти вопросы, так как этого требовала здешняя жизнь – ответа на это не получил. Но раз было приказано образовать дивизию, то начальник ее должен был быть старший генерал Лохвицкий, а Марушевскому следовало дать назначение в Россию. На посланную мной телеграмму, мне ответили, чтобы Марушевского оставили, а Лохвицкого послали в Россию.

В день приезда и вступления Занкевича в Париж, к удивлению своему, я увидел Марушевского. Мое удивление было вызвано тем, что в эти дни из Парижа к войскам, по приказанию тогдашнего военного министра Керенского, эмигрант Рапп поехал говорить с нашими. Генералу Марушевскому следовало быть там, и я, будучи уже не представителем, все-таки просил генерала Марушевского немедленно ехать к своим частям. Керенский телеграфировал эмигранту Раппу, прося его заехать к войскам и выяснить причины и успокоить людей; это было правильно. Рапп – эмигрант, значит в глазах, настроенных против всего прежнего – страдалец, приверженец нового. Человек он хороший, мягкий и, по его словам, любящий Россию. Перед прощанием он спросил меня: «А как говорить с офицерами и солдатами?»

«С солдатами говорите, что вам Господь Бог на душу положит, но помните, что для России спасение в порядке; с офицерами говорите властно, как начальник. Их надо поднять, подбодрить в исполнении долга». Он обещал заехать ко мне и сообщить свои впечатления, но этого не сделал; был у него, но его не застал.

Рапп уехал к бригадам в воскресение, а в четверг, я к своему удивлению, увидел генерала Марушевского в Париже и просил его немедленно ехать к своим частям. Марушевский это сделал, но к вечеру вернулся, ибо на полпути его остановили офицеры, сказав ему, что солдаты его сместили, и если он приедет, то его убьют. Марушевский направился к Занкевичу, который, вместо того, чтобы вернуть его обратно к войскам, оставил его в Париже, сменил его и вместо него назначил Лохвицкого. Я бы поступил иначе.

После моего отъезда из Парижа, Занкевич поехал к бригадам, и говорят, там все было хорошо. Слава Богу.

Главное, однако, чтобы в полках успокоились бы, чтобы солдаты поняли, что они должны слушаться офицеров, и что куражиться над ними преступно. Мне писали, что солдаты

заявили, что они готовы драться и желают ехать на секторы. Это было 1/14 или 2/15 июня. Вот приеду в Париж и узнаю, в каком они положении.

В начале июня генерал Занкевич передал мне, что Лохвицкий ходатайствовал о снятии дивизии, поставленной около Нэвшато, в район войск генерала Кастельно для обучения. Я не просил, но умолял Занкевича не поддаваться на это представление Лохвицкого, а оставить войска в районе армии. К сожалению, он этого не сделал. Войска были смещены и 2–3 недели спустя, разыгралась позорная Куртинская история{77}.

Четверг 22-VI-17

Несколько слов о представительстве.

Цель представительства при главнокомандующем – сблизить связь между Ставкой и Главной французской квартирой. Такие же представительства были при английском Генеральном штабе (не при Главной квартире) и при Главной квартире Итальянской армии.

Преобладающее значение французской армии и генерала Жоффра поставило представителя при этой армии в особое положение, и назначен был таковым генерал Жилинский, бывший в начале войны в течение 5-ти недель главнокомандующим северо-западной армии[11], и затем я, оба в большом чине и большом служебном положении. Жилинского Жоффр не переваривал, и его пришлось сменить. <…>

Положение представителя{78} было очень почетное, но вскоре оказалось, что оно не деловое: войска ему не были подчинены, ибо они подчинялись французским военачальникам, военный агент{79} ему не был подчинен и, в сущности, ему ничего не было подчинено, кроме, лично при нем состоящих офицеров. Какое же у него было дело? Связь со Ставкой. Но эта связь существовала, пока она обращалась к представителю и давала ему поручения. Она существовала, пока был Алексеев, а так как он тяжко заболел 2 ноября, то этим же числом связь прекратилась по военным, политическим и стратегическим вопросам. Ставка признала более удобным сноситься через генерала Жанена, который таким образом стал исполнять русские и французские поручения.

Когда это стало ясно, то я, тем более, что, упав 8 ноября сделался полукалекой, ибо правой рукой не владел и сильно страдал от болей, просил чтобы меня убрали, как лицо бесполезное. Но мне приказано было остаться.

Я изучал положение на западном фронте, свои заключения сообщал Ставке, но настоящего оперативного дела не было до марта, когда снова вступил Алексеев. Ставке я указывал, что в трудные минуты будет не хорошо, ибо интересы русские мне ближе, чем Жанену. На это мне ответили, пусть французы сносятся со мной. Это было по-детски и я, понятно, не сделал попыток склонить французов их интересы передавать через меня. Они бы только посмеялись.

Войска свои хозяйственные и инспекционные нужды, по установлению Главного управления Генерального штаба{80}, должны были передавать этому управлению. Для упрощения представителю предоставлены были права командующего армией,

в смысле утверждения наград за боевые отличия и права главнокомандующего, по отношению судебных дел и право сменять должностные лица.

Со стороны, как будто очень хорошо, но, в сущности, это была одна формальность. Рядом с этим существовала наградная бессмыслица. Начальник бригады и представитель не имели права награждать французов, которые входили в состав бригады, в то время, как французы предоставили начальникам бригад право награждения русских бесконтрольно croix de guerre[12].

Таким образом, солдаты и офицеры, которые входили в состав полков, батальонов и рот, дравшиеся рядом с нашими солдатами, об артиллеристах и саперах не говорю, должны были быть представлены и представления их отправлялись в Ставку, затем в Главное управление{81}. Разрешения получались или через 1–1½ года, или совсем не получались. Сколько не просил распространить право награждения и на французов, все напрасно. И так, по отношению войск, представитель являлся как старший с правами командующего армией, утверждая только наградные и судебные приговоры. Потом ему предоставили право утверждения смещения офицеров, несоответствующих и отправку их в Россию.

Военный агент совершенно не был ему подчинен. В Петрограде меня просили не касаться отделения подполковника Пац-Помарнацкого{82}, а военный министр Шуваев на вопрос мой: «Какие Вы дадите мне инструкции?» Ответил: «Пожалуйста, не касайтесь заказов». Это последнее, я и без него не сделал бы, но выяснить нужды и как их удовлетворить, я бы мог. Денежными делами никогда не занимался и к ним всегда подходил с опаской, и без его совета снабжения заказов, не касался бы.

Однако жизнь повела по многим отделам иначе. Жить неустроенными войска не могли, а между тем насущные стороны жизни тыла оказались совершенно неустроенными. И в этом помочь Игнатьеву надо было не как начальство, а по-дружески, как старший. Но все это делалось по-хорошему, как говорят у нас, по знакомству. Жаловаться, что военный агент и начальники не шли этому навстречу, я не могу. Все желали, чтобы было лучше и все искали в старшем опоры, совета и приказания. Но у меня не было полномочия и Главное управление их не давало.

К Главному управлению, месяцами не отвечавшему, а иногда и совсем не отвечавшему на запросы и просьбы, отношение было не нормальное, и спасибо оно не заслужило. А когда что решало, то несоответственно с пользой и условиями здешней жизни. Высшая канцелярия оправдала свое назначение всем мешать и многое путать. Вероятно, теперь будет лучше, ибо Занкевич, будто бы, прибыл сюда с полномочиями и правами.

Не думаю, однако, чтобы сношения по оперативной части стали бы нормальными, и вероятно все пойдет по-старому, через Жанена. Познакомиться с людьми, с учреждениями, с положением и техническим производством взяло много времени. Материал был обширный, и французы охотно и не скрывая давали свои объяснения и данные.

Положение одной из главной – тяжелой артиллерии – выяснялось постепенно. К этой области пришлось подступаться с большой осторожностью, ибо производство тяжелой артиллерии, в особенности новых 155 корпусных и 155 длинных было не вполне налажено и встретило затруднения, в недостатке стали и рук.

Французы с непонятным упорством держались за длинные пушки, но в 1916 году спохватились, и осознали, что без коротких пушек, которые по существу орудие атаки, справиться с противником будет трудно. С лета 1916 года они приступили к усиленному производству 155 корпусных, но быстрота производства, а затем и формирование батарей встречали затруднения. По их рапортам, к осени они могли закончить свой план, т. е. дать каждому корпусу не менее 2-х групп 155 корпусных и 2-х групп 105-мм длинных. Но не думаю, чтобы им это удалось.

Громадная заслуга французов, что они не побрезговали старьем. Все было взято, что возможно – усовершенствовано: в снаряде, в станках, – и старые орудия принесли стране неоцененную услугу. Совсем не то у нас. Мы все стремилась к лучшему, хотели все лучшее, забывая свое старые.

Французы нам дали 400 орудий [калибра] 9 сантиметров со снарядами, сначала гранаты, а когда заявили, то и шрапнель, и орудия эти преблагополучно лежали в Казани.

Не хочу критиковать нашу организационную деятельность в области артиллерии, в особенности тяжелой. Мало у меня фактов, но то, что знаю, что хаос и своеволие царствовали в этой области и в результате – орудия в стране были, а пользоваться ими было нельзя; кое-что было использовано, но в недостаточной степени.

Французы, сверх сего, маневрировали всею массой своей артиллерии и в этом отношении даже перешли границы благоразумия, как это было в последнем военном наступлении, когда нагромождение артиллерии в районе атаки было чрезмерное, а другие участки были обнажены. <…>

25-VI/6-VII-17. Пятница

При Главной Французской квартире состояло особое отделение военного агента, под начальством полковника Пац-Помарнацкого. Работали в нем два офицера французской службы: Мартин, Ижицкий и уоррент-офицер Виллье. Потом для наградных дел русских войск прикомандировали еще поручика Сатина. Пац-Помарнацкий находился в тесной связи со 2-м бюро Главной квартиры (контрразведка). Ежедневно в Главное управление Генерального штаба, а потом в Ставку, посылались телеграммы о перемещении немецких войск, и раза два в месяц сводки по сему, с теми сведениями, которые заимствовали из 2-го бюро. Это был телефон 2-го бюро французской Главной квартиры, и самостоятельного в этой работе было мало. Главные дельцы были упомянутые выше офицеры: аккуратные, добросовестные и дельные.

Приехав в Шантильи, я заходил к нашим знакомиться, что они делают, и с удовольствием мог им заявить, что работа их идет деловито и хорошо. Французских, английских и бельгийских армий отделение не касалось. В течение моего пребывания во Франции я видел как Мартин, Ижицкий и Виллье вели свою работу и вели ее прекрасно. Ежедневно 2-ое Бюро издавало Renseignement[13] и, кроме того, пересылало большой материал ее разведок и других работ. Много полезного для нас было в этих трудах. Кроме того, Главная квартира французского военного министерства издавала уставы, инструкции, правила по всем отделениям боевой службы.

Renseignements передавались в подлинниках с курьером в Россию. Не знаю, пользовались ли ими, или их кто-то прочитывал и клал на полку. Часть уставов и инструкций переводились, печатались и посылались в Россию. Но все это шло вяло и по-канцелярски.

Чтобы не путать вмешательством, я спрашивал через нашу Ставку, не нужны ли им сведения эти – отвечали уклончиво. Все же данные исходили за подписью Игнатьева, хотя посылал их из Главной квартиры. Игнатьев наезжал в Главную квартиру, проверял и уезжал, но зорко соблюдал свою самостоятельность.

Пац не отказывал мне в сведениях, но тяготился, и последние месяцы, когда наградные дела взял Бобриков и не показывался, я все получал от Мартина. Естественно, что отделение Пац должно было слиться с оперативной работой Представителя. Я об этом заявлял и просил, но разрешения не получал, и Игнатьев этому противился. Жаль, ему было с этим расстаться.

Теперь с приездом Занкевича это изменилось. Пац сделался помощником Игнатьева, а Кривенко взял это отделение и, вероятно, захватит и оперативную часть. <…>

Кривенко – способный офицер, даже трудолюбивый, но находившийся в странном положении. Жилинский мне его отрекомендовал дурно, как интригана и своевольного. Отношения у них были скверные. Кривенко я немного знал по Дальнему Востоку. В свое время он экзамен, в смысле характера, не выдержал. После японской войны он просил меня назначить его в Институт Восточных языков, что во Владивостоке, на четыре года, для изучения японского языка. Я это сделал. Но уже через год он просил послать его в Японию, ибо в Институте ничему научиться нельзя. Мне это было неприятно, что, взявшись за дело, он его не кончил, но так как Японией мы очень интересовались и всякий способный человек, а Кривенко был человек способный, то я согласился. Затем он где-то болтался и уже после меня попал в Академию, руководить обучающимися. В 1916 году встретился с ним в Париже. В самом Париже слышал мало хорошего. Путался с какой-то дамой, постоянно ездил в Париж, и даже под предлогом, что едет на фронт или в Клермон к генералу Фош; связан с Елисеевым и вместе кутят в Крилльоне (Hotel Crillon). Вероятно много было здесь преувеличенного, но что-то неладное было.

Жилинский к делам относился мудро. 4 дня он проводил в Париже, а 3 дня в Шантильи. Говорят, Жоффра это злило. При таких условиях и вся публика тащилась ежедневно в Париж со всеми ключами и делами.

С моим приездом это коренным образом изменилось, ибо, как состоящий при Главной квартире, я оставался в Шантильи и в Париж ездил только по делу и службе, возвращался к 7–8 ч. вечера и только изредка оставался там ночевать. Кривенко отпрашивался часто. Раньше он выпросил себе автомобиль и катался. Однако я должен сказать, что у Кривенко была большая способность разнюхивать, что делалось и предполагалось делать, и большая способность схватывать. Все, что Жилинский посылал, а посылал он много, творение Кривенко.

Кривенко составлял телеграммы, отдавал их, и затем не знал, что с ней делал Жилинский. Жилинский ее корректировал и отправлял за своей подписью.

Уезжая, Жилинский забрал все, и мне ничего не оставил. Это было неправильно по службе и не скажу, чтобы порядочно. Занкевичу я оставил все в порядке и подобранным и, кроме того, посвятил его, и устно и письменно, во все текущее. Я стал знакомиться один, и с помощью Кривенко. Он мог бы быть отличным помощником, но его парижские дела и привычка к

полной самостоятельности при Жилинском, где все делал он, хотя доверия ему не высказывали, стесняли меня и его.

Инцидент его с Панчулидзевым, где последний сказал ему дерзость, при всех младших, делали его положение не удобным, Наклевывалась Петроградская конференция, в которой он мог быть очень полезен, ибо положение во Франции ему было известно, и я рекомендовал его туда, но с тем, чтобы он больше не возвращался. Я рекомендовал его как способного офицера, но высказал, что лучше отозвать меня, а оставить его, но вместе мне будет трудно и я слишком стар, чтобы бороться с ним.

24-VI-17

В декабре было получено разрешение. Кривенко был ознакомлен со всеми нуждами и отправился в Петроград и Ставку для участия в Конференции. В январе получено было предложение назначить его командиром 2-го полка и его просьба о том же. По-моему, ему лучше было оставаться в России и, кроме того, мне казалось, что с его характером, с его делами в Париже, лучше во Францию ему не приезжать, но мешать этому не считал себя вправе, и я согласился.

Приехал он в марте. Совершилась революция. Приехал он с каким-то поручением и пристегнул к себе Елисеева, но уже в виде чиновника, который должен был числиться при военном агенте, но состоять при нем.

Все это устроилось при помощи военного министра Беляева, которому Елисеев был родственником. Приехал Кривенко, чтобы принять полк, а приказа и разрешения не было, и жил себе в Париже.

Я несколько раз телеграфировал, указывая на ненормальность, и даже на оскорбительное положение Кривенко, гуляющего в Париже. Но он не гулял, а себя устраивал. Из Петрограда уже в мае вдруг поступила телеграмма, в которой говорилось, что генерал Петен просит назначить Кривенко, как связь с французским Генеральным штабом. Но когда поступила телеграмма, Петен уже был генералиссимусом и его место занял Фош. По справке оказалось, что Петен и не думал просить, а на просьбу Кривенко согласился, по просьбе не знаю кого. Я ответил, что Кривенко предназначен командовать полком. Дьяконов должен уйти, полковник Иванов, по словам Лохвицкого вреден и должен быть сменен, а полку нужен свежий командир. Что же касается назначения Кривенко к французам, то я прошу оставить это на разрешение Занкевича, который должен скоро приехать. Занкевич, по-видимому, приехал с готовыми решениями. Кривенко был назначен на место Пац-Помарнацкого, где он и пребывает. Как в начале знакомства, в 1906 году, он не выдержал экзамена, так и теперь, с полком, экзамена тоже не выдержал. В начале мая он как будто хотел ехать принимать полк. Но тогда, в следствии развала в этом полку дисциплины, я просил Дьяконова еще не сдавать полк, не переговорив совместно с Лохвицким, обсудить, хорошо ли это будет и не лучше ли Дьяконову временно оставаться. Нельзя было посылать Кривенко на очевидный скандал и даже убой.

Но его назначили в разведывательный отдел при Главной

квартире[83], и так как это совпало с переменою положения представителя Верховного командования[84], который был заменен председателем Временного правительства, то для Кривенко все устроилось к лучшему.

С французами он будет ладить, но будут ли они его уважать? Другой офицер при генерале Жилинском был ротмистр Панчулидзев. Странный, напыщенный, неуравновешенный человек. Избалованный матерью, он к своим почти 40 годам остался ребенком. Крикливый, шумливый, хвастливый, подчас льстивый, он приводил в ужас Нарышкина, Извольского и д'Аренберга, и когда в конце декабря он выкинул такую штуку, что должен был уйти, все вздохнули свободно и обрадовались зело. «Теперь, наконец, мы можем жить», – говорили мне, эти порядочные и воспитанные люди. Через несколько дней, после моего приезда, Панчулидзев подал мне рапорт об его отчислении. Я видел, что это вздор и написал на его рапорте, что для пользы службы не согласен. Он страшно возгордился. Причиной его рапорта было то, что 1-го ноября я поехал к генералу Жоффру не с ним; он же считал себя адъютантом, а я адъютанта при себе иметь не желал, а взял капитана д'Аренберга, который во всех поездках на фронт сопровождал Жилинского, и который неразлучно путешествовал со мною повсюду.

Панчулидзев дурил потом неоднократно, но после того, что он при всех обругал Кривенко и ему заявил, что он его презирает, я решил, что от него надо отделяться. Я сделал ему внушение и замечание полного несоответствия таких отношений к старшим, и предложил ему прекратить такие отношения. «Если прикажете, я это сделаю», – ответил он. «В таких вопросах не приказывают, – ответил я. – А делайте, как считаете своей честью». На следующий день за столом они уже были: на «ты» и друзья. Это меня покоробило и удивили.

Как служащий и исполнитель он был ничего, а что касается шифра, то работал скоро и хорошо.

В конце декабря я получил повеление ехать на конференцию в Рим. Пожелали этого французы и, по-видимому, Лиоте. Я взял с собой князя д'Аренберга и Извольского. В Риме я получил от Панчулидзева копию его телеграммы, посланной в Ставку, в которой он излагает, что он мною оскорблен и что унижен перед войсками, Главной квартирой и всей Францией, Италией и посольствами, что я взял не его, а французских офицеров, и просит его поэтому откомандировать. К этому он прибавил, что я уволил его дипломатически в отпуск. Действительно, в начале декабря, он просил для успокоения нервов, уволить его на две недели. Я дал ему отпуск, но предварительно просил его съездить

с Война-Панченко, не говорящему по-английски, на английский фронт. Никакой дипломатии не было, ибо в Рим я его никаким образом не взял бы. Нужны были указанные лица, которые могли быть мне там полезны, а не Панчулидзев. Вернувшись в Шантильи, получил от Гурко телеграмму, что нельзя насильно держать Панчулидзева, если он не желает. Так с ним расстались. Но когда это совершилось, настроение изменилось, и он уже превратился в просителя. Наглупив, он уже сожалел обо всем. Пристроил его к Игнатьеву. Но Панчулидзев в душе человеке злой.

К 31 декабря переехали в Бовэ, а в начале января Панчулидзев шифры сдал Нарышкину. Нарышкин дал ему расписку, что он все получил. 2 мая я был в Париже и вечером по телефону Извольский мне передал, что Нарышкин, которому нужно было расшифровать телеграмму, не нашел тряпки[14] 1–21 мая Betta bis. Все перерыли, все пересмотрели, а тряпки нет. Все остальное цело. Сейчас же об этом донес. Ключи хранились в небольшом чемодане и всегда были с Нарышкиным, и на ночь он переносил в свою спальню. Ключи из Бовэ и Компоен никуда не уходили, в отличие от прежнего его владельца, когда все это каталось еженедельно в Париж. Дома наши были – особняки, охраняемые жандармами; люди очень верные. Никто не входил, пропасть не могло, украсть тоже.

Тряпки лежали в конверте: вынималась нужная и затем вкладывалась. Betta bis существовала только для меня и Ставки. Пропажа или кража одной тряпки смысла не имела и ничего дать не могла. Наконец, это касалось только 1–21 мая. Если кому нужно было воспользоваться, надо было взять все, или все сфотографировать. Ни то, ни другое не могло иметь место у нас. Невероятно, чтобы ее сожгли с бумагами. Если допустить бы это, то сожгли бы мартовские или апрельские. Ее можно было потерять, но не за время январь – май. «Скажите, как Вы принимали ключи, пересчитали ли Вы все тряпки?» – спросил я Нарышкина. Он немного замялся: «Я, – ответил он, – дал расписку Панчулидзеву, что получил все. Я и отвечаю». Пришел Извольский, Нарышкин начал подсчет, но Панчулидзев ему обиженно сказал: «Неужели ты мне не веришь? Тут все в порядке и в целости». Нарышкин, по его благородству и деликатности, поверил и, прекратив счет, дал расписку. Я далек от мысли видеть в этом умысел, хотя некоторые высказывали и умысел. Но это было бы безмерно гадко по отношению к Нарышкину, а не ко мне. Мне это очень неприятно и часть ответственности лежит на мне. Но я ежедневно наблюдал и видел этот ключ и затем никогда дом не оставался пустым, а наблюдали: или Нарышкин

или Извольский. Возможно, что и Панчулидзев был уверен, что все в целости, но возможно, что и не все было в целости, и тряпка во время постоянных разъездов и переездов была им затеряна.

Князь д'Аренберг, Нарышкин, Извольский, все это были порядочные люди и джентльмены, и с ними жить и работать было одно удовольствие. Я верил им безусловно, ибо это были в корне порядочные и честные люди, и разлука с ними мне была очень тяжела.

Они были моими ближайшими сотрудниками. После Кривенко мне помогал Щелоков, а затем приехал Кока Бобриков. Хотя у Щелокова были странности и недостатки в воспитании, но это был способный к работе и знающий штабной офицер. Поступили с ним не справедливо, и его временная отставка у меня вызвала большую телеграммную переписку. Но, в конце концов, его оставили. Щелокова не следовало посылать во Францию и, в особенности с Лохвицким, который был с ним не искренен. На его несчастье он попал к Жилинскому, который его не любил по службе его в Ставке, и который настоял, чтобы его отчислили, и в формах не подходящих.

О Коке Бобрикове писать не буду. Назначили его не по моему выбору, но он хороший и честный мальчик. Говорю мальчик, ибо при мне он родился и на моих глазах рос. У него мало опыта, но много желания работать, и он мне помогал.

25 июня 1917

Я ничего не сказал о капитане французской службы д'Аренбере. Он призван был при мобилизации. До этого, он как человек независимый, стоял во главе автомобильного клуба и много работал по сельскому хозяйству. Очень моложавый, хотя ему было за 46 лет, он был чрезвычайно деятельный и отличался громадной способностью к работе. Воспитанный, спокойный, он являлся истинным джентльменом. Сжившись с русскими, он принимал горячо все наши интересы и был чрезвычайно полезен как во внутренней, нашей жизни, так и вообще. Все мои поездки я делал с ним, что было естественно, но что возбуждало на первых порах неудовольствие Панчулидзева, который считал себя личным адъютантом и полагал, что он должен сопровождать представителя.

За 6 месяцев переменилось 3 главнокомандующих: генерал Жоффр по 15 декабря 1916 года нового стиля; генерал Нивель и, наконец, в конце нашего апреля, генерал Петен.

Жоффр принял меня радушно и любезно. Я раньше с ним не был лично знаком, но вся его деятельность с начала войны в течение 2 лет и 4 месяцев создали ему положение исключительное, не только во Франции, но и во всем мире. Он не только остановил вторжение сильного и многочисленного врага, грозившего раздавить Францию, но преобразовал и преобразил французскую Армию и сделал ее сильной, дисциплинированной, превосходно обученной и подготовленной во всех отношениях. Этой заслуги ему страна не забудет.

Тяжелые бои до Марны, отступление выяснило многие слабые стороны в личном составе и в организации, а победа на Марне, дала Жоффру громадный авторитет ввести необходимые улучшения. Прежде всего, обращено было внимание на это, по водворению дисциплины во всех мелочах. Не останавливаясь перед жестокими мерами, Жоффру удалось водворить порядок, точность и дисциплину, которая сурово поддерживалась вплоть до его ухода. Это, на мой взгляд, громаднейшая заслуга, и Франция обязана Жоффру, что, несмотря на несоразмерность сил и средств, французская армия на своих плечах выдержала все удары и дала английской армии сформироваться, обучиться и сплотиться. Но прошло время, прошла опасность, все чувствовали себя спокойными в Париже за этой армией, которая прочно стояла на позициях и даже выказывала попытки атаковать противника, и началось то, что обыкновенно начинается в подобных случаях. Не все нравилось, хотелось скорей покончить с

врагом, забыв грозное время, казалось, что Жоффр не тот, что он заснул. С другой стороны, Жоффр, как солдат, не очень давал ходу, не очень-то давал вмешиваться гг. Парламентариям, которые лучше все видели и лучше старика Жоффра знали, как следует вести войну. Все это нарастало и накапливалось понемногу. <…>

За новым Главнокомандующим пошли перемены в Главной квартире и в Военном министерстве. Ушел почтенный Кастельно, старый мой знакомый, с 1908 года.

Появились генералы: Пон{85}, Гамелен. Образовались новые отделения, а через несколько дней все это вновь изменилось. [На] место Conseiller[15] Жоффра, возведенного в маршальское достоинство и назначен Нивель.

Пон остался, Гамелен, Бьетт ушли: первый – к Мишле, второй в Г. О. Е, переведенный в Париж к Лиоте.

Три недели томления, среди лиц и учреждений, которые должны были работать. Только к 20 декабря нового стиля все это немного успокоилось. Затем новый вопрос, о переходе в иное место Главной квартиры. Депутаты находили, что Шантильи – место слишком аристократическое и учреждения расположены роскошно. Но куда перевести такое большое учреждение, как вновь установить привычную связь? Говорили о Шато-Тьерри, о Ля Ферре и, наконец, перевели в Бовэ, который лежал в стороне и от Парижа находился в 72 км, а от фронта значительно дальше, чем Шантильи.

Лучшим местом было бы Ля Ферре на Марно, почти центрально, по отношению Главного фронта и ближе к Вогезам и к Мальи, и всего 57 км от Парижа. В начале января н. ст. переехали в холодный Бовэ и прожили там до конца нашего марта, и затем снова перебрались в Компьен, тоже близко от места, где велся главный удар.

Все эти передряги тоже мешали ходу работ. Но мне кажется, что гибельнее всего, все эти перемены отразились на тыловой работе, так как и там происходили не соответствующие перемены, и все главные военно-хозяйственные деятели просиживали в Палате и в Сенате, давая объяснения, отбиваясь от нападок и не зная, останутся ли на местах, или будут сменены. <…>

Во главе военного министерства стал Лиоте, наместник Марокко, человек с большой репутацией, и солдат. Вскоре, после его вступления, я был у него, у нас завязался продолжительный разговор о командовании вообще.

С уходом Жоффра спайка на западном фронте ослабла. Англичане с упрямым Робертсоном сами по себе, итальянцы сами

по себе. Жоффр своим авторитетом все это сдерживал, и с ним считались и ему, до известной степени, подчинялись. Во главе главной силы французской армии стали новые лица, и личные особенности руководителей давали себя чувствовать в том разногласии, которое выразилось в Риме и потом.

А в это самое время немецкое высшее управление, руководимое одной волей, действовало с большим успехом, разгромив Румынию, и готовилось воспользоваться разрозненным положением и состоянием умов своих противников. Я прямо и определенно заявил Лиоте, что такое положение не может продолжаться. Если нельзя объединить всех союзников, то объединение должно под той или другой формулой совершиться на западе, ибо сговориться с русским Управлением труда не представит. «Вы хватаете меня за горло! – закричал Лиоте. – Вы затрагиваете самый больной вопрос, и я с вами, не только согласен, но готов все сделать, чтобы подойти, хотя ближе к осуществлению этого важнейшего вопроса».

Поговорили, как это сделать. Соглашением, конференцией этого нельзя было сделать. Мне казалось, что в оперативном отношении это было бы достижимо, если объединение произошло бы в лице Нивеля, ибо французскому военному министру, как представителю французского правительства, ни английское, ни итальянское, ни бельгийское даже правительства, не подчинятся. Лиоте ведь был член Conseil de Guerre, составленного из французских министров.

К вопросу этому надо было в его осуществлению подойти очень осторожно, ибо малейший промах, малейшее проявление желания забрать оперативное управление в свои руки, встретило бы отпор в Робертсоне, мнящем себя великим стратегом, и в Кадорно, который тоже, и, добавлю, не без основания, считал себя не хуже других.

Кроме Италии, где вопросы военные являлись осуществлением компромисса Кадорно с правительством, в Англии и Франции мысль, что войну ведет правительство, а не высшее военное управление, которому доверена судьба страны, засела крепко. Провозгласителем ее был Асквит, а за ним пошли и французы.

Я нисколько не отрицаю, что войну ведет правительство, но если правительство – вся страна. Война ведется всеми силами и средствами страны, но не правительством. Последнее правит и направляет все силы и средства страны для удовлетворения целей войны, достижение коих передается высшей военной власти, ведущей операции, т. е. главнокомандующему и его органам. Правительство не может ни вести операции, ни вмешиваться в

действия главнокомандующего, раз оно ему доверяет. Не первого встречного назначают на такие должности. Еще гибельнее вмешательство палат. Пусть последние контролируют, избранное ими правительство, но пусть остерегаются заходить в область военную и оперативную, как это делается теперь здесь, и как это делалось со времени ухода Жоффра.

Условия ведения войны изменились, но природа и существо ее остались незыблемыми, и приемы и начала управления, естественно, должны остаться, чтобы тот орган, который управляет ей, мог бы подчинить ее единой воле и вести события, а не следовать за ними. Мы все кричим, как помочь Главнокомандующему, а на самом деле мы ставим его в тяжелое, невольное положение. Безграничного и совершенного на земле нет. Не может быть и безграничной власти, но в деятельности такого крупного деятеля, как главнокомандующий, не должно быть вмешательства извне, ни правительствами, ни политического влияния, ни общественных настроений. Разумно, трезво и с расчетом, вооруженного знанием и любовью к отечеству, он должен вести свое тяжелое дело, не оглядываясь в стороны, не смущаясь ничем, и думая только о благе отечества, которое вручило ему свои судьбы. Найти такого человека трудно, чаще невозможно. Таких людей государство должно готовить себе всем укладом своей государственной и военной жизни. Если оно не исполнило это, оно может рассчитывать на случаи. И чаще всего жестоко будет за это платить.

Лиоте, также как и я, горячо сознававший, что современная разрозненность может только повредить общему делу, принялся за осуществление этой необходимости. Нивель был того же мнения, и мне прямо сказал, что он считает это настолько важным, что готов подчиниться, если это понадобится в оперативном отношении, маршалу Хейгу.

Так как Хейг приглашал меня к себе, то поехал к нему и к Бельгийскому королю, и его новому начальнику штаба.

Наши разговоры вертелись все около этого вопроса, и мне приятно было, что и Хейг осознавал необходимость этого объединения, чтобы хотя бы на западном фронте противопоставить единству германского военного Управления такое же единство.

В свою очередь, и Нивель и Лиоте, насколько могли, и насколько им позволяло их положение, проводили то же. Я прямо сказал Хейгу: «Знаете ли Вы, что Нивель по вопросу, который мы с нами разбираем, выразился так, что, считая его чрезвычайно важным, он, если нужно, готов подчиниться Вам». Хейг на это возразил, со свойственной англичанам искренностью: «Зачем? Я

всегда готов подчиниться Нивелю!» Это человек решения (homme de décision). Казалось, все могло наладиться и опасность, на мой взгляд, крылась в Робертсоне.

Только благодаря Ллойд Джорджу, который хоть и штатский, но многое в нашем деле понимал разумно и просто, отношения между французским и английским командованием установились, если не в такой определенной форме, как следовало бы, но сносные. Все остальное дополнилось сознанием важности дела и личными качествами английских начальников и французов, вероятно и с Петеном дела идут довольно нормально.

Тяжелая война научила разумных англичан боевой войне, практически ознакомила их с ее потребностям и показала им, что отступать от этих начал безнаказанно нельзя. Вообще иметь дело с англичанами приятно. Я не говорю о Робертсоне. При всех его качествах, вероятно, он ими обладает, у него много отрицательных сторон Китченера – упрямство и известная узость, которая располагает его считать себя великим военный стратегом. Иметь с ними дело не легко. Хейг – джентльмен, кавалерист, с большим боевым опытом и с природным шотландским мужеством и спокойствием.

С Кадорно сговориться было труднее, но известное согласие между ним и Нивелем установилось, и выразилось итальянским наступлением, приведшим к очень большому результату, но приковавшим силы австрийцев к их фронту.

Хотел бы упомянуть об одном документе Лиоте – о его циркуляре, который несколько изменил положение Нивеля. Согласно январскому циркуляру, Лиоте поставил себя в положение не только руководителя Салоникского фронта, но и французскими операциями. Это было не правильно, ибо главные войска на французской территории, в оперативном отношении, военному Министру не подчинялись, а подчинялись военному Совету. Нивель отнесся к этому довольно добродушно: «С Лиоте мы сладим, у нас разногласий в существенном не будет; но если он уйдет, и вместо него будет новый военный министр, тогда созданное циркуляром положение более серьезно».

Недолго пришлось ждать. Лиоте неожиданно ушел и на его место стал Пенлеве. Как раз, незадолго до ухода Лиоте, я завтракал у него. Был март новым стилем. После завтрака разговорились. «Между прочим, – я ему сказал. – Я очень беспокоюсь ходом подготовки главной атаки, многое из того, что я знаю, мне кажется несоответственным и опасным». «Я тоже беспокоюсь многим, – ответил мне Лиоте. «Знаете что, приходите запросто пообедать, а после обеда с вами подробно поговорим и обсудим». Но нашему разговору не суждено было осуществиться,

через несколько дней он ушел. Но вернусь к Риму.

Коренной вопрос был – Салоникская армия. Раньше Гурко телеграфировал Кадорно в очень решительной, но, к сожалению, в наставительной форме. Суть заключалась в том, чтобы итальянцы сделали то, чего они не желали, т. е., чтобы усилили Салоникскую армию. Я телеграфировал и писал подробно, что усилить вообще Салоникскую армию представляет большие трудности, чтобы не сказать непреодолимые, и что Италия по политическим соображениям не захочет увеличить свои войска там.

Но мне не верили, хотя потом от того же Гурко получил письмо, что я был прав.

Салоникскую армию мы постоянно связывали с действиями нашей армии в стороне Болгарии и Валахии. И в этом была большая ошибка. По существу, нам действовать ни в сторону Болгарии, ни в сторону Валахии не следовало, отчасти как к действиям, идущим в разрезе нашим реальным политическим интересам, а затем, по природе и свойствам театра, не соответствующего для действий большими силами.

Я не хочу этим сказать, что это физически было невозможного, но исполнение операции требовало технической подготовки и столько времени и средств, какими мы не располагали.

От этого надлежало отмахнуться, а мы туда лезли, как в петлю: ослабляли себя там, где действовать могли и должны. Салоникский фронт был совершенно самостоятельный, и возможность угрожать и действовать определялась владением и развертыванием там сил, в районе Бабуны и к западу и востоку от нее. Мы же торчали на реке Серни и у Монастыря, командуемые противником.

27 июня 1917

Салоникская армия (сначала 1–5 английских, 2¾ французских, 6 сербских и 2 бригады венизилосцев{86} и условно 1½ итальянцев, всего 11–12 дивизий). В период переговоров в Риме шло усиление их до 7 английских, 8 французских. Сербы были ослаблены и представляли силу около 3 дивизий, и всего было: 7 английских, 8 французских, 3 сербских, 1 русский, 1 греческий и все та же 1½ дивизия итальянцев. Всего: 21–22 дивизии. Алексеев в ноябре требовал 35, Гурко тоже, в то время, когда английских было 6, а французских 6–5. Вся совокупность условий не допускала усиления этой армии до 35, но до 26–28 усилить ее можно было; но на первом плане, итальянцы, а затем Робертсон этого не желали.

По моим расчетам 25 дивизий легко могли бы справиться с главной задачей, которая легла на Салоникский фронт. Правда часть сил пришлось бы удалить на Грецию, но, доведя до 26–28 дивизий, и греческий инцидент и осуществление оперативных целей этой армии были возможны. Но я думаю, что, прежде всего, следовало поставить Саррайля в иные условия, а еще лучше, следовало заменить другим. Вот в этом последнем и большая загвоздка, чисто партийная. Социалистический парламент в среде представителей этой политической группы поддерживал Саррайля. Мог ли он по своим качествам сделать, что следовало? На этот вопрос, естественно, очень трудно ответить. Теперь можно сказать, что он, несмотря на большие средства, ничего не сделал, а исходя из этого, ответ логический, что те, кто его знали, должны были его убрать. Англичане, русские и итальянцы только и думали, чтобы его взяли, а французы (правительство) его не трогало и не трогает.

27-VI-17

По приезду в Париж, мне пришлось прозондировать почву о Саррайле. Сочувствия к нему главной квартиры я не увидел, но в Париже его акции стояли, понятно, высоко, что и думать нечего было о каких-либо переменах. Его поддерживал Парламент, который уже готов был открыть кампанию против Бриана и Жоффра. Я так и телеграфировал. Сам по себе Саррайль красивый, немолодой и статный генерал. И дело знает, но что-то такое в нем, не искреннее. Мне он показался человеком не с сильным характером.

Римская конференция была преимущественно конференция правителей и дипломатов. Хотя на первом заседании и мы, военные, сидели за общим столом, но после непродолжительных разговоров, в которых Саррайль и английский генерал изъясняли положение и ход разоружения Греции, штатский элемент ушел особо и продолжал свои обсуждения особо, а мы, военные, заседали тоже особо.

Говорили мы, пожалуй, немало, но, в сущности, напрасно. Кадорно говорил с Робертсоном, и дело свелось к тому, что нельзя усилить Салоникскую армию, что никакого усиления она не получила и все ограничилось помощью Италии в постройке дороги от Адриатического моря к стороне Македонии.

Лиоте думал их переубедить, но напрасно. Робертсон твердил свое, что Балканский фронт, совершенно второстепенный, а Кадорно указывал на опасность, угрожавшую Италии от немцев, и решительно отказался довести 1½ итальянские дивизии до 3-х, как это было обещано в ноябре, на свидании его с Жоффром. Лиоте и я, мы остались при одном мнении, Кадорно и Робертсон, при своем. Остальные вопросы были решены уже штатскими, и благодаря Бриану и Ллойд Джорджу, командный вопрос получил правильное разрешение, и английские и итальянские войска на Салоникском фронте были подчинены Саррайлю настолько, что он мог их не просить, а мог приказывать. На меня, военного, наше собрание произвело впечатление полной необъединенности интересов и стремление каждого идти только по своей дорожке, не думая об общем.

Но значение – в общем – Салоникского фронта? Имел ли он право на существование и разумны ли были те жертвы, которые несли и должны были вперед нести Салоники, ради его существования? Был ли этот фронт затеей, или нечто серьезное и важное, что должно было влиять на ход и исход борьбы?

29-VI/11-VII-17. Париж

Поражение Сербии и Черногории и отступление остатков армий через Эпир в Грецию, создали необходимость создания заслона для обеспечения выхода в Эгейское море через Салоники. Понемногу, вместо Сербии и Черногории создался интернациональный фронт из французских, английских, затем русских, сербских и, наконец, итальянских и греческих войск.

Все это росло постоянно с потугами, после обмена многочисленных телеграмм, иногда весьма заковыристых, как бывает, когда один что-либо хочет, а другой этого не желает.

Алексеев очень горячо стоял за создание сильного фронта, задолго до выступления Румынии. С выступлением Румынии значение фронта еще больше усилилось. Очень много умных и не умных мыслей было высказано в доказательство необходимости положить предел проникновению германского влияния в Малую Азию, пресечение связи с Константинополем и т. п. Никого это не убеждало, и в особенности Италию и Англию, и только когда переходили на резкости, чтобы не сказать грубости, то нехотя плелись. Все зависело от значения воюющих сторон. Так как до 15 и 16 годов значение России и Франции было преобладающим, то понемногу фронт все усиливался, и когда случилась румынская разруха, то Робертсон и Кадорно уже ставили вопросе так: так как усилить Салоникский фронт по техническим условиям нельзя, а главный фронт – западный (для Кадорно Итальянский), то надлежит не усиливать Салоникский фронт, а наоборот, его надо ослабить и отойти на собственные, Салоникские позиции. По отношению, собственно, Салоникской позиции, это было логично. Если нельзя, так нельзя. Но само слово нельзя – было очень спорно.

Еще в ноябре Робертсон, со свойственным ему не красноречием, все тыкал всем, что западный фронт важнейший и решающий, никто с ним не спорил, ибо бесспорно решающий фронт и по своему значению, и по сосредоточению в нем средств и интересов, западный был важнейший. Он мог быть и решающим, но мог и не быть.

Наш фронт тоже важнейший; но решающим наши союзники его не признавали. Такие обобщения допустимы в обыденной жизни и в обыденном деле, но признать их безусловно верными понятно, нельзя. <…>

Вся 3-х летняя война дала нам яркие доказательства не только импотенции военной мысли, сколько импотенции в исполнении. По-крайней мере у нас все являлось сложным,

трудным до невозможности, кроме одного – отдачи приказа об атаке, когда без всякой надежды на успех гибли и калечились сотни тысяч. Осуществление моей мысли требовало больших средств и времени. Содействие англичан, французов и итальянцев должно было выразиться не менее 8 дивизиями, не считая войск для обеспечения Египта и Месопотамии. Ее нельзя было открыть ранее 1 июля, когда 2-ая армия основательно втянулась в район Евфрата к северу от Диарбекира. Все это касается исполнения, а все это было в руках человеческих.

Я даже думаю, что ни Брусиловское наступление, ни Соммская операция не пострадали бы, назначение и успех в Малой Азии, взятие Эрдзинджана было дополнено угрозою Алеппо.

Наши августовские неудачи в районе Киги-Огнота, просто результат дурного управления со стороны Юденича, а не потому, что обстановка для нас сделалась неблагоприятной. Но операция эта была отвергнута и Китченером и, как кажется и здесь, и не думаю, что когда-либо к ней бы вернулись. Никак не могу постигнуть, что делается на Кавказе. Отдельные слухи из газет, позволяют думать, что там более неладно, чем на западном нашем фронте.

Но я отвлекся от Салоникского фронта.

По мере его роста армия эта немного расширяла свой район и в ноябре овладела (сербы) Монастырем. Это было хорошо и важно, но так как затем все размельчалось, то последствия выразились лишь в необходимости большого его усиления.

5/18-VII-17

Выступление Болгарии в союзе с Центральными державами, очень резко изменило равновесие борющихся лагерей и не в пользу согласия. Можно ли было это предвидеть, возможно ли было, устранить это выступление, это вопрос теперь праздный. Необходимо было парализовать значение этого выступления. Сербия и Черногория были разгромлены, Дарданелльская операция потерпела фиаско, Греция вела даже не двойную, а открытую игру в пользу наших врагов.

Очищение всего Балканского полуострова, вместе с Салониками было бы громадной военной и политической победой Центральных держав, освободило бы несколько сотен тысяч войск, и ввела бы Румынию в цикл центральных держав, и обратила бы Средиземное море в почти немецкое. При таких условиях 6/19-VII-17 удержание Салоников для наших союзников являлось делом чрезвычайно важным. И для нас, для всего нашего юга, в частности, и общего нашего фронта такая политическая обстановка, с военной точки зрения грозила бедствием. Не только Салоники, но важные направления к Дунаю и Болгарии и разъединение наших врагов, требовалось самой очевидностью.

К сожалению, ряд частностей временами брали верх, и так как Салоники были далеко, и притом никому из союзников не принадлежали, а принадлежали Греции, то военное и политическое значение этого района и фронта серьезно оценено не было. Наружу выступили одни трудности, которые с развитием подводной войны все увеличивались. Затем при обсуждении положения, всегда рассматривалось с точки зрения частностей, что для массы и для данной минуты было понятнее. Этим я объясняю себе те колебания, которые с 1915 года имели место и имеют в настоящее время настолько, что англичане уже убрали 2 дивизии. Итальянцы, кроме 2 дивизий ничего не дали, и французы рады были бы оттуда убраться.

Когда же стремление к сокращению осуществится, греческие войска, на которые рассчитывают, окажутся неспособными и занятие германо-болгарами Салоник осуществится, исправить испорченное окажется невозможным, важность фронта предстанет во всей наготе и вопль подымется неистовый. Но делу это не поможет. Я, однако, надеюсь, что до этого не дойдет.

8/21 июля здесь соберется международная конференция, в том числе военная, для обсуждения Салоникских дел, и вообще военного и общего положения на всем фронте. Я раза два был в

канцелярии моего заместителя. Он меня не замечает и со мною не разговаривает. Больше туда не пойду. Думал, что он человек все-таки воспитанный, к сожалению, он прав, сказав, что за свое пребывание за границей, он потерял стыд. Сказано было это по поводу нашего разговора о поведении наших солдат, главным образом, 1-й бригады и находящихся в госпиталях. Я заявил ему, что все, что делается, ужасно стыдно. Меня он успокаивал: «Знаете, я за свою службу за границей, потерял стыд»… Ну что ответить на такое признание? Может быть, это поможет ему успевать в службе? Таких, правда, не говорящих об этом так откровенно, я в своей жизни видел не малое число. Но жаль, что Временное правительство и интересы России будет представлять такое лицо, которое не чувствительно к этому чувству. Приглашен и генерал Занкевич. Надеюсь, что он до конференции переговорит с генералом Дитерихсом{87}, который приехал с Салоникского фронта и хорошо знаком с условиями здесь, и который командовал бригадой на Салоникском фронте в течение 10 месяцев; и до этого в течении года был генералом квартиры юго-западного фронта. Он Занкевичу поможет разобраться в очень сложных условиях этого фронта. Генерал Дитерихс человек основательный и знающий.

Но перейдем к Салоникскому фронту.

Закрывая доступ к Эгейскому морю, удерживая на себе болгарскую и часть турецкой армии, не говоря о германских и австрийских контингентах, фронт этот является частью общего, имеющего целью закрепить кольцо центральных держав. Ослабляя его, в худшем случае открывая, что в настоящее время с принудительным присоединением к нам Греции и не возможно, мы освободим у противника более чем ½ млн. войск и предоставим ему обширные плодородные пространства для пропитания и свободу маневра.

В оперативном отношении, мы только с этой стороны существенно можем грозить Болгарии и части Турции; мы можем, в крайнем случае, подать руку русско-румынам и, совершенно отрезав Болгарию и Турцию от источников их боевого питания, затруднить их борьбу, в особенности, если кавказская армия проявит свою жизнь.

Но для этого уже здесь армия, которая способна была бы к действиям, и военачальника, способного для действия. Факты указывают, что этих данных не было, и их нет.

За все время при больших средствах она не могла даже достигнуть того положения, которое позволило бы проявиться. Она не могла овладеть районом Бабуно-Кривапак и западнее Бабуны; откуда она своим положением могла существенно

грозить и на восток, и на север, и к северо-западу. Армия эта, как наша Кавказская, обречена на какое-то бессилие. Обеими мало как-то интересуются и говорят о них, когда становится плохо, но больше, как об организации, которую лучше всего было бы сократить. Но в то же время чувствуется, что эту армию сократить нельзя, и она продолжает влачить свое жалкое сосуществование. Посмотрим, что скажет международная конференция 25 июля.

Робертсон будет предлагать ее уничтожение, на голову англичан же. Вероятно, французы будут спорить, но сдадут, Италия будет заодно с Робертсоном. Занкевич будет говорить (я так думаю) о нашем наступлении и необходимости оставлении армии, ибо, кажется ему это сказано. Как отнесется к этому Греция – не вижу. Мудрые представители государств и армий к какому-нибудь решению придут. Здесь энергия ослабла, теперь вся надежда на Америку. Но если Америка к ноябрю и даст кое-что, сколько не знаю, то значение этой помощи не велико.

Мы видим, что с обеих сторон употребление чрезвычайных сил и средств, приводят к ничтожным, сравнительно местным результатам. Но если результаты в одном районе были бы более существенные, то громадность протяжения фронта парализуют местные условия. При германской подготовке в тылу, борьба может продолжаться до тех пор, пока это захотят немцы. Пока Германия едина, раздавить ее с запада нельзя, по крайней мере, я этого себе не представляю. Дать битву в чистом поле немцы не допустят и отойдут на укрепленные позиции.

С конца 1916 года французы и англичане, в особенности же французы мечтали о маневре, но, в конце концов, Мишле своей подготовкой не только лишил свободы маневрировать, но лишился и свободы решения, – поставив страну и всю войну в опасное положение. Одно дало союзникам нашим большой плюс – это то, что они атаковали и этим связали немцев, которые теперь как будто от них и развязываются, мне кажется, что весь ход мая, июня, а теперь и июля идет к тому, что почин снова перейдет к нашим врагам. <…>

В начале войны, в 1914 г. я высказал мысль, что Германия будет побеждена, когда это захочет народ, т. е. когда он восстанет против власти. Теперь, после 4½ месяцев со дня революции и на основании всего пережитого я думаю, что германский народ никогда не восстанет, а после нашей революции тем более, и я думаю, что очень ошибаются у нас, что наша революция даст толчок к народным движениям в Германии. В Австрии, может быть, но не в Германии, и именно та среда, рабочие, которых так много в Германии, на которых мы рассчитываем, этого не сделают, по мотивам и причина материальным.

Победа Германии – улучшение положения рабочего, а вместе с тем улучшение социального положения трудящихся классов. И это немцы сознают ясно. Что касается абсолютизма правящих классов, то беспримерная война эта, с ее необъятными жертвами, должна привести к ассимиляции их со всем народом и их нуждами. Победы прежних кабинетных войн могли усилить абсолютизм, но не борьба народов. Не сомневаюсь, что и аграрии должны будут понизить свои притязания, а равно и юнкера. Поражение Германии на полях сражения будет иметь последствием и поражение в области экономической, столь тесно связанной с рабочим населением. В этом сознании и их сила. Мы, как будто идем иным путем, в выражениях тех, которые стремятся к миру, во что бы то ни стало, чувствуют эту потребность в настоящем, не думая о будущем и забыв, что есть государство.

Обсуждая во всей совокупности вопрос борьбы, я сказал, что Германия будет сломлена, когда в армию падут семена брожения, но имеем ли мы право на это рассчитывать? В народе местами они могут проявиться, но пока стоять будет армия – семена эти всходов не дадут.

Я глубоко убежден, что только в возрождении нашей армии лежит разгадка успехов конца войны. Не станет она на ноги – заключен будет, в конце концов, мир, за который расплатится Россия и землями, и экономической судьбой и отчасти политическим рабством.

9/22 июля 1917 г

Было бы странно, оценивая частный фронт, каким является Салоникский и другие, давать ему то же значение, как западному и восточному. В такой же степени неправильно, указывая на решающее значение обоих фронтов приходить к выводу, что так как Салоникский фронт не главный, то надлежит все, что есть, посылать на главный.

Вопрос о распределении сил решается планом войны, и вытекающими из него необходимостями, и вызываемыми обстановкой операциями. Но такого плана не было, и теперь его нет. Есть мнения, предположения, которые в большей мере отвечают политическим настроениям данной эпохи, но нет общего плана, связанного одной идеей и намечающего последовательность исполнения.

В настоящее время, здесь мы перед началом какого то большого общего наступления на западном фронте. Как и раньше об этом говорят по секрету и те, которые могут это знать, и те, которые не должны были это знать. Возможно, что и Италия войдет в цикл этого наступления, и мы вероятно обещали. Лучше наступать, чем стоять, но, к сожалению, ни Франция, ни англичане не докончили того, что было начато прежде, и не прочно стоят на занятых им местах, настолько, чтобы позволить себе роскошь решительного наступления в большой массе. Наступление, прислушиваясь к рассказу, должно выразиться: главное – к стороне Фландрии и вспомогательное, от района Вердена. Главные силы, как будто собираются на северном направлении. Протяжение фронта атаки на север обширнее. У меня нет точных данных, но, зная линии англичан и французов и распределение последних, и не указывая на цифры, постараюсь делать свои выводы.

11/24-VII-17

Если сравнить силы, которые могут быть сосредоточены для действий из района Вердена в район атаки с тем, что подготовлено было французами к апрелю в Лаон-Реймском районе, то они значительно меньше, значит, они преследуют менее обширные и решительные цели. Сосредоточить в этом районе большие артиллерийские средства они за это короткое время не смогут.

Но допустим, что на месте были большие артиллерийские средства, и пришлось лишь увеличить 155 корпусные, и что средства эти будут достаточны, чтобы прорвать расположение и затем использовать успех. На сколько, сказать трудно, ибо намеченный район имеет два резких и обособленных направлений. По общему ходу операции направление действий может быть только одно, и я на нем останавливаюсь, не называя его, ибо если будет выбрано другое, то, на мой взгляд, это будет с таким противником, как немцы, легкомысленно. Я не обозначаю его, просто из-за осторожности. Направление английской группы мне менее ясно, но во всяком случая она Севернее Лейса. По составу и участию в ней сильной французской группы, она очевидно, главная. Но английские силы не безграничны и усиленные даже французами они не могут значительно превосходить силы, собираемые для французского направления.

Между направлениями этих атак громадное протяжение, следовательно, громадный фронт англо-французских сил обречен, или держаться пассивно, или воспринимать немецкие удары, при чем через это протяжение проходят главнейшие и кратчайшие пути к Парижу. Всякая неустойка здесь компрометирует успех там. Я не отрицаю, что при современной войне прорыв фронта использовать можно широко. Но для этого взаимная работа ударных направлений должна быть согласована более тесно, и во взаимной связи.

Этот план, говорят, им предложенный английским Генеральным штабом, отличается противоположными признаками, напоминающими погоню за двумя зайцами. При успехе даже на обоих направлениях, районы наступления так отдалены, что взаимное их влияние будет слабое, и операция вслед за первым успехом распадется на две части, без взаимопомощи. И будут большие потери, а как результат, ни то, ни се. Это в лучшем случае.

Не могу постигнуть, что мешает прийти к более простым, но совместным действиям, к направлению, ближе отвечающему и

расположению противника, и естественным условиям местности. Долина Уаз и Самбре были главными артериями вторжения. Обратный путь лежит в этом же направлении.

Это не значит, что французы от Лафере и Ст. Кентэн должны переть на N W, но достигнуть рядом сложных операций района, где Уаза и Самбре сближаются и соединяются каналами, ухватиться за западные отроги Арденн с юга, и решительно нажимая на север, не на Лилль, а мимо Лилля к востоку, употребив на это сближенные, а не разъединенные силы англо-французов, – это, по моему мнению, в конце концов, в случае успеха, изменило бы все положение.

На мой взгляд, усилия англичан должны были быть направлены к северу, на направлении Аррас-Камбре и соединенными усилиями англо-французов южнее Хаврикурского леса на Каттелэ в NW при содействии Лаонского фронта и от Шампани.

В этих условиях попытки немцев по левому берегу Маас на Верден были бы парализованы. Действия Лаон-Шампань удерживали бы германские силы на этом фронте. Есть трудности: форсирование Ст. Кентэнского канала и дальнейшее продвижение, имея канал позади себя. Но везде трудности большие. Я записываю эти мысли, будучи ориентированным, как говорят, на лету, несколькими брошенными словами людьми, знающими, в общем, и даже в частности, но не вникающими, в суть дела. Для них важно одно, что будет наступление. Каземат и Калифорния, столь важные для обладания Шмен-де-Дам, но вместе с тем они сами стягивают силы в указанные районы. Очень важно выяснить, кто раньше это начал. Ко времени моего отъезда для лечения, т. е. начала июня новым стилем уже были признаки некоторого усилия немцев во Фландрии и в районе Мааса.

Если за ними потянулись союзники и план атаки выработан на этой данной, то могу их поздравить – почин перешел в руки нашего врага. Это не благоприятно. Усиленные атаки немцев против Шмен-де-Дам, это обычный немецкий прием, скрыть свои действия и приковать силы противника там, где им нужно. Всегда подобные атаки у них отличались большим остервенением и почти всегда они давали им то, что им в данное время было нужно. Где определенная цель, там высшее немецкое командование никогда перед потерями не останавливается.

Сильного врага мы имеем перед собой. Сильного единством, проведенного сверху вниз, сильного сознанием и чувством, что он жертвует собой для отечества. И это чувство привито ему поколениями в семье и школе, жизни. Сильного своей войсковой дисциплиной, в формах резких, грубых, но последовательных.

Нам такая дисциплина, исключительно основанная на Drillen[16] мирного и военного времени, не по натуре.

Русский человек иного склада и души, и дисциплину нужно достигать иными путями. Строгостью, но справедливостью. Это последнее глубоко сидит в душе русского человека, он все перетерпит, но лишь был бы справедливо, заботливо. Но чтобы успешно воевать с противником, у которого порядок проявляется повсюду, который считает своим долгом исполнить на глазах и вне надзора, что приказано и положено (немцы называют это Pflichttreue[17]), надо противопоставить ему те же свойства. Немец храбр, в общем, послушен, но наш, в единицах и в массах, храбрее, самоотверженнее и до сих пор был послушнее. Перед нами факты, что он может исполнить то, чего современный культурный человек, в массе, не может исполнить, но мы этой особенностью как-то не пользуемся.

Страшный порыв всегда приводит к внешнему расстройству, продолжительное пребывание в котором всегда гибельно. Несовершенное управление упускает эти психологические особенности, и мы берем то, чего ни одна армия не взяла бы, но потом, несмотря на присущее русскому человеку упорство, сдаем, в то время, когда у других мы видим, что взятое они отдают не скоро, ибо более совершенное управление быстро создает и порядок и организацию, которые позволяют людям упорно держаться.

Вся сила управления покоилась у нас на офицерах. Без них, хороши ли они или нет, наш простолюдин не справлялся и терялся в этом ужасном хаосе. Теперь же их нет, и эта опора в страдные годы исчезла, ибо к ним подорвано доверие, отнята власть и офицер теперь несчастное, безвластное, в глазах массы солдат бесправное существо.

Как мы победим, как мы удержим врага без этого главного элемента войска? Они в патриотическом воодушевлении и невыразимой скорби гибнут рядовыми борцами. Кому это выгодно?

Государству? Нет. Государство заботилось и тратило на них, создавая корпус офицеров. И если армия без офицеров не организм, то ведь и государство без армии беспомощно защитить себя, поддержать достоинство и свою собственную власть. Или нужен поворот к восстановлению офицеров армии – или отказаться от борьбы, ибо не честно вести народ на бойню без надежды на успех. Не армия только борется, а все государство во всей его совокупности. Если теперешний офицер не годен, но ведь он за последние дни дал поразительные доказательства своего самопожертвования, то для защиты Отечества обратить их

всех в солдат, а солдат сделайте офицерами до высших ступеней, это было бы логично, но было бы это полезно государству?

Залцабаден Швеция 4 /17 [августа] пятница 1917 г

В надежде захватить пароход 31 июля мы выехали через Булонь в Лондон и 1 августа туда прибыли. Однако выехать из Лондона удалось лишь 8 августа нового стиля наша, граница была закрыта. Норвегия и Швеция чинили затруднения и при малейшей неосторожности грозили, что могут интернировать. Так думало наше дипломатическое морское и военное представительства. Бедное офицерство и я должны были бросать свое военное платье, оружие и кое-какие покупки, сделанные офицерами в Париже и Лондоне. На самом деле, никто в Швеции и Норвегии паспорта не смотрел и в сундуки не заглядывал. Строгости были в Англии, но в виде процеживания лиц. Что станет с нашими военными вещами неизвестно. Возможно, потонут или пропадут, и все из-за того, что толком не могут сговориться, и толком подумать о нуждах своих соотечественников.

В Стокгольм приехали через 12 дней, везде останавливались, везде переплачивали большие деньги, вместо того чтобы проделать путь в 7–6 дней и не тратить деньги, проезд до Стокгольма обошелся свыше 2200 франков. Лондон дорог, но Стокгольм, Скандинавские государства еще дороже, в особенности с их высоким курсом, по сравнению с фунтами, франками и рублями. Дорога меня разбила и утомила. В 66 лет на такую эскападу идут поневоле. Благоразумие говорило, что надо остаться во Франции, но чувство и сознание, что долг русского в переживаемые минуты стремиться домой, побудило меня ехать. Тяжело сознавать, что мы, старики, являясь как бы пережитком старого режима, будем встречены недружелюбно, а может быть, враждебно. Я поехал, предложив себя в распоряжение Временного правительства. Но чувствую, что, вероятно, никому не буду нужен. По крайней мере, буду дома, и со всеми буду делить то, что переносят другие. А может быть, в состоянии буду поработать, как укажут и сколько хватит сил.

Я думаю, подавляющее число моего положения и возраста думают об одном, чтобы на фронте Россия сражалась бы успешно, а внутри установилась бы спокойная, нормальная и свободная жизнь всех граждан. Не думаю, чтобы кто-либо стремился бы к какой-нибудь контрреволюции, а к монархической в особенности. Что было, то прошло, и стремиться теперь к его возврату силой, было бы преступно и бездумно. Россия должна скорее устроиться,

скорей прийти в себя, чтобы производительная ее жизнь могла бы проявиться с удвоенной энергией, иначе мы падем под гнетом экономических бед и невзгод, которые своим влиянием даже ужаснее войны.

18 августа н. с

Дороговизна в Скандинавских государствах превосходит английскую. Мало хлеба, еще меньше угля. В Швеции проданы Германии лошади. Думают, что при желании Швеция не в состоянии быть нашим врагом.

Да, если эти сведения проверены и фактически Швеция истощена материалами, хотя богата деньгами, и боевая ее способность значительно умалилась. Стремление к миру и здесь велико, внутренние затруднения выражаются местными неудовольствиями и даже беспорядками (Боден). И это в стране, где законность и порядок явление отличительное.

Среди воюющих борьба идет на фронте; брожение неприязненное своему правительству идет внутри.

Причины этого последнего явления общие не для одной только Швеции, но и для борющихся: дороговизна, недостаток в привычных предметах, и в самом необходимом: хлебе, топливе. Ряд принудительных мер и стеснений, разорение одних и безумное обогащение среди промышленников и части аферистов, а у нас банков, поголовный вызов людей в ряды армий и рядом уклонение от службы более влиятельны классов, тяжкие потери среди мужей и сыновей населения и новые жертвы для продолжения войны. Где, как в Германии, взялись за ум с той минуты, как стало ясно, что война затянется, там со сравнительно малыми средствами достигнуто очень много, а где, как у нас, только к концу 3-го года пришли к заключению необходимости урегулировать питание, там со средствами, с громадными ресурсами хлеба дожили до голода. Однако существо вопроса обеспечения населения от всех тягостей войны кроется в общем порядке и в успешной эксплуатации железных дорог и водных путей. Мы начали с того, что расстроили железные дороги и не пользовались разумно водными путями. Военные несчастья в 1915 году, эвакуация областей с движением беженцев, совершенно надломили наши железные дороги. Мои предупреждения в мае, июне и, наконец, в июле и августе 1915 г., когда лавина беженцев и эвакуируемых с запада и грузов надвигалась на Россию, никого не убедила.

В августе и в сентябре 1915 года по всей России к востоку от меридиана Калуги движение это уже совершалось по указке начальников станций и семафорам. Это был первый приступ к анархизму на железных дорогах. Москва была забита, очередь была за Петроградом и другими серьезными узлами. В Москве и Петрограде поднялся шум, пока не приняли меры, но и эти последние были наполовину. Особые совещания Государственного Совета{88} и Государственной Думы, позванные на помощь правительством, стояли на отвлеченных началах и все спорили, что лучше – единство управления всеми железными дорогами или отдельное управление железной дороги в военной зоне и в стране.

Не знакомые с условиями военной эксплуатации в военное время, совещания пришли к выводу, что надо объединить все в руках М.П.С.{89} тогда только что назначенного Трепова{90}, который с этими вопросами и делами был совершенно не знаком. Трепов обещал, что через месяц все устроится, и тоже стоял за объединение распоряжения всеми железными дорогами в его

лице. А Ставка все это отвергла.

Незнакомство со службой железных дорог людей, обсуждавших и решавших организацию работ их, было неосновательное, и ссылки их на организацию этой службы заграницей, были в такой же степени ошибочные. Панацею зла искали в декларации, и горе лежало в том, что ни среди военных, ни невоенных людей, знающих, а главное умеющих эксплуатировать железные дороги в трудное военное время, не было. Военные путали, но от них не отставали инженеры. Но сверх сего, как в военной зоне, так и в имперской, царствовало своеволие наверху, так и внизу, дисциплина службы была расшатана, и прежде всего, надо было восстановить ее.

В ноябре и декабре, следя за французскими железными дорогами и за их узлами, я заметил, что у них тоже неладно. Но французы, если не справились с этим злом, то все-таки его урегулировали. Но на беду пришли морозы, заморозившие каналы на два месяца, и сверх сего значительная часть колей севера с подвижным составом пришлось отдать англичанам. Туго было, и до сих пор французские железные дороги относительно не в порядке, и это влияет на жизнь. И в Германии, несмотря на налаженность военного движения, тоже затруднения, и перевоз первых материалов встречает большие затруднения. Положение этого дела в Австрии не известно, но думаю, что оно между французским и нашим. Все эти условия, с выше перечисленными, порождают нужду, недовольство и злобу.

Германия решила вопрос, как военная держава, поглотив своих союзников, и с точки зрения успешности ведения войны, она была права и пожинает плоды мудрого своего решения. Мы же подойти к этому не можем. Если взять период, когда Германия громила Румынию, до и после него, то, с одной стороны, мы увидели действия, с другой стороны бесконечные разговоры о том, что делать. Но воз стоит все там, и этим объясняю себе ход новой англо-французской операции, которой не сочувствую, и которая не сулит нам результатов. Она, говорят, была в замысле, но света Божьего не увидела.

Прав был Клаузевиц, когда выразился, что на войне все просто, но простое трудно. <…>

22 августа

Санаторий. С 7–8 силы совсем меня оставили. Я на время переехал в санаторий, живя в гостинице, я не мог бы лечиться. Сегодня, как будто легче. Беру ванны, мне массируют плечо, должны были массировать вокруг сердца, но, слава Богу, этого не делают и принимаю какую-то сладкую жидкость, думаю, что к 29-му подбодрюсь и мы поедем дальше. Приезжающие рассказывают о жизни в Петрограде, ужасы. Все-таки живут там, вероятно дорого, но живут.

Не знаю, хватит ли моих сил, чтобы устроить возможность жить! Надежды на то, что пригласят служить, по-моему, никакой. Служить по земству желал бы, но это сомнительно. Кто же выберет человека, которому минуло 66 лет. Охотнее всего я переехал бы в свое маленькое поместье, и вел бы свое маленькое хозяйство, но возможно ли будете жить там с течением современной сельской жизни? 10 месяцев, что был вне России, и как теперь наша жизнь, не знаю. На старости создалось положение, скажу безвыходное (ибо таким оно представляется отсюда). Без сомнения дома предстоят лишения, но и вне тоже. Надо положиться на волю Божью, через 5–6 дней я уеду. Закончу свое лечение, немного, может быть, восстановил свои силы. За это время, надеюсь от Дитерихса получить известие, оформлен ли вопрос об отставке и угодно ли будет Временному правительству распорядиться мной. В последнем случае я немедленно отправлюсь. Если моя служебная деятельность должна кончиться, то остается общественная работа, хотя и для нее, я думаю, стар, а главное, я не знаком с ней.

Мои мысли, и мои симпатии тянут меня к крестьянству. С ними я жил, их знаю, и никогда у нас с ними не было недоразумения и разногласия.

Наш крестьянин и его уклад обособленный. Его хотят вырвать из этой обособленности, но не думаю, чтобы он этого желал. Как ни мелки крестьянские интересы по их размерам, но они, в то же время, очень сложны, по их бытовому укладу, и не могут уместиться в общегражданские установления.

Разбирать крестьянские вопросы только в сфере крестьянских интересов и жизни было бы ошибочно, ибо оно входит в состав государства с другими сословиями. Определить эту правильную середину и составить Государство – мудрость народа, ибо жизнь должна наладиться ни на день, ни на год, а на ряд будущих поколений. <…>

Несомненно, вопрос землевладения, вопрос краеугольный,

как по отношению крупных земельных участков, так и самых мелких. И он важнее всего, и не может он решаться по желанию, по сердцу, а должен решиться вдумчиво, по указаниям жизни, по условиям быта, по условиям природы. А так как у нас все различно, то одного решения, огульно для всех, будет не пользой, а экономическим бедствием.

Что хорошо для России, то будет не годно для севера, для Полесья и юга, и обратно. По этим вопросам уже много было сказано во всяких советах и съездах. Если бы собрать все постановления, то не сомневаюсь, вчерашнее окажется мало отличительным от сегодняшнего. И не мудрено, у всякого своя мерка, свое мнение, и каждый желает перестроить сельскохозяйственную жизнь будущего на свой манер. Но все вертится около земли, а не около ее устройства, и пока это не будет решено, земля будет служить не источником довольства народа, а наоборот, источником народной бедности и государственного банкротства.

11/24 августа

Нина обеспокоена{91} поездкой в Петроград. Но как сделать иначе? Свое служебное поручение я окончил. Оставаться во Франции? Скажем, я бы мог это сделать, но дальше? В то время, когда в России идет устройство по новым началам, когда враг ломится к нам, сидеть в чужой стране, испытывать муки всевозможного рода, живя праздно, очень тяжело. Допустим, Временное правительство скажет мне на мое предложение: «Вы не нужны». Вероятно, так и будет, то все-таки дома, найдутся дела общественные и свои, наконец. Все-таки, надо же знать, что со мной сделают. Вся жизнь прошла над военным делом, и только в конце, с 1908 года, работал, как член Государственного Совета по законодательным вопросам и никуда не совался. Жена боится, что меня арестуют, но тогда всех надо засадить.

Мое отношение к Временному правительству ясно по моей работе во Франции. Я присягал ему, и буду служить ему верой, ибо, как телеграфировал Керенскому: «Не по присяге только, а по любви и по осознанию пользы Отечеству». Обратиться в крайнего я не могу, но желать, чтобы Россия жила в свободе и порядке, желаю, и буду способствовать, сколько хватит сил. Было бы нечестно теперь, когда страна желает и жаждет устроения вводить муть.

Я понимаю, что Временное правительство должно одинаково подозрительно смотреть налево и направо, но из этого не следует, что и тех и других оно должна хватать. Связь с прежним верхом у меня была служебная. Было время, приезжал с докладом и уезжал, дальше кабинета нога моя не переступала. А потом последние 8 лет я был в полнейшем забвении и настолько, что когда 29 августа 1915 года генерал Алексеев просил назначить меня ему в помощь – ему решительно отказали. Не понимаю даже, почему меня послали во Францию? Но когда послали, я заявил, что не гожусь на это, не гибок, однако послали, а через два месяца, видя, что деловая сторона фиктивная, так что оставаться там бесполезно, просил меня убрать. Меня оставили. Теперь это кончилось, и я считаю, что мой долг не прятаться, а ехать домой и быть дома.

Мы накануне крупных событий внутри и извне. К чему приведет Московское совещание{92}, сказать трудно. Его декларации будут зависеть от его состава. Кто приглашен, здесь не знают, и иностранные газеты в это не посвящены.

Его цель услышать мысль и голос общественной, земской и правительственной России. Хорошо, если собрание даст

направление государственной жизни, если это направление будет жизненно и будет принято, если не единогласно, то большинством. Каково будет отношение членов Совета рабочих и солдат? От этого отношения будет зависеть плодотворная работа этого большого собрания. Может быть и рознь, и это последнее для России будет худом.

Я не придаю значения тому, что собрание не выборное. Оно ведь не будет решать, но оно положит основу общего Избирательного собрания[18], которое по частям предназначено к созыву 1 января 1918 года. <…>

27 августа н. с

Надеюсь, что 29 мы уедем. Последние три дня жене было совсем плохо, и вчера вечером думали отложить выезд. Но сегодня Нине лучше, и если не будет ухудшения, выедем.

Вчера и сегодня в газетах поступили данные о Московском съезде, о заявлении Керенского, Некрасова{93} и М.В.Д.{94} Невеселые сведения.

Интересно знать, о ком говорит Керенский, указывая на вооруженную силу, идущую против правительства. Здесь мы ничего не знаем, а с догадками можно попасть не туда, куда следует. Но, к сожалению, что-то есть. Крайности две: одна лежит вправо, другая влево. Которая из них идет против правительства? Что касается народностей, то сказанное относится к Финляндии, остальные своего голоса не возвысили. Среди инородцев без сомнения идет брожение. Самая могущественная, татарская, а по вероисповеданию, мусульманская. Не слышно об армянах. О других не говорю. Будет власть правительственная твердая и сильная, может быть, избежим междоусобий, в противном случае мало надежд, чтобы народности оставались бы совершенно спокойными. Много бед придется перенести стране, пока жизнь не вступит в творческую и нормальную колею.

Свыше 800 млн. руб. в месяц печатается бумажных рублей. Есть от чего прийти в ужас, смотря вперед.

Повторяю, как ни ужасны военные бедствия, но еще ужаснее могут быть экономические. Надо мною смеялись, когда в 1916 г. говорил, что мы идем к голоду и обесцениванию, имея в стране запасы.

Петроград 28 августа

В ночь на 24 августа приехали в Петроград. В доме оказались совсем одни, и бедная Нина и убирала, и готовила, и так идет и теперь. Достать кухарку нельзя; достать продукты тоже. Бьемся и перебиваемся. Квартиру придется бросить, но кто ее возьмет. Надо переехать в маленькую. Отставка в ходу. Дадут ли пенсию не знаю, как не знаю, как прожить. Планов много – поехать в Россию, но как это сделать? Петрограду грозит тяжелое время продовольственной, военной и политической разрухи. Удастся ли их перенести, или придется погибнуть. Сегодня, как передавали, министерский кризис, который может вызвать волнения и насилия. Мы ничего не знаем, сидя в квартире, я тем более, ибо с субботы простужен, и не выхожу. Меня очень беспокоит, как население справится с топливом. Продовольствие можно подвести и можно потесниться, а с дровами, если будут холода, будет хуже.

И заграницей цены непомерные, но что делается здесь, даже в голову не может прийти. Обидно, что надо сидеть дома и что не могу выходить.

Париж 1-XI-1917 года

Все мои проекты обосноваться в России, вне Петрограда, рухнули, и я пришел к выводу, что лучше всего переждать год или 1½ во Франции, где, кроме того, могу работать, помогая Павлу Игнатьеву{95} по разведочной части. Дело у него большое, но не вполне организованное. Работников мало и совершенно неопытных в этой работе.

Задумано оно хорошо, но материал дальше в Генеральный штаб идет сырой. Дело это было под моим наблюдением, когда был представителем, но фактически его улучшить за неимением опытных рабочих было нельзя. Я предложил разведывательному отделу Генштаба{96} взять эту работу на себя, бесплатно и совершенно частно. И Гиссер и Рябиков были тому рады. Мне согласились перевести мое содержание по Государственному Совету, которое я должен был получить во Франции (апрель – июль) и небольшую часть денег по твердому курсу. Во Франции у меня оставалось кое-что и с этими деньгами скромно могу прожить года 2. При первой возможности переберусь в Россию.

Жизнь у нас так ненормальна и дорога, что, пожалуй, жить во Франции окажется и дешевле. Но вопрос ни в этом, а в том, что дома нет у меня дела, некуда приткнуться. С апреля 4 раза предлагал свои услуги, 3 раза правительству и раз Алексееву, но из этого ничего не выходит. Работая во Франции, я все-таки что-то буду делать на общую пользу. Лучше делать мало, чем ничего. Жизнь в Петрограде голодная и нравственно невыносимая, ибо приходится наблюдать за всеми перипетиями, развивающихся военно-политических и общественных безволиях, в качестве праздного зрителя, тратя при этом безумные деньги на самую голодную и скверную жизнь. Ничего не обеспечено: ни личность, ни честь, ни имущество. Своеволие и грабеж дошли до ужасающих размеров, и правительство, и кто бы там ни был, из органов правящих, не имеют извинения, отдавая обывателя на такое своеволие и такие лишения. Вся страна во власти самочинных организаций толпы, которая, сама не понимая, творит то, что ей подсказывает невидимая, но злая и враждебная России сила.

Жена за месяц измучилась. При помощи Генерального штаба мы выехали сюда, чтобы простыми работниками работать для военного дела. Я командирован в распоряжение военного агента, но без расходов от казны, на свой собственный кошт.

Теперь собираю материалы, ищу квартиру и, думаю, на днях засяду за работу. Нелегко ее будет вести, по разным мелочным

причинам, но Бог даст сдюжу.

2-IX-1917 года

Хотя немцы и сделали репетицию десанта на Эзель и Даго, но десант в Финляндии или десант для угрозы и взятия Петрограда потребует других средств и приемов куда сложнее, чем примененные немцами для занятия Рижского вокзала и Моонзунда. По подготовке, по целям, их последствиям, то были игрушки, по сравнению с тем, если они признают необходимым по общему ходу операции овладеть Петроградом. Соответственна ли такая цель и разумна ли, это другой вопрос. То, что мне представится не соответственным, немцу может представиться и соответственным и необходимым. Если он станет на последнюю точку зрения, то без сомнения он подготовится и исполнит это соответственно. Что это значит? Если он поставит себе Петроград, то прежде всего он должен завладеть Аландами, занять Абосские шхеры, Оденсхольм и, вероятно, Балтийский Порт. Не сделав этого и не создав себе господство в устье Финского и Ботнического заливов, он форсировать Ревель-Поркалауд не может, понятно, если флот и прибрежные войска способны к защите. Но занятие Аланда и обращение в базу противоречит международному договору и грозит Швеции. Он может идти сухим путем от Вердера и Гапсаля. Может, но даже рассчитывая на полную непригодность нашего богатого подводного и надводного флота и армии, такое действие совершенно не отвечает положению.

Во всяком случае, Церельский пролив на 3–4 месяца замерзнет, и морская связь с Вердером прекратится. Да и Рижский залив с Моонзундом тоже замерзнут и еще прочнее, чем Церель. Остаются западные берега Эзеля. Об условиях операции в этом направлении при состоянии зимой моря даже говорить не приходится. Все это так неблагоприятно, что нужно что-либо необыкновенно властное, чтобы приступить к исполнению такой операции, имея базою Эзель. Но этого нет. Оперативно немцы перед такими трудностями, что благоразумие, а в этом им отказать нельзя, диктует не идти на такую авантюру, бесплодную для них, и скорее выгодную нам.

Вот если в Петрограде будет сильная власть, и в правительстве будет порядок, т. е. создастся центр, от которого будет исходить управление страной, тогда быстрые и решительные действия (а такие возможны только по морю) против столицы имеют свое основание. Но пока Петроград источник нашей слабости, дезорганизации и анархии, зачем им прекращать эту отраву нашего государственного организма?

И трудно, и опасно, и неизвестно, что будет затем, и в политическом отношении невыгодно.

Живущим в Петрограде это представляется совсем иначе. Мы все время, не обнимая всей обстановки, дрожали и дрожим за него. Вести войну, вести и оценивать операции, и в то же время душевно быть в состоянии постоянной и непрерывной паники, естественно нельзя. На самом же деле это так. К этому состоянию прибавляется невежество людей о военном деле вообще. В этом состоянии они и творят вещи, за которые приходится краснеть от стыда. Петрограду грозит опасность от нас самих, а не от немцев, но уступка нами Рижского залива и Моонзунда непосредственно может грозить и столице и армии.

Но я лично не исключаю возможности, что через несколько недель у нас поднимется тревога за Северный фронт, и с ним вместе совершенно неосновательная тревога за столицу, и снова разгорится кутерьма.

4-IX

Занятие Шмен-де-Дам и скатов к северу от него упрочили положение французского фронта. Жаль, что не пожелали, или не могли занять и утвердиться на Сент-Гобэн. Неудачи итальянцев, вернее поражение их левее Тревизо ухудшило общее положение союзников. Прорвать французский фронт немцы в 1916 году не могли, но они путем боев и операции отбросили нас, уничтожили Румынию и теперь хотят уничтожить часть итальянской армии. Приемы и лица все те же. Исход удара против итальянской армии я предсказать не могу, ибо положение их мне не известно. Но начало скверное и ничего хорошего не предвещает. Даже если после новых ударов и дальнейшего отступления итальянцы восстановят сравнительное положение, то, не зная, в каких районах это может быть, что возьмут австро-немцы, что удержат союзники, говорить об этом теперь рано. Но общее положение поколеблено, и если наша страна и наша армия останутся не боеспособными, то для исхода общей борьбы это неблагоприятно. Французы и англичане помогают итальянцам, и Пенлеве, и Ллойд Джордж едут к Орландо в Италию.

Пусть поговорят, для борьбы это безразлично, ибо она требует действий и на себе выносит все последствия.

Снова заговорили о единстве командования всем западным фронтом. Поздновато. Я вел эти разговоры в декабре 1916 года с Лиоте, Нивелем и Хейгом, выйдя собственно говоря из пределов моих полномочий. Но все это рухнуло, ибо желали вести войну правительства. И наше правительство ведет войну и хочет одновременно править государством. У нас много голов, у врага одна голова и воля. <…>

Я не хочу быть пессимистом, но когда сравниваешь обе борющиеся стороны за все время войны, то поневоле опустишь голову, ибо выхода из создавшегося положения нет. И как все стараются найти это объединение. Собираются конференции, министры разъезжают, завтракают, а до объединения военной власти мы дожить никак не можем.

30 ноября 1917

С четверга 28 ноября в Париже заседает международная конференция{97}. В этот же день, Гертлинг произнес свою речь{98}. Рейхстаг – положение для России гибельное, для союзников грозное, для врагов наших чрезвычайно благоприятное, если только внутреннее положение Германии, Австрии и остальных, не скажу, чтобы соответствовало бы их военному, но было бы сколько-нибудь для них сносное. Даже подводная война, понемногу утихавшая по жертвам последней недели, дала подъем. События в нашем Отечестве таковы, что вера в будущее его начинает колебаться. К внутреннему разладу прибавляется внешний. Харбин, говорят, взят китайцами, Владивосток будет занят японцами. Украина, Кавказ, Бессарабия и Финляндия отделяются. Тоже проявится с Туркестаном, Сибирью и т. д.

Кто захочет, тот и провозгласит свою самостоятельность, благо Петроградские правители, в лице Ленина{99} и присланных, приглашают всех к такому отделению. Сплошной сумасшедший дом. Вместо великого, еще в недавнем, государства, в несколько месяцев могучее государство обратилось в ничто, и не от внешнего врага, а деяний умов и рук собственных сынов.

Кругом идет какое-то необузданное самоуничтожение, истребление государственных богатств: разрушение Кремля и храма святого Василия Блаженного, храма Вознесения – исторических памятников России. С Воробьевых гор тяжелой артиллерией разрушают Москву и убивают обывателей, стреляют по Киеву, убивают. Грабят Зимний Дворец, Эрмитаж, Государственный Банк, частных обывателей. И кто же это? Свои сыновья; зачем? Кто же эти сыновья? Ведь это лучшее, что должно было быть в стране – солдаты.

Что же останется делать тем, что похуже, и что Россия должна пережить от них? Но как могло это случиться, что цвет России спустился до низкого грабителя и бесчеловечного разбойника? Что могло довести нашего солдата до такой низости, о которой поколения будущего будут внимать с отвращением? Не все же русские солдаты сделались величайшими врагами своего отечества. Но как это случилось, что добродушный русский народ обратился в зверя, хуже, чем в зверя? <…>

2-XII-17

Назначенный максималистами Верховный главнокомандующий Крыленко{100}, доехавший до 5-й армии, послал своих делегатов к немцам толковать о перемирии и мире. Они были приняты торжественно и со 2 декабря переговоры должны начаться. В Петрограде и может быть по всей России идут выборы в Учредительное собрание. В самом Петрограде формируется новое собрание из максималистов, социал-революционеров, крестьян, рабочих и других союзов для образования Совета, как органа правящего. В сущности, Россия безмолвно созерцает, что творится в Петрограде, выжидая, какой приговор ей будет оттуда вынесен. Гвоздь всего положения – быть или не быть миру. Будет мир, те, которые этот мир поднесут, будут до поры до времени хозяевами положения, уляжется хмель, и не увидят результатов этого мира. Но ошибаются те, которые думают, что мир можно заключить скоро. Но если вместо мира мы подойдем к перемирию, т. е. к тому положению, в котором мы находимся, то негодование будет великое.

Положение так сложно и так запутано, что нужно много времени, чтобы его распутать, а расходившиеся страсти требуют быстрого решения, а главное, удовлетворения всех тех, которые не желают бороться. Чем выразится, когда станет ясно, что заключить мир нельзя, хотя бы самого позорного для России, а можно подойти только к перемирию – это покажет ближайшее будущее. Если Германия немощна и ей во что бы то не стало нужен мир, и она пойдет на предлагаемый мир, тогда дело несколько видоизменится, но тогда наша глупость, пошлость и политическая дряблость станут во всю. Иначе говоря, мы были близки к победе, и сами ее задушили своими собственными руками.

Простим ли мы это нашим правителям, простит ли нам мир? Германия и Австрия идут с радостью на наше предложение. Разве это не признак их очень тяжелого положения? Какое-то сильное внутреннее чувство говорит мне, что все произошедшее с марта, и в особенности, все происходящее теперь, накладывает на всю Россию такой стыд, который она не в силах будет смыть веками. А народ в стыде жить не может. Мы не побеждены врагами, мы сами себя уничтожаем материально и нравственно. Люди останутся, но государство самостоятельно в таких условиях существовать не может. Продана бедная Россия подлыми людьми и подлыми чувствами.

2-XII-17

Сегодня уполномоченный Крыленко должен начать переговоры о перемирии с делегатами германского государства. Гордая Германия переговаривается с неизвестно от кого говорящими посланцами, от правительства, пока не существующего, и никем не признанного, даже в Петрограде. Если это только маневр, то некрасивый, но если же это серьезно с их стороны, то каково же сильно желание, не брезгуя ничем, получить мир. Значит, несмотря на военные успехи, нехорошо текут дела Германии. Выходит, в самое нужное для Германии время, мы открываем ей свои объятия, изменяя себе и общему делу. В этом я вижу измену общему делу Ленина, Троцкого{101} и их сподвижников. Они люди умные и не знать этого не могут. Так же они должны знать, что если не действовать, то тянуть мы можем еще очень долго. Почему же они делают то, что невыгодно нам, и в тоже время выгодно, и желательно нашим врагам?

Почему же Ленин и ему подобные, расстроившие все военные начала, и обратившие армию в самодовольную политическую толпу, могут рассчитывать, что армия в настоящем ее устройстве будет послушным их орудием, как правительства. Я не сомневаюсь, что 7/8 с ленинским миром не согласны, ибо в армии, несмотря на ее расстройство, все-таки живет душа, и какое-то инстинктивное понимание государственных интересов. (Февраль. Горько я ошибался. Армии нет, а есть толпа вооруженных людей.)

И это все скажется. Ни Ленин, ни Троцкий, прожившие заграницей, интернационалы, а не русские, оторванные от своего отечества, его ненавидящие, не любящие, эту струю народной массы не чувствуют, не понимают и понять не могут.

А если они подкуплены?

Из всего этого выиграют только немцы, мы, как полагается, останемся все-таки в дураках, и при том совершим такой поступок, стыд которого не будет смыт многими поколениями. Трудно разобраться в причинах, которые привели нас к этому постыдному концу.

Включительно до 1912 года мы чувствовали себя слабыми, неподготовленными, и события 1911 и 1912 гг., когда наше решительное слово могло видоизменить события на Балканском полуострове и, быть может, если не предотвратить, то отсрочить катастрофу 1914-го года – мы как страус, спрятав голову, молчали. Затем мы вдруг воспрянули. Тот же Сухомлинов, который в 1912-м году лил слезы в жилет И.П. Лихарева, что

ничего у нас нет, в 1913 году уже принял другой вид. Впопыхах начали разрабатывать большую программу, думая, что если на бумаге она будет, то все прекрасно.

На самом деле все было, по-старому, и только армия, с 1906 года упорно работавшая над тактическим своим улучшением, и подъем духа в ней, являлись отрадным фактом на этом сером и безотрадном фоне.

Войны в России никто не желал, но мирная воинствующая манера разговора людей, стоящих при военном деле, – повысилась. Газеты как будто поддерживали это. По сравнению с недавним прошлым, после Японской войны в обывателе выразился какой-то подъем. И Дума, отпустив несколько сотен миллионов, тоже как будто приподнялась. Как будто деньги сами по себе что-то могут сделать.

Когда война вспыхнула, у нас все приподнялось, и это было отрадное явление, много обещавшее, если только в дальнейшем правители воспользовались этим подъемом и поставили бы это народное движение, что для борьбы нужно, в должные рамки. К сожалению, это не было сделано, и на фронте и дома серьезный наблюдатель тех и других явлений мог бы подметить, что дело идет не ладно, и что мы мечемся, как угорелые, и результаты сказались очень скоро.

Ни правительство, ни военное министерство, ни Генеральный штаб, не сумели взять в свои руки это движение общественных сил, чтобы организовать его соответственно потребностям войны и сберечь войска от излишества или недостатка, и вся эта сила потекла сама по себе, врознь, где с пользой, где с вредом. Не было головы, не было организации, которая, задумавшись над течением войны, установила бы какие либо начала к широкому, разумному, хозяйственному использованию средств страны для войны. Ошибочно было заявление, что мобилизация протекала не блестяще. Привыкшее к буйству маршевых команд в японскую войну и в последующие годы общество было удивлено, что таких буйств было мало, и народ серьезно поднялся на войну. Правда, без водки, которая была прикрыта. По существу же мобилизация была не расчетливая, и иной не могла быть, ибо для ее упорядочения с 1906 ничего не было сделано. <…>

В середине августа мы потерпели сильное поражение от главного нашего врага в Восточной Пруссии. 31 июля, прощаясь в Знаменке с великим князем, я, на его вопрос об этой первой операции, ему ответил чистосердечно, что операция эта, как он мне ее очертил, *противоречит здравому смыслу*. Результаты, к сожалению, послужили подтверждением моего определения. Но суть дела не в этих двух внешних фактах: поражение на севере,

победы под Львовом, на юге. Неуспех на севере замер на Немане, победа на юге замерла на Сане и предгорьях Карпат. Поражение на севере мы должны были избегнуть, победу на юге мы должны были использовать уничтожением австрийских сил, а не бросать остатки их в объятия спешивших на помощь немцам. Все это было во власти лиц, которые готовились к войне, подготавливали ее и потом вели. Но подготавливали мы ее как дилетанты, и вели ее неразумно. В моих записках за август и сентябрь 1914 года, я указывал на необдуманность нашего сосредоточения и плана. Собственно, плана ведения войны, сообразованного с совокупностью наших условий с условиями врага, у нас не было, а было простое: «Идем на юг», – с тех мест, где собирались войска. Чудесная армия, полная порыва, разбилась там, где уже до боев она была расстроена неспокойными и несерьезными распоряжениями и передвижениями.

Что же Ставка, управляла ли она? Да, она посылала телеграммы, указания, каковы они были, мы не знаем (знаю директиву 28 июля, которая привела к Мазурскому поражению). Но что, спрашивается, ею было сделано, чтобы с первого момента войны ввести повсюду порядок и точность, этих главных элементов успеха операции, отдала ли она себе отчет, как вести борьбу? Все было отдано в руки главнокомандующих фронтов, и там, где был человек, дело шло, а на севере оно распалось.

Из следственных данных генерала Пантелеева{102}, из отрывочных сведений, из чисел отправления частей из Петрограда, можно прийти к выводу, что работа управления текла неспокойно. Особенно непокойно шла работа, нанося ущерб своим и расстраивая войска на севере, в районе Варшавы. Всюду затыкались дыры, но не перед действительным противником, а перед воображаемым. Если бы работа шла спокойно, то мы не бросились бы в восточную оконечность Восточной Пруссии, не ерзали бы на Висле, а 18-й и Гвардейский корпус, а, может быть, 1-й или иной, с Северо-Западного фронта прямо направили бы к Ивангороду, южнее, или к Люблину, и не пакетами, а целыми частями. Мы бы выиграли, по крайней мере, дней 8, что с подаренными нам австрийцами 12 днями, составило бы солидный нам подарок, и австрийская армия была бы нами взята, а не брошена в объятия немцам, а на севере не потерпели бы Самсоновско-Ренненкампфский погром.

Но выпущенные на волю, мы резво понеслись, и, в сущности, понесли неудачу, которую потом пришлось исправлять, безумно спешно, подходившими войсками. Наши милые стратеги, разыгрывали в Ставке маневр, как в мирное время, и если мы не погибли тогда, то благодаря превосходству в силах и наличию

резервов, спешно подтягиваемых на театр. Железные дороги получили свой первый удар, за которым последовал второй, когда великий князь принял решение перебросить действия на левый берег Вислы.

Это было соединено с величайшим маневром, переброской, в сущности, без железных дорог 4-х армий{103} из Галиции на Вислу (Эверта, Лечицкого, [Шейдемана] и Плеве).

Маневр этот был начат в сентябре 14-го года, когда обозначилось наступление Гинденбурга из Силезии. Оно подробно разобрано в моих записках 30 октября 1914 года, а М.В. Алексееву я писал, что во второй раз вы такой маневр не осуществите. В жизни всегда так бывает, что когда, по не предвидению делаются ошибки, хотя бы с самыми благими намерениями, исправлять их приходится необыкновенным напряжением войск. А эти последние всегда оставляют след в виде разорения материального и ослабления духовного, т. е. терпят большой убыток.

После, в сущности, наших неудач в Галиции, ибо австрийская армия ускользнула, мы неудержимо ринулись на западе в пустое пространство, не рассчитав, возможно ли это, способны ли мы восстановить сообщение, найдутся ли средства, чтобы из захваченного пространства действовать.

Я с ужасом смотрел на это, и не понимал М.В. Алексеева. Теперь, я его понимаю, т. е. понимаю, почему он всей душою отдавался, чтобы покончить с Австрией. Но может быть, так было указано. Я этого не знаю, не сужу людей, а лишь обсуждаю события. Если сидя в Петрограде со слабой ориентировкой, но с известным знакомством приемов действий и силы противника, мне было ясно положение сентября и октября, то также в Ставке, если бы там были бы люди порядка, трезвые и вдумчивые, они бы увидели и поняли бы это. Допустим, что начальник штаба и его квартирмейстер в области операции были неподготовлены, хотя про Данилова это сказать нельзя, но ведь положение было ясно, и если бы вместо того, чтобы чертить по карте, они засели бы, и подсчитали бы с теми элементами, без которых войска не оперативная сила, тогда и они, с их запасом знаний и опыта, увидели бы, как вести управление.

Но это не было, по-видимому, сделано, и из-за их слепости погибло лучшее решение великого князя перебросить действия на левый берег реки Вислы с конца сентября.

«Ошибки в первоначальном развертывании едва ли поправимы в течение всей кампании», – говорил старик Мольтке. И это верно. Но в условиях, в которых велась борьба, условиях изумительно выгодных, ибо Австрия подарила нам 10–12 дней,

мы, если бы серьезно и спокойно отнеслись к войне, могли бы внести серьезные поправки на юге и на севере.

В моих записках я останавливался на вопросе о развертывании. Ведь группировки создались не только умозрительно, в канцеляриях, но на основании бестолково веденных военных игр в Киеве Сухомлиновым. О них мне говорил М.В. Алексеев, и слышал от других. Ведь на несчастье, великий князь Николай Николаевич был взят с ветру, и только 19 июля узнал, что он Верховный главнокомандующий. До этого он был отстранен от всего, и в случае войны должен был принять 6-ю армию, т. е. защиту Петрограда.

И его повели, как на заклание. Он был ведомый мальчиками без опыта, без серьезных знаний и понятий о современной войне, об управлении событиями. Люди, которые никогда не управляли и были клерками, они должны были понести всю эту государственную тяжесть, а человек, который мог управлять, не знал ни начала, ни середины, ведь это то же самое, что бросить щепку в водоворот. Ну и завертели великого князя.

И кого бы ни призвали, было бы то же, благо и закон такой вышел (14 июля 1914 года «Положение об Управлении войск в военное время»), где все главнокомандующие, а Верховный главнокомандующий консультант, в лучшем случае.

Я писал и говорил великому князю, как только ознакомился с этим ужасным положением, и он как будто рассердился на меня за это. Когда говорил об этом умным людям, они меня не понимали, и вероятно полагали, что я идиот, или хуже. Но, к сожалению, это оказалось именно так ужасно. И не удивительно. Создание клерков пригодно для канцелярии, а не для действительной жизни. Блестящая, по мысли великого князя Николая Николаевича, Висленская операция провалилась, за ней Люблинская и Варшавская{104}. Немцы воспользовались нашей оперативной глупостью, и в основе несерьезно повели Гродненскую операцию{105}.

Мы потерпели неудачу, но немцам она тоже не удалась, и вторично такого не повторят, ибо увидели, что старик Мольтке прав: без Hinterland'а[19] большой и решительной операции вести не следует. После этого мы имели все основания вести дело против Австрии в Карпатах, и к западу. И все шло, и шло успешно, но когда душу всего этого, М.В. Алексеева, вырвали, и поставили его главнокомандующим Северо-Западным фронтом, и остался бедный Иванов один, то вся эта постройка заколебалась, а к концу апреля и развалилась. Началась история величайших мытарств, в которой участь большой части армии поставлена была на карту. И об этом, будучи на Северо-Западном фронте, я

писал великому князю, через великого князя Петра Николаевича, и М.В. Алексееву, через Генеральную квартиру. Говорил с Верховным два раза, и он соглашался. Но «сирена», Варшава, зачаровала всех, и мы сами ничего решать не могли. Решили наши враги. И только упорной борьбе М.В. Алексеева мы обязаны, что армия не погибла, а отошла, потрепанная, но отошла. С сентября Господь помог Михаилу Васильевичу отпарировать смертельный удар, и мы встали, где стоим теперь.

Но мы не угомонились. С конца августа 1915 года операции перешли в руки М.В. Алексеева. Государь стал во главе.

Меня Михаил Васильевич хотел привлечь себе в помощь, государь 29 или 30 августа отказал. 30 августа я получил об этом извещение от Михаила Васильевича. 13 декабря 1915 года меня призвал великий князь Николай Николаевич на Кавказ, где пережил с ним Эрзерумскую и последующие операции. Начать Евфратскую не удалось, ибо, несмотря на принятое решение атаковать II турецкую армию, атака эта не состоялась, и я был переброшен сюда, во Францию. Положение М.В. Алексеева было трудное. За время Сухомлинова, он был в загоне, его не замечали. Я оставался вдали. С августа 1915 года он стал близко, не будучи раньше близким. Его мягкая натура, по отношению людей дала себя чувствовать.

Политика, давившая извне, сложность условий у себя, свойства характера (уступчивость), раз дело не касалось совершавшихся, а лишь зарождающихся событий, привели к тому, что началось дело, которое я с самого его возникновения называл самой крупной ошибкой нашей войны. Она уже зарождалась с октября 1915 года и создала такие оперативные и железнодорожные затруднения, а с ними экономические тягости для России, что когда все задуманное оказалось неисполнимым, выгоды оказались весьма ограниченные.

Это было время, когда затруднения в подвозе, вследствие июльской, августовской и сентябрьской железнодорожной разрухи, стали ощущаться все сильнее. Московский, Петроградский, и более важные узлы, были забиты, южным дорогам предъявлялись большие требования, вывоз угля сократился. В Петрограде образовывались одна комиссия за другой.

Они заседали и в Мариинском дворце, и в Департаменте; депутаты Думы и члены Государственного Совета вызывались; министр путей сообщения обвинялся, он оправдывался; такие же нападки обращались по адресу Ставки, но в сущности, от этих потоков слов, горячих обвинений и оправданий, дело не двигалось. Но не одни железнодорожные вопросы волновали

депутатов и членов Государственного Совета. Путиловский завод, заказы, перспектива новых забот и т. п., все это как в калейдоскопе проходило в многочисленных заседаниях, подкомиссиях и в Главном комитете{106} под председательством Поливанова{107}.

Все работали вовсю, принимали решения, потом пересматривали, меняли иногда, а время уходило, драгоценное время терялось на тех, которые вместо фактической работы превращались в справочной аппарат.

Поливанов сменил Сухомлинова; создан был громадный комиссионный аппарат, который должен был не только объединять работу, но и решать, хотя, в сущности, решение было в лице А.А. Поливанова.

Коллективная работа, в особенности для объединения такого сложного дела, полезна, но направление, которое приняла работа, вмешательство ее с лучшим намерением помочь, брало время, усложняло дело. В работу входили люди, которые имели о деле обывательские понятия. Бесконечные споры, стремление провести, что казалось теоретически прекрасным, но практически, давно отвергнуто. С грустью просиживал я, как добровольный присутствующий, на этих заседаниях.

Но перехожу к оперативной части. И до сих пор с точностью не знаю, к чему стремилось сосредоточение поздней осенью 1915 к югу, ибо в декабре, уехал на Кавказ, и вся работа моя была поглощена им.

Но я писал Алексееву, и когда в конце февраля приехал в Ставку говорил с ним, что естественная наша цель вытеснить врага с нашей земли, и что центр наших первоначальных действий не на юге, а на севере, т. е. направление Вильно – Неман. Только став твердо на севере от Припяти, мы можем и должны приступить к главному удару на юге. И М.В. был того же мнения, но что-то постороннее, как это всегда бывает, отвлекло наше усилие в обратную сторону. Попытки в северном направлении в феврале и марте были частичные и не доведенные до конца, благодаря позднему времени, и какой-то командной разрухи внутри.

Исполнение всех этих намерений вызвало большое передвижение и многосильную работу железнодорожных путей и подготовленных к этому железнодорожных линий. Железнодорожные средства отвлекались к фронту, и страна страдала от недостатка подвозных средств, эксплуатируемых при этом не хозяйственно.

Успехи на Кавказе, блестящие, но не доведенные до конца, наступление на Юго-Западном фронте летом 1916 года все-таки

восстановили наше военное положение и привели к выступлению Румынии. Не могу сказать, чей нажим заставил Румынию выступить. Знаю одно, что Алексеев к этому относился не сочувственно, предвидя, что всю тяжесть этого выступления придется принять на наши плечи. Но вышло хуже. Неуспехи Румынии, вследствие ее не подготовки и несерьезности плана ее действий, послужили предлогом к клевете, что Россия умышленно желала и подстроила поражение Румынии, в целях заключить сепаратный мир с Германией.

28-XII-17

Центральные державы ответили на 6 пунктов{108}, предложенных в основу будущего мира представителями максималистического{109} правления в России. Вчера в Палате французское правительство отвечало на запросы (главным образом социалистов) о России, будучи уже осведомленным о декларации Центральных держав.

Мы на поворотном пункте. В течение войны, после 18–19 июля 1914 года, мы находимся в важнейшей ее фазе. Скажу более, исторические дни, со времени августовского ультиматума Сербии до общей мобилизации всей Европы, включая и Англию, по своему трагизму и по своему значению как будто менее остры, чем переживаемые ныне. Важнейший для жизни народов вопрос о мире предстал перед истощенными и разоренными народами в такой форме, что, казалось, вот-вот его можно осязать, схватить и не отпустить. Возможность надежды на какую-то лучшую материальную жизнь почти всего человечества, исстрадавшегося за 41 месяц напряжений и лишений, страданий, должно или осуществиться, или снова человечество должно нести эти страдания во имя других, в данную минуту еще не всеми ощущаемых и понимаемых целей.

В этом трагизм положения, ибо заявление Германской декларации, если взять карту войны и бросить ретроспективный взгляд на все происшедшее, отличается умеренностью и жаждой достигнуть общего мира. Много в декларации еще не досказано, но нельзя забывать, что она есть ответ на максималистическую декларацию, еще более темную, теоретическую, чтобы не сказать, утопическую. В таких условиях как современных, к миру еще никогда не приступали, и никогда подход к нему не возбуждал разрешения таких общих социалистических вопросов, которые стали за основу современного положения.

Не давая полное и условное согласие на многие из таких предложений, какие вчера еще казались неразрешимыми, Германия со своими союзниками стала в чрезвычайно выгодное положение по отношению Запада, о нас не говорю. Что ответ Германии – искренний или это маневр? Говорить о том, что Германия не желает заключать мир – странно. < … >

Итак, не вдаваясь в подробности, прихожу к выводу, что западный фронт, в течение более года, не поколебав военное положение своего противника, в настоящее время находится в условиях еще более трудных. А не поколебав положение врага основательно, нельзя же рассчитывать на победу. Мечтать можно,

но война реальна, и, если реальных данных, подтверждающих возможность достижения победы нет, то говорить и мечтать об этом не государственно.

Американцы, как сильная армия, соберутся скоро, и нам переходить теперь в наступление, хотя и желательно, но по наличности средств, рискованно и неблагоразумно. Будут ли немцы атаковать нас теперь, что им было бы, кажется, выгодно, или отложат это до февраля или марта, это их дело, им виднее.

Возможно, об этом говорят и пишут, германцы выждут результат подводной войны. Но, как не гибельна она для торговли, это фактор не решающий. Если бы германский флот вышел бы и был бы совершенно разбит, тогда дело другое, но он не выходит, и в современных условиях не выйдет. Если бы союзники могли бы заставить его выйти, но какими средствами? Победой на суше и подходом к Рейну и Везеру. Но и тогда он укроется в Балтийском море. Флот ему нужен для других целей и, во всяком случае, если этих целей по условиям борьбы в наличности не будет, он его не выведет.

Решение и дальнейшее будет зависеть от хода операции на фронтах и переговоров на востоке в ближайшие дни. Мне рисуется, что не получив согласия на свои условия, Германия, пока, сосредоточив силы к Вердену в Шампани, зоной своих ударов изберет Амьен-Кале, а далее – совместные действия со своим флотом на Англию, чтобы быстро решить вопрос о море. В этом есть риск и очень большой, но если говорить о welt-macht[20] и верно, что целью всего это, я не вижу другого решения, думая за противника.

Эту игривость мысли я позволил себе, чтобы закончить сегодня мое писание. Оно немного фантастично, но репетиция уже проделана в Моонзунде{110}, правда, против слабого противника. Но спрашивается, почему же не ударить в самое чувствительное место? Немецкий флот силен, дисциплинирован. Его воздушные, надводные и подводные средства велики. Десантные средства есть, предприимчивость тоже. Войну кончить надо.

Существо всего дела складывается в одном, может ли германский флот выйти на успешную борьбу с английским, и захочет ли высшее военное управление и император Германии пойти на это?

Восток свободен для них надолго, ибо все поднявшееся в России не может улечься скоро, и Россия в таких условиях опасности Германии представлять не может. Я не предлагаю это, но, рассуждая на тему о мире, к которому Германия, несомненно, стремится, прихожу к тому, что это может дать им результаты

более ощутимые, чем шесть полусогласительных пунктов Брест-Литовской декларации. В решительные победы Германии на материке как-то плохо верится.

18/31-XII-17

Попробую простыми словами изложить смысл шести пунктов, предложенных в Брест-Литовске русскими делегатами, как базу для мирных переговоров, и сопоставлю эти пункты с шестью пунктами германской делегации. Все взято из Temps 23 и 25 декабря 1917. Сопоставляю оба предложения рядом.

А. Предложение Петроградских делегатов:

I. Никакая территория, завоеванная в эту войну, не может быть присоединена силой, и войска, ее занимающие, должны быть выведены с нее тотчас.

Б. Ответ делегатов Центральных держав:

I. Присоединение силой территорий, занятых во время войны, не входят в намерения союзных правительств. Решения, относительно войск, которые сейчас находятся на занятой территории, будет принято в мирном договоре, и, принимая во внимание отход с известных пунктов войск, по условиям договора, ранее заключенного.

Два важнейших понятия изложены в одном предложении. Намерения могли быть, но они могут и меняться. Ответ уклончив, не отвечает положениям редакции русского предложения и потому базой для мирного договора в немецкой редакции служить не может. Вторая часть еще более уклончива и уже ничего положительного не дает, ибо в договоре могут быть включены пункты, совершенно исключающие русское предложение. Конец предложения совершенно затемняет все предложение.

II. Вполне будет восстановлена политическая независимость народов, потерявших ее в эту войну.

II. Союзники не имеют намерения уничтожить независимость народов, потерявших политическую независимость в эту войну.

Слишком обобщенная формула пункта II Петроградских предложений, в таком сложном и разнообразном вопросе, удовлетворило людей, которые кроме желания заключить мир, во что бы то ни стало, по наивности, и весьма возможно, веря в искренность людей, считали, что-то, что просто, то и ясно.

По их мнению, вполне восстановить политическую независимость – это вернуться к положению до августа 1914 года. Я так думаю. Но сама по себе политическая независимость лишь формула, декларация, которая имеет реальный смысл лишь с остальными атрибутами. Что же отвечают немцы? Опять-таки, той же уклончивой фразой: «Союзники не имеют намерения».

Это не ответ ни на вполне, ни на вообще то, что Петроградские декларации до известной степени предполагали. Таким образом, самые капитальные вопросы декларации висят в воздухе, и у немцев совершенно развязаны руки.

Россия.

III. Национальности, которые не пользуются независимостью, сами решают голосованием вопрос об их политической независимости, или какому государству желают принадлежать. Этот референдум должен иметь базой полную свободу голосования для всего населения, считая в числе его переселенцев и беженцев.

Центральные державы.

III. Вопрос о независимости национальных групп, не пользующихся таковой, не может по мнению союзников, быть установлен между государствами. Вопрос этот там, где он представится, должен быть установлен каждым государством, с входящими в него народами, путем их установлений.

Немецкий ответ на этот пункт, с точки зрения государственного права, и принимая во внимание пункты I и II Петроградской декларации, правилен. Вопрос идет о мире воюющих, а потому пункт III, как забегающий вперед, не уместен.

IV. На территории занятой несколькими национальностями права меньшинства должны охраняться специальными законами, обеспечивающих

этим национальностям их национальную автономию, и если политические условия позволят их административную автономию.

IV. Посему, ни согласно заявлению, государственных людей Четверного Союза, покровительство прав народов, составляет неотъемлемую часть прав народов, согласно распоряжаться своей судьбой.

Что это значит? У нас, например, есть области, где живут русские, чехи, немцы, татары. Союзники повсюду придерживаются этих начал, насколько это им представляется практически применимым. Статья IV – есть развитие статьи III, и ответ на нее представителей Четверного Союза отрицательный.

Таков характер и значение IV пункта. Таков же ответ. Но будут ли у немцев практические последствия переговоров, соответственно их постановлениям, в этом следует сомневаться. Винить за неумелую редакцию составлявших Петроградскую декларацию нельзя. Они впервые, надо думать, прикоснулись к этому делу и интересы государственные их не соблазняли.

V. Никто из воюющих не заплатит другому контрибуции, а таковые, уже заплаченные под видом расходов войны, будут возмещены. Что касается возмещения убытков лиц жертв войны, то таковые будут сделаны средствами специального фонда, создаваемого пропорционально взносами всех воюющих.

V. Союзные державы неоднократно указывали на возможность взаимно отказаться не только от возмещения расходов войны, но также и от возмещения разорения, понесенного от войны. Следовательно, каждая воюющая держава покроет только расходы, вызванные их гражданами, находящимися в плену и убытки, произведенные на его собственной земле действиями противника правам народов, частным гражданам противника.

Возможно, перевод с немецкого в газете не точен. Точный смысл не схватывается. Во всяком случае, немецкая декларация, хотя и уклончиво, но говорит о возможности взаимного отказа от возмещения убытков.

VI. Колониальные вопросы будут разрешены, согласно ст. ст. 1, 2, 3 и 4. Но русская делегация

предлагает дополнить их пунктом, признающим неприемлемым всякое ограничение, хотя бы косвенное свободы народностей более сильными, как например бойкот или экономическое подчинение какой-либо страны другой страной, путем принудительного торгового договора или отдельным таможенным соглашением, ограничивающим свободу торговли третьей страны, или невоенная морская блокада.

VI. Из 4-х союзников, только Германия имеет колонии. По этому поводу германская делегация объявляет, в полном согласии с русским предложением, что восстановление колоний, отнятых силой во время войны, составляет главную часть немецких требований. Всякое отдельное рассмотрение принципа свободного применения права народов располагать своей судьбой неприменимо здесь в условиях предложенных русской делегацией.

Колониальный вопрос задел немцев за живое, о нем они написали столько жалостливых слов, сколько не писали во всей декларации. Тронули ли они этим наших делегатов?

Более того, сюда же они поместили более определенный ответ на I пункт, ибо это им выгодно. «Русские требования, о немедленной эвакуации, занятых врагами земель, отвечают немецким намерениям». Еще бы, задеты немецкие интересы. Отделив от колоний экономические условия, германцы развивают их московскими словами.

Но где же, спрашивается, базы для будущего мира после борьбы, которая длится почти 3½ года, и нарушила государственную и экономическую жизнь почти всего мира.

Германия готова говорить о мире, но согласна ли она заключить его? По важнейшим вопросам она высказала лишь академический взгляд на возможность вести переговоры, не предъявляя требования силой захватить чужую территорию и не предъявляя требования возмещения военных убытков. В то же время требует передачу колоний и очищение их от неприятельских войск. Сама ничего не даст, но оставляет себе открытые двери для многого.

Но что же хотели наши, прежде всего для себя, а затем для других?

Судя по I–VI пунктам: 1) восстановить, что было до половины 1914 года; 2) не платить контрибуции; 3) дать нашим инородным областям делать, что им угодно, до перехода к любому

государству. Затем, совершенно неизвестно почему, подняты 4) экономические вопросы. Пока это самоопределение инородных областей (включая, вероятно, сюда и Польшу) не окончится, о каких, спрашивается, экономических вопросах можно говорить, и что может максималистическое правление установить? Вопрос идет не о мире, а о чем-то другом. Надо покончить с Россией, дать ей окончательно уничтожиться в разорении, междоусобии, чтобы великий след о былом русском государстве исчез. Может быть, наши разорители думают на этих развалинах строить нечто новое? Но чем же они будут строить, своими средствами? Где они? Каковы они? Я их не вижу. Толпа, как волна, разбивает и разбивается, и, чтобы производить это, она должна быть почти бесконечна, как морской прибой.

В этой разрушительной работе людей, захвативших власть, много совершенно непонятного. Если бы мне сказали, что они работают на себя, я бы понял и сказал бы, да, великие мародеры, они действуют логично. Что выкинуты большие слова, это ничего не доказывает. Они им нужны, чтобы держаться на поверхности и продолжать свое личное дело. Наконец, имея базой вооруженную толпу, они для личной своей безопасности должны так действовать. Корень не в них, хотя возбуждение поддерживается ими. Такое положение может длиться, но не бесконечно. Производительная жизнь должна стоять, а что будет за этим? Пока она волочится, немцы могут ее поддержать на несколько секунд. Что же привело нас к этому – прежний режим, война, или что другое?

Да, прежний режим и война подготовили события. Законодательные собрания (Дума, в особенности) подготавливали переворот, ослабляя власть старую, безличную и неумелую. Война, вызвав большое напряжение, глупо и нехозяйственно веденная в экономической ее части, ослабили народ материально и духовно. Генеральный штаб, того не подозревая, приготовил бойцов революции, и когда роспуск Думы вызвал накопившееся негодование и злобу, когда царь капитулировал вместе с его заместителем, взамен этой власти наверху оказался быстро сформированный Совет в Петрограде, и обалдевшее и мечущееся самозванное правительство из Думы, с места выпустившее все нити. Вернее, она их и не держала, ибо в борьбе со старой властью, она исключительно боролась словами, и почвы в реальной организации силы не имела. Это было возможно, когда была старая власть, но когда последняя ушла, она осталась не только без реальной опоры, но то, что было, как маленький ребенок, вышибла из-под себя.

Не владея военной силой, она не владела телеграфом и

страной, ибо все, что было губернских установлений: губернаторов, исправников, становых, урядников, полицию – она все это уничтожила, поставила что-то новое, вроде комиссаров и милиции. Образовалась одна общая административная трясина.

А Совет, рядом с Временным правительством, принялся за армию, и блистательно провел свое разрушение, а с этим вместе разрушили и Россию. Иностранцы удивляются. У людей нет в России государственного понятия, патриотизма и т. п. Если бы им проделать наполовину то, что было проделано у нас, то они увидели бы и заговорили бы другое. Но что-то по привычке держалось.

В порыве чувств призваны были все жившие в опале за границей. Все они сделалось первыми людьми. И действительно, в деле разрушения они, отшлифованные заграницей, оказались выше доморощенных простачков, и повели дело разрушения деловито. Почти 10 месяцев прошло, и сколько времени дано было, чтобы совершенно доконать наше бедное отечество. И никто не мешал. Нет, мешали, но громкими словами: «А Васька слушает и ест».

Современное положение, в смысле государственном, дошло до безвыходности. Россия покрыта Советами из солдат и рабочих. Они правят в столице и в городах. Они вооружены, и в состав их входят те, которые жаждали мира, не желая сражаться с врагом.

Естественно, что Россия под таким режимом начинает раскалываться. Думаю, что раскол этот во имя порядка и безопасности от Советов. Но что эти откалывающиеся части установят у себя? Те же советы, но другого состава. Советы, сила анархии, на ней и держится, по-моему, престиж правящих. В Петрограде сила правящих в том, что нет предела их решимости удержать власть в своих руках. Нет предела обещаниям, нет предела в произволе подчиненных, своеволию, столь милому русской душе, полный простор. Ну и масленица. В стране снова водка, в городах водка и кругом разбой, неправосудие, насилие.

Польша, Литва, Курляндия, Ливония и Эстляндия, Финляндия, Бессарабия и имена остальных – ты их Господи веси – хотят быть вне России. Каким стыдом звучат слова наши – немцы, японцы восстановили у нас порядок. А говорили и говорят искренно. Но это подлые мысли.

20-XII-17/2-I-18

Чем дальше в лес, тем больше дров. Как бы наши бедные доморощенные дипломаты не заблудились бы совершенно, при просвещенном руководстве наших врагов. Я понимаю, что всякому лестно купить себе вещь подешевле, подчас даже лестно поднадуть наивного и глупого соседа. Но все-таки, на свете есть и порядочные люди, которые ведут дела, как говорят, по совести, без надувательства. Свое можно продать невыгодно, но величайшая низость, когда обращаешься так с тем, что тебе лично не принадлежит. Ленин и компания торгуют Россией, которая им не принадлежит. Наши враги это знают, и, тем не менее, торгуются с экивоками и надувательством. Нехорошо. Австрию и остальных можно извинить, но императорскому германскому правительству это не к лицу.

Я готов допустить, что политические интриги в целях ослабить военную мощь противника допустимы, ибо и раньше ими занимались. Что Германия воспользовалась и поддерживает смуту и другую мерзость, это Бог с ней, наше дело не идти на это, но сойти в международных переговорах с пьедестала самой элементарной порядочности – стыдно, страшно стыдно. Напрасно германские представители думают, что это забудется, а выгоды останутся. Краска стыда будет лежать на немецком народе и в свое время это чувство заговорит.

Мне понятно, что оберегая себя, Германия из нашей Польши может образовать себе буфер, пользуясь тем, что она на восточном фронте безропотно победительница, пусть берет Литву, но не хитростью, пользуясь сумасшествием лиц, решивших под флагом русского народа уничтожить и распилить Россию, а честно: я взял и не отдам. Так она поступила в 1870 году{111}, и никто ее не винил, что она поступила бесчестно, подло, по-предательски. Жестко, несправедливо, но не как предатель. И чем дальше идут переговоры, тем это подлое двуличие, которое в Петрограде не хотят замечать, ибо в растлении государства они заодно с врагами, сказывается сильнее.

Переговоры велись дальше, и в один присест важнейшие экономические интересы, вопросы юридические, вопросы вознаграждения, пленных и задержанных, железнодорожные были решены в принципе, для будущего переговоров о мире. Общие места для выяснения, что в принципе мы пришли к полному соглашению. И все это дела и вопросы, смысл которых в подробностях. Но где затронуты интересы наших противников, там это оговорено.

В вопросе о занятых территориях, мы встречаемся с предложением Петроградской делегации и противопоставленного ему германско-австрийского предложения, но которое наша делегация, кроме мнения своего о воте, очень мягко выраженного, нашла необходимым добавить, что она предлагает и, о ужас, настаивает, чтобы I и II пункты, предложенные в предварительных переговорах 15 декабря по отношению к Австро-Венгрии, были бы изложены более ясно и точно.

Основное Петроградское предложение.

I. Никакая территория, захваченная в эту войну, не может быть присоединена силой, и войска, занимающие эту территорию, должны быть тотчас выведены.

Предложение для Австро-Венгрии.

I. Австро-Венгрия и Россия объявляют прекращение состояние войны. Договаривающиеся обязуются жить в состоянии мира и дружбы. Австро-Венгрия готова очистить теперешние позиции и занятую территорию, насколько это не противоречит п. II, тотчас, как мир будет установлен и демобилизация русских сил будет исполнена. Россия одновременно эвакуирует области, ей занятые.

Для Германии остается в силе I пункт (уклончивый), помещенный у меня выше. Пункт I австрийский как будто лукавее, но зато милее, ибо она желает жить с нами не только в мире, но и в дружбе. Дальше идут уже экивоки, и по существу, и

по редакции. Очень загадочно выражение, когда демобилизация русских сил будет исполнена, тогда одновременно Россия эвакуирует области, ею занятые. Ну а демобилизация австрийских сил тоже будет одновременна, а если это будет противоречить п. II?

Русское предложение.

II. Вполне будет постановлена политическая независимость народов, потерявших ее в эту войну.

Предложение для Австро-Венгрии.

II. Объявив соответственно этим принципам для всех и народов, живущих в Империи Российской без исключения право решать свою судьбу, которая распространена до полного отделения, русское правительство принимает во внимание решение, где воля народа выражена для Польши, также Литвы, Курляндии, части Эстонии и Ливонии, чтобы объявить их полную конституционную независимость и отделение от Русской Империи. Русское правительство признает, что эта манифестация в настоящих условиях должна быть рассматриваема как выражение народной воли и готово из них вывести последствия, которые из этого вытекают.

Чтобы пункт II австрийского предложения был бы ясен, надо вернуться к тому, что 15/28 предложили наши делегаты.

«В согласии, с определенной двумя договаривающимися, декларацией, что они не имеют воинствующих намерений, и желают заключить мир без аннексий, Россия оттягивает свои войска из стран ею занимаемых в Австро-Венгрии, Турции и Персии. Четверной Союз выводит свои войска из Польши, Литвы, Курляндии и других русских областей.

Соответственно принципам русского правительства, которое провозгласило право всех народов, живущих в России, без исключения располагать собственной своей судьбой, до отделения; народности этих районов совершенно свободны в кратчайший срок совершенно определенно решить их союз с той или другой империей или независимым государством.

Присутствие каких-либо войск в этих районах недопустимо,

за исключением национальной или местной милиции.

До принятия какого-либо решения по этим пунктам администрация этих стран будет в руках делегатов, выбранных на демократических началах местным населением. Военная комиссия определит время эвакуации, начало и ход демобилизации армии».

Вот, что предложили наши молодцы. Зачем, и в какой связи, с вопросом о демобилизации? Зачем эта путаница пунктов декларации 12 /25 декабря? Вышесказанное относится не ко II, а к III, конец ее может быть еще отнесен ко II.

Можно думать, что немцы из деликатности пошли на уточнения и упорядочение переговоров, и вместе с тем воспользовались, чтобы поставить некоторые ультимативные требования, изложенные в дополнении австро-венгерского пункта II.

Наши выразили желание, чтобы враги выразились бы точнее. Им не ясно. Бедные дипломаты из Петрограда.

По ходу переговоров ясно одно: дураками и продажными подлецами переговоры начаты, и так они и ведутся. Худшие же мерзавцы над ними потешаются.

Гнусную роль взяла на себя Германия. С каким, однако, презрением она должна смотреть на тех, которые с ними так пошло и быстро переговариваются.

21-XII-17 / 3-I-18

Переговоры похожи на игру кошки с мышкой.

Но в лице делегатов, представляющих собой 180 млн. большое государство, если смотреть на это серьезно, по-видимому, сосредоточилась вся умственная и нравственная слабость этого государства.

Они прибыли по приказу, чтобы во что бы то ни стало вести переговоры для заключения мира, ибо мир нужен для упрочения власти Ленина и прочих, но не для России.

Но если бы он нужен был для России, то фигурировали бы русские интересы. Они никем ни разу не провозглашены. Если германцы приступили к этому делу серьезно и ведут это дело не по легкомыслию, в чем винить их вообще нельзя, то приемы, ими применимые, не имеют названия, презрение к нам не имеет границ.

И в Петрограде, погрузившемся в самый низкий и доступный человеку разврат, это как будто не чувствуют. Ну, а остальные, мы все: крестьяне, мещане, купцы, чиновники, дворяне, все, что носят русское имя, тоже не чувствуют? Масса не знает, что происходит, она не может разобраться в этих тонкостях, она лишь знает, что мир без контрибуции, без отдачи земель. А мир им, как и всем, нужен. И за спиной этого неведения происходит распродажа России, и когда она совершится, будет поздно. Это будет совершившийся факт.

И чтобы прикрыть это, быть может, Ленин посадит царя, чтобы свое преступление соединить с царским именем. Какой ужас для России и для царского престола. Неужели все это должно совершиться?

Какое несчастье на 67 году жизни, прослуживши полвека государству, видеть и чувствовать его разрушение, в условиях столь подлых, как современные, и бессильно взирать на него.

Это невыносимо. Одна надежда, что не все еще кончено, что есть еще сила, которая выше нас и которая управляет судьбами народов, скажет свое властное слово: «Остановитесь!»

Раздастся ли это слово? <…>

У меня нет сил и работоспособности М.В. Алексеева, но многое я видел раньше его и яснее. Об остальных не говорю. Рузский, Иванов, Брусилов, не буду перечислять дальше, люди самые обыкновенные, и в сущности, пустые и темные, и слабые. Лучше Головин{112}, пожалуй, Щербачев{113}. Но все они моложе меня, и от всех их событиями я поставлен был в сторону, хотя в 1908 году все это были мои подчиненные.

Куда я бы мог приткнуться без общественного доверия, хотя и с горячим желанием служить Родине? Рядовым не гожусь, и года и силы не позволяют. Для N не гожусь{114}, нет внешних прерогатив, которыми дорожит, в сущности, далеко не ценное для дела общественное мнение. Я решил вернуться во Францию, надеясь, что там буду работать для армии над разведкой. Генеральный штаб это желал, но не желал этого Павел Игнатьев, и сижу здесь, в сущности, без работы.

22-XII-17

По Лондонской телеграмме от вчерашнего числа, сказано, что после речи Каменева{115} о неприемлемости германских предложений, представители разных армий, один за другим, вышли с заявлением, что солдаты не хотят и не могут больше сражаться.

Действительно ли это настроение русских солдат, или это комедия, чтобы направить мирные переговоры в желательное русло? Мы живем в атмосфере такой лжи, таких махинаций, что к каждому явлению надо подходить с особой осторожностью. Кто же эти представители армии, почему они выразители действительной мысли и воли солдат? В каких условиях высказаны эти условия? Сколько вопросов, с целью выяснить истину, должны быть поставлены честно и объективно. Кто не хочет защищать свое Отечество? Солдаты? Но ведь это понятие общее о массе. Неужели, если собрать наших солдат и ясно и честно изложить им положение, они скажут: «Не хотим, пусть пропадает Россия».

Не думаю, уверен, что народная совесть подскажет им другой ответ, даже при наличии тех лишений, которые им приходится претерпевать теперь. Невольно вспоминаешь все сделанное, начиная с Приказа № I, и последующих, в корне убивших душу русского солдата. А сражаться между собою могут, убивать, калечить друг друга, вольготнее, чем отстаивать свою землю.

И Троцкий заявил о неприемлемости германских требований, но не по отношению к России, а к Польше, Литве, Курляндии, Эстонии. Все о чужих думают.

Прилагаю вырезку из Echo de Paris 4-I-18. Изложенное не нуждается в комментариях.

Максималисты признают независимость Финляндии

Стокгольм, 3 января 1918 г. Финской миссии в Петрограде, в состав которой входят Свинхувуд и Энкель, удалось, после многочасовой дискуссии, добиться от правительства максималистов признания независимости Финляндии.

С другой стороны, социалистическая партия Финляндии проводит кампанию в прессе и организует митинги за территориальное расширение Финляндии, в

которую отныне будут входить все финские области или области, примыкающие к ним.

Предполагается, что границы новообразованного государства будут простираться до Белого моря и будут включать в себя территорию Карелии, Ингерманландию, небольшую часть Петрограда и южную часть Эстонии. Таким образом, Россия будет иметь выход к Балтике только через устье Невы.

Независимая Финляндия

Нашему консулу в Гельсингфорсе были даны инструкции сообщить в Сенат, что Французская республика отныне рассматривает Финляндию в качестве независимого и суверенного государства.

Мы можем добавить, что в отношении Украинской республики наши намерения идентичны, и что верховный комиссар, который будет официально уполномочен представлять в Киеве союзников, будет выступать на эту тему в Раде.

Не стоит видеть в этих решениях ни малейшего желания расчленить Россию, а напротив, твердое намерение покончить с анархией в этой несчастной стране, поддерживая в каждой губернии устойчивые органы власти, которые могут сформироваться, и сотрудничество с которыми послужило бы основой для возникновения прочной федерации в России.

(«Матен»)

24-XII-17/6-I-18

Сегодня Matin и вечерний Temps принесли печальные сведения. Если бы не прочел сам, я бы не поверил, и даже прочтя, я продолжаю думать, что это не совсем так.

Франция признала независимость Финляндии. Франция, не признавшая Петроградское правительство как правительство России, ссылаясь на согласие Петрограда, первая, а Швеция вторая, о ней я не говорю, это другая статья, признает отделение от России. Этим она признает и Петроградское правительство как законное правительство России.

В этом, фактически, крупное недоразумение и несоответственность. Что такое же намерение существует у французского правительства по отношению к Украине, это еще менее утешительно.

Поведение германского правительства более серьезное и последовательно – оно предложило Финляндии раньше договориться с Россией.

Зачем эта торопливость? Зачем это вмешательство в столь тяжелые условия, которые мы переживаем, во внутренние наши дела нашего самого близкого союзника? Какие соображения практического свойства или сердечного характера могли побудить французское правительство на такой шаг?

Но ведь Россия и правительство, в особенности со стороны прессы и, скажу, общественного мнения запада, всегда пользовалась незавидной репутацией, чтобы не сказать ненавистью. На это были причины и, скажу, главнейшие: незнание России, ее народов, их бытовых условий, нашей истории, географии.

Самодержавное правление приноравливалось к деспотичному и тогда, когда в России уже функционировали законодательные учреждения, в ней была законная власть, разделяемая монархией с законодательными палатами.

Будучи страной демократической по своему составу, она управлялась учреждениями по назначению короны от министра до урядника включительно. Много было стеснений, но не столько, скажем, личности, сколько течения дел, которые были оплетены нашей гидрой – канцелярией во всех областях жизни. Но жизнь, в сущности, протекала более свободно, чем у культурных соседей, и не только для привилегированных, но и вообще.

Но как очень большая страна, с разнообразными условиями жизни, она шла медленно по пути улучшения, но все-таки шла. Если вспомнить, что в сущности подавляющая масса при этом

была безграмотна, беспомощна отстать от многих пережитков жизни, беспомощна извне, а помощи этой почти неоткуда было придти скоро и действительно, то и не удивительно, что развитие и улучшение жизни шли медленно.

Правительство могло придти на помощь народу раньше, но говорить, что правительство не желало, было бы несправедливо. Правящие желали, но не всегда умели.

Тяжело было жить тем, кто задавался целью все перевернуть. Между правящими и борющимися шла глухая борьба, куда затягивались и другие элементы.

Для меня, как военного, всегда далеко стоящего от политики, эта сторона нашей прежней государственной жизни была совсем мало известна. Все мы, будучи молодыми, мечтали и горячились, думая о судьбе России, обсуждая, что у нас не хорошо. Из моей среды, в 60-х и в начале 70-х годов, вышли Кравчинский{116} и Рогачев{117}, причем последнего в старших классах Орловского корпуса я любил и был с ним дружен. Это был славный кадет, сильный, смелый и готовый на шалость, но не подлость.

Много было сломлено жизней в этой борьбе, много, очень много ушло за границу не с любовью к российским порядкам, а со злобой, которая и передалась заграничной печати и обществу. По ним судили о России, ими пользовались. Были и хорошие среди этих выходцев, но были и негодные. Но если взять % их к 160–180 млн. народонаселения России, то % будет ничтожный. Нехорошо жилось евреям. Кто устраивался, тому было хорошо, но и те и другие были проникнуты неприязнью и ненавистью ко всему русскому. Может быть, это естественно, тем более что и мы, в общей массе, тоже не отвечали им приязнью. Но на это были глубокие причины.

Для восстановления против России заграницы это был главный элемент, ибо еврейство заграницей уже в лице своих корифеев и служителей невозбранно стало в роли вершителей финансовой и политической жизни западных государств.

Извне Россия была окружена врагами, с ней считались как с большой военной силой, но не любили и не верили, ибо не знали ее. Знать слабости – не значит знать народа, а о России знали, что она безличная, ленивая, неряшливая, пьяная и в делах не всегда чистая. Ohne Pflichtgefühl[21], как говорили немцы, и в последнем они отчасти и были правы.

Как-то расползлось это чувство, которое в прежнее время было присуще русскому народу. Да, невежество и водка вытравили в нем это чувство.

Не одно правительство, но и то, что было позажиточнее и выше, пообразованнее, до известной степени виновны перед

главной массой крестьянства тем, что оно, еще невежественное, но по природе умное и способное, было ими предоставлено самому себе или власти пропагандистов, под флагом свободы игравших на поддержании в нем низменных инстинктов.

25-XII-17/7-I-18

Германия признала независимость Финляндии. Все против бедной России, начиная от Петроградских правителей. Всем она почему-то мешает. То, над чем русский народ трудился многие столетия, теперь разрушается в несколько дней.

Все вон из состава Российской империи: польские губернии, Литва, Прибалтийский край, Ингерманландия, Финляндия, православная Карелия, Поморье, Бессарабия, Кавказ, Украина, Туркестан с Закаспийской областью. Затем пойдет татарва, черемыск, чуваши, пермяки, Сибирь. Что же останется, ибо и все казачество надо причислить к перечисленным. Что же останется? Куда приткнуть Владимир, Москву? Нет, тошно.

И откуда это семя раздора и разделения? И для чего мы делимся? Кто и что нас разделяет? <…>

Усиление власти советов того же характера, ибо творческого в этом ничего нет. Вместо одного воеводы поставили несколько, и все они приказывают. А так как они являются представителями рабочих и солдат, а крестьяне лишь из числа заблудившихся пошехонцев, то власть эта будет проявляться, пока будут солдаты и вооруженные рабочие. Если им будут платить хорошо, они будут усердно приказывать.

Но среди этих элементов населения найдутся и другие, которым лестно будет получать хорошее содержание и приказывать, и может разыграться прескверная история, в которой опять-таки первым страдальцем будет обыватель.

Так как это не институт, то оно не прочно, а так как законы отменены, а масса населения все-таки привыкла к закону, то по прошествии разных мытарств порядок этот станет ему невыносимым, ибо он основан на произволе.

Если Ленин и Троцкий думают, что они таким аппаратом могут управлять, они ошибаются. Командовать, пока будут штыки и пулеметы, могут, но управлять не могут, хотя бы они покрыли Россию сплошь Советами из рабочих, солдат и пришлых крестьян. И в этом большая опасность для жизни России. Их противники социал-революционеры. Понятие о них в России очень изменилось. Вся Россия встала под этот стяг, но кредо их не социалистическое. И откуда их столько взялось?

5 /18 января 1918 года

Все это успеет собраться из числа выборных в Избирательное собрание{118}, соберется, и если власть имеющие допустят их в Таврический дворец под видом избирательного собрания, то что-то начнется другое.

Но это будет только вид избирательного собрания, так сказать, первый опыт в этой области. Будет ли тогда лучше? Я думаю, нет, но, во всяком случае, для дырявой русской казны это, вероятно, будет смертельный удар. И тогда Россия без денег, без армии, будет отдана на произвол судьбы. Ничего не предрешаю, а лишь рассуждаю, свободному обывателю дозволено. Такой исход будет только началом отчаяния, а сколько времени продлится оно, чтобы ум и сердце русского человека обратилось бы за помощью к Господу Богу, это знает Он единый. Но к этому мы должны прийти. Может быть, не совсем этим путем, но прийти должны.

27-XII-17/9-I-18

О социализме, о демократии, о революции говорят в городах, где много пройдох и праздных людей. Разговоры эти – средства, чтобы подойти ближе к казенному пирогу, под флагом благодетелей народа или приверженца партии силы. Народ об этом не говорит, а вздыхает, когда ближайшие угодья разрушены и больше взять нечего, а то, что взято, не достаточно, ибо для него лишь одно заманчиво – ЗЕМЛИЦА. И это понятно. Он видит то, что перед ним, и потому берет то, что под рукой. Но лучше ему от этого не будет, и это он очень скоро увидит и очень здраво рассудит, что не стоило и огород городить. Ведь то, что забрано в виде вещей, ему не нужно, и держать это у себя он не будет, ибо это улика поступка, значение которого ему понятно. А через год или два он почувствует, что совсем не хорошо и что от грабежного его поступка ничего, кроме грязи, не вышло.

И это – коллективное чувство всего крестьянства. Другое последствие, и притом неизбежное, – это распри между собой, распри тяжелые и озверелые. А в городах пойдут те же распри на почве, где бы что стащить, чтобы прожить, ибо производительного труда нет, и ввести его в колею будет не так-то легко.

Но источники городских благ очень ограниченные, аппетиты Советов и их разветвлений немалые. Пока будут штыки их поддерживать, продержится, а когда демократические формы правления окажутся без их содействия, все это рухнет – не сразу, а сменяясь, ибо править и жить будут хотеть многие. И в этой анархии жизнь должна течь до тех пор, пока всем до смерти не станет тошно. Я говорю о благополучном царствии настоящего режима.

Может быть Избирательное собрание, если ему суждено существовать, и Совет допустит это существование, и внесет что-либо более отрадное. По-моему, надежд на это нет, и современное состояние должно идти своим путем.

За время этого безладия, там, где найдется куча более энергичных людей, начнутся самоопределения и отделения, и карта Российской Империи будет даже не та, которая изображена во вчерашнем № «Экцельсиора», а иная, с Орловской, Тульской, Рязанской, Новгородской и т. п. республиками. Вырастут они, как грибы, и Петроградские правители окажутся в положении наседки-курочки, высидевшей утят.

Ну а дальше что? Я думаю, тот же хаос и бедствие, но в усиленной степени, что и теперь, до тех пор, пока народ не

увидит во всю, что дальше моченьки нет, и тогда явится Избирательное собрание, или Земский Собор, тогда поднимутся Минины и Пожарские и, помолившись, скажут: «Довольно страдать Российскому царству от беглых воров!» <…>

Но мне надо вернуться к тому, под влиянием каких соображений французское правительство приняло столь оскорбительное для России признание независимости Финляндии. Зачем ей это было необходимо? Какие виды скрываются за этим решением?

Франция не признает большевиков, но она и не отрицает существование России. Большевики признали независимость Финляндии; присоединиться к их решению – это значит косвенно признать большевиков.

Не проще ли было просто их признать, а независимость Финляндии оставить в стороне? Если признавать, что помимо большевиков есть еще и Россия, то ведь ясно, что признание Финляндии независимой именно теперь есть поступок, который в России среди признающих, что Россия еще существует, произведет глубокое потрясение, о значении которого здесь не думали. Или это отплата другу за измену? Но это политика чувств и, наконец, Россия не изменила Франции. Та Россия, которая верна Франции, беспомощно уничтожается и, говоря об измене, надо отнести ее к другим.

Я думаю, что тут что-то не так. Допустим, что газетные сведения верны и французское правительство признало независимость Финляндии. Какие выгоды она от этого имеет и, наконец, какую Финляндию она признала независимой?

1) Признавая так скоропалительно Финляндию независимой, Франция может заручиться ее благорасположением, но к чему оно ей?

2) Если Франция станет на ту точку зрения, что Финляндия была попираема бывшим русским правительством, по мнению запада деспотичным, попиравшим все народы, в том числе: эстонцев, латышей, литовцев, поляков и т. п., и признание независимости Финляндии только первый шаг к освобождению из подобного ига всех этих племен, то наш союз – безнравственный, и Франции идти на него не следовало.

Я думаю, что она на это так не смотрела, хотя о России не только Франция, но и другие имели превратное понятие.

Создание независимой Польши всегда проводилось Францией и раньше, но это имело свои исторические причины и, наконец, симпатии.

Но ведь с объявлением войны, как это не было неосновательно и не государственно, мы сами выступили о

единой Польше, правда, под покровительством Русской короны. Акт этот ничем не был вызван и явился результатом того обалдения и дурости, которые охватили наших деятелей, стоящих у власти. Если стремление отделения от своих областей проявлялось нашим правительством до войны, то незачем удивляться, что Ленин и Троцкий всем говорят, чтобы уходили из состава России.

Неужели не проще было бы во имя реальных интересов обеих сторон выйти, или вернее, пойти по пути какого-то соглашения с максималистами, благо они, если не правят, то распоряжаются частью России.

С Керенским же сносились, чем же Ленин хуже? Тот и другой продукт революции, которая с таким восторгом была принята, по крайней мере, прессой Франции. Таким образом, по моему мнению, нет ни права, ни выгод для такого признания и потому полагаю, что в газетах это извещение преждевременное.

Финляндия была нераздельной частью Российской империи, и это всеми было признано. Она имела свои внутренние особенности, именовалась Великим Княжеством Финляндским, как Туркестан и Кавказ именовались Туркестаном и Кавказом.

28-XII-17/10-I-18

Финляндия, завоеванная в 1809 году, пользовалась внутренней автономией, имела свою монету, свой торговый флот и флаг. Пользуясь большими экономическими выгодами, не неся бремя вооружения и военных расходов (ежегодно выплачивала 10 млн.), она богатела и крепла. Упорная борьба за обособленность шла давно, и надо сказать, под покровительством верховной власти России.

Когда в самой России проснулось государственное самосознание, было уже поздно. Финляндские мышления сформировались и окрепли в сознании и стремлении полной обособленности и самостоятельности от России. Русское мышление, признававшее, что Финляндия есть неразрывная часть Российской Империи, смириться с этим не могло, и началась борьба, завершившаяся законом 1910 года, по которому по общегосударственным вопросам решения должны проходить общегосударственным порядком, с участием в Государственном Совете и Государственной Думе представителей от Финляндии. Закон этот из-за обструкции Финляндии, применения не получил. Заграница считала, что Финляндия попираема и угнетена деспотическим правительством. В подробности не входили, и симпатии были на стороне Финляндии, ибо не было вопроса, касающегося России, в котором заграница платила нам своими симпатиями. Россия в этом отношении была в худшем положении, чем Турция, где сплошная резня, например, в Армении{119} встречала протесты только у некоторых. Все, что творилось в России, было худо.

В свою очередь, финляндцы, шедшие определенно к полной обособленности, не жалели ума, усилий и красок, чтобы выставить несправедливость русского правительства. Русские опровержения были редки, не всегда удачны, да их никто и не считал. Финляндия была страна подавленная, которая боролась за свободу, и этого было достаточно. А на самом деле свобода внутри Финляндии была полная, и если русское правительство прибегало к насильственным мерам по отношению к отдельным лицам, то в силу защиты государственности и в крайности. Пока Финляндия была страна бедная, она жила спокойно, приобретала ловкими маневрами права и выгоды и, упорно работая, достигла сравнительно большого благосостояния, с которым вместе развивалось и крепло национальное самосознание.

В течение многих лет серьезный и трудолюбивый финляндец воспитывался в этом направлении, и на него не влияли, ему не

мешали, а скорее восхищались, а потом вдруг опомнились. И вместо того чтобы приспособиться, мы стали не то чтобы ломать, а как говорил покойный Николай Иванович Бобриков{120}: «Ставить им запятые». В результате ярая ненависть ко всему русскому и, когда в самой России случилось великое несчастье, Финляндия одна из первых за выше 100-летнее покровительство отделилась и объявила себя самостоятельной.

Наша война – источник нашего разорения и политического бедствия – для Финляндии был период ее промышленного и финансового благополучия. И она сохранит его на счет той же России, и если наша политическая и экономическая жизнь будет течь по тому же грязному руслу самоуничтожения всего, начиная с труда, то не удивительно, если Финляндия за счет России сделается соединенным Финляндско-Ингерманландским-Карелийским государством, которое закупорит все жизненные соки могущественной в былом России.

Не Финляндия будет нуждаться в России, а Россия в Финляндии. Вот в какое положение привела нас революция, затеянная политиканами, у которых была не любовь к отечеству, а любовь к себе и своему тщеславию, и исполненная толпой, которая довершит конец России вместе с Германией, если Россия во всем ее объеме не опомнится.

Будем самоопределяться и уничтожаться.

Вот Вильсон{121}, как будто почуял, что не ладно творят с Россией, и в его призыве слышится нечто такое, что нашим друзьям, думающих только о себе, не пришло на мысль.

Это единственный голос, и притом в таких выражениях, что другим как будто стало стыдно.

Не забывайте, дорогие союзники, что наше несчастье пришло к нам при вашем содействии. У вас не хватило ни такта, ни предусмотрительности, и вы впутались в наши внутренние дела, не зная России, служа поддувалом. И получился пожар, который нас уничтожает, и прекратить который вы не в силах. Вы не знали нашей пословицы, что «синица море зажгла», ну мы и горим.

Союзники высказались, Германия торгуется с Троцким, который не представляет Россию. Польша, как Германия и Австро-Венгрия – вассалы, шлет победителям делегацию с Любомирским{122} во главе, который расшаркивается. Но что это за Польша? Германия говорит с ними, но не договаривает. Что скажет Австрия? Практически то, что было условлено у них раньше. Часть к Галиции, другая с Варшавой, к Познани. Где границы Польши, связанные с Германией и Австрией, тоже темно? Но об этом позаботится товарищ Троцкий. Чувство гордости, что он россиянин, ему чуждо. А потом пойдет дело с

Литвой, и далее. Неужели русский народ погиб, ничего не видит, не чувствует, не понимает? Наказание Божье за нашу гордость и напыщенность, под которыми не было никаких трезвых основ.

Быть может, история вступает в новую фазу, с Лигой народов, откуда все негодное будет выкинуто, чтобы сделаться рабом той же Лиги.

29-XII-17/11-I-18

Декларация Вильсона очень благородна в начальной и заключительной ее части. 14 пунктов его условий{123}, условий, предлагаемых сильным менее сильному. В декларации много искреннего чувства и мыслей, ищущих выхода из тяжелого положения, в котором находятся народы Европы почти полвека. Даст ли она этот выход? Дойдут ли эти слова до глубины души всех народов, и ответят ли они и на это согласием? Более чем сомнительно. Каждый народ жил и развивался по-своему, у каждого свои идеалы, свои интересы, своя история, которые текут не параллельно, а скрещиваются и дают трения, которые устранить убеждениями нельзя. Прекрасная декларация по мысли, по благородству чувств, но условия, в ней изложенные, для одних радостные, для других оскорбительные, ибо у них отнимают то, что они считают своим, или на что они приобрели право своей кровью. Как убедить Германию, начавшую войну, что она ее начала, что она к ней готовилась и ее открыла, когда признала для себя выгодной? Как убедить в том же Австрию, которая в июне 1914 года провозглашала, что маленькая Сербия грозила самым жизненным ее интересам?

Как убедить Турцию, что Сирия, Палестина, Аравия, Армения должны быть изъяты из ее состава и во имя принципа должны жить не с ней? И Болгарию не переубедить в ее мечтаниях.

О России не говорю, она в лице тех, кто захватил право говорить от ее имени, отреклась от себя и искренно или неискренно живет мечтаниями интернационала. России, с ее историческими и бытовыми интересами, нет, а за нее говорят Цюрих и Женева с кружком людей, призванных революцией нами править.

Ну и правят, а мы ничего в этом не понимая – безмолвствуем или, руководимые другими, но не русскими государственными интересами, им потакаем. Я думаю, если мы могли бы расчленить мысль тех, кто правит Россией, чтобы они ясно и определенно выяснили, куда и к чему они ведут Русское государство, то кроме общих мест о трудящихся, о пролетариях, мы бы ничего не получили.

Ответ и заявление Троцкого в Бресте звучат громко и как будто с достоинством, но смысла практического в них нет. На первом заседании он заявил, что прибыл не как представитель побежденной нации, и не имеет в виду просить милости, а явился, чтобы действовать, как настоящий революционер.

Неужели он мог думать, что произнося эти гордые слова, они

взволнуют и заставят задуматься Кюльмана{124} и Чернина{125}?

Напрасно думают, что Германия выскажется с такой же определенностью, как Ллойд Джордж и Вильсон. Пока она будет говорить экивоками и разрешение своих вопросов будет искать в силе своего оружия. Не удастся заговорить иным языком. Всем нам темно положение самой Германии и Австрии, последней в особенности.

Декларация Вильсона очень обострила вопрос о мире, ибо если взять только Германию, то Эльзас и Лотарингию и свою Польшу, как и Австрия, свою Галицию, добровольно не отдаст, какими прекрасными словами и принципами эта отдача не была бы обусловлена. <…>

Вечером 30-XII-17/12-I-18

В Temps помещено воззвание Крыленко.

Он находит необходимым создать новую армию для борьбы с буржуазией, не только русской, но и заграницей.

Из этого для меня вывод один, что существующая вооруженная масса людей на фронте никуда не годна, или настроение этой массы не отвечает вкусам Крыленко.

Сформировать армию для борьбы с невооруженной русской буржуазией по-теперешнему времени не трудно, но для борьбы с врагом России такая армия никуда не годится. Она от немцев будет уходить, будет убивать, грабить своих.

Тяжелые явления имели место в армии и в Черноморском флоте, если верить сведениям, которые приходят из России. Переговоры подходят к подводным камням. Первые шаги Троцкого на дипломатическом поприще неудачны, пришлось извиниться и уступить. Значит, в дальнейшем пойдут уступки. Кюльман и Чернин оседлали Троцкого и нашу делегацию, и, вероятно, постараются сделать то же с хохлами. А внутренние дела текут так же безнадежно, как и раньше. Порядка, безопасности и просто жизни нет, и Ленин не может восстановить это, ибо сам он покоится на силе анархии и разгула. Что для меня темно, это красная гвардия, или вооруженные рабочие. В чем разница у них с солдатами? Хуже ли они, или лучше? Как будто борются с пьянством и грабежом, а может быть, это и не так.

1/14-I-18

Мало утешительного сулит наступающий год для нашего отечества.

Мир – общий страстный лозунг, позабыта старая истина, что мир настоящий, прочный и отвечающий государственным интересам, доступен лишь государству сильному. А Россия, не переставая существовать, перестала быть государством, и мир ей будет продиктован ее врагами, мир беспощадный, а для достоинства недавно еще великой державы, позорный и убыточный настолько, что пройдет столетие, прежде чем государству суждено оправиться, а не быть ареной опытов, которые могут и окончательно разрушить Россию.

Враги прежней государственной жизни желали, скажем, мира и любви, они желали крупных социальных изменений, создание социалистического государства. Не принесут ли они, взамен этого, ненависть, вражду и взаимное уничтожение?

Я не увижу последствий, ибо уйду, исстрадавшись настоящим туда, откуда нет возврата, где нет вражды и злобы, а вечный покой. Все русские в Париже проникнуты одной мыслью, как бы прожить и как бы ухватить куш денег. До 1 апреля всем (офицерам), кажется, выдали оклады, а что будет дальше?

Уже 1½ месяца, что из Франции никого не выпускают и не впускают, среди русских здесь ходят фантастические слухи, не буду их повторять. Они больше внушены страхом. Но положение все-таки серьезное. От русских все отшатнулись, но сдержаны и пока приличны. Не думаю, что мы после всего случившегося и последствий, которые вытекают из этого для всех союзников и Франции, в особенности, могли бы на что-нибудь претендовать. Но претендуют. У всех в мыслях, как бы что найти. Но это детские мысли, ибо кто же даст людям, ничего не знающим и не владеющим языком? Другое стремление к составлению разных обществ, одно с целью помогать французам, другое для самоопределения и самопомощи. В основе как бы найти кусок хлеба. Военным французы предлагают на фронте, из 20 тыс. массы 350 человек туда отправились. Солдат – часть направляют на работу, кто не хочет сражаться, а кто не хочет ни работать, ни сражаться – в северную Африку.

У нас есть тыловое управление с полковником Карханиным{126} во главе. Оно громадное и оклады еще более громадные. Когда сюда ехал Занкевич, то все это им было устроено там, а оклады определил себе, по-видимому, Карханин. Говорят, в общем он получает 5500 франков в месяц, т. е., без

малого 70 тыс. в год. Столь же громадные оклады и ниже. Делать им нечего, да сверх того, поехали люди, которые с Карханиным во главе не могут изъясняться по-французски. Это повальный грабеж. Сам Занкевич начал с того, что выпросил себе прибавку к суточным и представительским, которые я получал (по 15 франков в день и 250 рублей в месяц), и какие-то экстраординарные суммы и право распоряжаться кредитами. Ну и распоряжается. У французов слюнки текут, но и волосы становятся дыбом от наших окладов и пренебрежения к народным деньгам. Помилуйте, как это у вас странно!

Главнокомандующий Жоффр получает наполовину меньше, чем заведующий у вас базой полковник. И так идет кругом. Я получал много меньше Занкевича, старше его, полный генерал, член Государственного Совета, жила отдельно жена, и все-таки у меня была экономия, не громадная, а все-таки была, а Занкевич, приехав, с места потребовал усиления. Хотелось ему получать то, что получают в Англии Дессино{127} и Гермониус{128}. Не дали, но все-таки прибавили 1300–1400 франков в месяц на суточных и представительских. Кругом идет вообще на законном основании хищение.

Генерал (был полковник) Свидерский{129} получает около 6 тыс. в месяц и автомобиль, который тратит колоссальные деньги на бензин, что-то около 20 тыс. в год. И все это живет, и считают, что живут честно. А если перейти к числу, то скажу, что по подсчету, их, по крайней мере, в 4 или 6 раз больше, которые сосут казну и, в сущности, только курят папиросы и шляются по ресторанам. И французы все это видят и нас за это не уважают.

Я очень виню Занкевича. Пока я был, я не имел ни полномочий, ни прав вмешиваться. Многое было не устроено благодаря Петроградскому Генеральному штабу, его волоките, его неумению. Я умолял отсюда дать Занкевичу права и полномочия. Что же он с ними сделал? Навез тыловое управление, увеличил казенные расходы, распылил и осрамил русские войска своей политикой, вернее, политиканством. В одном он был искренен, а именно в том, как он мне сказал в июне на мое заявление: «Ведь это стыдно». «Да, ваше высокопревосходительство, но за свою службу заграницей я потерял стыд». Счастливый человек, что избавился от такого бремени.

Бедного Коку Бобрикова отдали под революционный суд, за сопротивление распоряжениям народных комиссаров. А у него, бедняги, никаких распоряжений, ни власти нет. Кто-нибудь донес, вернее, писарь. Все они протестовали, когда власть была захвачена большевиками. И посол{130}, и Занкевич, и другие,

помельче.

Я в это не путался, ибо никого из них не вижу, но Коке и Игнатьеву говорил, что это глупо и неправильно. Если не хотите служить – уходите, но фрондировать и показывать кукиш из кармана – по-детски. Но это им нужно было для французов и для кредитов. Говорят, они послали какие-то протесты в Петроград. Не думаю. Лукавство одно, а дело и мужество – другое. Несколько дней тому назад встретил у Караулова{131} корнета Семенова{132}. Разговаривая, я ему сказал, юридически я все-таки не понимаю, чем Ленин менее законен, чем Керенский? И то и другое ведь явочным порядком. Французов я понимаю, Ленин для них – сепаратный мир, и для них он не приемлем. Но если мы следовали за Керенским, которой создал все зло в России, то юридически, чем же Ленин хуже? Чувствовать можно, в общем, беззаконие, я между ними разницы не вижу. Мы присягали Временному правительству, которое должно довести нас до Избирательного собрания, а не лицам.

Лично моего отношения к этим лицам не высказываю. Передо мной стоит растерзанная, опозоренная Россия, и ей одной, пока жив и жива она, буду служить. Мы заграницей ужасно любим разыгрывать личную роль, прикрываясь чужим плащем. Это смешно и глупо. Теперь, в нашем пассивном положении, остается ждать. Жизнь дома ужасная. Здесь этих ужасов нет, но она давит невозможностью что-либо сделать. Со времени признания независимости Финляндии мысль о Швеции меня не оставляет. Я вижу, но доказать теперь не могу, выступление Швеции, чтобы помочь Финляндии отделаться от бесчинствующих там наших войск. До признания Финляндии независимой, это была война с Россией, теперь же дружеская услуга, даже и не за Аланды{133}, а просто, чтобы поддержать только что оперившееся правовое государство. В глазах культурного (запада) мира, Швеция окажет благородную поддержку. Для России это будет одним плевком больше. А что из этого может разыграться дальше – я не знаю. Если будем катиться все вниз, и народ, общество, и то, что наверху будут продолжать жить сегодняшним днем и без сознания своей народности, то, может быть, будет еще сквернее. Помещаю это в виде памятки. Страшен сон, да милостив Бог.

2/15-I-18

Свои подсчеты немецких сил, собранных против франко-английского фронта, я еще не докончил. К 2/15 по валовому расчету можно считать, что 166, 167, может быть 168 германских дивизий, собранных по эту и по ту сторону Рейна. Есть признаки, что прибыли и австрийские дивизии (не верно), как к северной части, так и к южной части фронта. Часть тяжелой австрийской артиллерии прибыла в район Эльзаса. Силы большие, пока не превосходящие союзников, но скорее равные. Может быть, еще прибудут. Сверх этого немцы усилили и улучшили элементами с востока{134} части западного фронта – это серьезно для продолжительных и упорных боев, если германцы решили прорвать союзнический фронт и затем развить этот акт.

Предстоящая германская операция очень трудна, даже при условии некоторого превосходства в тяжелой, и в особенности, в короткой артиллерии. Но я не знаю, что в этой последней области достигнуто союзниками. Они тоже усиленно работали, как в этой области, так и в авиации.

К чему они не могли подойти, это к единству командования, вернее, управления. Это просто удивительно, с каким упорством штатское управление стоит за эту раздельность. На основании моих наблюдений начиная с ноября 1916 года над главными действующими лицами, я пришел к заключению, что главное препятствие для объединения – это Лондон, но не Ллойд Джордж. И непонятно это, и страшно за операцию, которая может решить судьбу союзников, операцию с расчленёнными головами, против одной мысли и единства распоряжений. Вчера и генерал Делакруа поднял свой голос, но скромно. Военным не позволяют здесь говорить решительно.

Я составил сегодня записку по этому вопросу, думаю отправить ее Клемансо{135}. Безобразов{136} переведет мне ее на французский язык, и там увижу, что делать. <…>

5/18-I-18

Препятствия в проведении общего объединения управления хотя бы на французско-англо-бельгийском фронте вероятно: 1) в Робертсоне, 2) в затаенном недоверии французской палаты к военным, вообще, с чем, по-видимому, должно считаться такое правительство, как настоящее с Клемансо во главе; 3) не думаю, но, может быть, было бы неприятно бельгийскому королю{137}. Но то, что я высказываю: это мое предположение, основанное только на моих наблюдениях над людьми и течением жизни. Я даже сомневаюсь в возможности этого начала теперь, когда действия противника могут развернуться скоро. На моих глазах протекли более простые изменения с Жоффром, Нивелем и Петеном и я видел разруху оперативной кухни, которая длилась долго.

И все-таки, я считал бы, несмотря на все неблагоприятные условия, в которых мы живем, что ввести это надо.

Соберется ли сегодня конституанта? Если соберется, каков будет ход ее работ? Как она себя поставит?

Ход Брест-Литовских переговоров совершенно изменил существо наших мирных пунктов 1–6, и совершено незаметно для делегатов наших, которые попали в тупик. Если бы наши делегаты с Троцким и другими во главе, прежде чем провозгласить трескучую декларацию проанализировали бы ее с точки зрения применения к действительной жизни, в настоящих условиях, беря их во всей совокупности и сообразно психологии немецкого народа, и их правителей, то такой постыдной гаффы[22] не было бы.

Теперь остается или согласиться с немцами, и тогда уступки интересов России польются неудержимо широкой волной, или надо принять на себя все последствия решительного отказа толкованиям немцев. Что сделает Троцкий, не знаю, ибо ему одинаково легко и безразлично сделать и то и другое, так как он не стоит на почве интересов России.

Мне представляется, что Троцкий и делегаты из цепких лап немцев не выберутся.

Вероятно, в минуту горькую они надерзят, им прочтут нотацию, что так нехорошо, но переговоры будут продолжаться, ибо ни Троцкий, ни делегаты, уже сдавшие свои позиции, ничего другого, по их мышлению, не могут.

По современным понятиям немцы поступают хорошо. Но я знал другую Германию, возвышенную и рыцарскую, которая на такие переговоры с такими делегатами не пошла бы, а коли ей нужен мир, брала бы его оружием, и затем диктовала бы свои

условия, без экивоков, без лицемерия, без унижения.

С другой стороны, требования Германии чрезмерны, и история не представляет нам примера, чтобы отрывалось то, что захвачено войной. Правда, мы пошли им навстречу с самоопределением народностей, которое, если это верно, с легкой руки наших Петроградских политиков в Вене получило соответствующую формулировку.

Бедное российское крестьянство и рабочие, как тяжко вам и вашим детям придется заплатить за это безумие. Но в настоящем, когда призванные на защиту отечества воины и, переодетые, занимаются грабежом при участии рабочих, и в будущем, когда все будет разорено, вы обречены будете на худшую бедность. Что с вами будут страдать те, которые кое-что имели и давали вам работу, от этого вам легче не будет. Жить и думать, что не сегодня так завтра надо погибать – это не жизнь.

А Смольный все издает и выпускает все новые декреты, по социалистической программе. Не все доходит сюда, а что доходит, то урывками, и о законодательной деятельности института составить себе определенное представление трудно. Чья-то голова с усердием над этим работает.

Приехавший из Петрограда Ионнеско{138}, как мне сегодня говорили видевшие его, утверждает, что в Петрограде образцовый порядок, поддерживаемый Красной гвардией.

Возможно, хотя грабежи идут своим чередом. Надо ведь условиться, что понимать под словом порядок. Везде Советы беспощадно приказывают, ну и порядок, но какой? Порядок в мертвом доме, ибо все попрятались и все дрожат.

20–1-18

Избирательное собрание, в числе 453 (вместо 780) собралось, выбрало временным председателем Чернова{139}, и начало разговоры. Надежда, что собрались люди дела, люди, проникнутые желанием восстановить Россию, порядок жизни в ней, вероятно не осуществится. Собрание выбрало Чернова, человека агитации и, как говорят, денежно не чистого, что само по себе уже показывает настроение собрания.

Большевики власти не отдадут и сделают это просто. Может быть, прибытие еще 32 депутатов изменит положение, но скажу, первый блин комом. Для начал, провозглашенных революцией, это большой удар. Большевизм будет основан на насилии, насилием логически должен и закончиться. Он может просуществовать сравнительно долго, и чем дольше он будет существовать, тем хуже для России, но остаться формой правления он не может. Ни крестьянство, ни мещанство, ни купцы, ни остатки дворянства не помирятся, чтобы правили матросы, солдаты и рабочие. Все это не сословие, не прочные элементы. Сегодня есть, а завтра их не будет.

Максималисты требуют, чтобы Учредительное собрание признало центральный Совет и губернаторов законной властью.

В этом требовании видна сила и наглость, но, судя по началу и выбранному председателю, вероятно избирательное собрание маленьким большинством, а может быть и без кворума, на это и пойдет, и в России будет провозглашено, что избирательное собрание это утвердило. Одной комедией больше.

Наши враги теперь ясно видят, с кем они имеют дело, и они бьют нас нашим же оружием. Еще не ясно, что творится в Австрии, и какое положение заняли представители Украины{140}. По нашему мышлению, самым ярым врагом России будут эти представители Украины, хотя это все и русские люди. В Харькове образовалась 2-ая Рада и исполнительный комитет Украины. Вероятно, по этому пути не остановятся.

Очень интересное сообщение из газеты «Время» (Temps) об заарестовании текущего счета Керенского в Государственном банке и в Международном банке на сумму 1477344 руб. – хороший куш за короткое время. Понятно теперь, что дорога ему была революция; он ни разу не обмолвился в своих полных увлечения, как писали газеты, речах о России. Что ему Гекуба – 1½ млн. гораздо пригляднее. Надо думать, что кроме них, он еще кое-что прикарманил. Если лучший гражданин России так себя благодетельствовал, что же те, что сортом ниже? Если это не

клевета, то это очень знаменательно для трудящихся. Может быть, старые правители были глупы, но воровством казенных денег, к их чести скажу, не занимались. Были единичные исключения, но масса на верху казенных денег не крала.

8/21-I-18

Избирательное собрание распущено. Даже не дали поговорить. С точки зрения тактики той политики, которая ведется большевиками, правильно ли это для их власти, или не правильно? Пожалуй, правильно, ибо если Избирательное собрание сплотилось бы, то через две недели совершить эту операцию было бы опаснее. Избирательное собрание, во враждебной большевикам части, возможно, соберется в другой части, или Петрограда, или в ином пункте, но в уменьшенном очень размере[23]. Их снова тогда распустят или разгонят. Многие уклонятся, как кадеты 5-го января.

Хорошо ли это все? Для блага России хорошо. Ее страдания еще не закончились, но первое избирательное собрание в условиях выбора первых членов собрания не воля здоровой России, а больной, и мне кажется, что большевики оказали России большую услугу, что поступили так.

Но в необъятных пространствах России они отшатнули от себя много миллионов молчащих людей, и прежде всего крестьянство и часть рабочих, ибо они пошли против какой-то России. Никто ведь не входит в разбор, как совершались выборы и кто выбран, но Русская земля кого-то послала говорить от себя, а их разогнали. Так старое монархическое правление не поступало. Избирательному собранию сделана несправедливость, а русская душа чтит больше всего справедливость. Исполнили разгон моряки. < … >

9/22–1-18

Моряки зарезали в Мариинском госпитале больных и арестованных, Андрея Ивановича Шингарева{141} и Кокошкина{142}.

Двух русских, всю душу свою отдавших служению русским. И это сделали моряки, ворвавшись в Мариинскую больницу с целью совершить гнуснейшее убийство людей больных, беззащитных, лежащих под охраной всех божеских и человеческих законов. Это сделали моряки. К массе злодейств, ими совершенных, они прибавили еще одно. Что значит в настоящее время человеческая жизнь. Но над кем и при каких условиях оно произведено и как и кем, вот где гнусность, которая не забудется, как не забудется все в максималистическом правлении. Кокошкина я не знал. Не поклонник я кадетского знамения, но среди них были люди достойные и по искренности, и по любви к России; Шингарев был самый видный. И его зарезали, бедного, когда заключенный произволом большевиков он, больной, лежал в лазарете. Мир праху твоему, доброму и хорошему русскому человеку. И кому это было нужно?

Классовая борьба в разгаре. Семя Ленина дает плоды. На этом не остановятся, и как думал вчера, так и будет. Неужели имена матросов останутся в тени, как остались в тени имена других убийц, убивавших ради убийства. Очерствело сердце. Что бы ни произошло, оно реагирует слабо, оно возмущается, но в бессилии и успокаивается.

История повторяется. Была опричнина и снова она появилась, как продукт русской жизни, тогда под безграничной властью царя, теперь представителя социализма. Цели те же, но у Ивана IV были цели государственные, у Ленина и компартии, вероятно, социалистические и личные.

10/23–1-18

Германские газеты отмечают успешность переговоров с украинскими представителями. Подробности о переговорах не дошли. Они, по-видимому, характера торгового и тарифного, а не политического. В этих переговорах предусматриваю большую опасность для центра и севера России, для которых бедствия голода должны наступить вскоре.

Внутри Украины и в юго-восточной России, несмотря на бедствия, междуусобия, без сомнения идет спекуляция к скорейшему сбору залежей хлеба. Отсутствие имущественной и личной безопасности в стране даст этому движению особое и не выгодное, по данным условиям, направление. Если эту общую опасность, люди считающие, что они у кормила, не видят, то горе большей половине России. Борьба, политика, насильственное проведение социалистических крайностей их отуманило и возможно, что они это не видят. Обесценив все, они не в состоянии будут направить течение хлеба и зерна для посева на север, и тогда после голода 1918 года настанет еще худший голод 1918–1919 года.

Много непривлекательного рассказывал о наших денежных дельцах А.М. Безобразов. Вероятно, много и правды в этом. Пока все было хорошо, средства лились широкой рекой, и вероятно кое-где прилипали по мелким рукам. А теперь, когда стало скудно, а впереди и бедственно скудно, пошли пересуды злословия. Вчерашние боги падут, и над ними будут издеваться. Из России нет телеграмм. Что-то там происходит? Телеграф вероятно бастует. Не думаю, чтобы в Петрограде было бы спокойно, равно и в Москве.

11/24-I-8

В первые дни войны, обсуждая с военной точки зрения результаты этой борьбы, я вопреки общей уверенности в блестящую победу, зная положение, знакомый с главными деятелями, как у нас в особенности, так и заграницей, я высказался: 1) в военном отношении борьба кончится ни то ни се. 2) раздавить Германию мы можем только с помощью немецкого народа, но не вооруженной силой.

Возможность революции у нас после, но не во время войны, я допускал. Несмотря на все меры и распоряжения правительства и его органов, которые все делали, чтобы вызвать революцию, я до конца 1916 года не думал, что она вспыхнет в течение войны. Ведь надо знать, что проделывалось, как неразумно высасывались из народа все соки. И сверх того, как это делалось.

Для примера: в 1916 году от Ефремовского уезда потребовалось 16 или 26 хомутов, ременных. Подняли весь уезд, все мы с нашими веревочными хомутами туда поплелись – а взяли все у князя Лобанова-Ростовского{143}. Сколько народа исхарчилось, издержалось, и зря, когда могли никого не трогать и купить это в городе. Это один случай, а таких с лошадьми и повозками было много. Безнаказанно такие опыты не проходят, они вносят раздражение и никто не считается с тем, что, понятно, не правительство виновато, а исполнители, система и привычки.

13/26–1-18

Гертлинг{144} и Чернин высказались. Заявления их, равно как заявления Вильсона, Ллойд-Джорджа, Петена претерпевают изменения, диктуемые ходом жизни и войны.

Все хотят мира и все кроме нас, хотят доброго мира для себя, а мы хотим, чтобы всем было хорошо, кроме нас самих. Мы поэтому в стороне и, незаметно для нас самих, заплатили долгими годами рабства ради других. Благородно, но не умно. Почти 300 лет претерпевали мы татарское, а затем свое собственное иго. Теперь же будем под игом, не знаю даже кого, но вероятно всех. <…>

15/28-I-18

Завтра в Версале соберется военный совет interalliées[24], как будто немного поздно для военных дел и даже для политических, которые там будут обсуждаться в обществе главных представителей государств. Враги высказались. Что они сказали, интересно для публики и для газет. Государственные люди были бы не таковыми, если для их решений необходимы были бы речи Гертлинга и Чернина. И до этих речей они отлично знали, что те ответят и даже как ответят.

Непростительно и легкомысленно было бы, если Вильсон, Ллойд-Джордж и Пишон{145}, говоря свои речи, за ними не имели средства и возможность в настоящих условиях добиться того, что ими поставлено. Настоящее совещание, если оно особенное, а не очередное, поэтому запоздалое, ибо надо сначала взвесить, а затем решать, но не наоборот.

Значит, не отрицая государственной мудрости правящих, заседание в Версале, вероятно очередное. Голоса России нет, она сама куда-то запряталась, и в сонме держав не участвует. Даже о чести и достоинстве говорим не мы, а японцы в лице почтенного Мотоно{146}.

Все-таки союзники наши и для себя, и для нас, совершили большую ошибку, что давно уже под флагом невмешательства оставили нас одних.

Они все оценивали на свой лад и, может быть, под углом зрения наших представителей. Сказать что-либо против Извольского я не могу, он был отстранен почти немедленно, и остался в Севастополе. Потом приехал Маклаков{147} и очень неудачно, ибо в Петрограде все переменилось, своих грамот он не вручил и теперь не то посол, не то не посол. Вместо спокойного отношения к государственным интересам на сцену выступили страсти, ненависть к большевистскому правлению, мнения о быстротечности их влияния и т. п. вздор. За ними пошли другие, т. е. французское, английское и итальянское правительства.

Кому же лучше знать истинное положение, как не представителю России. Но они его не знали, и не знают.

Вместо того чтобы быть с ними в сношениях, все отстранились, и на их место стала Германия. Ну и попали в неудобное положение, а с ними претерпевают ущерб и насущные интересы. Что Маклаков, как кадетский лидер, должен был протестовать против большевиков, это я понимаю, это его обязанность партийного деятеля, но Россия не воплощается же в партии народной свободы.

Я предостерегал некоторых военных деятелей не идти по этому пути. Наше дело здесь не протестовать, а работать, быть слугами России, а не партии.

12-I-18 (н. ст.)

Украина подписала договор с Центральными державами. Троцкий заявил о состоянии мира, не подписав договора о мире, и объявлена общая демобилизация. Вильсон в конгрессе повторяет лишь свое об общем мире, отвергая частные переговоры в ответ Гертлингу и Чернину в обращении своем к конгрессу. Фронт на западе готовится встретить атаку немцев. Австрийские газеты говорят о возможности направления куда-то свободных австрийских сил. В Германии, по английским исследованиям, ожидать революции нельзя, но материальное и духовное настроение народа – усталое и тяжелое. Во Франции часть социалистов, жаждущих мира, выставила свои тезисы, которые в разноречии с общим настроением. Император Вильгельм тоже заговорил о мире, но с признанием победы германского оружия. Все хотят мира. Таковым представлялось мне настроение еще летом 1917 года, когда раздавались воинствующие речи министров на западе и даже у нас. Где же причины, что при таком общем желании мира добраться до него так трудно? <…>

В начале войны мы все ошибались. Я смотрел вперед печально. Я видел взаимное уничтожение людей, имущества, трудов, но не видел результатов. <…> Я знал, вернее, был убежден, неуспех вызовет падение династического строя, но в голову не могло прийти, что он вызовет уничтожение России, как государства. Но случилось и это, а без этого фактора можем ли мы думать о победе. Америка не может как физическая сила заменить организацию русскую. Если была бы разбитая Россия, то все-таки разбитая она была бы силой, а ведь она с точки зрения борьбы разлагающаяся, или разложившаяся, к которой и подойти не охота. И что же в этой борьбе может дать здоровая американская армия и даже очень многочисленная в условиях борьбы, где крепостные условия соединены с трудностями полевой войны. Каково содержание этой армии? Сказать, мы победим или мы будем обороняться до последнего издыхания, – красиво, но на самом деле это пустые слова. Миллионная армия способна не на все, и, рядом с испытанными и обтерпевшими, подчас и обуза.

И социалисты, если судить по нашим событиям, больше всего хотят внешнего мира, чтобы перенести затем братоубийственную резню у себя ради империализма [или] социализма{148}. <…>

18/31-I-18

Мысли речи Вильсона те же, что в основной его речи; но они входят в частности и резче определяют общие начала мира. Да мир на началах справедливости, на правах каждого народа жить своей жизнью – это прекрасно, но как осуществить это? Какими средствами вырвать из человеческой души и понимания чувства всяких эгоизмов, с которыми они как люди и как общежитие уже живут столетиями. Ведь все эти прекрасные начала появились, когда вследствие войны всем стало худо и туго. Что Вильсон искренно исповедует это – возможно.

Ну а весь американский народ, Англия и мы все, что, мы также смотрим на это, также исповедуем это? Орландо{149} говорит как государственный деятель, и его речь мне понятна. Понимаю, и Францию, и Германию. Не понимаю только говорящих за Россию.

Троцкий говорит: объявляю мир, а Залкинд{150}, его товарищ как министра иностранных дел, говорит, что эта каналья солдат не хочет драться и потому демобилизирует. Теперь у товарища Залкинда солдат – каналья. И никто не влепит этому мерзавцу в морду, а, вероятно, расшаркивались, улыбались и соглашались.

А кто обратил нашего солдата в грязное животное, как не все эти негодяи? А теперь на весь свет провозглашено, что это – каналья.

18-I-18, перемирие кончается сегодня в 12 часов дня. «Matin» указывает на большие выгоды, которые Троцкий может извлечь из занятого им положения, соединившись с Румынией и Польшей. В других условиях советы «Matin» не дурны, но для этого прежде всего Троцкий или Советы, которые им руководят, должны быть проникнуты мыслей о борьбе. Вот этого я не вижу. Он желает мира, и так как таковой путем переговоров установить не удалось, он как мне представляется к этому миру идет отрицательным путем, который, если главный их тезис – что германский народ восстанет против власти и армии – [не состоится] приведет логично к усилению и без того сильного военного положения Германии. <…>

Вчера полковник Кривенко мне сообщил, что иностранные миссии из Петрограда переехали в Швецию; что давление союзников на Россию будет с востока. Однако по сегодняшним телеграммам, все иностранные представители собираются или 16 или 17 февраля и представляют протест по поводу уничтожения Советом обязательств России к заграница. Не думаю, чтобы иностранные миссии покинули бы свои посты, что же касается

действий всех, в том числе и Китая, на наши азиатские владения, то не отвергая этой возможности, думаю, что не время. Не все ведь исчерпано.

Вчера здесь была тревога и сильная пальба по предполагаемым немецким авионам{151}. Но видеть их не видели, стрелять стреляли. В газетах сказано, что были, но бомб не бросали. Как это мило, но как непохоже на наших врагов. Добраться и не бросать бомбы. И мы, глядя из окна, видели с красными огнями летающих авионов, считая их за немецких, но, вероятно, это были наши. Не скажу, чтобы это мне нравилось, таким путем можно зря побить своих. В этом факте усматриваю некоторую напряженность и неспокойствие.

Сегодня ряд телеграмм о жестокостях, совершенных в Эстляндии и Лифляндии максималистами, это из немецких источников. Возможно, что все это и не правда, до известной степени; но немцам нужно это, чтобы оправдать занятие этих провинций. Разрушения, будто бы творимые в районе Малороссии, вероятно, местного, но не общего характера.

Помещена телеграмма о самоубийстве Каледина{152}. Не выдержало сердце. Не думаю, чтобы размолвка с Алексеевым была тому причина, а что-то поглубже. Мир праху твоему. Я не знал его, но нелегко ему было, как и прочим.

20-I-18

Подлость всегда труслива, а у нас она всегда с оттенком паники. Кто наблюдал за жизнью, начиная с 1914 года, тот знает, с какой легкостью наши соотечественники поддаются этому последнему чувству. Войска наши, в силу воспитания и при наличии дисциплины, заключая в себе в громадной массе крестьян, нелегко поддаются этому чувству, но горожане и интеллигенты подвержены этому в чрезвычайности.

Расшатанное войско-толпа естественно подвергающееся панике при самом ничтожном случае. Меня это поражало и еще более беспокоило во время войны, но окружающие меня начальники по беспечности относились к этому спокойно.

Если бы Советы с Лениным и Троцким были бы простые разбойники, они не напугались бы, а так как они интеллигентные и притом желавшие награбить российское достояние, то напугались очень. А так как эта высокомерная сволочь высокомерна, когда не грозит опасность, то с наличием таковой они перетрусили до величайшего бесстыдства и позора. Для меня еще загадка, как на это будет реагировать все окружающее, все общество, если последнее есть еще.

Меня гложет одна мысль, как бы все растлители России не исчезли бы. Для будущности важно, чтобы они все или большинство остались в руках народного правосудия. Я не казнил бы их, но я сохранил бы их, чтобы Россия могла бы видеть тех, которые погубили все: и честь, и имущество, и достоинство имени Российского государства. Но они уйдут за границу и там с большими награбленными богатствами они будут жить и пользоваться почетом. Как странно устроен свет: бедного воришку сажают и презирают, а негодяя, загубившего царство, народ, только потому, что он надел на себя кличку политического деятеля, ласкают.

Наши враги поступают по-своему правильно. Предложения Ленина и Троцкого примут, когда займут Псков, Валк, Витебск, может быть Минск, Ровно, Житомир, Киев, Проскуров, Жмеринку. Тогда начнут говорить. Намечаю в общих чертах. Будут ли они говорить с Советом рабочих и солдатских депутатов? На это боюсь ответить, но раз они с этой публикой связались, то нет основания не продолжать. Со стороны немцев, если их брать, как наших бывших соседей, как государство, которое с 1813 года было в тесной связи с Россией, это низость, но может быть это отвечает их выгодам. Цель оправдывает средства. Недаром комиссия рейхстага восхваляла терпение и настойчивость

Кюльмана. Не легко ему было говорить с нашей публикой и быть с ними любезным.

Что встретят немцы в своем движении вглубь России, сказать трудно. Она нравственно очень развалилась. Может быть ничего, кроме покорности и страха, не встретят, а может быть, стыдно выговорить – благожелательство.

Но общественная мысль, которая примирилась, что всякий определяйся и затем отделяйся, с государственной мыслью ничего общего не имеет. Великие правители Керенский и Ленин с низкой толпой эмигрантов обратили великое русское государство в этнографическую формулу. <…>

24-I-18

Прекращение перемирия 5/18 имело последствием выдвижения немцев на Валк, Режицу, Минск и к стороне Ровно-Дубно. Петроградские правители взволновались. Трудно, не имея точных данных, определить, что там происходит в сердцах и головах правителей и обывателей. Но судя по прошлому в Петрограде и в Москве, в первые дни, как это всегда бывает, паническое настроение.

Когда увидели дней через 5–6, что не так страшен черт, как его малюют, – успокоились и стали дерзить понемногу, а дальше будут дерзить больше. И здешние журнальные стратеги с места стали выписывать свои соображения по карте, что будет, что будет. Немцы как будто выслали экспедиции, чтобы пользуясь общей суматохой занять большое пространство, узлы железных дорог, и захватить добычу. За экспедициями потянутся войска, но не много. В сочувствии к ним растерзанного населения они уверены, и в них, как это ни грустно, они найдут пособников. Так населению опротивели их законные защитники. После Режицы подтянутся с войсками к Пскову, может быть к Юрьеву, и там станут захватывать на восток Витебск и Оршу. А дальше будет виднее. Что будут делать наши, предвидеть в этой бестолочи и растерянности нельзя. <…>

Лондонская конференция{153} имеет повелительный тон и говорит поверх правительства, которое молчит.

12/25-II-18

Совет, комиссары, объяснения генералов Черемисинова{154}, Евгения Новицкого{155} и адмирала Беренса{156} выразились в принятии условий, предложенных России Германией. Для верности спешно послан курьер. Холуи, погубившие и продавшие Россию. Разговоры Ленина и его доводы достойны его низкой души. Оба наши генерала, достойные сотрудники врагов России. Никогда моя душа не лежала ни к тому, ни к другому.

Но что же дальше? Переговоры в Бресте и ратификация. Еще 14–17 дней агонии умирающей политической России.

Неужели государство столь могущественное, народ еще молодой и сильный, его населяющий, могут так легко, так быстро погибнуть от кучки в сущности ничтожных негодяев. Пока это факт. Что будет завтра, не знаю; все еще теплится надежда, что соберется духовная и физическая сила, что спадет с глаз слепота, явятся Минин и Пожарский и, опираясь на наступающих союзников, скажут нет. <…>

26-I-18

Ревель, Юрьев, Псков, Житомир заняты немцами. Уполномоченные для подписания мира выехали в Брест. Все это совершилось, надо думать в течении 11/12 февраля. Ленин ложью опутывает своих наивных слушателей, указывая и объясняя, что это делается с тайным согласием союзников, дабы уничтожить власть максималистов, для торжества буржуазии и империалистов. Верят ли ему?

Граф Гертлинг высказал две мысли, что к миру можно было бы скорей подойти, если бы собрались ответственные представители – чтобы прийти к какому-либо соглашению (это было выражено в английском парламенте). Предложение Вильсона он считает наиболее, из всех речей государственных людей, подходящим (un léger progrès vers un rapprochement réciproque)[25]. По вопросу об определении народов делает экивок на Англию (Индию и Египет) и Эльзас-Лотарингию (il n'y a aucune question d'efface Lorraine dans le sens international du mot)[26].

Прикладываю вырезку:

«…Мы не считаем необходимым утвердиться, например, в Эстонии и Лифляндии. В Курляндии и Литве речь идет о создании органов, которые позволят этим странам самим определять свою судьбу и систему правления. Наши военные действия оказались успешными и вышли далеко за рамки тех целей, которые мы ставили изначально…

Русские недвусмысленно высказали свое стремление к заключению мира; наши условия были приняты, и заключение мира должно последовать без промедлений в самое ближайшее время.

Именно для обеспечения результатов мира с Украиной генералитет нашей армии обнажил шпагу. Счастливым результатом этого будет заключение мира с Россией».

И все это слова. Если бы их не было, и если бы даже эта Германия, способствовавшая разложению нашей армии, уничтожению признаков нашей государственности, затем силой оружия взошла бы дальше, не признавая ни Петрограда ни Украины, а просто покоясь на своей силе взяла бы и сохранила бы взятое, это было бы терпимее, ибо было бы честно. Но она вошла в переговоры с теми, которых признавать законной властью она по ее понятиям не может, чтобы прикрыть свои цели и свою жадность.

Вот это останется и непонятным и позорным пятном для того государства, которое покоится на других началах. В этом я вижу

низость немцев, а не в том, что они завоевывают и разбойничают.

Die dummen Russen, das Mistvolk[27], так им и нужно, – будут они утешать себя. Как я был наивен, когда считал государственную мысль Германии наиболее порядочной и честной в Европе.

27–11–18

Движение немцев к Петрограду и занятие Пскова вызвали панику в Москве. Посланцы, для подписания мира не доехали до Пскова. В Петрограде сумятица и Троцкий призывает пролетариат вооружиться и защищать столицу до последней капли крови. Всю ночь мучают служащих на трамвае, заставляя трамвай подвозить защитников куда-то. Сирены заводов гудят всю ночь. Безработные требуют 10½ млн. по расчету по 500 руб. на человека и банки и кто-то еще с ними толкуют и что-то выдали. Растерянность, ложь и бестолочь повсюду.

Бонч-Бруевич{157} (наш незаурядный стратег, по его же выражению, когда его сменил Алексеев в марте 1915 года с должности генерал-квартимейстера штаба Западного фронта) – Верховный главнокомандующий вместо Крыленко, но не декретом, а самозванно.

Каменев и господин Залкинд все-таки прибыли в Англию, имея визу посла Англии в Петрограде. Это не событие, но факт. Их будут приветствовать.

Германия сдержана. Она, по словам Гертлинга, готова на мир, и выбросила формулу бывшего английского министра Рансимена поговорить с государственными людьми и уладить то, что пока не налаживалось.

Те же газеты сообщают о Саксонском принце{158} как будущем короле Литвы. Это очень хорошо делить шкуру медведя, хотя и раненного тяжко, но еще не мертвого. Наше крушение очень подбодрило Германию и ее социалистов, которые для приличия что-то бормочут. Но Троцкий все еще надеется на них, что они восстанут. Нашел дураков. Нельзя же весь мир своей меркой мерить.

1-III-18

Сегодня в Брест-Литовске должна вновь начаться комедия{159} мирных переговоров представителей Центральных держав с людьми, посланными из Петрограда и Житомира. Переговариваться будут недолго. Германии нужны подписи, чтобы она могла объявить, что мир подписан; тоже нужно для Ленина и Троцкого и житомирских посланных{160}, рассчитывающих, что с миром они сохранят свою власть.

Призыв к защите революции, судя по газетам, привлек в ряды максималистов несколько тысяч или десятков тысяч безработных. Они ли или малочисленность немцев помогли вновь взять Псков, на время, ибо надвигающиеся с юга, юго-запада и юго-востока германские силы передадут снова этот город в руки немцев.

Дадут ли посланные в Брест-Литовск свои подписи? Я думаю, что дадут, ибо одной стороне безразлично, что подписать, а житомирцам выгодно подписать, даже отказавшись от намеченной границы. Обе стороны (т. е. восточная и западная) давно уже утратили чувство стыда, и препятствий к подписанию мира нет. Подпишут, разъедутся, газеты будут восторгаться или ругаться, но затем условия мира надо будет осуществить реально. Как это сделается, я пока не вижу.

К Бологому наши сосредотачивают какие-то силы, по указанию газеты около 70 тысяч. В районе Витебска, Орши, Смоленска тоже что-то группируется. Что делается в районе южнее, неизвестно. Новочеркасск, говорят газеты занят большевиками и кадеты бежали. Что это означает? Раньше говорилось о каком-то движении, каких-то силах Алексеева к Воронежу. Что это за силы и зачем понадобилось им идти на Воронеж в начале нашего февраля.

Трапезунд снова занят турками – это единственные данные относительно Кавказа. Здесь, когда-то и не так давно сильную русскую державу считают не существующей.

Оскорбительно и унизительно, но что ответить на это в оправдание всего совершающегося. Иностранец судит по-своему. Наиболее оскорбительно, как судят и презирают, т. е. которые извлекают из нас все выгоды – немцы. Для них, до войны и задолго, мы были das Mistvolk[28], и таковыми мы и остались для них. Их призрение к нам мы скоро почувствуем во всей силе. Keine Ehre, Kein Pflichtgefühl[29] и на этих данных будет построено их могущество над нами.

Когда вспыхнула война и некоторые из наших на Птани, при моем отъезде говорили со мной, я сказал им: «Не удержимся в

порядке, нас обратят в рабов и пустят без штанов». Не так ли это? Неужели в свыше чем 100 млн. массе русского народа выродилось все хорошее и осталась одна, даже нечеловеческая, а животная мразь? Знать душу русского народа не легко, но в ней много светлого. Как же случилось, что все хорошее исчезло и остался только человек зверь? Я не сумею ответить на этот вопрос. Он так сложен; он захватывает такую обширную и психологическую область народной души, получившей под влиянием всего прошлого свои особенности, что, указав лишь на одну сторону поставленного вопроса, мы не разрешим. <…>

Мои записи не исследование. Записываю, что думаю. Чтобы объяснить причины бед наших, надо отдельно разобрать все перечисленные выше элементы, дать им оценку, ту, которая дала мне моя продолжительная жизнь и мое знакомство с учреждениями, которые правили русской жизнью. Смелая задача. Но, вероятно, не я один думаю и обсуждаю эти вопросы, и если в будущем мои слабые строки встретятся с мыслями лиц более знающих, более опытных и наблюдательных, быть может, и эти слова прольют кой-какой свет на причины современных явлений.

2-III-18

Переговоры в Бресте, начатые вчера в 11 часов утра прекращены немцами. Что у них произошло? Петроград шлет воинственные послания и требует, чтобы солдаты, которых он сам привел в состояние полнейшей анархии, вдруг обратились бы в хороших и послушных солдат, предлагая сопротивляющихся и непослушных застреливать на месте. Все пустые слова. Большевизм в его правительственных проявлениях грозен слабым и беззащитным, но не вооруженным, которых сам боится. Если шаг за шагом спокойно и рассудительно проследить за их действиями, то не отрицая лукавства, хитрость и жестокость, а главным образом, попустительство, мы должны отметить полную их наивность, глупость и беспомощность там, где им приходится сталкиваться с серьезными государственными задачами. Среди Советов есть и интеллигентные люди – это, на мой взгляд, худший элемент, пользующийся минутой для личных дел, но в общем это холуйское правление, правящие формулами, которые они где-то слышали и вычитали, но не способные справиться с такой задачей, как государственное правление. <…>

5-III-18

Приложенный выше мирный договор исполнен{161}. России нет, она задавлена негодяями, своими собственными, и мы беспомощны, все при этом присутствуем и живем.

Не буду разбирать чувства тех, кто совершил это преступление, не буду разбираться в мотивах наших врагов, не буду даже входить, как они это сделали, какими средствами. Они делали свое дело; не хорошо они его делали, скверными и нечестными средствами они заплатили Русскому государству за 1807 и 1813 годы{162}. Не силой оружия, как воины, победили они Россию, а лукавством, деньгами и подлостью. А когда государства не стало, они, не краснея, растерзали его и еще в добавок надругались над государством, которому их государство когда-то столь было обязано. Дураки русские, скажут они себе в утешение.

Но что думают немцы, нам дела нет, а что думают русские? Как они это приняли, что говорит в них совесть, сердце? Неужели ничего? Неужели все вытерлось и осталось стадо человеческое, все утратившее, все потерявшее? Я сижу здесь, в Париже, беспомощно. Не приехав сюда, сидел бы в темнице или был бы убит. Может, это было бы лучше, но и там, дома, и здесь, беспомощен и, по своим годам, на физическую борьбу не пригоден. <…>

Жить и ждать каждый день беспомощно оскорблений и насилий солдат, потерявших все человеческое, я не решился и уехал, думая, что здесь, во Франции, все-таки могу работать для России. Теперь, как будто все потеряно, но все-таки теплится надежда, что даже совет разбойников в Москве 27-II/12-III не утвердит этот мир под влиянием того незримого чувства обиды и негодования, которые все-таки должны сказаться.

Неужели стомиллионная масса не чувствует, что это ведет в пропасть? Значит, мы, русские, подлые люди, мы, значит, получили то, что заслужили. Но ведь нет; это не так. Народ темный, грубый, но не подлый. Его делают подлым, и когда он это разберет, он по-мужицки это и поправит.

Что сделали враги с Малороссией, то подло по отношению России, но выгодно немцам. Сделано дальновидно, ловко и умно. Можно не соглашаться и спорить по всему, что потребовано на западе, втиснуть Турцию опять в Карс – это оскорбительно. Силой оружия взят Эрзерум, Трапезунд, Эрдзинджан и громадная область, а мы должны отдать Карс, Ардаган, Батум.

Мне больно это, может быть, потому, что лично принимал во всем этом немаловажное участие. Но откидывая личное – это

неслыханное оскорбление.

«Да ведь Ваши правители (большевики) сами ведь отреклись от всего этого еще до мирных переговоров», – скажут немцы. Стыд немцев в этом и заключается, что они, имперские правители, пошли на переговоры с холуями. Это унижение без возмездия пройти не может. Бери силой оружия, но не унижай.

Теперь они покончат с Румынией. А дальше?

9-III-18

Вчера в парламенте Клемансо дал отпор группе социалистов просто, но учтиво. Мне кажется, если бы он вошел в некоторые детали, о том, что кроется за всеми их махинациями, было бы яснее для Франции, виднее. «Рабочий класс не является хозяином своей собственности. Руки Реноделя{163} и Тома не более мозолисты, чем мои. Я очень зол на них, но они являются буржуазией». <…>

С 9 часов вечера до 12 летали авионы. Говорят, бед натворили много на Монмартре. Напрасно соединяют людей в абри[30] недостаточно солидных. Когда их нет, лучше разбрасывать людей по мелочам, чем соединять их в кучи. Мы спокойно остались у себя, и легли, хотя выстрелы и взрывы продолжались и после 12 ночи. Подробности и районы, где бросали бомбы, неизвестны. В нашем квартале, кажется, ничего не было.

Немцам хочется создать здесь беспокойное настроение, а среди рабочих и волнения. Поэтому бомбардируют окраины, где живет бедное и рабочее население. Иначе трудно объяснить себе эту бомбардировку.

Газеты («Matin») пишут о возрастании протестов в России против условий мира. Асквит, по словам «Temps», приподнял завесу и показал смысл японского вмешательства. Быть опорой для жаждущих порядка и восстановления государства. Асквиту по его отношениям к России не верю, и такое громогласное заявление для государственного человека, связанного с Россией, считаю актом скверным. Япония не может брать на себя такую роль и не возьмет на себя, а невинная кровь у нас снова прольется.

11-III-18

Рассказы Арбатского{164} о порядке удовлетворения офицеров деньгами в учреждении Павла Игнатьева меня неприятно взволновали.

Денежные расчеты велись на память, без правильной отчетности, произвольно: настойчивым и близким выдавалось, более щепетильным не выдавалось, и оклады в сущности определялись произвольно, о проверках ежемесячных не говорю, и месячные отчеты, по-видимому, были произвольные. Очень грустно и никак этого не ожидал.

Быховцу{165} выдали сверх положения по его настойчивости. Князья Мещерский{166} и Лещинский{167} записались как близкие, и сверх взяты авансом еще суточные с 1916 года. Усиление содержаний делалось из разведочных, которые должны были идти на разведку, а не на содержание офицеров. Другим же выдавалось только содержание и, как господа называли, представительные. И эти представительные для прапорщика и поручика превышают 2100 франков в месяц. Но это показалось мало, и близким, как говорит Арбатский, т. е. князьям Мещерскому и Лещинскому, кроме жалования и представительных (кажется, и вольноопределяющемуся Франку{168}), разрешено было взять и суточные, и притом за 1916 и 1917 года, что составляло по 1900 франков в месяц, свыше 20 тыс. за оба эти года на каждого. Может быть, Арбатский и ошибается, но со стороны я слышал почти в том же роде.

С другой стороны, этому же Арбатскому, который человек и офицер порядочный и хороший, не выдают не только содержание, но и деньги собственные, выплаченные им в Швейцарии агентам в количестве около 9 тыс. франков. Арбатский – богатый москвич, вероятно, поэтому. Все это не служебно и очень не хорошо.

Когда я уезжал из Петрограда, сюда, к Павлу Игнатьеву направлялся капитан Оноприенко{169} специально с целью вести денежную отчетность. Но к ней он не был допущен, а был назначен в коммерческий отдел, и, кажется, теперь ему поручили отчет уже, по-видимому, сведенный. Все это очень странно. Так, Павел Игнатьев, человек аккуратный, хотя денежные расчеты у него с заминкой, знаю по себе, но далек от мысли о злоупотреблении, хотя неаккуратность и небрежность в казенных деньгах нехорошее дело.

Особенно надлежит быть точным в расходовании разведочных денег, где все основано на доверии и чести.

Может быть, Оноприенко, когда проверит, а он

основательный, меня успокоит в моих сомнениях и тревогах.

Против агента Алексея Игнатьева тоже растет глухое неудовольствие. Панченко рассказал мне, что положение наших офицеров и нижних чинов очень тяжелое.

До 1 апреля офицеры удовлетворены. Когда у меня 2-го марта был Игнатьев, он мне сказал, что все устроено и устраивается. У нас всегда так говорят; мы так всегда успокаиваем, когда дело не касается собственной шкуры. Вся надежда на французов.

С В.В. Бибиковой{170} задумали устроить помощь частного характера, облегчая отыскание работы и мест. Но исполнить это без содействия французского общества нельзя. Последнее намечено.

Общество должно быть небольшое, думаю, не более 9 человек и сверх сего сотрудники, главным образом, дамы. Работа Общества – принимать заявления, наводить справки о лице, о его качествах и способностях, на что пригоден, и по проверке всесторонней – рекомендовать его французскому патронату, который, пользуясь своими связями, может его пристроить на работу. Мы все нуждаемся, и потому денежные жертвы посильны только очень имущим, а их не много. Для содержания канцелярии предлагается вычитать с получившего место известный % с его содержания. Боюсь, что сумма эта будет слишком ничтожна. Но с этим вопросом справимся, было бы желание помочь. Мы, т. е. Бибикова и я, думаем совсем отстраниться от официальных лиц посла и военного агента. Пока намечены: священник Смирнов, Панченко{171}, Гурко{172}, может быть, Нечволодов{173}, Оноприенко, Арбатский, я, возможно, Рагуза-Сущевский (богатый не пойдет), может быть, Кочубей{174}, Нарышкин.

Варвара Васильевна Бибикова наберет столько же дам сотрудниц, которые для решения общих вопросов будут иметь право голоса и из числа которых 3–4 будут с правом голоса приглашаться при разрешении помощи женщинам и детям. Нужен и врач – попрошу В.И. Краевского.

В состав французского общества пока намечены генерал и генеральша По{175}, принц Мюрат{176}, кажется, Баррес{177}, других не знаю.

На этой неделе переговорю с русскими, и когда эта сторона наладится, В.В. Бибикова будет направлена к По, а я повидаю принца Мюрата, которого знаю с 1906 года.

Если удастся сформировать как русский, так и французский кружок, то может быть, удастся сделать что-либо для наших соотечественников, поставленных здесь в очень тяжелое положение.

Завтра пресловутое советское собрание в Москве{178} (12-III)

должно решить, ратифицировать ли постыдный договор или нет.

14-III-18

Турки заняли Эрзерум, немцы Одессу, в Петрограде повальный грабеж всего, Троцкий оставлен в Петрограде управлять и защищать столицу, Ленин с комиссарами в Москве, куда переносят столицу, убеждают к ратификации мирного договора, который сбором советов и будет признан подлежащим ратификации. Дальше идти некуда. Густым позором и предательством русские и не русские люди покрыли русскую землю так, что и продохнуть нельзя.

Кругом разорение всех живущих, исключительно своими. Небывалое в исторической жизни народов явление. Осталось ли еще что-либо здоровое и сильное в России? Куда оно приютилось, как оно страдает, что думает? А помощи извне нет, и никто оказать им этой помощи не хочет. Четыре месяца небольшой кружок русских людей упорно бьется за эту помощь и напрасно. Жду свидания с Лиоте, это последняя надежда.

Неужели злодеи, натворившие все ужасные бедствия, которыми страдает Россия, так и останутся у кормила русского народа? Неужели русский народ опустился до такой низости, что это ему любо? Он ведь теперь правит. Народовластие.

15-III-18

Московский [съезд] почти единогласно постановил ратифицировать мирный договор. В сущности, безразлично. Если бы большинство не признало ратификацию, его бы все равно ратифицировали. Может быть, лучше так. Прошлое никак не вернешь. Судя по газетам, Петроград обратился в губернию, а Московский Кремль в стольное место Ленина и компании. Что из этого может выйти? Газеты пишут о каких-то приготовлениях на Дону. Очень это таинственно. Значит, теперь из сердца России Ленин поведет свою работу по управлению государством. Много жутких месяцев предстоит тем, которые не крестьяне и не рабочие, а затем и им станет жутко.

Сегодня был на собрании Union des Pétroles russes[31].

Первый раз я был недели три тому назад, заплатил 20 франков и, захворав, не был на последующих, а после сегодняшнего собрания, просидев минут 45, вероятно, больше не пойду. Несчастья нас не научили, и мы все те же. Если здесь так, то, вероятно, так и в России.

Поставлена была на голосование формула цели общества, выработанная президиумом, – учреждение в единой и нераздельной России законности и порядка. Своему соседу, полковнику Дюсиметьеру{179} я сказал, что написано не грамотно. Ничего общество утверждать не может, ибо оно еще и не общество. Дюсиметьер не согласился, но, вероятно, постарается поправить. По этому поводу пошли разговоры, которые вертелись около того, что общество должно, не скрываясь, прямо назвать себя монархическим, а значит, и преследовать восстановление монархии. Кому нравилась твердая, а кому конституционная. Совершенно, как Учредительное собрание, и все это за 20 франков. Но объявить себя монархическим нашли не тактичным, не напугать бы французов. В.И. Гурко объяснял и так и сяк и объяснял хорошо.

И к чему эти праздные разговоры? Несколько праздных людей собрались и решают судьбы России из Парижа. Тошно. И к чему все эти высокие слова? И какое мне дело знать, что X – монархист абсолютный, а Y – монархист конституционный, Z – ни то, ни се. Может ли общество сделать что-либо полезное для России? Я думаю, не может, и будет себе говорить. Мешать им не буду, ходить тоже не буду. После этого пошел в наш кружок из 6-ти, считая со мной.

Более трех месяцев собираемся, толкуем и как будто, если что и налаживается, то плохо и независимо от нас. Биржевые

деятели как будто соединились. Есть франко-бельгийское общество, где соединились экономические интересы Франции и Бельгии в России. Наша мысль, чтобы здесь соединились французские интересы в России, чтобы не только работать для их обеспечения и развития, но иметь возможность бороться с германским засильем в России.

Пока не выходит. Думерг{180} отказался. Теперь работает депутат Жеральд. Пишон, Бертело{181}, Сержен и Клотц сочувствуют. Вернейльтоже. По выработанной мной схеме, все эти экономические интересы должны объединиться в одном французском руководящем органе в Париже, от которого исходили бы руководство и работа по осведомлению и связи. И в России должна была быть установлена подчиненная руководящему органу организация. Но французы, как и мы, должны сначала долго поговорить, прежде чем подойти к делу. Вошли мы в связь и с Лиоте, который предназначается для России. Ему и надлежит быть защитником экономических интересов Франции. А.М. Безобразов говорил с ним, и Лиоте обещал ему или быть у меня, или вызвать меня. Думаю, что не будет ни первого, ни второго. Г. Г. Карцев переговорил с Полем Лаббе{182} – ученым и общественным деятелем, весьма известным и уважаемым здесь. Он знает Россию и должен помочь заинтересовать французов и вообще помочь нам.

Г-н Марсаль{183} также осведомлен о нашем кружке. Но все-таки дело двигается плохо.

Напишу Фошу, попрошу его меня выслушать. Одна сторона этого дела близко его касается. Мой проект о помощи соотечественникам, приисканием им мест в тихом ходу. Раньше, чем его решить, надо переговорить с отцом Николаем Сахаровым{184}, который ведает делами Парижского Русского благотворительного общества.

17-III-18

В газетах сказано, что число членов Совета, которые должны собраться в Москве, 1100, число максималистов 733.

На предварительной ноте, присутствовали около 431 при 30–40 отсутствующих.

Английский консул[32] в Москве{185} приглашает своих соотечественников быть готовыми к отъезду. Какие причины? Думается, местные, т. е. Москва будет подвергаться участи Петрограда, при благосклонном участии большевиков, водворившихся в Кремле.

Все, что накоплено Россией тысячелетием, богатства исторические, художественные, религиозные, научные и достатки пойдут прахом, и тысячи, тысячи невинных жертв, тяжкие мучения будут исполнены чернью, развращенными матросами и солдатами, рабочими во имя чего-то. И вся эта зараза, вероятно, пойдет вглубь, ибо никаких препонов нет, никакой власти нет, чтобы остановить эти инстинкты. Цель классовой борьбы, провозглашенная большевиками, – уничтожение миллионов, которые что-то имеют и которые кормили этими достатками многие и многие миллионы неимущих. Какая простота способов. А дальше что? <…>

Где Куропаткин{186}? С его спокойным физическим мужеством можно было бы принести много пользы. Что он любит Россию, в этом нельзя сомневаться, но где он? И много людей полезных, подчас сильных рассыпаны по России, но они разъединены и никто никому не хочет подчиниться, а всякий хочет быть первой скрипкой.

22-III-18

Приехав сюда, я думал работать с Павлом Игнатьевым и помочь ему в сложном деле, в особенности в оценке всего того, что он получал. И наш Генеральный штаб это желал, и в этом ощущал нужду. Естественно, что это прежде всего зависело от доброй воли Павла Игнатьева. Вторгаться в это против его желания нельзя было, на это я не имел полномочий, ни прав и только мешал бы работе. Павел Игнатьев этого не пожелал и просил меня заняться нормированием, пополнением и германскими железными дорогами. Я занялся, но это, собственно говоря, было для моего личного осведомления. Павел Игнатьев в общем может делать сам это прекрасно. И денежные расчеты он вел сам, но не совсем удачно, и остальное. Труда не жалел, и многое, что он доставлял было ценно. Я ему не мешал, но очень скоро вся лавочка провалилась и французами была прикрыта{187}. Быть полезным в этой области не пришлось.

В декабре в одно морозное утро пришли ко мне Дестрем{188} и Безобразов, прося вступить в небольшое общество для соединения французских заинтересованных в России своими капиталами и предприятиями.

Не совсем ясно это у них было с точки зрения общей пользы, но сквозило, если удастся соединить, то и нашим удастся воспользоваться крохами со стола французов. И это хорошо, потому что наши служащие здесь уже с ноября чувствовали, что скоро придет голод и надо подумать о животе. Для меня это был случай, который дал бы возможное связаться с Россией, в России связать здоровые элементы в борьбе с мечущимся вооруженным населением и произволом правящих большевиков. В этом обществе оказались: Неклюдов{189}, Шебунин{190}, Дестрем, Безобразов и я.

Завязаны были уже сношения с Думером и Жеральдом. Но первый отлынивал, а второй был в разъездах. Неклюдов предложил Рафаловича, Артура, мы противились, он настаивал. Но А. Рафалович{191} сам от нас отстал, считая, что по составу мы ничего не стоим. Зачем мы собрались, и, что мы хотим, ясно никто не знал, хотя сквозило, что кушать надо.

Пришлось поставить вопрос ребром. Скажите, пожалуйста, спросил я на 2-м или 3-м заседании, что мы скажем французам когда in corpore[33] придем к ним. Неклюдов заявил, что он, как бывший посол, хочет деятельности, заседать, предлагать и пользоваться привычным почетом. Другие заявили о нужде в работе. С этим, господа, мы идти к французам не можем, –

высказал я свой взгляд, все согласились, и я обещал изложить на русском, а Безобразов переведет на французский язык, и это стало базой действий в дальнейшем. Соединение французов необходимо для защиты их интересов, защищая свои интересы, они защищают наши и, кроме того, они могут помочь нам в борьбе с германским засилием.

Последующие заседания вертелись около Рафаловича, который и послужил предлогом ухода от нас А.В. Неклюдова, который заявил прямо, что без Рафаловича он у нас не остается. Это совпало с прибытием к нам депутата Жеральда. Вместо Неклюдова к нам вошел Оноприенко, а затем Г. Г. Карцев.

Поневоле направление дела перешло ко мне, как старшему, и, кажется, протеста это не возбуждает. У нас две задачи: 1-я – соединить и побудить французов к выступлению активному в области их экономических интересов.

Оно понемногу двигается. В кругу его уже соприкоснулись Пишон, Бертело, Сержен, Клотц, Вернейль и последнее время Поль Лаббе. Марсель, помощник секретаря у Клемансо, рекомендовал еще Корбея, сами мы ищем Ситроена{192} вообще расширяем французскую деятельную сферу. Кроме того, мы уже связаны с Лиото, который с большими полномочиями должен ехать в Россию. Жду его приглашения.

Но современные события доказали, что одних экономических интересов не достаточно, ибо в России анархия, и пока она не будет потушена, экономической деятельности места нет. Необходимо преследовать другие цели. Необходимо добиться помощи французов для тех, кто борется за законность и порядок. Я приготовил ноты для Клемансо и Фоша и исполнительную записку со схемой по этому вопросу и 25-го марта пойду к Фошу.

Это 2-я цель. Ее исполнение должно предшествовать первой, которая должна сформироваться, чтобы своевременно выступить. Не знаю, удастся ли это провести?

Вот этим я и был занят все время, и это мешало мне вести мои записки.

Нам кажется, что французы неохотно подступают к этому вопросу, но как будто смущены событиями в России и слишком озабочены тем, что происходит здесь, и пока не в силах приступить. Но, с другой стороны, мы мало знаем, что предпринято правительством, чтобы быть осведомленными о русских делах, так как мы знаем только то, что в газетах и это равносильно отсутствию сведений. Кое-что начинает соединяться, судя по разговорам, но это далеко от того, что, по-моему мнению, надлежало бы предпринять.

Только что пробили отбой, а час тому назад была тревога, как

предупреждение прилета немецких гота{193}.

23-III-18

Сегодня в 9 часов утра опять тревога. Теперь 1 ч. дня и отбоя нет. Почти все закрыто. Когда вышел к обедне для причастия, на улицах почти не было прохожих. Когда возвращался, их было больше, но трамы и метро стоят. Погода летняя. Что эта продолжительность обозначает? Может быть несколько немецких авионов пробрались за линию и блуждают между фронтом и Парижем? И один авион может наделать много бед, но пробраться днем через баражный огонь, да при том заблудившемуся, очень рискованно. Правда применение баражного огня тоже требует осторожности для своих же. Предполагать, что с фронта не сообщили, что опасность миновала, тоже нельзя. Отсюда бы спросили. Все это очень странно.

Вечером сообщение говорит, что немцы стреляли по Парижу из 210-мм дальнобойного орудия{194}, снаряды легли в предместии и в городе. Если официально заявлено, значит проверено.

Смешать действие бомбы с аэроплана и снаряда специалист не может. Газета добавляет, что ближайшее расстояние от фронта до Парижа 100 км, да если брать от линии фронта у Анизи-ле-Шато. Не думаю, чтобы орудия стояли бы там. Вероятно, они в районе Сен-Гобен, но тогда до Парижа включительно 110–115 км.

Спорить против удостоверенного факта нельзя, но, с другой стороны, до сих пор считали, что 32–35 есть предел. Может быть, немцы выдумали такое чудовище, что стреляет на 100 км. Не слыхал, и не верится мне в существование такой пушки. Но увидим, что завтра скажут донесения. Неприятная история, будут себе пускать по беззащитному городу. С авионами еще борются, а с этим господином, который, вероятно, поставлен под бетонные и железные своды, бороться труднее.

9 часов вечера. Опять тревога. Совершенно размотают Парижское население. Как ни спокойно мы относились к этому, но за 24 часа три тревоги, все-таки ожидание неведомой опасности действует. Хотя мы гуляли во время этой тревоги с женой в Булонском лесу, но вся обстановка не гуляльная и детей жалко, которых не пускают на воздух. Сидение же в подвалах тоже на здоровье не должно хорошо действовать. Мы остаемся у себя. Никто как Бог.

Неужели у немцев такое богатство, что, ведя атаку, они могут выделить еще для набегов против в сущности мирного города. Хотят ввести смуту и панику в население. Прозреть будущее

вообще трудно, а в области моральной тем более.

Отход от Сен-Гобена не хорош, хотя бы при условии отхода в порядке. Выводить отсюда выводы преждевременно.

24-III-18

Англичане напора не выдержали и отошли к западу от Сен-Кантена. И севернее этого района они отошли. По бюллетеню в порядке. Если в порядке, то, вероятно, без потерь и запасов и артиллерии. Сомневаюсь. Удар был слишком силен и произведен, вероятно, с подавляющими по превосходству силами. Если англичане стали твердо, то поневоле немцы дадут им короткую передышку. Сумеют ли наши друзья воспользоваться этими несколькими часами или днями? От этого будет зависеть дальнейшее. Французскую линию до вчерашнего вечера еще не трогали.

Бои в северной части английского фронта идут с переменным успехом. Не знаю, почему Сен-Кантенский район считался оборонительным. С февраля 1917 года он считался мной совсем не пассивным, ни для немцев, ни для союзников. Когда в ходу такие большие дела, не место делать предположения, тем более что нет и подробностей. Нехорошо, что отдали сильные позиции на таком обширном участке. Но если оборона на вновь занятом будет прочная, может пройти без печальных последствий. Будем терпеливо ожидать разрешения важнейшей фазы мировой борьбы.

Парижу приходится трудно. Действительно, немцы обстреливают его со стороны Сен-Гобена. Удивительно – на 115 верст. Калибр по официальному заявлению 24 см. Разрушения есть, но они не так велики. В этом еще не разобрались. Кто мог думать о такой стрельбе? Здесь не думали. Но к стрельбе как будто публика относится спокойнее, чем к авионам. Я лично разделяю это чувство, хотя в нашем квартале, Слава Богу, ни те, ни другие еще не действовали, но взрывы слышны и как будто недалеко.

25-III-18

Ночью и утром опять были тревоги и бомбардировка. Живем в ожидании всяких неожиданностей не из числа приятных. Для жизни такого большого города это очень тяжко. Но к бомбардировке как будто относятся спокойнее. В наш квартал авионы проявили свою деятельность только отчасти, а бомбардировка еще не распространялась.

Сегодня утром был у Фоша и отдал ему мои две записки, одну для Клемансо, если захочет передать, другую для него. Генерала не видел. События на англо-французском и французском фронте соединили вокруг него и англичан и французов и американцев. В такие минуты тревожить нельзя и все было передано мной его начальнику штаба полковнику Дестикеру{195} с объяснениями. Пожелает Фош со мной говорить – вызовет.

Вопрос о необходимости объединения французских коммерсантов, заводов и других заинтересованных раньше конца пасхальных праздников получить какое-либо движение, думаю, не может. Жеральд и Лаббе уехали, остальных, как Ситроен и [неразб.] надо привлечь. Официальные лица за праздники тоже ничего не сделают. Но важнее всего развивающиеся события. Как они потекут? Не знаю настолько английской армии и ее начальников и штабы, чтобы высказываться по поводу совершившегося и совершающегося. Удар был сильный и в два дня немцами достигнуто живой силой, над чем работали англичане месяцами. Да, наступать легче, хотя и рискованнее. <…>

Шебунин передал мне данные о французско-бельгийских предприятиях в России.

26-III-18

Полагаю, что для французской главной квартиры не секрет, что главные массы к востоку от Уазы приближены к правому флангу армий кронпринца и Сен-Гобена, а равно направлению от Аленкура суждено играть важную, может быть решающую роль. Уверен, что это им ясно давно. Если это было мне ясно еще в январе и феврале 1917 года, о чем я и телеграфировал в нашу Главную квартиру и занес в своих записках тогда и в феврале этого года, то и им это должно было быть понятно.

Может быть ошибался я, но не знаю почему бывший район 3-й армии в прошлом году, т. е. район Сен-Кантена, все считался для немцев оборонительным.

Да, тогда французы в апреле повели атаку в районе Эны и канала Эйлет он для них был таков. Но обстоятельства после того переменились не изменились лишь природные свойства и значение участков.

Как союзникам следовало атаковать немцев в районе, где так неудачно атаковала армия Бинга – одна, то же направление, йота естественно ценно для целей немцев. Мы или находимся или будем находиться в положении, когда немцы поведут большими массами свою атаку в направлении на Компьен, южнее а затем и севернее Уазы с исходным районом Сен-Гобен.

Так смотрел на это давно, так смотрю и теперь. Это не исключает дополнительных действий от Аленкура к стороне Шампаньи и Нанси.

Что из этого выйдет – увидим. Решение будет последствием борьбы, и предвидеть ее исход человеку не предоставлено.

Гинденбург надеется, но и Петен тоже надеется, а решат войска и действующие начальники. Положение так важно, что всякие предположения о будущем неуместны.

Сегодня Париж не обстреливали. Говорят удалось зажечь лес на Сен-Гобен, где [стоит] пушка или пушки, другие говорят, что орудие это удалось подбить. Но это затишье временное.

28-III-18

Задерживая натиск французы и англичане отходят к западу на линию к западу Noyrin, Лассиньи и [канала] Альберта.

Сегодня к утру они отошли к западу от Мондидье с соответствующими изменениями указанной линии к югу и северу от указанного пункта, хотя по болтливости об этом говорят.

Французские силы брошенные на усиление англичан, по времени не могут быть большими и уступают подавляющему превосходству. Соответственная группировка обеих сторон идет.

Силы германцев к N от Уазы, примерно до Альберта, должны быть. Но они сильно пострадали и, вероятно, поддерживаются свежими дивизиями. По этой линии фронта, в особенности что ближе к Уазе, должно быть большое скопление.

Не зная даже примерно числа, что там должно быть, трудно отдать себе отчет. Но генералу Петену это более или менее известно, и я не сомневаюсь, что им и Фошем приняты уже несколько дней тому назад решения не в частностях, а в общем. Надо удержать напор немцев к западу и установить известную стабильность этого фронта и вести подготовку к нанесению своих действий.

В этом, понятно, сущность. Положение немцев, в связи с общей обстановкой, дает некоторые указания на такие действия в подробности, в которые не желаю входить, ибо не знаю положения англичан и французов, их резервов, состояния их духа и многое другое. Я кроме того опасаюсь действий по левому берегу Уазы и от Аленкура, что для прочности положения ими завоеванного необходимо.

Уклонение атак к северу, к Аррасу, я объяснил бы жадностью и самоуверенностью. Старик Мольтке на это не пошел бы, ибо основанием действий, в особенности столь больших масс, есть взаимодействие в целях обеспечения прочности положения для дальнейших действий.

И Фош и Петен должны это увидеть, определить и соответственно этому действовать. Напрасно, Хейг высказывает свои предположения о том, что будет после бомбардировки Арраса.

29-III-18

Около 3½ дня немцы кажется снова стали постреливать из длинной пушки по Парижу. Пока два выстрела недалеких от нас судя по звуку. Мне кажется это не дело в такие важные периоды боя стрелять по мирным жителям. У них есть военные цели, железные дороги, пункты массового резерва и т. п., чем забавляться избиением мирных обывателей, это уже озорничество, похожее на действия большевиков, стрелявших с Воробьевых гор по Москве.

30-III-18

Вчера бомба попала в старинную церковь, переполненную молящимися по случаю Страстной пятницы. 75 убитых, 90 раненных не от снаряда, а от обвалившегося свода. Беря вообще падение снарядов, мне кажется, что направление его было в Notre Dame, но снаряд уклонился метров 200–300 севернее и попал в другую церковь, столь же, если не более, старую. Немцы должны быть довольны. Если они стреляют, то хотят избить как можно больше; будут ли это дети, женщины, старики лишь был бы эффект и последствия.

Эффект был, но последствия будут потом. Они в восторге от нового технического средства. Это я понимаю. Стрельба на 125 км до сих пор небывалая, и мы, занимающиеся военным делом, до этого не додумались. Современная война далеко ушла от человеческой морали. И все это укладывается в человеческом сердце так, что деяния преступные вызывают восторг и гордость.

Мы должны наших противников принудить к миру, и из-за достижения этого общего блага нельзя останавливаться перед жертвами. Чем жестче средство, тем скорее мир. Значит, работа немцев на общее благо?

Утешать себя могут, но эти жесткие средства против мирных обывателей участи мира не решают и не могут решить. Употреби эти средства против того, что имеет военное значение, никто бы не восставал против немцев, но условия употребления у них этих средств таковы, что оправдания им нет.

31-III-18

Вчера бои вновь разгорелись – с центром Морёе. Верно ли это, но говорят, что расходование резервов со стороны союзнической очень бережно. Если бои вчера, может быть, сегодня не двинут англо-французского фронта, надо будет подождать еще дня 3–4, тогда немцы предпримут новое усилие.

С 21 марта до общего усилия пройдет около 12–14 дней. Но действия на западном немецком фронте могут получить помощь на их южном в районе Сен-Габен, или Аленкур-Реймс, или Шампаньи. Наиболее угрожающие в случае успеха, на мой взгляд, первые направления. Бесспорно, это усложняет операцию, в особенности в том случае, если высшее немецкое управление не вполне удовлетворено атакой с 21 марта. Задержка в развитии последних действий указывает, что над операцией задумались.

Если бы не появление к югу от Арраса морской дивизии, я ожидал бы напора от Фландрии на Ипр Ля Бассе. Но появление этой дивизии меня смущает. Маневр переброса 8–9 дивизий к Лаону и Шампаньи из Фландрии потребует всего 5–6 дней. Но не станут же они зря брать войска из Фландрии, если имеют в виду там атаковать. До стабильности на фронте мы еще не дошли, а пока ее не будет, нет оснований думать о той или другой операции.

Говорят и пишут (из Англии), что Фош принял общее командование. С декабря 1917 года я настаивал перед Лиоте, Нивелем и Хейгом об этом. Все соглашались, в особенности Лиото, но ничего из этого не выходило и не вышло даже тогда, когда Робертсон ушел со своего места.

Что сделалось под давлением совершившихся событий, то было неизбежно, но жаль, что люди правящие не видели этого и не знали необходимости такой меры, по крайней мере, 3 года тому назад, а еще лучше до войны. Но последнее представляло неодолимые затруднения, к концу же 14 года это было возможно.

Думаю, что лично Николай Николаевич пошел бы на это, т. е. на подчинение общим директивам со стороны Жоффра. Затруднения были бы не в немцах, а со стороны его помощников и штаба. Понемногу привыкли бы, и все дело текло бы более согласовано.

1-IV-18

Сегодня передал команданте{196} Франсуа Марсалю копии с двух записок, переданных Фошу Он должен поставить об этом в известность Клемансо и о решении мне сообщить. У французов так много своих дел, что думать о наших и заниматься нами не легко, хотя бы одновременно это касалось бы и их.

О военных событиях с ним не говорил. Напор и бои идут своим чередом. Главный удар впереди, и для его осуществления потребуется время. Я считаю, кто первый станет стабильно, т. е. исполнит все необходимые работы на атакованном фронте, у того руки будут развязаны раньше. Как Людендорф{197}, газеты кричат, что он все представлял и рассчитал этот первый удар? Так ли примерно, как произошло, т. е. что его противники отодвинутся на 50–60 км к западу, или иначе. Полагал ли он, что фронт англо-французский выкажет самое упорное сопротивление, будет прорван во многих местах со всеми последствиями такого успеха, или так, как произошло. Если он ошибся, затруднения для дальнейшего, несмотря на успех, будут большие и потребуется опять-таки время и немалое.

Если он упорно будет продолжать первоначальное решение, то говорить, что он не достигнет своего нельзя, но до поры до времени это будет все труднее, тем более, что потери большие и тыл и ближайшая зона к фронтам не может быть оперативно чиста, как ни ловки на этот счет немцы. Таким образом, после 11–12 дней боев мы подходим к решающей минуте. Если и немцы, не имея успеха, станут и будут устраиваться, трудно будет проявить то действие, которое французам столь необходимо. Но подавляющее превосходство немцев, хотя и потерявших много (впрочем, англичане и французы тоже потеряли, а первые оставили и часть орудий), таково, что остановившись на Сомме, они могут развить действия и поправить свое общее положение.

Не легко положение Фоша. Газеты себе пишут, но настроение серьезное среди того люда, которое видишь на улицах. А из длинной пушки все себе постреливают. Сегодня они продвинули выстрелы еще западнее. Может быть, это новая пушка или атмосферные условия для них более выгодны? <…>

2-IV-18

Меня удивляет тон письма Вильсона к епископу Гендерсону, вызванного немецким наступлением. Неужели все это не было ясно раньше, и необходим был акт атаки, чтобы все зашевелилось? Люди вообще являются отражением жизни, и в зависимости от ее проявлений они радуются, плачут или негодуют. Но война – дело другое, ее течение не неожиданное, она налицо скоро 4-й год и течет по своим законам.

Вся эта болтовня только указывает, как несерьезно государственные и негосударственные люди смотрели и смотрят на это. Разве Америка не должна была торопиться вообще? Но ударил час и теперь все кричат: «Скорее, скорее!» Нежные слова Вильсона теперь перешли на «раздавить» и т. п. Все это должно было быть ясно до принятия участия в войне. Главная страдалица все-таки Франция, а не Америка.

3-IV-18

Газеты принесли известие, что грузины и армяне борются в окрестностях Карса. А где русские?

Приехавший из России русский офицер французской службы, георгиевский кавалер, рассказывает об ужасах, творившихся в Киеве русскими, предводительствующими жидами, переодетыми в матросов. Еврейский банкир, переодетый матросом, руководил будто бы массой. Кроме русских генералов, офицеров, детей граждан, под кличкой буржуев убивали всё и вся – рабочие, кухарки, дворники, солдаты и матросы. Рассказ, правда, все обобщает. То же происходит и в других городах. Жертвы насчитываются десятками тысяч. Это было месяца два тому назад. И бедного генерала Иванова{198} зверски выволокли из гостиницы и убили, бросив голое тело в кучу трупов.

Возмутительно убийство митрополита Владимира{199}, человека большой правды и благочестия. Мир праху твоему.

Народ находит, что он достигает рая и все его, и чтобы все осталось ему, надо извести тех, у кого кое-что есть. По описанию – сплошной взбаламученный зверь. Но так ли это? Правда, Киев не один. Одесса, Севастополь, Симферополь и много других мест, где совершаются злодеяния, – дают этому явлению общий окрас.

Подавляющее число солдат вернулись в деревню и города. Все вооружены. Теперь как рассказывают, идет травля из центра зажиточных крестьян. Этот номер вероятно пройдет, ибо крестьянин среднего и слабого достатка не любит зажиточного. О наших хозяйствах не говорю, они будут разрушены, как будет разрушено в городах все сколько-нибудь зажиточное, ибо после деревни озверелая толпа бросится на города. Будет ли это повсеместно, или местами – никто это не знает.

Разбегающиеся при первом выстреле (по рассказу), они идут в штыки на вооруженных офицеров и юнкеров. «Вы нашу кровь пили». И кто выдумал эту формулу, которая давно слышится? Уничтожать бедных кадетов и детей, чтобы не пили бы в будущем крови. Какое заблуждение и какое зверство. Может ли это остановиться само собой? И да и нет. Еще рано, а когда остановится, будет поздно. Россия может обратиться в развалину. <…>

На севере и в Туркестане умирают с голода. Урожай в Поволжье был плохой, в центре ниже среднего, Малороссия в руках австро-немцев. Весь запад по Волынскую губернию в голоде. Волынская, Подольская разорены. Еще 4–5 месяцев существования до урожая и почти без железных дорог. А если

1918 год будет неурожайный, засеяно ведь % на 30–40 меньше, что будет засеяно ярового? С чем и на чем поведена будет работа?

В 1916 году, наблюдая жизнь, я отметил в своих записках, что в 1918–1919 мы будем во власти величайшего врага человечества – голода. И это без явлений, начавшихся в марте 1917 г. Это не было пророчество, а логичный вывод из того, что происходило кругом меня в России и, в частности, у нас в хлебородном Ефремовском уезде Тульской губернии. Мы все хозяйничали из капитала.

Все убывало и ничего нужного для земельной работы к мелкому помещику и крестьянину не притекало. Все разрушалось войной: люди, лошади, скот, хозяйственный инвентарь, невозможно обновить поля от худых семян, сокращения работы и площади.

Продуктивность труда падала. Естественные последствия – уменьшение урожайности и близкий к невозможности транспорт – все это усугубляли. Значит, голод, если не повсеместный, то почти общий. А события 1917 года все это усугубили. Значит, беспросветный голод, с миллионами человеческих жертв, неизбежен. Помочь нам никто не может, а наоборот, то немногое, что есть, возьмут. Голод успокоит? Нет. Раз душа человека вступила в область звериную, голод лишь увеличит бедствие людей. <…>

Когда в феврале и в марте 1917 года с такой невероятной легкостью и быстротой пали основы почти тысячелетнего строя, то на это были глубокие причины. В России все были недовольны, но это далеко не главная причина. Россия была истощена расточительным своим хозяйством, беспорядком, хищением и бестолковостью административных распоряжений, но и это не причина, которая могла так легко перевернуть все вверх дном.

Армия была чрезмерная по численности и по несоответствию: при 118 млн. – призванных 1½ млн. на фронте борющихся, 6½ млн. праздных и с хорошим окладом, тоже одна из причин глухого неудовольствия. Все это было распропагандировано мыслью бесполезности войны и необходимости мира. На фронте то же, но в значительно меньшей мере. <…>

6-IV-18

Белые финляндцы стремятся занять Мурман{200}, защиты там нет. В интересах Франции и Англии, чтобы этот район ими не был бы занят.

Во Франции 20 тысяч и столько же тысяч в Салониках из числа русских солдат, которые не воюют. Неужели из них ничего нельзя создать, чтобы послать на защиту русского края?

7-IV-18.

Если бы военный агент и все еще находящийся во главе русских войск во Франции генерал Лохвицкий меньше думали о себе и своих мелких интересах, а были бы серьезно проникнуты скорбью к судьбе России, они могли бы многое сделать для нее.

Но первый, запутавшийся в самовластии, всем пообещавший и потерявший кредит у французов, а среди своих возбудивший к себе ненависть – весь поглощен мыслью, как ему выбраться целехоньким. Крупный физически бедный Алексей Игнатьев оказался с мелкой душой. Мелок и двойственнен он был по отношению к старой власти, мелок и искателен к новой. Не верю, что бы он был лихоимцем в миллиардных заказах по артиллерии. У меня нет данных, ни за, ни против, но верю, что он на это не пойдет, но он хочет всем распоряжаться, играть видную роль здесь, и чтобы добраться до этого не жалеет ничего, даже до доноса на брата, как в Петрограде говорил мне начальник штаба Ставки Марушевский в сентябре. Уверен, что и на меня есть потаенное письмо в Петрограде, хотя кроме помощи и поддержки в свое время ему ничего не оказывал.

Но это в свойстве человека. Хотя служебного опыта и войсковых знаний у него мало, но его извилистый ум и способность к работе могли бы его сделать полезным. К сожалению, это влияние во все стороны, чтобы выскочить и себя оградить, не разбираясь даже в средствах, в трудное время нами переживаемое делают его вредным.

Лохвицкого меньше знаю. Он не глуп, но позер и весь проникнут личным эгоизмом. Войсковой начальник, как говорят храбрый – к Святому Георгию 3-ей степени я его представил за Курси, но войска и быт и душу солдата знает поверхностно. Не о них, не о России думает он, а о себе. Распылил 20 тыс. солдат, а газеты пишут о формировании русского легиона{201} (из 250 чел.) Целый дамский комитет с его женой во главе заботятся об этих 250. Все это крикливо, но не серьезно и нехорошо. А остальная масса где-то заброшена и без присмотра и под влиянием Бог знает кого. Теперь сидит в Париже и вероятно политиканствует

для личных своих выгод. И рядом с ним стоял другой, его начальник, мой заместитель генерал Занкевич. Неудобно мне говорить о нем. Но мельче, двоедушнее и неспособнее человека не встречал. Лохвицкий, как человек, гигант перед этой мелкой ничтожностью, присланной сюда представлять Временное правительство.

Льстивые перед Раппом, Сватиковым{202} Михайловым{203} и любым делегатом эта милая компания загубила здесь и русское имя и русских солдат и теперь бросили последних как котят на произвол судьбы, думая лишь об одном, как бы им получить содержание от французского правительства.

Занкевич самовольно ушел, увеличив себе содержание. Не поручусь, чтобы он не урвал из сумм, которые были в его безотчетном распоряжении, он с деньгами и ушел, чтобы ехать в Ниццу погреться. Подлец.

А Игнатьев и Лохвицкий продолжают свою работу, причем последний пристегнул к себе пресловутое тыловое управление, с его баснословными окладами, созданными под шумок полковником Карханиным. Теперь они получают французские оклады и будут жить припеваючи.

Все что творится среди массы русских здесь, брошенных на произвол судьбы, прискорбно и позорно. <…>

Вчера наконец после более, чем месячного промежутка увидел В.И. Гурко. Я выразил ему свое соболезнование по поводу смерти его жены{204} убитой бомбой в лазарете недалеко от фронта. Но поговорить с ним не удалось, он был занят вопросом издания своих записок, или дневника; хорошее дело. Не приняться ли и мне за обработку своих записок? Слишком много в них интимного, и это меня удерживает.

9-IV-18

Периодически, ко времени уплаты купонов по русским займам, здесь возникают тревоги. Французская казна уплачивает, и тревога на короткий срок успокаивается. Под влиянием этих тревог заговорили и люди заинтересованные экономически в делах России.

Какая-то организация, во главе которой стоит Вернейль, по поручению правительства составилась, но ни цели ее, ни деятельность не определились. Работавший с нашим кружком депутат Жеральд еще в начале февраля говорил, что бывший генерал-губернатор Алжира Лиоте будет послан в Россию и что он все сделает. Потом прошел слух, что он поедет не в Россию, а на Дальний Восток для совместной работы с японцами. Когда возможное вмешательство японцев опять затихло, Лиоте снова был намечен в Россию. Едет он: 1) чтобы ознакомиться и помочь французским промышленным учреждениям в России и 2) бороться с германским засильем в России. Такова инструкция от М.И.Д. Лиоте начинает чувствовать, что дело поставлено не ладно и что поездка его в настоящем ее виде ничего, кроме терний, дать не может. И он прав.

В первой половине марта я составил две записки для Клемансо и Фоша и 25-III обе передал Фошу. Фоша видеть не мог. Это был разгар немецкой атаки. С другой стороны Клемансо передал команданте Франсуа Марсалю все дела касающиеся России в связи с экономическими интересами Франции. Записки эти были переданы ему, и 1-го апреля я с ним имел разговор.

4-го апреля Лиоте пожелал переговорить со мной. У него была первая записка. Я передал ему и вторую, а вчера послал ему и Франсуа Марсаль короткий проспект.

Наша первоначальная мысль была при помощи объединения заинтересовать в экономических делах России – связаться с последней, чтобы интересы французские и русские, связанные финансами с Францией, могли получать помощь и поддержку.

Но события в России шли своим ходом и от большевизма приводили ее логически к официальной анархии и коммунизму. Необходима была не частная, а правительственная помощь и путем моих записок я силился представить это через Фоша Клемансо.

Как последний на это будет реагировать, не знаю. Но Лиоте и Франсуа Марсаль по-видимому реагируют, но так как России не знают, то колеблются. Я указал им пути, но как сделать это их дело. Они очень беспомощны, и так как события перед ними

грозные, то уделить время и спокойное внимание на упорядоченные дела в России не могут. Выпустить дело в чужие руки они тоже не хотят.

Мои сотрудники смотрели больше на это дело, как на возможность пристроиться к французскому управлению и получать деньги, жалование. Но до этого еще далеко. Собственно говоря, реального ничего нет. Вчера Лиоте сказал Безобразову, что он переговорит с Франсуа Марсалем о необходимости совещания, в которое надо пригласить и меня. Франсуа, вероятно, отговорит его от этого, и, в сущности нужно не это, а нужно решение Клемансо, помочь ли России со всей ее экономикой французской и русской выбраться из этого водоворота, или махнуть на все рукой и да будет что будет. Я думаю, что Клемансо решит скорее по последнему. Без англичан и американцев не пойдут, и жаль им будет денег.

А пока сговорятся, в современных условиях пройдут месяца, и у нас будет не местная теперешняя анархия, а официальная. Германия не будет ее прекращать, а когда останутся головешки, займет Москву. Тогда тут завопят и начнут кое-что делать, но будет поздно, ибо после осени станет зима, а зимой, какие же большие дела можно делать в России, в особенности в центральной и восточной? Анархия, как правительство двинется на Нижний, Казань, Самару, я думаю, ее встретят дубьем, а Россией будет править Гофман{205} – вот до чего дотанцевались.

Но это не пророчество, а премерзкий сон. А по пословице, страшен сон, но милостив Господь.

Если Советы справятся с анархией, хотя данных на это нет, то будет не лучше, но не так скверно с внешней стороны и вместо кризиса страна перейдет на долгое время в состояние хронического заболевания, и затянется ненормальная жизнь надолго.

Здесь это не ясно. Французы думают, вот поставят им царя и все пойдет по маслу. И многие русские так думают. Напрасно. Царь возможен с реальной силой, с казной и с другими атрибутами. Но, прежде всего, ни царя, ни остальных атрибутов нет. Все это надо создать, а публика, привыкшая жить на всем готовом, да на сказках, думает, что это явится само собой. И величайшее это будет несчастье для России и для идеи монархизма. Вот Гофман может править, если Германия даст ему 5–7 корпусов. У него будет сила и все пойдет гладко. Но избави Боже от этой глади.

Наши милые соотечественники напирают на то, что Франция должна помочь, для ее же интересов. Но предоставьте же каждому думать о своих делах. Если Франция и провинилась перед

Россией, то не перед теперешней, а перед императорской, и теперешняя винить ее не может, ибо она наделала Франции такие гадости, что перед ней стоит в остром виде вопрос об ее бытье.

Помочь может немец, но современного немца лучше не толкать на это дело.

Нашему кружку надо представить положение вопроса и наметить, как связаться с Вернейлем, чтобы экономическая работа этого общества пошла бы по жизненному и практическому пути. Пока они не выделят правящего органа ничего не будет. Возможно, что Вернейль захочет быть самодержцем и тогда ему нужны «бюро». Вероятно, что-то в этом роде есть, на это французы такие же мастера, как и мы, но важно к ним пристегнуть и русских. Попробую.

12-IV-18

Вчера после 2–3 дней молчания немцы снова начали стрелять по Парижу. Убито и ранено несколько десятков старцев, женщин и детей.

Пока военные события с их частностями идут примерно тем ходом, вернее в том направлении, как мной указано в январе и феврале. Но нет развития тех действий, которые я считал необходимыми, чтобы атакуя всеми силами, положение германцев было бы стабильное. Я говорю об атаке от Сен-Габена левого берега Уазы и к северу от Реймса.

Весьма возможно, что Людендорф или Гинденбург и не думали развить действия отсюда в помощь массовых атак к северу от Уазы. Это другое дело.

Но беря, в общем, положение обеих сторон, соотношение, вернее, неравенство сил, я считаю, что атаки к северу от Уазы должны были сопровождаться атаками к востоку от Уазы, которые могли бы быть, если немцы были бы убеждены в успехе операции к северу от Уазы, а они кажется этим хвастались, развиты не позже 5–6 дней, т. е. 16–28 марта. Но этого мы не видим.

Значит, или они так не предполагали, а если предполагали и не сделали, то ход операции к северу от Уазы им помешал это исполнить. Силы у них были. Как никак англичане держатся и не унывают, а французы с величайшим самопожертвованием помогают и помогают хорошо. Где неустойка, там они восстанавливают. Выкрики в газетах о выступлении умолкают и, слава Богу, но не думаю, чтобы Фош и Петен об этом не думают и к этому не подготавливаются. Еще не время и нет случая. Понятно, это не будет то наступление, к которому готовились 3–4 месяца, а нечто другое.

Пока спокойно смотрю вперед. Хотя фактических данных не имею, не знаю где и что, как во вражьем стане, так и у друзей, и знать нам это не нужно, но чувствую, что все напряжено, чтобы отстоять свое достояние и честь.

Сегодня у команданте Франсуа Марсаля, в присутствии Лиоте и моем, будет совещание об экономических интересах французов в России. Лиоте сказал Франсуа Марсалю, что я этого желал, но это не так, ибо никогда и никому это не выражал. У них что-то заколотилось. Они хотят и не желают зайти слишком далеко, да и тратиться не желают. Но полумерами ничего не достигнешь, а деньги истратишь. <…>

Америка борется, не имея материальных интересов в войне, она громко провозгласила это. Но чего ради она тратит

миллиарды и потратит, вероятно, сотни тысячи людей. Не для удовольствия же, не для того, чтобы демпировать[34] Гогенцоллернов{206} в и Габсбургов{207}, с придачей султана{208} и Фердинанда{209}? И какое им до них дело? Ради свободы? Почета Европе?

Когда люди начинают петушиться, они далеки от этих идеалов и единственное стремление, как бы одолеть своего противника, и кто исключительно занят этой мыслью и соответственно поступает, тот весьма часто и одолевает. Но если мы оглянемся назад лет на 5 и затем отметим разные полосы всей драмы совершающейся в сущности по всему земному шару, то мы увидим, что каждый год имеет свои особенности и каждый год в сущности имеет свою ложь.

До июля 1914 года ни Россия, ни Франция не думали о земельных приобретениях. Кучка людей болтала для красного словца о Константинополе, много в феврале толковали об Эльзасе и Лотарингии. Австрия делала свою наступательную и оборонительную работу на Балканах. Германия молчала и взоры ее были направлены и на восток, и на Бельгию и Голландию. Она молчала и вооружалась и подготавливалась и материально, и духовно. Отрицать это она не будет и не может. Когда загорелось, каждый заорал: «Возьму то и то». И не только в Европе, но повсюду. Что лежало плохо и приманчиво, Англия в Средиземном море заняла. Но война развивалась не так, как думали, ибо для войны не достаточно думать, но надо уметь делать. И характер мысли и ее выражения стали меняться. Германия, вероятно, считала, что враги ее делают подлости, мы считали, что Германия подлейшее существо и делает гадости превеликие.

Но уже со 2-ой половины 1916 года перелом к миру делается все ощутительнее и проникает все дальше в высшие сферы включительно. И начинается новая эпопея, олицетворением которой является письмо Карла I {210} в 1917 году и все попытки завязать мирные переговоры и выступление с горячими речами государственных деятелей. Поговорили в 1917 году – страсть, и дали богатый материал журналистам и предмет чтения обывателю.

А война шла своим ходом, и по ее ходу менялись речи и выражения и, наконец, настроение обывателя.

Да, много лжи еще в человеческой жизни, и не скоро доберемся мы до братской лиги народов, синонима вечного мира, о котором мудрый старик Мольтке сказал: «Der einige Friede ist ein Traum und nicht ein schöner»[35].

Будем ожидать как это все разыграется.

Сегодняшний 2-х часовой разговор у Франсуа Марсаля с

Лиоте при участии лейтенанта Лона{211} и Безобразова в сущности ни к чему не привел. Лиоте все доказывал, что должны делать агенты организации. Роль их ему не ясна, потому, что он не знает их деятельности. То предложенная мной организация чисто военная, то заговорщицкая. Они, по-видимому, хотят делать сами и своими средствами, но что делать не знают. Может быть, когда будет Ланглуа{212}, он ему объяснит и возьмет его в свои руки. Он хочет связаться с мусульманами, но понятия о них не имеет. Ему они близки сердцу, потому что он был в Алжире. Если так пойдет дальше, то каши с ними не сваришь. Но все-таки кое в чем он будет ориентирован. Не могу назвать разговор искренним. Я просил его об одном: «Скажите мне окончательно, в чем будет цель миссии, в каком направлении вы будете искать ее разрешения, и тогда могу помочь вам своими работами. Я к вашим услугам». Я высказал ему, что ему нельзя ехать, не подготовившись и не подготовив свой приезд. Указано также, что желательно переговорить с англичанами, если не для совместной работы, то чтобы друг другу не мешать. На это реагировали слабо. Если я был бы на его месте, то шел бы один.

13-IV-18

Вчерашние переговоры с Франсуа Марсалем и Лиоте побудили меня написать сегодня письмо Франсуа Марсалю, что мое сотрудничество вследствие разногласия может породить затруднения.

Но главное это то, что Лиоте принял направление, которое я считаю для России вредным. Он высказал это и этому верит, что ему надо будет опереться на мусульман. Такое направление политики может лишь способствовать расчленению России и увеличить центробежное стремление всей татарвы, которая и без того в лице своих вожаков уже и теперь провозглашает свою независимость. Быть участником и сотрудником в таком деле не могу, и потому пусть идут одни. Но об этом буду еще говорить. Если Лиоте будет поощрять это, то ведь последствия могут быть хуже большевизма. Я говорю ему о здоровой части северной России, а он тычет мусульман. Не спорю, народ основательный, не мечтатели, но центробежная сила сидит в каждом несамостоятельном народе. Что касается вожаков, то это такие же честолюбивые люди, как и другие.

Лиоте думает опереться на них. Что это значит? Всякое его внимание и любезность будет принята по-своему. Лиоте не знает ни нашей провинции, ни теперешнего времени. Не желая этого, он может усилить дух сепаратизма. Казанская республика{213} налицо. При нашем расстройстве власти мы не далеки от ее отделения. Вопрос этот встал. Вопрос этот столь важен и требует такой осторожности, что, коснувшись его, представитель Франции может быть причиной таких последствий, которых и не ожидал. Не на татар, а на русских ему надо опираться, и прежде всего на русских севера, до Твери включительно.

Я опасаюсь, что Лиоте своего взгляда не изменит, и потому если он будет упорствовать, мне идти по этому пути нельзя.

Я могу негодовать на большевиков, но в тех редких случаях, когда они проявляют, хоть в грубой форме, сохранение областей России, я встану на их сторону. Всякие начинания с татарами, мусульманами могут привести к расчленению.

Нельзя же забыть, что Россия находится в беспомощном состоянии и что та же татарва, как и русские крестьяне, вооружены. Я написал Франсуа Марсалю, что мое сотрудничество может при разногласии внести затруднения. Я надеюсь, что с Марсалем мне удастся переговорить и ему указать, как опасна какая бы то ни была деятельность и сближение с татарами и мусульманами. Прощаясь после той 2-х часовой беседы, Лиоте

мне сказал: «Vous serez mon maître»[36]. Не понравилось мне это, какой я ему maître. Я принял бы это скорей за иронию. Странно, что выбрали для работ в России человека, который совершенно ее не знает.

15-IV-18

По ходу переговоров, оценивая самого Лиоте, который будет послан в Россию, я не вижу, чтобы со своей стороны французское правительство, с одной стороны, а с другой – Лиоте даже что-нибудь сделали такое, что помогло бы России. Пока ему даны инструкции поддержать французские учреждения и бороться с германским засильем. Как чиновник он это и делает, собирает справки и, совершенно не зная России, собирает крупицы. <…>

Взять же в свои руки направление к упорядочению нашей жизни, думаю, не возьмут. Это чувство побудило меня поставить вопрос ребром и сегодня препроводил Франсуа Марсалю записку, в которой определенно ставлю, на что французское правительство идет. Необходимо, чтобы это было ясно, а тянуть эту канитель вредно.

Сегодня Безобразов передаст суть Марсалю, а завтра он передаст эту записку в перевод.

Если французы будут исключительно преследовать свои цели, винить их не могу. Всякий должен прежде всего преследовать свое. Я рассчитываю только на одно, что когда они окончательно станут на эту точку зрения, они определенно и ясно нам скажут: «На нас не рассчитывайте, у нас и своих дел много». И за это спасибо. Собственно по коренному вопросу мы возимся с конца их марта, и если на днях это разрешится, то винить их не могу. Что же касается собственно экономического вопроса, то это будет очень долго, и я сомневаюсь, чтобы они пришли к тому решению, которое мы им предложили. Это дело терпит. Что же дальше? А дальше надо пробивать себе дорожку. Познакомились мы с Альби{214}. Оказалось, что мы встречались в 1908 году на больших маневрах в Валенси у Делакруа. <…>

17-IV-18

Вчера переговорил с команданте Франсуа Марсалем. Я объяснил ему, что разногласие мое не в применении подробностей, касающихся экономических интересов Франции, а в общем. Первые по своим размерам не существенны, финансы же громадны и участь их – участь России. Следовательно, поддерживая их, надо работать в том направлении, чтобы в России мог бы, наконец, установиться законный порядок. Это уже политика. Если политика будет базироваться на ложных началах, она пойдет неправильно и не целесообразно. Нельзя в России базироваться на мусульман. Вся 1000-летняя история – борьба с мусульманами, которые наконец покорены. Для русского мышления мусульманство враг христианства. Поддерживая татар, мы увеличим лишь центробежное стремление областей Волги, Камы, Белой, и создадим новую Украину, но более опасную. С Украиной мы сговоримся, ибо все общее, а с татарами придется бороться.

Так как г-н Лиоте высказал эту мысль, то я могу тоже сказать, что в этом направлении я не могу с ним идти рука об руку, ибо это идет вразрез с интересами России. Опираться надо на русские элементы и прежде всего на север России, на православных, единоверцев и старообрядцев. Что касается технических деталей, то я к его услугам, но только тогда, когда политика будет идти по руслу русскому, а не инородческому. Свои экономические интересы, т. е. фабрики, промышленные учреждения.

Все это может быть исполнено и без участия русских, но работа государственного характера без содействия русских не пойдет.

Я заявил команданте Марсалю, что Безобразов переводит с русского небольшую мою записку, суммирующую все в нескольких положениях, и которая у него будет сегодня. Видеть Клемансо я считаю излишним и для него обременительным, ибо если он примет решение, то он, по-моему, принадлежит к числу людей, которых посторонними взглядами не переубедишь. На этом наша беседа и закончилась. Протоколы 12 апреля уже печатаются, и Марсаль, кажется, доволен этим документом.

Я Лиоте не знаю, и за два свидания я не мог вынести впечатления, что большая задача ему но плечу. Он чиновник, а не политический деятель широкой государственной работы. Он хорошо исполнит, что касается Франции, а русские интересы будут в стороне, и не потому, что не желает, а потому, что не знает Россию.

19-IV-18

Вчера Безобразов передал Франсуа Марсаль мою записку. Французскому правительству надо решить, по какому пути оно желает идти. С отъездом Лиоте они торопятся, но если он выйдет неподготовленным, его роль будет жалкая, ибо сделать что-либо серьезное он будет не в силах.

Все-таки на этих днях то или другое решение должно быть принято. С моей стороны сделал все, как мне кажется, чтобы облегчить это решение и затем если будет принято главное решение, то все инструкции мной конспективно подготовлены и могут быть переданы по их переводу Безобразовым Франсуа Марсалю. Остается список лиц и учреждений.

Вчера же я просил через Безобразова Франсуа Марсаля, чтобы французское правительство предложило своему военному агенту в Стокгольме переговорить с Гиссером{215} (полковник Генерального штаба), который туда приехал.

Он знает, что у нас делалось и делается, и, кроме того, указал, что если французское правительство хочет ориентироваться и посоветоваться с кем-либо, А.П. Извольский, как посол, лучше других может им быть полезен. Так как французы любят адресоваться к официальным лицам, то Извольский имеет больше права считаться официальным представителем России, чем Маклаков. Маклаков был сюда назначен, когда Временное правительство обратилось в нечто другую директорию, как говорили в Петрограде, а когда Маклаков прибыл в Англию, их уже не было и был Ленин. Наконец Маклаков, член партии, которая уже изменила своему знамени, вообще должен быть зачислен в категорию той массы людей, которые приехали за границу. Я столько же посол, как и он. Он, говорят, занят, но не русскими, а иным делом, и его кредит естественно очень пал. Его принимают и выслушивают из вежливости. Если Извольский не погорячился бы, он сидел бы по сие время в Гренель{216}.

Во всяком случае Извольский представитель власти России, хотя и не существующей, но Россия еще существует, Гирс{217} и другие сидят.

Погода холодная и мерзнем больше, чем зимой. Город очень пуст. Настроение довольно подавленное. Внешних признаков чего-либо нет, но досужие люди болтают и чего-то ждут. Боло{218} (процесс Мальви-Кайо пацифистов{219}) 4-IV расстрелян. Может быть, так надо было. Взбудораженные умы ждут каких-то беспорядков. Дня два немецкая пушка не палила, говорят,

подбита французской артиллерией. На фронте идет борьба, союзники держатся, но окончательной стабильности еще нет. И зачем это Орландо понадобилось провозгласить, что итальянцы идут на помощь?

Хвастуны и политиканы не умеют делать молча. Для газеты это материал. Хорошо ли это для дела? Надо преклониться перед настойчивостью англичан. Не имея настоящей постоянной армии, военной повинности они не остановились перед призывом пятидесятилетних. Но беспокоюсь за нагромождение их тыла: оно может породить явления, к которым английские и французские солдаты не привыкли. Им придется переносить лишения, ибо совокупность перевозочных средств, при большом скоплении войск, и притом разных, создаст затруднения. Потребности в боевых и жизненных припасах громадные. У немцев тоже, но у них преимущество в пространстве. Дай Бог, чтобы справились.

21-IV-18

Вчера я зашел к В.И. Гурко с целью привлечь его к моей работе. Я сказал ему, что то, что передал ему, передал по чести, и оно должно остаться только между нами, одинаково, даст ли он свое согласие или откажет.

Я изложил ему, что напрягая все свои силы, чтобы найти способ помочь нашей стране выйти на путь порядка и правды, я с декабря 1917 года думал, что это может быть достигнуто путем соединения заинтересованных французов здесь, и с их помощью установить сначала связь и осведомление с Россией, при их помощи сплотить здоровые элементы России в борьбе их с анархией. Но события развились быстро. Уже в феврале такой путь не мог обещать результатов, тем более что подойти к французам было трудно, и еще труднее было их соединить с той целью и в таких формах, которые были мной намечены. <…>

Еще в феврале правительство наметило генерала Лиоте, бывшего генерал-губернатора Алжира, как посланца в Россию. Предполагали послать его на Дальний Восток с японцами, на которых нажимали французы. Но эта затея рухнула, и решили послать Лиоте в Россию, чтобы поддерживать экономические интересы на месте, оставляя Нуланса{220} послом. Я уже не раз указывал, что французские деятели по незнанию России заблуждались. Не сознавать свое заблуждение они не могли. Перед нами целый ряд фактов, начиная с революции, что одна гафа сменяла другую. Ни наше мышление, наша природа, ни наши обычаи, ни устройство, ни история им не были известны, о русской душе не говорю. Франция желала добра России, но, не зная ее, делала ошибки, которые вредили им и нам. Поэтому их действия теперь стали столь осторожны. Они, вероятно, совещаются, но с кем, не знаю. Ко мне не обращались, да и не было основания обращаться, ибо здесь я вольный гражданин.

Говорили, вероятно, с Маклаковым, может быть, Извольским, Севастопуло{221}, Игнатьевым, вообще с лицами официальными. И Гурко ходил к Пишону, чтобы указать на несоответственность вмешательства Японии; а раньше, как он мне говорил, по вопросу поддержки Украины. <…>

Если французы будут поддерживать Россию, им нужно сотрудничество русских, и все подробности мной намечены и разработаны. Мне нужна для этого помощь Гурко.

Я могу заболеть, уехать, и нужен человек, который мог бы самостоятельно вести ее в намеченном направлении.

Гурко мне даст ответ, когда ознакомиться с работой уже

выполненной. Его работа в Союзе патриотов{222} может привести его только к скандалам и недоразумениям, и он это чувствует. Полезного и реального в этом для России нет, одни разговоры несообразные.

Гурко здесь единственный человек, который мог бы быть полезен при осуществлении дела в том случае, если французское правительство серьезно пожелает заняться Россией. Но до сих пор такое решение ими не принято, ибо если оно было бы принято, то им необходимо бы участие русских.

Вот в этом последнем они не убеждены и может быть колеблются. Возможно, что они постараются это сделать, не прибегая к услугам здешних, и будут искать на месте. Это трудно и рискованно.

Вечером газеты принесли известия:

1) Корнилов{223} занял Екатеринодар. Раньше писали, что он скрылся к Уралу. Зачем Екатеринодар? Что сгруппировалось около него? 29-III (10-IV) город им был занят.

2) В Воронеже, Симбирске и в Ростове анархисты борются с большевиками; среди немецких колонистов в Саратовской губернии движение, как сказано антиреволюционное.

3) Московские советы на приказание германцев и их военнопленных в Сибири ответили, что немецкое приказание будет исполнено. Ответить не трудно, но как они это исполнят?

4) Иоффе и куча народа (бежавших из Петрограда) прибыли как посольство в Берлине; подлец Менжинский, министр финансов в роли Берлинского германского консула. Как не стыдно немцам?

5) Украина не согласна на отделение Бессарабии.

6) Она же ведет переговоры о мире с большевиками под руководством заместителя Кюльмана – Розенберга.

7) Большевики спрашивают у немцев, не отдадут ли они дредноуты, строящиеся в Николаеве? Ответили, что это дело Украины.

8) Евреи Украины, замечая, что Рада отступает от своих обещаний в отношении евреев, составили свое национальное собрание в 126 человек. По приказанию немцев большевики еще раньше предприняли экскурсию в Калужскую улицу к анархистам и встретили там слабое сопротивление.

Бюджет большевиков, не считая содержания Советов, 24 млрд. в год. Красивая цифра. Доходов же нет, ибо все встало. Местные советы по докладу министра накладывают большие контрибуции на буржуев, но не известно, куда это девается, ибо деньги пропадают бесследно. Даже очень известно. Какой наивный министр финансов.

О мерах к покрытию расходов писалось раньше в газетах. Это очень курьезно, или, как писали французские газеты, очень комично. И думаю, что за мои 150 десятин мне придется заплатить 20 тыс. рублей за 1918 год. Все-таки остолопы они большие. А Россия слушает и терпит. Здесь это знают и тоже терпят.

24-IV-18

Вчера 23-го я просил Безобразова переговорить с Франсуа Марсалем, каков результат по поводу присланной мной записки от 16 апреля, в которой ставился вопрос определенно о направлении и решении французского правительства, в связи с посылкой миссии Лиоте в Россию. <…>

Так как миссия уедет через 2½ недели, то решить это необходимо, ибо русские разъезжаются и их не найдешь, да и времени подготовиться не будет.

Ответ Марсаля был в том духе, что правительство решило послать Лиоте, чтобы он посмотрел, донес, что делается у нас, и затем примет решение. Этим вся программа принятая раньше отвергается и участие русских отклоняется. Будущая деятельность миссии Лиоте является, таким образом, не только по мнению Франции, но и английского правительства лишь осведомительной.

Мои остальные работы и инструкции, мной вчерне законченные, таким образом не нужны и миссия, если только она не последует указаниям, данными в моей записке от 8 апреля в отношении французских лиц и учреждений в России, придет туда совершенно не подготовленной.

Все мои усилия двинуть дело внутреннего возрождения России по пути порядка и закона потерпели фиаско. <…>

Но мои силы так слабы, что, понурив голову, приходится считаться с совершившимся фактом. Не думаю, чтобы в будущем мое участие могло бы в чем-нибудь выразиться.

Англия по-видимому согласилась с Францией, и кроме того ей не до того. Америка, говорят мне, желает спасти Россию. Не верю и не вижу основания к тому. Стремления Америки иного свойства. Я их видел и чувствовал в 1905 году, и эту систему спасения России отвергаю. Куда же идти, чья рука поддержит Россию и выволочит ее из анархии и бедствий? Германия. Да, Германия имела бы все основания сделать это, оно в ее интересах, но ее приемы к нам не подойдут. Своими руками мы вырыли себе могилу, а теперь ищем, кто бы нас спас. <…>

Вся духовная подготовка дела не поддается пониманию людей, для которых религия лишний придаток в жизни. У нас же, в особенности на нашем севере это не так. Я не сомневаюсь, именно религиозная пропаганда может успокоить значительную часть России и поставить ее на ноги. Где будут немцы, там они будут устрашать, у них других средств нет. Бедная, бедная русская земля, куда завели тебя, и как ты выйдешь из

заколдованного круга, тобой же созданного? И кровь твоих сыновей, и разорение, и нищета все это падет на тебя надолго. Говорят, есть справедливое возмездие, но на кого оно падет?

25 апреля

Если правда, что Корнилов и его войска разбиты, очистили Екатеринодар, а сам он убит или тяжко ранен, то это очень грустно. Я не знаю, какими целями он задался и к чему стремился. Не думаю, чтобы он являлся сторонником какой-либо партии монархической или иной. Просто болело русское сердце. Откуда, однако, в этом районе могли взяться войска и какие? Одним храбрым солдатом стало меньше и не стало громкого имени, с большими заслугами воина в прошлом.

Много у него было военных качеств, но всегда мало выдержки. Так было, когда он служил у меня в главном управлении, в Пекине и в дальнейшем, и, к сожалению, его операция и по времени, и по району в Кубанской области была не достаточно продумана и не выдержана.

И человек он был искренний и хороший. Я надеюсь, что он жив. Очень прискорбно, когда уходит молодая жизнь и при том такая, полная чувства любви к отечеству, правды, как у Корнилова. Неужто с его уходом исчезнет все то, что стремится в России к закону и порядку. В Малороссии снова эксцессы, но уже между населением и австрийскими войсками. Немецкие войска подвигаются, Ленин переговаривается с Мирбахом{224}. И что они сотворят с этой несчастной Россией? Чаша страдания не допита до конца.

Приехавшие из России рассказывают, что Россия покрыта развалинами помещичьих домов и хозяйств. В городах жизнь невозможная, благодаря лишениям и господству рабочего и солдатского элемента, торгующего награбленным и не грабленным, грабящим и, когда захочется, убивающим и оплачиваемым правительством большими суточными деньгами. Но все живет, терпит, отпадает и будет жить пока не придет черед. Трудно постигнуть, почему все держится. Если верить всему этому, значит, все стерлось и то, что раньше было наверху, руководило, правило и направляло – все это было случайно и не по праву.

Где же здоровая сильная Россия? Все, как говорят, ждут спасения от этого ужаса извне и от немцев, на первом плане, ибо остальные былые друзья нас бросили. Может быть это и так, но к чему это нас приведет? Я все верю, что жизнь еще не угасла, что настанет минута, когда Россия очнется и примется за труд сама, не из-под палки немецкого капрала. Но признаков такой перемены все меньше, а разложение и апатия проникают все глубже. Я думаю об одном – ехать; но немедленно встает вопрос,

зачем и что ты там будешь делать, один, без средств, без связей, без возможности принести кому бы то ни было пользу и с силами ослабленными, на исходе 67 лет. Выехать отсюда еще можно было бы.

Французы пропустят, но впустят ли в Россию? А впустив, что же дальше?

1 час. 30 мин. дня. Сегодня в 10 час. утра переговорил с Франсуа Марсалем. Дело обстоит немного иначе, чем это выяснилось по вчерашнему разговору его с Безобразовым:

1) Клемансо в дело Лиоте еще не вошел, доклада не принял и решения своего не поставил. Вообще Клемансо этими делами не занимался серьезно и с записками не ознакомился.

2) С англичанами не переговаривались, и Франсуа Марсаль на мой вопрос, соответственно ли будет, если Гурко или я поговорят с ними, ответил, что это было бы только полезно. Верно, что миссия Лиоте прежде всего осведомительная. Затем что-то примут. Я высказал, что, на мой взгляд, это ложно, но всякий делает, как понимает, и я желаю полнейшего успеха. Когда подходил к раскрытым дверям Марсаля, там сидел Лиоте. Я не вошел, а обождал. Он вышел другим путем. Марсаль просил о письмах. Я ему сказал, что это неудобно, но фамилии разных деятелей, если хотят, дам. Не советую лишь обращаться непосредственно. Затем, поблагодарив его за любезность и передав, что недели через две уеду в Баньоль-де-Лорн, я с ним распрощался.

28-го апреля

В районе Ипра и в направлении на Амьен равновесие кое-как установилось, но борьба в первом районе для союзников более тяжела и менее устойчива, чем к югу от Соммы. На остальных участках более мелкая борьба не замрет. Я своего первоначального мнения, высказанного в конце февраля, не меняю. Атака в Пикардии и во Фландрии, без подсобной и очень сильной со стороны Сен-Габена и Аленкура (к востоку от Краона, между ним и Реймсом) не устойчива. Почему ее не развернули немцы 26 или 27 марта, не знаю. Думаю, они не были удовлетворены своими успехами с 21 марта, и в душу руководителей закралось сомнение: не лучше ли обождать?

Если это так, то на planmäßige & eine plötzliche Handlary[37] у Людендорфа не хватает духу. Может быть это не так, но рассуждая за немцев, я бы атаку Куртье связал бы с атакой южнее Уазы и старался бы расширить зону действий, имея такое громадное превосходство, а то теперь на западном участке фронта они друг другу мешают и сильно терпят. Может быть они рассчитывают на большую оттяжку резервов на поддержку англичан? Но атака на западном участке фронта потребует больших сил и жертв. Опять надо устроиться, пополниться и снова начинать. Возможно ли будет развить атаку по всему фронту, это вопрос, разрешение которого надо предоставить немцам.

5½ недель борьбы не могли не истощить и средства врага, и союзников. Обе стороны исполнили громадное напряжение. Смешно говорить, что немцы ничего не сделали. Они отодвинули своего противника, но он держится и усиливается и, сдавая кое-что, превосходство все-таки держится. Если немцы выказывают упорство и мужество, то то же они встречают у союзников. Дело не кончено. Силы немцев в большом превосходстве, допускающем жертвы. Но ведь и последнему есть предел. Если направление на Hoge Brück будет стабилизировано, то на Амьен немцы не продвинутся, и надо будет стучаться в другие двери. Сидя здесь, весь вопрос борьбы сводится к выжиданию совершающихся событий. Желал бы, чтобы оно было бы более длительное. Если немцам придется закопаться, дело их будет не из блестящих. Трудно, несмотря на железную дисциплину немецких войск, после этого двинуть в другое направление, с такой же решимостью и с таким же увлечением, как это было сделано в марте. Думаю, что удары дальнейшего будущего не будут уже столь могущественны.

Если же будут продолжать ломить, невзирая ни на что, то успех возможен, но не будет ли это азартной игрой? Я не знаю положение союзников и потому не могу высказать что-либо определенное по отношению их, но по всему они, как выразился один из крупных английских начальников, стиснув зубы будут упорно отбивать атаки врага.

Возможна ли помощь в смысле удара в чувствительный пункт?

Для англичан, я думаю, нет, для французов, не зная ни их группировки, ни хода борьбы, ответить не могу. Сознание и желание совершить эту тяжкую необходимую помощь бесспорно есть, но возможно ли это? С современными условиями поля сражения и, скажу, с современными войсками и всей организацией такие наступательные удары понятно возможны. Но очень они чреваты и сложны, а дальность их проникновения, даже при таком громадном превосходстве в силах, продолжительной и тщательной подготовки, какие мы видели у немцев, дали и то случайно, благоприятные, но ограниченные результаты. Рассчитывать на счастье нельзя. Ставить на карту государство – не своевременно и не соответственно.

Необходим новый фактор, который решил бы мировую борьбу. На суше она пока разрешается или вернее совершается колоссальными потугами, даже при условиях необыкновенно благоприятных для немцев. Но ведь пока. Заговорят ли когда-нибудь морские силы?

29-го апреля

Вчера я познакомил В.И. Гурко с теми шагами, которые были сделаны, чтобы подвинуть французов и их правительство к тому, чтобы поддержать их же интересы в России. Такая поддержка косвенно должна повлиять и на улучшение внутреннего положения. Пока и в будущем дело стоит плохо. К этакой работе они не привычны, Россию не знают и не знают даже что делать и как делать. Боюсь, что только тогда, когда будет совсем поздно, французское правительство просветится и станет что-то делать. Базис В.И. Гурко неверен.

1-го мая

Вчерашние известия вертелись на сообщениях о стремлении возвести наследника Алексея{225} на царский престол, при регенте великого князя Михаила Александровича{226}, о стычках монархистов и Красной гвардии в Петрограде, о выступлении Кривошеина{227}, Гурко и Федорова в пользу сближения с Германией, о затруднениях большевиков и пренебрежения к ним Германии.

Половина неправда, а может быть и больше. Слухи растут как грибы, но в общем все то же. Не зная, что творится, нельзя делать заключения.

Вероятно, кое-где бросаются в разные стороны, хватаются за слухи, но систематической работы нет. Если Алексеев в Петрограде, в чем я сомневаюсь, его слушаться не будут, ибо у нас никто не слушается и всякий умнее соседа.

Кроме того средств нет или очень мало. Пойдет ли Алексеев к стороне немцев? Если союзники совсем нас бросят – пойдет, и я пошел бы, но необходимо это устроить. Опасаюсь и с каждым днем сильнее, что из миссии Лиоте будут одни осложнения и для французов и для нас. <…>

Приехать смотреть на наши страдания и ничего не делать, чтобы помочь, не тактично, и это скоро будет понято. Усматривают ли французы эти затруднения? А между тем миссия могла бы сделать очень много.

Сегодня В.И. Гурко приглашен к Франсуа Марсалю. В воскресенье у Шебунина было собрание. Я не пошел. Леонтьев излагал свое, Гурко возражал и поукорял союзников. В понедельник все знали французы, а во вторник его пригласили к Марсалю на сегодняшнее число, чтобы поделиться с ним мыслями. О миссии Лиоте говорит весь Париж…

5-V (22 апреля)

Второе Светлое воскресенье приходится проводить вдали от отечества и дома.

В среду 1 мая Гурко беседовал с Франсуа Марсалем. Ко мне он не пришел и содержание своего разговора мне не передал, по каким причинам не знаю. Не скрою, меня это удивило. В пятницу 5 мая я просил Безобразова зайти к нему и попросить Гурко просвятить меня. Разговор был 1½ часовой, но примечательного в себе не содержал. Указав на то, что французы окольными путями через Раппа наводят справки о русских в России, Гурко возразил, что это его удивляет, так как он в Париже является представителем большой группы «Русских патриотов» и приличествовало обращаться к нему. Вообще разговор имел как будто личный характер, указывал, что он, Гурко, поедет в Англию и т. п. По впечатлению Безобразова, кроме обычного того, что говорил Гурко и раньше, он имел в значительной доле личный характер. Франсуа Марсаль слушал, соглашался, но своего мнения не высказывал.

Во вторник 30 апреля я просил Барреса принять меня и уделить мне ½ часа времени. Не ответил и, вероятно, не ответит. Показатель ли это сердечных отношений французов к нам, или его нет в Париже, не знаю.

Если Баррес здесь, это не учтиво и при том без повода. Не думаю, чтобы это была заносчивость и чванство человека известного, и про которого говорят, что любезен и доступен. По отношению ко мне, ему неизвестного (в письме я указал, что был представителем при французской Главной квартире), это не воспитано, если только, повторяю, он не в отсутствии. Бог с ним.

Не я буду винить французов. Но с политической точки зрения, складывающиеся у французов к русским отношения прежде всего не выгодны им. О том, что это тяжело нам, это не важно.

Фактически в деле союзничества наши деяния нельзя ничем извинить. Не буду винить их, как это делают наши и В.И. Гурко, но сожалею, что они учитывают только то, что проходит перед их глазами, и что, потерпев разочарование, они махнули на все, непосредственно в данную минуту до них не касающегося, рукой. А работа собственно впереди.

6 мая

Сегодня в Союзе «Русских патриотов», в который записался членом, но который не посещаю, будут дебаты о статусе его. Сбору русских сочувствую; сочувствую и газете, но ходу их работы и мышления и направлению газеты «Probleme russe»[38] не сочувствую. Общество горячо говорит об устройстве России, кто за монархию, кто за другое, и как всегда у нас, страстно и нетерпимо. Газета слаба материально, ругает и разоблачает жидов. С этим можно было бы и согласиться, если газета предназначалась для русских только. Но орган предназначен для здешней публики и для нее-то в своих статьях, и по материалу, и по своему характеру, мало обоснованный. Французы не знают России настоящей, бытовой, да те, кто пишет, ее тоже не знают и проявляются статьями. И в самом обществе по отношению журнала раскол. Говорят, Мандельштам{228} доказывает, что общество должно быть само по себе, а газета сама по себе.

Гурко этого взгляда не разделяет, я думаю, что он прав. Но журнал должен быть дельный, а если он таковым не может быть, то лучше закрыть. Кто входит в состав общества? Русские военные и не военные. В общем, голь перекатная, для которой вопрос о хлебе насущном первостатейный вопрос. Заниматься политикой на тощий желудок трудновато. Опыта государственного ни у кого нет, дисциплины нет, средств нет. Есть, вероятно, люди, которые готовы поехать в Россию, но зачем, никто не скажет, и на что никто не даст, ибо ни у кого средств нет.

Потрясать воздух и устраивать Русское государство за тридевять земель можно. Как будто исполнен гражданский долг, но сделать что-либо реальное, хотя бы в ничтожном масштабе, не выходит, да и выйти не может.

Для Гурко, по его словам, общество открывает ему двери к министрам, и его слова для последних являются выразителем какой-то группы. Я рад, если это ключ к министерским дверям, но до сих пор в эти двери входили и выходили без практических последствий. И вперед это так будет, ибо и состав общества французам известен и оценен он ими по-своему. Оценка же русских здесь такая слабая, что с выступлениями, предложениями и просьбами надо быть острожным. Гурко с представителями Общества посетил Барреса и в числе разных заявлений попросил поддержать общество денежно. Баррес их направил к президенту Республики.

Все это показатель отношения к русским французских видных деятелей. Был я и у Поля Лаббе, поговорили, это было месяца 1½

тому назад, а с тех пор его и след простыл. Даже Жеральд и тот отвиливает. С этим настроением надо считаться. Мы винили французов, что они не желают считаться со своими же интересами. Но это по-детски: себя французы не забудут, а нам их убеждать не забыть себя смешно. Пока была Россия, этот номер проходил безнаказанно, а теперь не проходит, и мы обижаемся, ибо совершенно не считаемся с тем, что было и что есть. Хорошо и то, что не обижают другими чувствами. После былого это тяжело. Но оно разрушено нами и понять мы этого не можем, а продолжаем предъявлять французам какие-то требования.

Думаю, что дальше для нашего чувства и самолюбия будет еще труднее. К этому прибавляется еще наша нищета. Вероятно, было бы лучше, если бы здесь, на их глазах, не разлагались бы так позорно наши полки, если бы в числе офицеров и начальников они видели бы людей непоколебимого долга.

Баньоль де Лорн. 9-го мая

Сегодня выехал сюда. Приму ванны, а затем посмотрю, что делать дальше. В Париже делать нечего, а жить среди наших раздоров и сплетен нелегко. Вчера повидал генерала Бертело. Вечером он будет у Клемансо. Он высказал, что Россию бросать нельзя, а необходимо восстановить ее, в полном объеме. На такую благодать я и не рассчитываю. Я кратко посвятил его в то, что сделано мной. Он приехал во вторник и потому в парижских делах не был ориентирован. Если будет что нужно, просил через Безобразова известить меня. Вчера же и Дюсиметьер, встретив меня на Клебер, сообщил о выходе В.И. Гурко из «Союза патриотов» как председатель. Все эти пертурбации надо было ожидать. Я высказал ему, что если общество будет показывать кукиш из кармана и будет отсюда устраивать судьбы России, ничего хорошего не выйдет.

У общества может быть много своих хороших дел, оно должно заняться газетой и создать дельную газету, знакомившую французов с действительной русской жизнью и ее течением, оно может объединить русских здесь, помогать и т. п. Кажется, все это он хочет сделать, сможет ли? По секрету предлагал мне вступить в президиум из 3-х (я, Ефремов, Неклюдов), я решительно отказался и высказал свое мнение против президиума из 3-х. «Лучше всего, – сказал я ему, – станьте сами председателем». <…>

10-го мая

Письмо генерала Моррисона наделало много шума. Совершенно не понимаю, как военный мог выкинуть такое коленце. Моррисон очень симпатичный и хороший офицер Генерального штаба и просвещенный генерал. В ноябре 1916 года я имел с ним после Шантильинской конференции продолжительный деловой разговор, и он мне очень понравился. Противником объединенного командования был Робертсон или, вернее, Асквит. И Моррисон был, вероятно, в числе так смотревших на дело. Робертсон должен был уйти в марте.

Допустим, что Ллойд Джордж и Лау в своих заявлениях ошиблись. Ошибка могла быть ничтожная. По данным, которые я имел от французского и английского Генерального штаба, число дивизий на западном фронте к 1-му января 1917 года было не полное. К марту оно достигло цифры 62 дивизии и сверх сего 2 португальские дивизии. И эти данные не вполне точные. Но если бы Англия перевела с западного фронта в Италию даже 4 дивизии, то и тогда к 1-го января 1918 число английских дивизий не могло быть меньше чем в январе 1917 года. Но если бы и было меньше – какое это может иметь значение. Робертсон с 1916 года твердил, надо уменьшать число дивизии на Салоникском фронте. Однако в Италию послали при Робертсоне. Разве успех германцев мог бы быть остановлен одной или двумя дивизиями. Разве союзники, которые считали участок Сен-Кантэн и южнее оборонительным, предполагали, что против 11 дивизий будет брошено чуть не 40 германских дивизий. Они могли бросить это на любом участке.

Я всегда удивлялся такой оценке направления на Компьен, и с января 1917, а затем с весны, считал, что это направление наиболее опасное и должно быть твердо во власти союзников, в особенности при их операциях в другом направлении. Вопрос, затронутый Моррисоном, сам по себе не важен, что удивительно, что он, стоя при важнейших военных делах, мог пуститься на такой шаг, как обличительное письмо. И долг военного и гражданина должны были бы его заставить или представить свои данные и разоблачения Ллойд Джорджу или молчать. Он дал им огласку и внес раздвоение в то время, когда все силы духовные и материальные должны быть объединены. <…>

12-го мая

Вчера в «Matin» пропечатано, что большевиками убит в Ростове-на-Дону генерал Реннекампф. Кому это было нужно? Мир его праху. Он со своим железным здоровьем мог бы быть очень полезен в руках строгого начальника. Но его избаловали легкие успехи, его поставили в положение, которое не соответствовало ни его кругозору, ни его духовным способностям, и он принес вред. Он окружил себя дурно, и это принесло ему несчастье. Лесть и потворство всегда губят людей, но убивать его незачем. Значит, кровавый кошмар все еще сидит в народе. <…>

Я часто и долго думал об этом, что распущенные злодеи убивают, растлевают, грабят и жгут все, что попадется под руку. Это объяснимо, но ужасно, что за ними идут чем-то отравленные и обезумевшие, раньше кроткие и добрые люди. «Теперь мы господа» – и потому с корнем вырвем, что раньше распоряжалось и было более зажиточно. Боязнь потерять такое положение многих раздражает до состояния злодейства. Злодейство всегда последствие боязни, трусости. Трусость всегда жестока, когда она в то же время безнаказанна; нет ведь более жестоких, чем евреи. Это мы видим из ветхозаветной истории. И русский народ в значительной его части дошел до такого состояния. Он бежит от сильного и злодействует над беззащитным: «Мы господа, мы судим». Но кто дал вам право и власть судить? И что делали злого те невинные люди и подчас женщины и младенцы, свои же, русские, которых вы убиваете и мучаете? Что они вам сделали? Мешали вам жить? Но в чем же? Не свою игру ведет народ, а чужую, и не на свою пользу, а во вред себе и на пользу тем, кто враги России и нашему крестьянству.

Многие со мной не согласятся, но от своей веры отойти не могу и не хочу. Наши большевики-правители, как холуи, совершенно во власти немцев. Один Чичерин{229} со своими радиотелеграммами чего стоит. Они опускаются все ниже и делаются все шутоватее. Полная их безграмотность налицо, и если они держатся, а держаться они на погубу России могут долго, то потому, что ни немцы, которым это выгодно, ни наши их не трогают. Я уверен – толчок, и они рассыплются как карточный дом.

14-го мая

Если судить о нашем положении по газетам, то движение немцев продвинется к Кавказу. По-моему, не к Кавказу, а на север Кавказа, с целью эксплуатации этих богатейших злаками областей и вывоза не железными дорогами, а через Новороссийск и Ростов морем и Дунаем. Богатейшие нефтяные источники Терской и Кубанской области будут их, а чтобы командовать всей Россией, займут и рудники, и угольные копи Донецкого бассейна. На Кавказ им незачем идти. Оно и обеспеченнее, и короче, и сбыт легче.

Как исторический урок для грядущих поколений России, это хорошо, для настоящих поколений – это несчастье, величайший срам. Так бывает с теми, кто не дорожит ни своей государственностью, ни своим отечеством, ни своим достоинством, ни честью. Разыграли свою подлую белиберду и обрадовались, сделали Революцию. Разве это революция? Разве она была сделана людьми, которые любили Россию, которые дорожили ее государственностью, сложившейся тысячелетиями?

Разве так, скажу, веками подготавливалась Французская революция? Но взрыв худших сил совершился, наверху не было ни власти, ни прозорливости, низы всколыхнулись и, развязанные от всех понятий, связывающих общественную жизнь, грязной волной своих низменных инстинктов разлились и затопили когда-то, и очень недавно, сильнейшее государство.

И смотрящие на это иноземцы, ничего не понимая в том, что происходит, приписывают это исключительно подлым и низким свойствам русского народа. Sales russes, les salopes[39] единственное выражение, которое приходится слышать. И кто будет, и кто может разбираться в причинах и в людях, которых они раньше не знали и не знают и теперь? И чьи голоса раздаются, и к каким голосам прислушиваются? Вот приедет Бурцев{230}, он освятит истинное положение, он будет глашатаем. Может быть, он прекрасный человек, но всю свою жизнь он копался в грязи. Не то сам служил в охране, не то разоблачал негодяев в охране. А наверху все сидят те же негодяи реформаторы, как Соколов{231}, Стеклов{232}. Где-то ютятся Некрасов, Керенский, Гучков, не умный, но образованный Милюков, который является единственным кандидатом, по мнению кого-то, будущей главы государства. <…>

Сколько нищих обездоленных останется после этой безумной белиберды, затеянной во имя свободы и своеобразной справедливости?

Я оказался в стороне от этих ужасов жизни. Когда это случилось, я был здесь. Через 5 месяцев поехал. Увидел, убедился, что я смотрел в общем хотя верно, но в частностях ошибочно, ибо думал, что весенние воды не разольются с такой стихийной волной, и, увидев воочию в Петрограде, что разложение идет стихийно и неудержимо и что нет препонов его разливу, уехал во Францию, чтобы обождать, когда снова можно вернуться. Небольшие средства я на всякий случай оставил здесь, кое-что мне следовало захватить в России, ликвидировал, как можно было, квартиру и приехал сюда. Здесь, по крайней мере, могу работать для России, в скромной военной роли, а может быть, и в другой. Но и это не удалось, как думал, и теперь хожу и думаю, как попасть в Россию.

Пусть теперь по моим годам, стало еще труднее, а обстоятельства в России с вмешательством немцев стали еще сложнее. Года два скромно, вероятно, продержусь. Но думаю, что обстоятельства жизни скоро должны измениться, принять другой оборот, и, может быть, тогда, даже в 67 лет могу еще пригодиться. Было бы хорошо уехать к концу лета, но куда? В Петроград, но что могу делать, и чем буду жить? В деревню, но существует ли она?

Чувствую, что могу еще работать и быть полезным, но не годен на дело, где требуется большая физическая сила. Неужели все приобретенное за свыше 40 лет разумной жизни, весь опыт жизни и знание людей, должны пойти прахом? Я не умнее других, но, к сожалению должен сказать, что все мои выводы, мои мнения до войны, во время ее и теперь, все оказались верными.

Я задолго видел последствия, которые должны были развиться из настоящего и прошлого, писал о них, записывал, убеждал, когда этому никто не верил. Изучая людей и жизнь и работая всегда для дела, я поневоле приобрел ту способность бесстрастной оценки людей и событий, крупных и мелких, которые для жизни мне казались необходимыми. Я одинаково мог окунуться в высший бюрократический мир и в мужицкую среду, с которой жил близко, чтобы познакомиться с их мышлениями, обычаями и мировоззрениями.

Случайно все члены Царской семьи – ныне налицо – росли на моих глазах, и все проходило перед моими глазами с их особенностями и свойствами. Я их знаю как людей, а не по рассказам, подчас фантастическим. Я никогда не искал их, но судьба столкнула меня близко в области работы с государем, в области работы и близких продолжительных отношений с Николай Николаевичем и все, что их окружало. Для меня это все люди, а не полуфантастические лица, о которых рассказывают в

обществе и пишут в газетах небылицы. И мне все кажется, что особый ход моей жизни дал мне многое, чтобы правильно распознать жизнь, ее течения. Я любил и люблю людей. Я никогда не сужу их строго. Я знаю, что мы полны слабостей, но у всякого есть свои достоинства, и обязанность тех, кто должен жить с ними и управлять ими, пользоваться для блага дела последними и не давать ходу первым. Я не люблю, когда мне мешают работать, но никогда не мешаю другим работать самостоятельно, если он работает, хотя бы расходясь со мной в мелочах.

Теперь, однако, нужна другая работа. Способен ли я к ней? Вероятно, до известной степени способен, хотя есть много людей, и я могу назвать их более способными к этому. Но из этого не следует, что путь к работе мне закрыт. Всем будет место, как и в бою, где рядом работает и храбрый и трусливый, сильный и менее сильный, лишь бы мы шли к одной цели.

> Прибыло много человек из России. Ваше присутствие абсолютно необходимо, хотя бы на несколько дней, если возможно, возвращайтесь срочно в Париж.
>
> *Безобразов*

Я им ответил:

> Постарайтесь с ними встретиться и напишите. Я отправлюсь немедленно, если будет личное сообщение для меня.
>
> *Палицын*

Огорчил я их. Вчера же я написал письмо, в котором объяснил, отчего не еду. Господа привезут сведения, что делается, вернее, делалось месяца 1½ тому назад. Пожалуй, наберут слухи в Швеции. Все это интересно, но не существенно. Есть у них свои проекты, как помочь. Таких много проектов. Лучше пусть войдут в контакт; молодые люди поговорят; пусть оботрутся здесь. Если они с толком, то поеду. Тогда они уже будут спокойнее и рассудительнее.

16-го мая

Моя молодежь меня растревожила и придется ехать в Париж. У них все это сгоряча. Сомневаюсь, чтобы было бы дело. Приехал от М.В. Алексеева. Вот единственно, что побудило меня решиться ехать. Приехал Карпов {233}, не Виктор ли Иванович? Не думаю. Может быть московский Карпов, но его знаю только по фамилии, как общественного деятеля. Поеду в субботу и вернусь в понедельник, в крайности во вторник.

22-го мая

В субботу выехал и в воскресенье повидал подъесаула Миллера{234}, который приехал сюда по поручению от общественных деятелей Москвы передать Маклакову записки и постановления и, узнав, что делается здесь, вернуться назад. О М.В. Алексееве знал полковник Гутьяр{235}, который долгое время был на Дону. В сущности, у Миллера специального поручения не было.

Все это менее серьезно, чем предполагали молодые люди. Гутьяра не было в Париже. Но личные впечатления Миллера интересны, пережитое тоже. Кто умеет приспосабливаться, тот кое-как проживет. Уже к марту армии не было, были остатки на юге и, вероятно, то, что сидело в запасных батальонах и тыловых учреждениях, которым приятнее было остаться на пайке, при возможности безнаказанно грабить, чем ехать в деревню.

Сказать, что проехался даром, не могу, ибо попутно были затронуты другие вопросы, но существенного в смысле ясности положения внутри России немного. Надо знать суть и по всей России. Если бы приехало человек 10 вроде Миллера и из разных мест, было бы серьезнее. Большевистское правительство если не благоденствует, то живет себе и будет жить долго. До Петрограда никому нет дела, и если половина населения помрет от голода, никого это не тронет.

Социал-революционеры собираются, толкуют. Большевики им, наверное, платят. Хотят по-хорошему сесть на место большевиков, но так как хотят работать языком и оплачены, то ждут удобной минуты.

Чиновники, офицеры работают, вероятно, скверно и тоже получают. Старые бюрократы или нанялась или доедают старые крохи, как и остальные, и если все недовольны, то никто не двинет перстом, чтобы изменить положение. Сверх же всего, кроме официальной полиции и шпионов, каждая кухарка, горничная, служащий – готовый шпион против тех, кому служит, и все сидит безмолвно и страдает.

Мне жаль Алексеева.

Его военные крохи растают в этой мрази, а других у него нет, и никто создать их не желает. Французы на мои предложения в марте молчат.

Маклаков и М.Д. Стахович{236} вчера поехали в Лондон, уговаривать англичан. Говорил со Стаховичем. Он стал солиднее, но посольское звание сделало его самодовольным. Оба эти господина и русские дворяне, но служивые той революции,

которая погубила Российское государство. И тот и другой, как фальшивые ассигнации, фальшивые послы идут спасать ту Россию, которую они со своими сообщниками загубили. И в ус себе не дуют. Стахович все изрекает. Он поехал в Финляндию, потому что ее изучал. Когда же он ее изучал, в 1910 году в приятных разговорах? Я сказал ему мягко, что народ доведен был правительством до революции, что не от того она возникла, а от нашей гордости она разразилась. Он обиделся, я ему добавил: «От Вашей эгоистичной гордости». Недовольные, мы расстались.

24-го мая

В понедельник и во вторник Безобразов имел разговор с Франсуа Марсалем и Гурко и, кроме того, был и Миллер вызван к первому, и затем, когда для получения разрешения на обратный отъезд их направили в Генеральный штаб, то там встретились с Нивелем. Марсаль все собирается докладывать Клемансо, но до сих пор еще не докладывал, или скрывает, что доложил. С другой стороны, если миссия Лиоте приостановлена, то без Клемансо это дело обойтись не может. Но, кроме того, Клемансо желает иметь список разных деятелей, с их характеристикой. Значит, что-то хотят делать.

Гурко бурлит и недоволен, что ему отказали в разрешении ехать в Англию. Он думает, что это Клемансо или Пишон, а я думаю, что это Маклаков, который со Стаховичем во вторник 21-го должны были поехать на какую-то конференцию спасать Россию, уговаривать англичан действовать. Так, по крайней мере, после обедни сказал Стахович, выставляя это как акт гражданского подвига, ибо тратит на это свои последние харчи.

Желаю им успеха, ибо судя по слышанному, Англия ввязываться в наши дела не желает, а Америка, по-видимому, не прочь создать в России самое демократическое правление с большевиками и Советами во главе. Возражать им нельзя, ибо у них, по-видимому, сложилось так, что Россия как военная сила не существует. Создать армию нельзя, а в данное время им только и нужно пушечное мясо. Но вот в этом они и ошибаются. Я думаю, что армию создать можно. Не в 8 млн., а в 1½ и даже более. Для первой поры больше и не нужно, но за дело надо взяться умеючи. Годы 1909–1917 сверхсрочные явятся по всей России. Офицеров и начальников призвать и рассортировать можно. Кое-какие материальные части сохранились. Само собой разумеется, что немцы этому будут препятствовать, и так как центральный Совет и комиссары в их власти, то сделать эти последние не будут в силах, да и желания у них нет. Работа Басова{237} какая-то призрачная.

Я написал Безобразову и просил его перевести письмо, чтобы передать его Марсалю. Суть для нас, ценно им, чтобы у нас была бы армия или вооруженная сила, что, когда соберутся для общего мира, у России было бы свое лицо и голос. Вооруженная сила, хотя бы и небольшая, нужна союзникам теперь как противовес, а когда она будет при мирной конференции, то цена ей будет, и союзникам, и врагам, и нам.

Но немцы не позволят большевикам ее создать, в особенности

с их наивными приемами, а Басов ничего не сделает, ибо не может. Здесь все толкуют о правительстве, о свержении большевиков и т. п. Но прежде всего, нужна сила русская, а как сложатся внутренние вопросы, это хотя и важно, но не так. Большевики если бы и хотели, то сделаться иными не могут, они сами во власти толпы и немцев.

Они, может быть, и желали бы изменить курс, но где же им: ни умения, ни государственности, ни сил у них нет, как доктринеры они вне жизни. Бедный Ленин уже слезы льет. Несчастные люди, наделавшие своей гордостью и слепостью столько бедствий. В «Journal» помещено показание немецкого пленного, вернувшегося в Германию, что Алексеев и Корнилов 26-го февраля были расстреляны на станции Новочеркасск. Сопоставляя с поздними данными, уверен, что выдумка. Миллер во второй половине марта в Москве не имел этих сведений. Интересно знать, когда Гутьяр оставил Михаила Васильевича.

25-го мая

Очень грустно на душе сегодня. Если основывать свои выводы на газетах и на том, что задним числом доходит из России, то подчас совершенно невозможно поставить диагноз о состоянии нашей бедной больной. Кто-то правит, сносится и ставит какие-то условия. Власть сидит в Кремле, охраняемая латышами, что-то такое сидит в Петрограде. В губерниях, уездах советы, вероятно, то же по волостям и деревням. Как будто все прежнее отменено, а гражданская жизнь с куплей и продажей идет рядом с захватом квартир и угодий, не гражданским путем. Где-то бьются, отстаивая единство России. Фабрики, если не все, то многие работают, и кто-то рабочим платит. Буржуи живут, как живут: это неизвестно, но еще дышат.

Даже пишут и издают какие-то законы. Исполняют ли их – это не известно. Но что же тогда исполняют? Церкви, говорят, полны.

Не пустуют синема и театры, идет разгул; говорят, гуляют солдаты, красная гвардия и все то, что в рядах освободителей. Прежней армии, по долгу, нет. Формируется новая, под руководством Басова, но не клеится. Немцы находят, что жизнь течет не хорошо и надо занять центры, как Петроград и Москву. О флоте не говорю. Всегда он был несчастьем для России, а теперь это одно сплошное преступление. Армия разошлась, но не вся, и что прибывшие в деревню солдаты делают – неизвестно. Вскользь говорят, что ничего, а когда придут матросы, нехорошо.

Но что же это такое? Долго ли это продолжится? Что нужно, чтобы жизнь потекла бы более нормально? Заседаниями общественных деятелей ничего не достигнешь. Народный разлад и возбуждение не шутка, в особенности, если оно подталкивается возможностью грабежа, своеволия и насилия.

То, что говорят и взывают деятели, это делается для своей славы, для личных целей, но оно лишь поддерживает возбуждение, а не склоняет к трезвой работе устроения государства, на каких бы то ни было началах. Говорят, те кто мнят, что они правят, издали большое число декретов. Жаль, что они не дошли до сих пор. Может быть, теоретично они прекрасны, но практически, говорят, они лишены применения, и жизнь течет независимо от них. Неужели правящие не видят, в каком они бессилии и разладе с жизнью? В чем тут секрет?

По-моему не в них, а в разнузданной толпе, которой они удобны и которую они не ограничивают, ибо не могут. Устранить их, пожалуй, будет хуже. Значит, надо устранить толпу, и тогда вся эта братия будет безвредна. И разве это трудно сделать? Я

думаю, что нет. <…>

И как убедить слепых людей, не знающих толком страну, людей, истории страны, что надо тушить пожар там, где горит, а не Бог знает где. Япония благоразумно медлила и, я думаю, будет медлить. На раздел Дальнего Востока она пойдет, когда ей будет ясно, что русскому народу не оправиться и ему суждено быть рабом запада и востока. Страшно даже думать о таких бедствиях и последствиях. Что изменилось в этом народе, только что начавшем жить, чтобы прийти к такому концу?

Что его постигло несчастье и болезнь, что он не устоял против соблазна, что ему запад навязал к исполнению такую роль, к которой он, как и остальные народы, не дозрел, что на него влияли невидимые силы и золото тайных врагов, распознать которых он не мог. К такому концу, при наличии таких условий свежая народность прийти не может, и так позорно кончить свое существование она тоже не может. Быть может, недолго ждать и отрезвление придет, не среди тех, кто наверху, а среди того же бушующего народа, который на слово поверил, что все что было, было дурно, а впереди что-то хорошее, к которому он, несмотря на кровь и разорение, добраться не может.

Вернемся к Вильсону, который в своей декларации заявил:

a) отказ от тайной дипломатии взамен современной дипломатии и открытые мирные договоры; b) свободу судоходства; c) отмену таможенных барьеров; d) установление гарантий, обеспечивающих сокращение вооружений; e) справедливое урегулирование колониальных вопросов; f) создание Лиги Наций в целях предоставления взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности – равно большим и малым государствам.

Частные требования:

– освобождение Германией всех оккупированных ею русских территорий, предоставление России беспрепятственной возможности определить свое политическое развитие и свою национальную политику, вступление ее в «сообщество свободных наций» и оказание ей там «радушного приема»;

– освобождение и восстановление Бельгии;

– возвращение Эльзас-Лотарингии Франции, освобождение и восстановление ее оккупированных районов;

– исправление границ Италии в соответствии с ясно выраженным национальным признаком;

– предоставление автономии народам Австро-Венгрии;

– освобождение Германией оккупированных территорий Румынии, Сербии и Черногории, предоставление Сербии выхода к морю;

– автономное развитие нетюркских народов Оттоманской империи и свободный проход через проливы;

– создание независимой Польши со свободным выходом к морю.

Вильсон приглашает Германию и обращается к ней с ласковым:

«Мы не будем иметь намерения бороться с ней с помощью оружия или враждебными торговыми договорами, если она захочет присоединиться к нам или другим миролюбивым народам мира, путем договоров, руководствующихся справедливостью, законом и торговой честностью. Мы хотим только, чтобы она заняла равноправное место среди народов мира – нового мира, в котором мы сегодня живем, – а не быть его гегемоном.

Мы также не предлагаем ей изменить или видоизменить ее государственное устройство. Но мы считаем необходимым, и мы должны прямо об этом сказать – необходимым в качестве подготовки к любым разумным деловым отношениям с ней с нашей стороны, чтобы мы знали, от чьего имени выступают ее представители, когда говорят с нами – от имени большинства Рейхстага или военной партии или людей, чье кредо – имперское господство.

Вся предложенная мной программа основана на принципе справедливости в отношении всех народов и народностей и их права, независимо от того, сильны они или слабы, жить наравне с другими народами в условиях свободы и безопасности. Ни один из элементов этой системы международной справедливости не будет долговечным, если в ее основе не будет лежать этот принцип.

Народ Соединенных Штатов может действовать лишь на основе такого принципа, готов пожертвовать своей жизнью, своим добрым именем и всем, чем он обладает, для защиты этого принципа. В нравственном плане наступил кульминационный момент этой последней войны за человеческую свободу, и американский народ готов к испытанию своей силы, к проверке своей высшей цели, своей честности и веры». <…>

26-го мая

Люди легко отделываются от прошлого, в особенности если это прошлое в области мысли, выраженной речами государственных людей. Военные события, как факты самой жизни, единственно реальные продолжают свое веское влияние до тех пор, пока взаимными напряжениями снова не изменится само положение. За речами людей будто руководящих ходом самой жизни, а на самом деле лишь приспосабливающихся к ней идет публика и толпой до новой речи живет надеждами, которые брошены с трибуны, причем прежнее обыкновенно забывается.

То, что было в начале, мало похоже на то, в смысле настроения, чем живет мир, о чем толкует, о чем мечтает. К концу третьего и в четвертом году войны большинство из того, что выходило на свет Божий или жило в тайниках дипломатических канцелярий, заменилось иным стремлением к миру, и с каждым месяцем это стремление было сильнее. Человеческая мысль искала достойные выходы. Американское выступление дало новый импульс, новые надежды на мир. Преувеличенное военное значение его несколько возвысило дух, и весною и летом 1917 года мы слышим ряд речей, где слова победа, решительная победа, с последствиями, которые определяются такой победой.

Даже наша революция с пресловутым приказом № 1 и дальнейшими распоряжениями по армии так называемых русских государственных дельцов не смущают запад. Они выполнили свою революцию и полагали наша такая же. Увы, как они горько ошиблись. И когда наш Совет и полоумный мальчик Керенский вызвали наступление{238}, то никто не отдавал себе отчета, может ли в основании и в корне разрушенная организация произвести такой акт, и радовались ему. Последствия известны. Духовная сила, не испарившаяся еще из массы, дала могучий толчок и потом развалилась. Обстоятельства очень изменились. На востоке вместо сильной армии разлагающийся фасад, а на западе ничтожное пока усиление молодою американскою армией и убийственная подводная война.

Осенью последовала итальянская катастрофа{239}. Стало еще тяжелее, хотя союзники доблестно выбрались из этой беды. Почти одновременно у нас большевики с их предательской программой мира во что бы то ни стало. Речи стали конкретнее, умереннее, в известном смысле. Родилась декларация Вильсона, и вокруг нее заговорили даже немцы, но, думаю, из приличия и учтивости.

Очень возвышенна и даже благородна эта декларация. А разве в наши формулы: ни аннексии, ни контрибуции, и пусть

каждый народ сам определяется и решает, что с собой делать, отделяться или присоединяться – не хороши и не чувствительны? И Брест-Литовский договор, который должен был осуществить эти начала, – не прелесть ли? На самом же деле вышло одно предательство и насилие. Будет ли тоже с деклараций Вильсона, не знаю. Слова и декларация останутся творениями ума человеческого, а жизнь пойдет и примет формы, которые будут продиктованы народам фактами войны и борьбы.

Не знаю, почему Вильсон может воплотить в себе все страдания и все вожделения народов, столь различных по их существованию и природе. Он позаботился о всех и удовлетворился лишь тем, что Америка за это отдаст все, что она имеет, до драгоценной своей жизни включительно. Прекрасно. Но прежде всего каждый народ хочет свое, а не то, что кажется хорошим чужому. И почему он все это может дать, он, временный руководитель сложной американской жизни. По какому праву он и американский народ намечают будущее устроительство и внутреннюю жизнь всего мира? Он, который почти три года смотрел бесстрастно, как потоками лилась человеческая кровь и гибло европейское достояние. Не ясно это мне, не ясны побуждения.

Если это желание найти почву для мира, то ближе к ней Лансдаун{240} с его практическими указаниями. И о нас он подумал. Какие знатоки России, люди, никогда ею не интересовавшиеся, кроме разбойничьих коммерсантов, знающие ее лишь по картонкам и жидовским наговорам, не задумываясь решают участь 180 миллионного народа только потому, что Россию постигли болезнь и несчастье и она стала немощна. Такой же Ленин и Троцкий, но по ту сторону океана, без подлости последних, но с теми же мышлениями к отвлеченному. Не укоряю Вильсона и верю его желаниям добра. Но разве создание из России архисоциального общежития есть добро? С точки зрения многих, это есть добро, и если мы думаем, что это зло, то тем не отрицается ведь благородство стремлений с нашей точки зрения заблуждающихся людей.

4 пункта декларации Гертлинг признает возможным принять. Но ведь тоже люди устали. Кюльман и Чернин приняли наши 6 пунктов. А какая вышла грязь.

Для нас, не бьющихся на фронте, чтение всех этих речей и деклараций поучительно и интересно, и люди, спокойно живущие за грудью своих защитников, с яростью оспаривают или восхищаются, соглашаясь с этими прекрасными произведениями ораторского искусства.

Вот если господь сподобит Фоша не только сломить напор

Гинденбурга, но нанести удар, который заставит немецкие полчища откинуться к Арденнам и на восток к Антверпену, если соединенные морские силы способны будут ослабить существенно разгромив германский флот, тогда можно будет говорить ясно и определенно. Тогда мы увидим цену всем прошлым речам и декларациям.

Скажется ли только, что люди будут мудры, испытаны в прошлых страданиях, или заговорит жадность и высокомерие.

Но Германия и этим не будет побеждена, но народ ее будет ослаблен и, может быть, тогда высокомерный теперь Михель{241} станет мудрым и увидит, что сила без Бога – не сила.

29-го мая

27-го на рассвете немцы произвели атаку между Voronezile-Lockee и между Суассоном и Реймсом. Первая отбита, вторая оттеснила французов и англичан к вечеру 27-го к югу от Эны, на высоты между ею и рекой Весл; к вечеру 27-го Шмен-де-Дам потеряно, сильные позиции от Бермикура примерно севернее Валли уступлены. Немцы атаковали большими силами и неожиданно. Как устроились к вечеру 28-го мая, восстановлено ли положение, остановились ли атакующие на плоских высотах между Эной и Весле – неизвестно. Неудача и большая. Неустойка произошла у французов западнее Краона. Существенно дальнейшее. Не думал я, что удар на этой части фронта выразится неустойкой и такой быстрой. Материальные потери должны быть велики.

Развивая свои успехи на юге, немцы должны расширить свое положение атакой в направлении Компьен-Мо. Если же атака эта имела целью стабилизацию фронта Эны и Марны, то притянув туда резервы, можно затем обрушиться в первом направлении уже соединенными силами. Но в таком случае их натиск на Каон-Мондилье должен приостановиться и главной операцией явится Марнская и в стороне Краон-Мо.

Как-то маловероятно, чтобы немцы остановились бы на полпути и в корне изменили бы направление действий. С теперешними средствами это делается не так легко. Слишком велико значение действий на Калэ-Амьен-Мондидье, и жертвы, потраченные на это велики, чтобы можно было бы старое забросить, хотя бы и на время, и броситься на новое. Маловероятно, чтобы удар немцев на Эне мог бы вызвать такой же удар со стороны союзников с запада. Успехи под Ипром не повлияют на фронт на Эне, а производство его в южной части западного фронта представляет и риск, и большие трудности. Если бы мы могли бы ударить всем фронтом Амьен-Ипр, дело другое; но произвести это с армиями, составленными из французов, англичан, американцев и португальцев, мудрено. Пока надо выждать. Положение трудное, и на Фоша выпала трудная задача.

6-го июня

К утру 5-го дальнейшие попытки со стороны немцев не обнаружены. Частичные бои идут по линии Кюрлепон, Перно, Fareroles к Шато-Тьери и далее к востоку вдоль правого берега Марны, и к Виль-ан-Тардунуа-Реймс.

По сравнению с первоначальной линией произошли крупные изменения и для союзников грозные. Я не сказал бы, что положение немцев улучшилось. Наоборот, если дальнейшему их наступлению будет положен предел, оно ухудшится. Настоящее положение, т. е. к 5-му июня, должно измениться в смысле развития действий немцев, чтобы атаковать французов, или французами предпринято будет решительное действие, чтобы немцы отошли.

Уаза-Эн-Урк – 3 направления наступления немцев. Но они не обеспечены слева и, мне кажется, им необходимо устранить эту опасность или по крайней мере обеспечить себе слева от Марны, Виль-ан-Тардунуа-Реймс. Но дело не назрело, и если генерал Фош и принял решение, то, вероятно, рано приводить его в исполнение. Положение просто. Пусть немцы уходят поглубже на юг, лишь бы фланги фронта были бы крепки, и тогда немцев можно так прищемить, что им будет тошно.

Хорошо бы их не выпустить, но трудно, ужасно они чуткие. Но не будем нетерпеливы, в свое время все придет. Клемансо снова пришлось отвечать палате на запросы. Тон его не прежний, но на запрос о доверии получил большое большинство. Господа социалисты с Альбертом Тома высказали недоверие и их нападки в то время, когда судьба Франции поставлена на карту, когда потоками льется французская кровь, нападки исподтишка, направленные и на состав армии, на меня, по крайней мере, произвели отвратительное впечатление.

У меня был Миллер. Он приехал в воскресение и уехал в среду. Сумеет ли он передать и объяснить в России все, что ему было передано? Сами мы болтаемся без всякого соединения и организации. Надо прежде всего взяться за это. Мыслей много, но практического умения и настойчивого, но осторожного проведения намеченного нет. Но не начав и кончить нельзя. Нужна организованная связь и осведомление. Нужна духовная пропаганда в простом народе. Нужна база, а на севере нужна дипломатическая и морская помощь союзников, нужна одна мысль, одно лицо и наипаче нужна дисциплина и мысли и в действиях.

Нужно еще многое, но будет хорошо, если справятся с

первым. Общественные деятели должны превратиться в громаду, соединяя всех и вся жаждущих закона и порядка. Как это сделать, на месте виднее и советы отсюда лишние. Но они должны создать управление в лице главы и комитетов, с расчленениями.

Для своей внутренней организации они должны собрать средства. Нельзя смотреть все в чужие руки. Но надо сделать это умно и организовать связи осведомления, ибо без этого будет темнота и не может быть руководства. Создадут – здесь деньги дадут на создание силы и порядка. Создать свою силу нужно.

Без нее лучше не начинать. Как ее создать? Я вел бы создание по-своему; Басов ведет по-своему, а если поручить Головину и дать ему только главные основания, он это сделает, вероятно, лучше меня. По тем отголоскам, которые доходят сюда, положение в России не ясно.

Сюда приехал из Америки Сукин{242}, будто с целью проведения мыслей Вильсона. Не думаю, чтобы американцы проводили бы через русского секретаря посольства то, к чему они стремятся. Думаю, что это скорее самозванец, приехавший от подозрительных американских кругов, тем более, что приехал с деньгами. За ним наши дипломаты ухаживают.

18-VII-18

Четыре года прошло, что объявлена была общая мобилизация русских сил, а вечером Германия объявила нам войну. Для меня это было 17/31 июля, ибо мобилизация у нас в Ефремовском уезде была объявлена после полудня, часа в 4 в четверг 17-го июля.

Сначала она имела как бы характер общей, а ночью на 18-ое пришло приказание ратников 1-го разряда не призывать.

Могла ли Россия не приступать к этой частной мобилизации? Могла ли она, приступив к ней, отказаться от общей? Предотвратило ли это общий пожар, который до сих пор не прекращен, пока дал только величайшие бедствия и разорение? Что Австрия действовала вызывающе и непримиримо в вопросе с Сербией, это не подлежит сомнению. Неужели все те, которые так усилено работали со времени австрийского ультиматума, чтобы уладить конфликт и смягчить неслыханные ее требования, ошибались и считали, как выразился Берхтольд{243}, что затронуты самые жизненные интересы Австрии. Все они считали, что малейший нажим со стороны Германии – и конфликт этот мог бы быть улажен. Но этого нажима не было, и германское правительство было солидарно с Австрией настолько, что, когда совершилась общая мобилизация и притом после общей мобилизации Австрии, что может быть доказано фактами, с часами в руках, с уверением от царя, что она не направлена против Германии, последняя, прекрасно зная все последствия, объявила нам в день этой мобилизации вечером войну.

Разбираясь в актах европейской дипломатии за это время, при всем желании сваливать вину на кого бы то ни было, невольно начинаешь верить, что война Европейская была решена Германией и Австрией еще 5-го июля нов. ст. в Потсдаме, и наша мобилизация и все, что происходило между 24 июля и 2-м августом, – все это предлоги, чтобы осуществить принятое решение в условиях, для себя более выгодных. Германия винит Россию, как виновницу войны, остальные винят Германию.

Для будущего не безразлично, кто виновен в этом. Но если в начале этого бедствия был виновник, то не являлся ли он лишь орудием той судьбы или провидения, которая управляет жизнью человечества? Если бы война не была начата в 1914 году, какая гарантия, что она не вспыхнула бы в 1915? Она крылась в условиях Европейской жизни, понятий, интересов и вожделений.

И мы все знали, что она должна вспыхнуть и что бедствия ее будут ужасны, но мы убаюкивали себя надеждами, что мы

вооружаемся, чтобы сохранить мир. И формула вылилась у тех же немцев, и все, кто больше, кто меньше, ей верил. Я не думаю, чтобы человечеству было бы легче, если война вспыхнула одним или двумя годами позже. И к сожалению, после обнаруженной Россией слабости в 1904–05 и последующих годах, которая не могла быть устранена скоро, срока окончания нашего торгового договора с Германией, нам разорительного, а ей выгодного, течение общественной германской мысли о необходимости господства ее на востоке, получило все большее распространение и уверенность в достижении такого господства.

Кто следил, как развивалось высокомерие австрийских, в особенности высших кругов, и аппетиты германских писателей, для того не могло оставаться скрытыми поползновения Германии поживиться на счет России. Но и теперь, когда события 17 и 18 годов приподняли несколько завесу, я остаюсь при старой, задолго высказанной мною мысли, что главным объектом в осуществлении для Германии все-таки Голландия и Бельгия, последняя на первом плане. Для достижения этой цели разгром России и преобразование ее западных областей было необходимо Германии как акт вспомогательный и обеспечивающий. Подготовка временно ей удалась, но против главного восстала Англия и Америка.

Но я удаляюсь от поставленных мною вопросов. Можно ли было избегнуть частной, а затем общей мобилизации? Я думаю, что можно было, и если было бы в моей власти, я частной мобилизации не предпринял бы. Отвратило бы это войну? Может быть да, а может быть нет. Но если оно не отвратило бы, то наше военное положение было бы более ясно и, скажу, более выгодное. Частная мобилизация, во всяком случае, никакого смысла не имела и внесла лишь беспорядок во всю нашу военную систему, к этому совершенно не приспособленную, а в дипломатические переговоры она внесла струю раздражения.

Не Россия – Центральные державы желали войны; нужна была выдержка и спокойствие, а не бряцание негодным оружием, каковым была частная мобилизация, притом и не подготовленная.

Судя по нашим разговорам с начальником мобилизационного отдела генералом Добророльским{244} в конце 1 июля ст. стиля, который изложил мне, как своему старому начальнику, все фазисы, переживаемые ими 15–18 июля, выходило, что наши военные ведомства боялись, что из-за частичной мобилизации общая мобилизация будет вся перепутана и выйдет сумбур.

Все они опасались за техническую часть и совершенно забыли о громадных политических последствиях такого факта. Один Сазонов как будто стоял определенно за общую, но тогда он не

понимал ее международного значения и шел наперекор самому себе. И автор «Я обвиняю» и «Преступления»{245} отделяет общую мобилизацию от войны. Но ему как обывателю это простительно. Теоретически отделить можно, но практически, и притом логически, нельзя поднять весь народ, а затем его распустить. Если мы жили бы одни в мире, тогда можно. Но созыв одного вызывает в соседе справедливые опасения быть предупрежденным другим и неудержимое желание предпринять то же.

Я этим совершенно не становлюсь на сторону Гельфериха{246}, признавшего, что Россия бросила факел и что она виновница войны. Не желая войны, в сущности готовая приостановить мобилизацию, но не могущая это сделать по техническим причинам (телеграмма государя Вильгельму II{247}), Россия давала уверения, что не имеет неприятельских намерений. И это было искренно и правдиво, я считаю, что частная мобилизация, повлекшая за собою общую, была большой ошибкой Сазонова и военного министра, которая только и ожидалась Германским правительством.

Германия была подготовлена и готова. Allgemeine Mobilmachung[40] была для нее одна проформа. И всю свою вину как зачинщица она свалила на Россию.

Вся Европа вооружалась, следуя за Германией.

До поры до времени это объяснялось тяжелым военным положением Германии, охваченной с востока и запада.

Может быть, до конца прошлого столетия так оно и было, но вооружения росли вместе с богатством Германии и развитием ее экономической жизни, и претензии и вожделения далеко перешагнули за пределы, требуемые обороной страны. Но самое понятие «оборона страны» очень растяжимое. И теперь государственные люди Германии (граф Гертлинг, Бетман-Гольвейг{248}) заявляют, что Германия оберегает неприкосновенность государства и даже один день войны, если он преследует захват – преступен (Чернин). За понятием об обороне следует понятие об обеспечении будущего развития и много других прекрасных понятий, которыми можно обманывать и своих, и чужих.

Но корень всего положения заключался в самой жизни государств, Европы, во взаимном соперничестве, протекционизме, в стремлении создать собственное благополучие на счет других. Все шли по этому пути, и столкновения рано или поздно должны были совершиться. Соответственно ли Германия выбрала время для этого – покажет будущее. И если она победит, она будет блюстительницей мира и, возможно, что тяжести вооружений ослабнут, и вместо вооруженного мира будет мир, предписанный

Германией, и, может быть, продолжительный, но не вечный, ибо вечного на земле нет.

Перед нами два образца мира – Вильсона и Ллойд Джорджа. Но тот и другой требуют прежде всего уничтожения военной мощи Германии и Австрии, отказа не только от Weltmacht[41], но и отказа от обязательств, данных союзникам, одним словом, Германия должна быть покорена, а когда это случится, она войдет равноправной в сонм держав, которые будут жить новой жизнью по указке Вильсона.

Вот мы в России живем новой жизнью и указки эти не далеки от тех, которые он предлагает. Правда, мы народ глупый, невежественный и, живя все время по-мужицки, усвоить себе справедливость можем только по-мужицки. Но не хорошо у нас живется, и вместо обещанного рая, мы рассуждая по человечески, живем в аду. Может быть, начала Вильсона в просвещенных странах улягутся лучше и всем будет очень хорошо. Но как это будет решаться? Какой ареопаг и с какой властью будет вводить в разные страны, с разными понятиями и мышлениями, эту справедливость. Не проснутся ли в людях, когда опасность войны устранится, их прежние понятия и инстинкты?

В ноте Вильсона много прекрасного, но мы-то сами так несовершенны и так terre à terre[42], что, пожалуй, наряд его к нам, старым европейцам, и не подойдет.

Пока все это очень чудно, но каково будет, когда высокие мысли придется осуществлять среди всех? Вот сегодня была заметка в Temps, что японцы приняли его основания. Что это обозначает?

Все зло или, по понятиям социалистов, все добро у нас совершающееся и истекает от них. Мы работаем в сфере социальных преобразований мужицкой России, и работают над этим выходцы с запада, Россию не знающие, и жиды, ее ненавидящие.

И здешние социалисты собрались, чтобы потолковать о своих делах, наметить свои преобразования, но на первом плане побороться со своим правительством, которое им также противно. Но об этом завтра.

1-VII-18

Я припоминаю два труда Блиоха{249} и в ответ ему большой труд Аничкова{250}. Первый, представляя подробности войны, вытекающие из хода технических усовершенствований, видел в последних причины, которые прекратят войну.

Аничков, скромный деятель у нас, доказывал обратное. На статью Аничкова внимания не обратили, о первом, так как он был написан на немецком языке, писали много, и недавно в Англии о нем вспомнили как о труде, который предвидел последствия в военном деле технических усовершенствований и главным образом в области тактики.

По-моему, Блиох ничего не предвидел, ибо влияние новых технических усовершенствований на тактику для желающих секретом не было, и нового Блиох ничего не сказал, кроме того, что человек, усовершенствуясь в области техники, прекратит войну. Война, которая была неизбежна, которую никто не желал, вспыхнула, и сначала немцы, как более внимательные, более широко воспользовались техникой, как средством разрушения, наблюдения, связи и уничтожения людей, а за ними потянулись и мы. Главная же мысль, что совершенство техники сделает войну невозможной, не оправдалась, и прав был Аничков, а не Блиох, который, чувствуя больше животом, в ужасах войны видел ее конец. Если быть подозрительным, то можно предположить, что статья Блиоха была инспирирована в той же Германии, которая в это время энергично развивала свои вооруженные и технические силы.

Война приняла свои современные формы постепенно и не по указке немцев, которые мечтали о короткой и веселой войне, а в силу того, что на борьбу выступили народы, которые, когда первый период войны указал, что массу при современном вооружении разбить генеральным сражением нельзя, поневоле перешли на истощение друг друга средствами более медленными, но, по их мнению, более верными. И война, не потеряв в частности ее героического оттенка, стала делом хозяйственным, в котором преимущество на стороне того, кто раньше в жизни привык к хозяйственной жизни.

Война выносит на арену борьбы все привычки народа. Если преобладают хорошие – благо, если дурные, то исправить их очень трудно. И это всем было известно и факты недавнего прошлого лишь подтвердили справедливость очень старой истины.

Но война, в которую втянут весь мир, продолжаться

бесконечно не может, и как поставлены цели войны одною стороною, она должна закончиться покорностью Германии и Австрии перед поставленными им условиями, или обратно. Но как возникли эти условия?

Стремления Германии, хотя она их публично не формулировала, ясны. Она желает, опираясь на свое военное и политическое господство, обеспечить свои германские экономические интересы, которые до войны никто и не затрагивал. Остальные не желают этому подчиниться и выставили начала равенства и справедливости, рядом с уничтожением того, что дает господство – уничтожения милитаризма, конкретно, сокращения вооруженной силы. Начала прекрасные, но применение их потребует самоотречения от прошлого, как в смысле материальном, так и политическом. Потребует отречения от того, что люди столетиями считали историческими задачами своей страны, сознание, что все прошлое и настоящее, грустное, даже преступное заблуждение.

Способно ли человечество на подобные подвиги? Но их требует Вильсон, положивший последний американский меч на весы судеб будущего, и утомленные войной умы, ищущие выхода из тяжелого положения, с восторгом бросились на этот выход.

Кто с ним не согласен – молчит по практическим соображением. Как это осуществить? Об этом пока не думают, ибо война, успех или неуспех должны привести к осуществлению или этих мыслей, или мыслей тевтонского преобладания.

Перед всеми пример России и отношение к вопросу мира Германии – не германского правительства, ибо поползновения Германии в общем идут дальше поползновения германского правительства. И в этом большая фатальность, ибо ни Германия, ни ее правительство не познали времени сего и пошли по ложному и, беря по-человечески, по безнравственному пути, руководствуясь только жадностью, и решили с нами мир не по-государственному.

И нет никаких оснований думать, что в случае своего успеха на западе, она поступит иначе. Она стремится к господству явному, обеспеченному на долгие годы, и все ее заявления, что ни annexions, ни indemnités[43] не входят в ее намерения, лукавство, с целью усыпить и ослабить энергию своих врагов. И это придает теперешнему периоду борьбы ее ожесточение и непримиримый оттенок.

Граф Гертлинг готов присоединиться к 1–4 пунктам Декларации Вильсона. Они очень теоретичны и даже дают Германии орудие против ее главного врага Англии, и Германии готова сообразоваться с ними при условиях мира, но остальные

10 пунктов неприемлемы.

Итак, борьба до последнего истощения, и когда до этого борющиеся дойдут, когда в государствах терпеть лишения и бедствия не хватит сил, тогда может быть явятся новые предложения мира, более отвечающие пониманию европейских людей, и мир будет заключен в разоренной и истощенной во всех отношениях Европе. И мир может быть будет продолжительный, ибо несколько поколений будут помнить об ужасах настоящей борьбы. Но над миром работают по-своему и социалисты. Французские представители приняли 28-го июля резолюцию меньшевиков. Желание вырвать мир выражается намерением принудить к этому правительство поднятием масс рабочих и отказом кредитов.

Вызов к бунту-революции, это очень знаменательно. Немецкие социалисты желают германский мир, и за это их укоряют, ибо социалист должен свои догмы ставить выше государства и нации. Английские и американские рабочие и социалисты в главной своей массе верны нации и государству.

Но резолюция французских меньшевиков и большевиков не есть выражение чувств масс французских рабочих и населения, а маневры вожаков, которые действуют по тем же побуждениям, как их ученики русские социалисты, для которых в лучшем случае доктрина социализма выше отечества. И все это прискорбно для нас, благоприятно для наших врагов.

Военные операции могли здесь принять очень хорошее развитие, но чего то не хватает. В чем корень, в армии в управлении, в условиях вне ее? Я думаю, что больше в последнем, ибо не могу себе представить, чтобы в намерениях Фоша, принимая решение нанести зарвавшимся немцам удар, не входило предположение уничтожить и взять все то, что было к югу от линии Фер-ан-Тарденуа и Виль-ан-Тарденуа. Но немцы вывернулись, и если потеряли пленных, то от неожиданности атаки, которая не была сопутствуема такими же серьезными действиями от Пурси Рей при прочном удержании линии к северу от нее. Жаль, но судить об этом рано и надо удовлетвориться тем, что произошло. и благодарить военное управление за достигнутый им успех.

9-VIII-18

Сегодня отправил в Париж проект письма к Клемансо, для перевода на французский язык. До сих пор я уклонялся от свидания с ним, ибо чувствовал, что вопросы будут поставлены им и мною ребром, и по свойству его характера он, если он меня примет, выразится окончательно.

Пока французы не связались с Россией, говорить с ними было опасно, так как, поддаваясь своему темпераменту и нерасположению к России, – они бы на все ответили отказом.

Теперь возможно, что ответ его не будет столь непримиримый. До мая месяца в распоряжении был довольно обширный материал, чтобы соответственно выступить. Но я сомневаюсь, чтобы они им воспользовались бы, и предполагаю, что мое к нему обращение в виде ноты 15-го марта он и не читал, и ему ее и не додали. У французских правителей это происходит сплошь и рядом, ибо парламентская их деятельность отнимает у них столько времени, что заняться чем-либо серьезно они не могут. Я буду просить принять меня, и чтобы с ним не разговаривать в письме и в annexe[44] к нему все изложил кратко. Останутся разъяснения. Но я не уверен, дойдет ли до него письмо. Переговорю и с Бертело.

Французы на прошлой неделе заняли (вероятно, совместно с англичанами) Архангельск{251}, но, на мой взгляд, так неудачно, что все плавучие водяные средства, столь им нужные для дальнейшего, увезены большевиками к стороне Котласа, вверх по Северной Двине. Первый блин комом, и корень в том, что они к этому не подготовились и, вероятно, там у них нет хозяина. Да и вообще отдали ли они себе отчет, для чего все это ими делается, для публики или для общего дела.

Может быть, разговоры что-нибудь выяснят. Сегодня поздравил Фоша. Успех французов раздут в победу. Правильно. Успех большой, но, думается мне, Фош не так-то доволен и, вероятно, метил в победу. Во всяком случае, принцип объединения командования выдержал экзамен и дал союзникам силу, в которой немцам придется считаться в будущем. Почему не вышла победа, это другой вопрос. Не один Фош работает, а многие, и условия трудные, да и аппарат управления еще свежий. Теперь Фошу легче будет применить свои дарования, ибо он сказал, что силен и в обороне, когда нужно, и в атаке.

5-го мне прислали копию с доклада русских в Швейцарии и о нашем положении, о видах Германии о мерах к спасению России. Написано красиво. Много заимствовано из того, что писалось в

политической и экономической литературе до войны и во время войны. Лейтмотив: Россию надо спасать от Германии. Россия может стать государством только с царем во главе.

Верно, что ни царь, ни какое бы то ни было русское правительство с расчленением России помириться не может. Если революционеры и в особенности большевики с этим мирятся, то Россия с ними не может мириться как с началом не русского и не государственного. <…>

У России были только враги, ибо знать ее, знать ее учреждения, ее жизнь и аспирации[45] никому не было интересно. И страдания ею переносимые теперь никого не интересуют. У тех, кто были нашими союзниками и которые на [нас] рассчитывали, теперь искать добрых чувств тоже нельзя. Не будь необходимости иметь в России баланс, на нас совершенно бы махнули рукой.

«Перед нами, – говорит Бальфур{252} 18 или 20 июня 1918 года, – стоит более важная и срочная задача. В ситуации, когда Россия вышла из войны, наша задача состоит в том, чтобы противостоять австрийским и германским действиям на Западе. Перед нами задача сделать все возможное для восстановления русского национального и патриотического самосознания. Я не оставляю надежду на то, что мы сможем, уже сейчас, сделать нечто материальное для восстановления экономического, политического и национального единства этой великой страны».

И все в этом роде. Спасибо и за это немногое.

10-го августа 18

Передо мной все главнейшие речи, произнесенные государственными деятелями по вопросу о мире, начиная с объяснения программы большевиков в ноябре и речи графа Гертлинга 15/28-XII-17, до последней речи его, вслед за фон Кюльманом 12/25-VI-18.

Разберемся в них и установим, насколько это доступно, программу каждого из государств, представители коих высказались.

Речи графа Гертлинга и фон Кюльмана, с одной стороны, и речи Ллойд Джорджа и Вильсона – с другой. К ним надо присоединить заявления русской делегации на 1-м и 2-м заседании в Брест-Литовске и ответ графа Чернина на 2-м заседании.

Гертлинг:

«Германские государственные люди уверены в военной победе Германии и всюду это подчеркивают. Они готовы не только на мир, но готовы приступить к переговорам о мире».

Они считают виновницей европейского пожара Россию, поощренную к этому Англией и Францией. Германия только защищалась и отстаивала свою неприкосновенность и свободное свое развитие. Германия желала говорить о мире со всеми (раньше ответ их Пате), но когда союзники на предложение русских к 4 января на призыв к тому не ответили, Германия считает союзников отстраненными от какого-либо права вмешательства в русские и румынские дела и не желающих прекратить гибельной войны ради их целей. Германия и Четверной Союз признали максималистов русским правительством и в то же время указывают на право Польши, Литвы и Курлянлии быть государствами, выделенными от России. Германия удостоверяет, что не она преступная продолжательница войны, а ее враги, и стремление к захватам не входит в намерения Германии, а, как показывают объявления секретных договоров (максималистами), виновны в этом союзники.

Серьезного желания мира и дружеских чувств со стороны союзников не видно, а претензии на Эльзас и Лотарингию неосновательны, и присоединение этих провинций к Германии было des annexions[46], утвержденными 29 марта 1871 года французским национальным собранием.

По отношению message[47] Вильсона, граф Гертлинг, не останавливаясь на мелочах (Вильсон считает их questions très sérieuses très poignantes[48], от которых зависит мир вселенной,

т. е. неизвестно, кто говорит в лице Германии – последователи ли Рейхстага 9-го июля 1917 года или их противники), соглашается на 4 пунктах Message: открытая дипломатия, свобода морей, устранение экономических барьеров и одинаковые экономические условия, и ограничение вооружения; скользит по вопросу о колониях, делая экивок к стороне Англии, решительно отвергает 6-й пункт о России как дело между Россией и Четверным Союзом; удостоверяет, что Германия присоединить Бельгию сильно не желает, а детали должны быть установлены переговорами о мире, но пока союзники не станут на точку зрения ненарушимости границ – intégrité[49], (подразумевается Эльзас и Лотарингия), германцы отказываются говорить о Бельгии вне мирных переговоров; заявляет, что занятие территории Франции суть залог, официально Германия не хочет их присоединять, но эти вопросы должны быть решены между Германией и Францией. Эльзас и Лотарингия решительно не есть предмет каких-либо переговоров.

Австрийцы и турки ответят, но столица Турции и проливы представляют одинаково жизненные интересы для Германии. Так как не союзники, а Германия освободила Польшу от царизма, то им надо предоставить заботу о будущем правлении Польши (13 п.).

Германия готова изучить ближе базы Лиги народов, но после того, как все вопросы будут решены (14 п.).

Они говорят с уважением о положении Германии, но везде сквозит, что мы виновны и должны покаяться и исправиться.

Так может говорить тот, который в наших заявлениях о мире видит слабость. Идеи эти главы Entente[50] должны оставить.

Граф Гертлинг находит, что его предложения согласительного характера. Если хотят мира, пусть пересмотрят свои программы (reconsidération[51], как говорит Ллойд Джордж). Мы их пересмотрим также.

По вопросу послания Вильсона Чернин в сущности ничего не сказал, кроме согласия на 1–4 пункта и на то, что Австрия не может допустить вмешательство в свои внутренние дела. Он порхал около мирных переговоров с Россией и очень неопределенно говорит о Польше.

Вот каков был ответ на призыв Вильсона и Ллойд Джорджа. Каковы же были предложения porte parole[52] Англии и Америки, провозглашенные в первых числах января 1918 года, по окончании срока, намеченного в Брест-Литовске для ответа на согласие, говорилось о мире на началах, провозглашенных максималистами в выражениях крайне общих.

А) Никакая территория, завоеванная в эту войну, не может

быть присоединена силой, и войска, ее занимающие, должны быть сейчас же выведены.

Б) Вполне будет восстановлена политическая независимость народов, потерявших ее в эту войну.

В) Национальности, которые не пользовались независимостью, сами решат голосованием вопрос о их политической независимости или к какому государству желают принадлежать. Этот референдум должен иметь базою полную свободу голосования для всего населения, считая переселенцев и беженцев.

Г) На территориях, занятых несколькими национальностями, права меньшинства должны быть охраняемы специальными законами, обеспечивающими этим национальностям их национальную автономию и, если политические условия позволяют, их административную автономию.

Д) Никто из воюющих не заплатит другому контрибуции и таковые уже заплаченные под видом расходов войны будут возмещены. Что касается возмещения убытков лиц, жертв войны, то таковые будут сделаны средствами специального фонда, создаваемого пропорциональными взносами всех воюющих.

Е) Колониальные вопросы будут разрешены согласно пунктам 1–4. Но русские делегаты предлагают их дополнить пунктом, признающим неприемлемым всякие ограничения, хотя бы косвенные, свободы народностей, как, например, бойкот или экономическое подчинение какой-либо страны другой страной путем принудительного торгового договора или отдельных таможенных соглашений, ограничивающих свободу торговли третьей страны, или невоенной морской блокады.

На пункты Гертлинг не ответил, он признал лишь, что более приемлемо, а в ответ большевикам даны были от Четверного Союза не параллельные ответы, а разъяснения; по 3 и 4 пунктам последовал отказ категорический, а по 6-му сделаны новые предложения. И по 6-му пункту согласие было дано лишь на взимание контрибуции.

И Ллойд Джордж 8-ю пунктами максималистов не занялся, и только Вильсон доверчиво отнесся к высоким качествам Петроградских правителей, видя в их выступлении искренность, честность и доброе желание мира. Интересно бы знать, как смотрит теперь Вильсон на этих честных и искренних Петроградских правителей с Лениным и Троцким во главе.

Внимательно вникая в мысли речей Ллойд Джорджа и Вильсона, в принципы, положенные в основание предложений, и не входя в разбор конкретных подробностей, мне представляется, что оба государственных мужа, говорившие от своих государств и

излагавшие, следовательно, программу их политики, чрезвычайно близкие нашему максималистическому правлению в Петрограде. Изложены они обдумано и красиво, а не по-мужицки, но основания, отделив мусор, те же.

Если стать на точку желательности мира и отойти от голых принципов и взять во всей совокупности все конкретные предложения и выводы, то, на мой взгляд, они оба намечают продолжение войны до последнего издыхания. Таково было мое впечатление, когда читал их в январе 1918 года, таково, но только усиленное, оно теперь.

Главные мысли этих речей произнесены по взаимному соглашению между говорившими и с одобрения глав государств и общественных деятелей, и потому они приобретают особую цену и значение. Основная мысль Ллойд Джорджа, что необходимо точно и определенно (d'une façon défini) определить принципы, за которые боремся, и точное и конкретное применение их à la carte du monde[53].

Англия не ведет агрессивной войны против Германии, но стремится к уничтожению ее национального единства и ее Имперской конституции, но выступила на защиту попранного права и договоров, на которых покоится le droit public de l'Europe[54]. <…>

Значит, базой – самоопределение народов.

Практическое применение les revendications[55] – восстановление во всех отношениях Бельгии, Сербии, Черногории и провинции Франции, вознаграждение за зло: без вознаграждений за причиненное зло – международное право пустой звук. Совершили это Германия и ее союзники – они и отвечают. Возвращение Эльзас-Лотарингии. Новые начала для народов Европы (кроме России) восстановление, вознаграждение (но не контрибуция) и возвращение Эльзаса-Лотарингии.

Россия, не предварив союзников, вступила в переговоры. Быстрые там перемены не позволяют говорить, каково будет там положение, когда придет время говорить определенно о европейском мире.

Россия может спастись только своим народом. Правительство ее ведет политику свою независимо от нас, и мы не имеем возможности вступиться, чтобы предотвратить катастрофу. Англия не может быть ответственна за решения, принятые без нее по вопросам, о которых она не была спрошена.

Но Ллойд Джордж предсказывает, что Германия силою присоединит к Прусскому владению русские земли. Он думает, что независимая Польша, заключающая в себе все действительно польские элементы, необходима pour la stabilité dans l'Europe

occidentale[56].

Не стремясь к разрушению Австро-Венгрии, он чувствует, что если настоящая демократическая автономия не будет предоставлена народностям Австрии, то нельзя надеяться на исчезновение причин агитации в части Европы, которая всегда грозила общему миру. Porte-parole Англии, собственно говоря, от России отрекается и вместо нее выставляет Польшу, как необходимую для стабильности западной Европы. Разумно ли это и государственно ли это в таких общих вопросах, о которых говорит премьер Англии?

Австрия приглашается дать revendication Италии и Румынии, и тогда Австрия будет державой, сила которой будет способствовать миру и свободе Европы, вместо того чтобы быть вредным инструментом Прусской автократии и ее мрачных преднамерений. Затем он касается Аравии, Сирии, Месопотамии и Палестины, Константинополя и нейтрализации проливов. Перечисленные области должны быть самостоятельны и не могут быть возвращены старым владельцам. О переговорах по последним и другим вопросам, после падения России мы готовы говорить с нашими союзниками. Не ясно и излишне. К немецким колониям, которые должны быть рассмотрены в конференции, могут быть применены начала самоопределения народов.

Ллойд Джордж предлагает:

А) organisme national[57] заменяющий войну в спорах, уменьшающий возможность войн и способствующий ограничению вооружения.

Б) священный характер договоров должен быть восстановлен.

В) территориальное устройство должно быть заключено, базируясь на праве наций располагать собою – т. е. с согласия управляемых.

На этих условиях Англия согласна заключить мир.

Что касается конкретных условий, то они ясны: восстановление и вознаграждение (кроме России). Ясно, что договоры международные должны быть священны (droit public[58]). Reglement territoire[59] неясное – говорит о нациях, и как начало ни привлекательно, но его исполнение даже не намечено; и, естественно, это вопрос особый, как 3 и 4 пункты максималистической декларации.

Граф Гертлинг почти и не отвечал на речи Вильсона, ибо Германия, считая себя победительницей и не виновницей войны (это немецкая точка зрения немецкого правительства), исправлять ничего не желает и отдавать земли своих союзников согласиться не может. По колониям Германия высказалась.

Полное разногласие между сторонами, и нет ни одного

пункта, прикосновения, кроме международного органа, который существовал и до войны. Можно говорить еще о святости международных договоров, но с осторожностью, ибо, признавая их, Германия должна будет согласиться по отношению к Бельгии. Но такое одностороннее решение возбудит негодование всех остальных. Как-то не похоже, что предложение Ллойд Джорджа есть шаг к миру – это некоторое уточнение, и с этого Ллойд Джордж и начал.

Не прав граф Гертлинг, говоря о других, и не прав в отношении самого себя, ибо и он желает мира, но доброго Германского мира.

Обратимся к Вильсону, к его Message от 5-I-18 г. Он состоит из 3-х частей: 1) в обращении к России в лице большевиков, 2) общие принципы с заключением и 3) 14 пунктов Программы общего мира.

I. С любовью и доверием обращается Вильсон к большевикам и к их предложениям. Он считает их честными, искренними, проникнутыми желанием добра, и их программа (6 пунктов и предложения на первых двух заседаниях в Брест-Литовске) законченная и определенная. Большевики правильно и мудро и в духе современной демократии настаивали, чтобы переговоры велись при открытых дверях (немцы согласились, но это не помешало большевикам заключить секретный договор с Германией).

Но с кем, спрашивает Вильсон, говорили русские 9-VII-17 года, с большинством Рейсхтага или меньшинством? От этого зависит мир мира.

Представители Центральных держав взывали, чтобы их противники высказали свои цели, и какое устройство они считают законным и удовлетворительным. Ллойд Джордж высказался точно:

«Никто не может себе позволить продолжение войны хотя бы на мгновение, за исключением случаев, когда нельзя быть несомненно уверенным в том, что, что бы ни случилось, цели тех, кого приносят в жертву, являются частью, неотъемлемой от жизни общества, и что люди, к которым обращаются, считают эти цели справедливыми и безусловными настолько, насколько они сами об этом судят».

Один голос требует этого определения принципов – Россия. «Их могущество, похоже, подорвано. В то же время их дух не сломлен. Они не уступают ни в принципах, ни в действиях. Их понимание того, что они готовым признать справедливым, гуманным и достойным уважения, было заявлено с откровенностью, широтой взглядов, щедростью души и всеобщей

человеческой симпатией, которая должна вызвать восхищение каждого друга человечества, и они отказались пойти на уступки в своих идеалах или предать других ради собственного спокойствия».

Идти дальше в восхищении нельзя. Действительность показала, как ошибался президент и как неосторожен он был, не зная совершенно людей и обстановки, когда смотрел на сброд худших негодяев, с самыми низкими своекорыстными инстинктами, как на людей, проникнутых какой-то идеей. Все дальнейшее показало всю грязь.

Президент Вильсон сочувствует, в общем, идеям, написанным на бумаге, но все-таки он должен был бы справиться, какие люди это писали. А к словам его прислушивался весь мир и влияние его слов сказалось. Ничем вред этого отношения к нашим большевикам Америка по отношению к России исправить не может. Но Вильсон об этом не заботится. Как доктринер, он верит себе, а имея за собою страну, он сила, перед которой преклоняются остальные. Ллойд Джордж по отношению к России был искреннее:

II. «Условия международного мира состоят в том, чтобы мир вновь обрел безопасность, чтобы стало возможно жить в этом мире и, в особенности, чтобы стало возможным обретение безопасности для всего народа, любящего мир, который, как и наш, хочет жить нормальной жизнью, заниматься учреждением необходимых институтов, будучи уверенным в справедливости и честных действиях других народов мира в отношении насилия и эгоистичных устремлений».

Вот это прекрасно, La justice pour tous les peuples[60]. В вопросе исправления зла, восстановления справедливости Америка соединяется со всеми борющимися. Желают торжества права, которое может быть достигнуто, когда будет уничтожена главная причина войны, которую программа 14 пунктов заставит исчезнуть (весьма сомнительно), Германию ослаблять не желает. Если Германия желает быть с нами как равная, а не как господствующая, мы рады; не желаем покорять ее оружием или стеснять коммерческими условиями, не хотим трогать ее учреждения, мы хотим знать, от имени кого говорят их официальные представители, от имени большинства или военной партии или людей, кредо которых империализм и господство. (Кто это им скажет? Будет говорить Германия, ее правительство!)

«Принцип справедливости в отношении всех народов и народностей и их права, независимо от того, сильны они или слабы, жить наравне с другими народами в условиях свободы и безопасности. Ни один из элементов этой системы

международной справедливости не будет долговечным, если в ее основе не будет лежать этот принцип».

III. Программа общего мира:

1) Открытая дипломатия, отсутствие секретных переговоров.

2) Свобода морей, кроме случаев закрытия для международных действий, по международному соглашению.

3) Насколько возможно уничтожение экономических барьеров и создание экономических условий, одинаковых для всех.

4) Сокращение вооружения, допускаемое безопасностью страны,

5) Свободное, открытое и абсолютно беспристрастное удовлетворение всех колониальных притязаний, основанное на строгом соблюдении принципа, согласно которому все вопросы суверенитета интересов народов должны иметь равный вес с соразмерными требованиями правительства, чье право еще предстоит определять.

6) Эвакуация русских земель и règlement[61] вопросов, касающихся России, которые помогли бы ей закончить полит. независимость и развитие национальной политики (при помощи союзников); принятие ее в общую лигу свободных народов, с учреждениями по ее собственному выбору, и всякую помощь. Режим, который будет предоставлен России ее братскими народами в ближайшие месяцы, будет проверкой искренности их доброй воли, их осознания нужд России, отличных от собственных интересов, а также осознанной и бескорыстной симпатии.

7. Бельгия должна быть эвакуирована и восстановлена без каких-либо попыток ограничения ее суверенитета. Без этого спасительного акта вся структура и юридическая сила международных законов будет навсегда подорвана.

8) Франция – освобождена, восстановлена, ошибка 1871 года исправлена.

9) Италия. Пересмотр границ.

10) Австрия. Развитие автономии.

11) Румыния, Сербия, Черногория. Свобода, выход к морю.

12. Турция автономное правления. Дарданеллы

открыты под международные гарантии.

13. Польша. Независимое государство, население безоговорочно польское, выход к морю.

14. Всеобщее объединение наций должно происходить в соответствии с особыми соглашениями, в целях предоставления взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности как большим, так и малым государствам.

Соответствует с пунктами Ллойд Джорджа.

23-VIII-18

20-го я вернулся из Парижа, где пробыл с 30-VII, чтобы передать свои соображения Клемансо, если он меня примет. 4-го я ему отправил письмо через Франсуа Марсаля и 17-го получил ответ от его начальника военной канцелярии, генерала Мордака{253}, что Клемансо не может меня принять, но предлагает передать мои соображения Мордаку в понедельник 19-го между 9 и 10 ч. утра. В субботу 17-го я направил к начальнику Генерального штаба генералу Альби письмо и на следующий день был им принят. Предоставил ему копию с записки, приготовленной для Клемансо. Он ее прочел, и затем я дал ему соответствующие разъяснения. Ту же процедуру проделал с Мордаком, с той разницей, что разговор с последним продолжался 20 минут, а с первым около 40, ибо Мордак куда-то торопился.

Я передал обоим, что если я в чем-либо могу быть полезен, то даю себя в их распоряжение и сверх сего назвал им Безобразова, Дестрема и Карцева как людей, на которых они могли бы положиться. Сверх сего по переводе на французский язык Безобразов должен был представить им мои работы, касающиеся организации связи, осведомления и пропаганды. Идти дальше некуда. Захотят воспользоваться мною, вызовут. Не захотят – все заглохнет. То, что составляло мой долг, я сделал; остальное будет зависеть от них.

Ни Франции, ни Англии не до нас. То, что делается, не имеет своим искренним желанием помочь, поставить Россию на ноги, а лишь уступка общественному мнению, прессе, желание помочь чехословакам и, зацепившись в России, иметь там свою часть, свой голос ради противодействия Германии.

Вильсон противится вмешательству большими силами на Дальнем Востоке.

Если делать, надо было сначала подготовиться, ясно знать, для чего и к чему стремится вмешательство и назначить силы соответственные как для Севера России, так и для Дальнего Востока. Если бы в конце декабря 1917 года Франция взялась бы за это дело серьезно и даже если к этому она приступила в марте 1918 года, то без военного вмешательства дела наши могли бы получить более определенный характер и борьба за свободу и за порядок могла бы вестись в условиях благоприятных. Но Франция в марте думала о спасении своих экономических интересов при помощи посылки в Россию бывшего губернатора Алжира генерала Лиоте, но в июне посылка была отменена. <…>

29-VIII-18

Мне кажется, что общее направление военной интервенции на севере в руках англичан, и на Дальнем Востоке в руках американцев и японцев. Вероятно, последние отдали себе ясный отчет в преследуемых им целях и вытекающих отсюда частностях. Франция, ведя борьбу здесь, отстранилась от непосредственного участия в наших делах в Европейской России, предоставив все Англии. В этом есть выгоды и невыгоды. Выгоды, что, может быть, будет один хозяин; невыгоды, что французы, как мы им ни противны, теснее с нами связаны и мы друг друга лучше понимаем.

Что таково положение, фактически доказать не могу, но что в данную минуту не французы действуют у нас, я мог вывести из моего разговора с генералом Альби и Мордаком, вернее, из их молчания.

Я думал обратиться к Бальфуру, который, по его речам и заявлениям, мне представлялся более убежденным в необходимости существования сильной России и высказывавшегося о наших несчастиях теплее Ллойд Джорджа. В чувства последнего не верю; и раньше он ее ненавидел и считал ее страною гнета, кнута и т. п. ужасов, а народ низким. Я извиняюсь перед ним, если ошибаюсь, но таково мое впечатление. Если бы этого не было, то очень скоро после переворота Англия действовала бы иначе. Возможно, что она была плохо ориентирована, но все-таки она должна была понять, что существование слабого правительства рядом с самочинным комитетом из самых негосударственных элементов{254}, может привести только к смуте и развалу. А когда это случилось, Вильсон нашел только слово ласки и поддержки тем, кто в этом развале были виноваты.

Россия была силой, и ее надо было поддержать, чтобы таковой она осталась и могла бы бороться и не заключать постыдного мира.

Но Бальфуру я не написал, а обратился к Ермолову. Всю сущность моих мыслей ему изложил и просил его от себя или от меня передать их Бальфуру.

Оружием и силой англичане ничего не сделают. Нужны другие средства. Надо север поставить на ноги, чтобы, пользуясь помощью наших друзей, могли бы бороться за порядок и закон; русские должны сами устроиться. Для этого нужна совместная работа, которая в свою очередь требует ряд мер: 1) организацию связи и осведомления, 2) устройство областного и местного

управлений, руководствуясь существующими законами. И это для того, чтобы водворить закон и порядок, образовать вооруженную и национальную силу севера. Общее руководство должно быть в руках друзей наших (англичан или французов), исполнение у русских. Действия севера должны быть обобщены с Волгой; действия от Волги подчинены первому.

Работа в указанном направлении может быть произведена только русскими, преданными этим началам, а не политическими агитаторами, какого бы то ни было оттенка, поддержка и направление могут быть в руках иностранцев. Создание правительства на севере, на востоке в Сибири – все это разъединит, а не объединит. Управление частями территории должно быть установлено и по Положению об управлении войск в военное время, т. е. под руководством военной власти.

Вместе с тем я списался с Дьяконовым{255}, в надежде, что он подвинет Ермолова сделать соответственное письменное заявление, основанное на моем письме.

Ермолов ответил, что он мое предложение исполнил. Составил записку, в которой изложил и развил все, что было написано и передал не Бальфуру, а главному, не называя последнего.

То, что происходит на севере России, малоутешительно. Правление образовалось из лиц, по-видимому, не местных, а из людей выбранных в Учредительное собрании в Вологде, Вятке, Костроме и очутившихся в Архангельске, надо думать в качестве беженцев. Председателем какой-то Чайковский{256}. Это социал-революционер и сотрудники его социал-революционеры и кадеты полевее.

Союзники посмотрели на них как на серьезных людей; иначе отнесся к ним военный начальник Чаплин{257}, и через месяц арестовал это правление{258} и посадил их на остров, вблизи Архангельска. Союзники это допустили, но правителей выпустили, и неизвестно, они ли правят или другие.

Дальше будете сложнее и труднее. Написал об этом Ермолову, с просьбой повлиять на более разумный ход дел и указал ему: раз входит в страну вооруженная сила, управление страной может вестись только на началах положения войск в военное время. За последнее время, кроме мелочей нашей жизни, полных ужаса и скорби на свет Божий появились дополнения к Брест-Литовским мирным договорам, трактаты, определяющие их применение.

Ларин{259} и Красин{260}, вероятно, два комиссара или члены Совета, находят, что это улучшение договора. Да для тех, кто целью своей деятельности поставил уничтожение и унижение России, – это так. В Австрии граф Чернин, Каролли, а равно Бриан заговорили о мире, о демократизации государств, о невозможности путем победы достичь мира. В Германии пресса говорит об уходе графа Гертлинга и его заместителя, министра колоний Зольфа{261}, о вступлении в правительство Шейдемана{262} и Эрцбергера{263}.

Все это попытки сорвать мир, внести рознь среди союзников, действуя на эгоистические инстинкты массы при помощи, главным образом, представителей социальной партии.

В Англии, среди рабочей среды, тоже раздвоение, но большинство в их резолюциях высказывается за борьбу, а не за разговоры. Влияние американской рабочей среды более здоровое и роль их представителя Гомперса{264} большая.

На этих днях в Лондоне соберется международный конгресс

рабочих, понятно, без немецких социал-демократов, который базируясь на февральскую свою резолюцию, вынесет постановление.

Борьба повсюду, на фронте оружием, в тылу сборищами трудящегося класса, выдвинутого войной на совершенно новую плоскость, и подчас становится жутко – где же правительство, в лице или таких, кто выборами всего народа правит по закону, или среди вожаков трудящегося класса, составляющего в своих союзах лишь небольшую дробную часть всего населения. La classe ouvrière n'est pas votre propriété[62], сказал Клемансо 9-го марта вожаку социалистической партии в парламенте{265}.

Но согласны ли с этим вожаки социалистов?

Где понятия о нации и государственности сильные в населении, там это сила полезная, а где, как во Франции, идет только борьба вожаков за власть и влияние, там это в условиях борьбы большое зло.

Мы дошли здесь до такого противоречия, что интересы Германии и ее социал-демократии ближе, чем интересы Франции – Интернационал дороже Отечества. И это очень тревожно, и надо с благодарностью отнестись к здоровому влиянию американских рабочих классов и их представителю Гомперсу, внесшему здоровую струю в взбаламученную обстановку французских социалистов. Очень интересно письмо американского корреспондента Джорджа Герау{266} о задачах будущей политики Германии, с целью добиться мира, когда станет ей ясно, что на победу оружием рассчитывать нельзя. Его мысли отчасти те же, что и мои, изложенные в январе и марте по поводу наших событий, т. е. Германия пойдет на все уступки, лишь бы ей развязаны были бы руки на востоке. И Германия со своими предложениями обратится не к правительствам, а поверх их к народу, затронув в каждом его исторические стремления.

Германия, по словам Герау, все уступит: Эльзас-Лотарингию, свои колонии, свободу морей предоставит решить другим, лишь бы оставить ей Россию под прикровою, что она изменила своим союзникам. О Польше Герау, по крайней мере в выдержки «Temps», не говорит. Вероятно, Германия, когда обстановка ей укажет, что дальнейшая борьба может грозить ей опасностью перенесения войны на ее территорию, заблаговременно это и сделает. Теперь в Австрии в речах, письмах и статьях названных лиц идет подготовка к этому. Граф Чернин («Neue freie Presse») предлагает Австрии поднять голос в пользу мира. Антанта не знает, по его словам, психологию Германии и не думающей после этой войны вести войны в будущем. Граф Чернин это знает.

Но никто и не сомневается, что получив все, что Германское

правительство желает, оно о войне в будущем не будет думать. И император Вильгельм в своей речи, произнесенной в Эссене, говорит о 40 годах мира, когда Германское правительство и народ усиленно готовились к борьбе. Он ведь указывал, что весь мир с жадностью смотрит на успехи и богатства Германии, но он не указал, что все что время они же готовились к войне из-под палки, благодаря вооружениям Германии, и, не веря в войну, готовились плохо и лениво.

Императору Вильгельму нужно было подбодрить рабочих и народ, как отец подбодряет своих детей. Но он не говорит, как граф Чернин, что Германия не будет больше вести войны. Граф Каролли высказал своим избирателям, что Австрия ни в военном, ни в политическом, ни в экономическом отношении не будет рабой Центральной Европы, которая не упрочивает нам союз с Германией, и который является первым шагом к строительству этой центральной Европы. Мы должны принять за основу переговоров программу Вильсона.

События, протекшие на Западном фронте 5/18 июля{267}, естественно, дали политическим течениям свой колорит.

Если эти события получат в ближайшем периоде характер очень выгодный для союзников, то колорит этот получит ясный окрас. И как раньше, так и теперь, поведение государственных людей, начиная с ноября 17-го года по сие время, по отношению к России ошибка. Крупная ошибка совершена государственными людьми Германии. Жадность, соединенная с несерьезным отношением к соседу, с которым они жили и которым они пользовались, наглядно и ясно подтвердила их политическую бессердечную наглость, мириться с которой союзники и Россия не могут. <…>

Есть еще одна сторона, которая оттолкнула от немцев симпатии половины, если не больше, мира – это их жестокость и вандализм. Вандализм на фронте, жестокость в тылу с населением и пленными. И с туземцами собственных колоний они обращались, как оказывается по английским данным, хуже, чем с животными. Во время войны обе стороны упрекают в этом друг друга. Действительно ли немцы виноваты в этом и перешли ли они пределы допущенного?

То, что я видел в марте 1917 года к западу от Сен-Кантэн, местами бессмысленно жестоко и никакими военными соображениями не может быть оправдано.

Что селения на линии траншей разрушены боем, то это деяние обеих сторон; оно неизбежно, и винить французов или немцев в этом нельзя. Что немцы бомбардировали узлы железных дорог и поселения за первой линией, то этим занимались и

французы, когда в том была военная необходимость.

Но разрушать и рубить молодые фруктовые деревья, разрушать без цели селения – это вандализм, недопустимый среди цивилизованных войск. И все бомбардировки мирных городов не соответствуют правилам войны. Немцы начали – им ответили.

Относительно французов, на основании виденного я могу сказать: пленные немцы работали далеко от боевых линий, и везде, где я их видел в 1916, 1917 и 1918 гг. – это были люди упитанные, одетые, и о них заботились, как о людях.

Что касается местных жителей, то к ним немцы относились как жесточайшие эксплуататоры, невзирая ни на пол, ни на возраст. <…>

15-IX-18

За последние дни события в России выражаются все острее. Во многих местах поднялись крестьяне. Казань занята ими. Толпы их подходят к Петрограду, к Нижнему Новгороду. Что-то подобное происходит в Вологде и Тульской губерний. Везде возбуждение, что обозначает подъем крестьян? Разгул ли это вооруженных крестьян с целью грабежа, или нечто другое – неудовольствие большевиками и желание заменить их другой властью? Стремится ли эта волна к созиданию или только к разрушению? Большевики борются, хватая безоружных и мирных жителей в городах, и их расстреливают. Газеты принесли имена Восторгова{268}, Щегловитова{269}, Маклакова{270}, Шаховского{271}, Верховского{272}.

Захватываются под видом заложников великие князья и другие лица с угрозой расстрела. Говорят, расстрелян Рузский. Это только частичка тех жертв, которые падают от рук обезумевших Советов и комиссаров. Участь Ленина{273} их пугает, и в крови других они ищут свое спасение. А Германия обязывает их бороться с союзниками на севере, и они борются, захватывая официальных и неофициальных лиц, союзников, врываются в посольства, грабят. И ничего другого они не умеют делать, эти представители свободы. В Петрограде кровавая борьба и пожары.

Петроград в руках патриотов, пишут вчерашние газеты. Какие это патриоты? Где комиссары и Совет; в Петрограде или в Москве? Все темно и в то же время ужасно. Газеты говорят, что есть какой-то центр, направляющий эту борьбу против советов и комиссаров. Не думаю. До сих пор были все вспышки, без связи, без системы. Откуда мог бы взяться такой центр, да еще с влиянием и силой двигать события? Императрица и бедные княжны умерщвлены, давно идет этот слух, потом он опровергался. Не верилось возможности такого бессмысленного злодейства, а теперь, вероятно, что так. И что это за люди, которые способны на такие омерзительные дела. А Германия и ее правители взирают на это, поощряют это своими дополнительными трактатами.

И что удивительно, что весь мир смотрит на это и не содрогается от ужаса таких явлений. Советы принялись и за духовенство. Неужели русское население не дошло до края своих страданий?

5-IX-18

«Temps» поместил выдержки из дополнительного договора к Брест-Литовскому мирному договору, подписанному 14/27-VIII-18 в Берлине, а 30-VIII/9-IX и самый договор.

Суть сообщения 5-IX следующая:

1) когда установлены будут границы Лифляндии и Эстляндии немцы очистят всю территорию к востоку от них. Территорию к востоку от Германии она очистит, когда Россия исполнит все финансовые обязательства, в течение 4 мес. после ратификации этого договора. Территории к востоку от Березины будут очищены тогда, когда Россия выполнит все остальные обязательства по договору…

Заплатите, очистим, а не заплатите, будем сидеть у вас и эксплуатировать вовсю.

Но что значит территория к востоку от Германии, и зачем понадобилось указание к востоку от Березины, которая тоже к востоку от нее, или последняя имеет связь с Литвой, а первая с Польшей?

2) Германия не будет помогать образовываться новым независимым государствам на территории России, кроме тех, которые отделились; в том числе Грузия, но, по-видимому, за это Россия (большевистская) должна бороться с Антантой на севере России. Дальний Восток их не беспокоит. Германия обещает, что Финляндия не будет атаковать Россию. Кстати, к вопросу о Карелии: эти же большевики, которые выкинули флаг об определении, отделении племен, заявили финляндцам, что теперь они принципа этого не признают.

Ну что на это сказать?

3) Как только вмешательство Антанты будет устранено, то не будет затруднения для мореплавания и рыболовства в Белом море и в Ледовитом Океане. И наши представители с Иоффе во главе подписывают этот пункт, как желает Германия, которая никакого влияния и значения в этом районе не имеет.

4) Россия признает положение Лифляндии и Эстонии и отказывается от суверенитета над ними и в будущем, которое должно определиться по желанию их населения. Россия имеет право транзита (sans taxe) в Ревель, Ригу и Виндаву, свободные порты этих стран.

5) Районы Черного моря, за исключением Кавказа, будут эвакуированы после ратификации русско-украинского договора. Эвакуация эта не будет задерживаться, если общий мир последует до ратификации этого договора.

Тоже для железных дорог – Ростов, Воронеж и Таганрог-Курск и Таганрог-Ростов, когда Россия захочет ими воспользоваться для русских товаров.

Сколько времени Германия останется в районе Дона, она дает России каменный уголь взамен нефти из Баку (¼ произведенной нефти Германии).

6) Россия признает признанную Германией независимость Грузии.

7) Военные суда, взятые после ратификации мирных Брест-Литовских договоров, – собственность России.

8) 6 миллиардов марок, в этом числе 1 млрд. Украина, будут уплачены Россией. Этот глобальный долг из расходов, вызванных войной, а также содержание военнопленных, компенсацию, которую необходимо выплатить вследствие аннулирования займов и отмены права частной собственности в России и национализации промышленных предприятий с 1 июля.

Вопрос о банковских вкладах, принадлежащих каждой из сторон, будет обговорен в специальном договоре. Все вопросы правопреемственности будут учитываться правительствами заинтересованных государств. Все претензии частных лиц, возникшие во время во время войны, будут рассматриваться в арбитражном суде.

Договор ратифицирован 20-VIII/5-IX-1918. Уплатить предстоит 245,564 килограмм золотом и 545 240 000 руб. билетами = 1½ миллиарда руб.

Пять взносов: 10-го сентября 1918 г. 42 860 килогр. золота и 90 900 000 руб. бил.

30-го сентября, 31-го октября, 30 ноября, и 31-го декабря 1918 г. по 50 676 кило золота и 113 635 000 руб.

Один миллиард в товарах к 15-му ноября и 31-го декабря 1918 по 30 миллионов марок каждый раз.

31 марта, 30 июня, 30 сентября и 30 декабря 1919 – каждый раз на сумму 150 мил. марок.

Уплата 2½ миллиардов марок к 31 декабря 1918 г. в произвольной форме возврата долговых обязательств Россией Германии. Проценты по долговым обязательствам начинают взиматься с 1 января 1919 г. – 6 %.

Об оставшемся 1 миллиарде специальный договор. Гарантии – некоторые доходы государства.

Неужели Германские представители верят, что большевики останутся у власти, и, оставшись, в состоянии будут выполнять все финансовые требования?

Но допустим, что они правительство и что они добросовестны и пожелают это исполнить. Необходимо получить полный текст

этих договоров. В выдержке «Temps» рубли перемешаны с марками и трудно разобраться в цифрах.

18-IX-18

Австрия предлагает государственным людям собраться для определения условий мира, на коих все могли бы согласиться. Она сомневается, чтобы силой оружия та или другая сторона могли бы приобрести возможность свободно диктовать свою волю. Германия предлагает мир Бельгии на основании признания ее независимости и integrité[63], и чтобы она оставалась нейтральной, пока не кончится война, предлагая в то же время дать свое содействие по вопросу о Германских колониях. Пока это агентские сведения. Правительства, по-видимому, не получили их, или получив, не объявили.

Это первые шаги, чтобы после отказа говорить поверх правительства с общим мнением, или, как выражаются, с народом.

Но общественное мнение встретит этот призыв подготовленным. Методы войны Центральных держав создали между борющимися пропасть, которую никак нельзя перейти, и эта пропасть – глубокое и неустранимое чувство недоверия к честности Германии.

В ночь с воскресения на понедельник немцы возобновили свои налеты на Париж.

Очень жаль, что американское воздухоплавание, на что брошены громадные миллионы, показало себя совсем неудовлетворительным и их приборы оказались негодными. Сначала кричали о них, а теперь вот с марта молчок. Вспоминая о наших заказах и их неудовлетворительное исполнение с технической и производительной стороны и сопоставляя с фактом постройки авионов, в высокой степени прискорбном, поневоле начинаешь думать, что не все так хорошо, как об этом кричат. Не будь этого, не было бы налетов и операции развивались бы успешнее.

То, что американцы сделали в районе Сен-Миель, хорошо{274}, но они атаковали фронт, на котором большая часть артиллерии была увезена. Они забрали около 200 орудий, но не говорят, какие это орудия. Для начала это успешно, но на этом все ограничится. Я желаю им самых блестящих успехов в связи с минимальными потерями, но их военный начальник мне не нравится с самого начала, не нравится и теперь.

Ермолов мне пишет, что англичане начинают сознавать свои ошибки на севере России. Он просит послать ему мои работы. Я послал ему, что касается организации связи, осведомления и пропаганды и что в связи с этим, а равно мою записку 16-го

августа 1918 г., поданную через Мордака 19-го августа Клемансо.

Кроме них, в моих письмах я дал ему ряд объяснений, и это даст ему возможность осветить англичанам положение, как им делать. Если Николай Сергеевич[64] не поленится, может быть польза.

В «Temps» 17-го октября помещено разоблачение американской прессы в виде 70 документов о полном соучастии Ленина, Троцкого и Советов в германских действиях в России и методы политического и экономического влияния через их посредство на Россию. Подтверждается лишь то, что было известно раньше и чему многие не верили. Все это направлено к расстройству России и к выгоде Германии. Не привожу частностей, но привожу два документа:

28-го декабря Reiches bank сообщает большевистскому правительству резолюцию:

> Возмещение Россией всех долговых обязательств центральным державам и их союзникам в течение одного года после заключения сепаратного мира.
>
> Свободная покупка германскими банками всех русских ценных бумаг по их текущим котировкам.
>
> Через 90 дней после заключения сепаратного мира цена всех акций частных железнодорожных компаний, всех металлургических предприятий, нефтяных компаний, химический заводов, будет установлена биржами Германии и Австрии.
>
> После заключения мира капиталы Англии, Франции и США будут выведены из предприятий угольной, металлургической, нефтяной, химической и фармацевтической промышленности. Вывод капиталов предполагается произвести в течение пяти лет.
>
> Этапы развития предприятий угольной, нефтяной и металлургической промышленности будет определены комитетом, в состав которого войдут десять представителей Австрии и Германии и десять представителей из России.
>
> Россия согласует с Германией и Австрией захват ими нефтяных районов.
>
> Центральные державы будут иметь преимущество командирования в Россию квалифицированных механиков и рабочих. Квалифицированные рабочие других национальностей не будут допускаться в Россию на протяжении 5 лет.
>
> Российская промышленно-статистическая служба

будет контролироваться Австрией и Германией.

Учреждение частных банков в России будет разрешено только с согласия германских и австрийских банков. Частные банки будут подчиняться регламенту этих банков.

Германские и австрийские статистические комитеты будут учреждены по всем главным областям России.

С этого документа снята фотография.

Он был получен большевиками, но неизвестно, состоялся ли по этому отдельный секретный договор. Как образчик немецкой промышленной мысли и ее приемов документ интересен. Содержание его говорит за себя.

11-го января Рейхсбанк пишет Ленину, что он может уничтожать русский капитализм сколько ему угодно, но ему не позволят уничтожение русской индустрии, «*поскольку в условиях хаоса, который получится в результате всего этого, объединенные капиталисты получат возможность вытеснять германскую промышленность*».

Образчик необыкновенного цинизма.

19-IX-18

Вчера послал Ермолову записку на русском языке с просьбой перевести ее на английский язык и передать самому старшему, т. е. Ллойд Джоржу. Суть записки, что наделаны ошибки в военной и гражданской области. В общих чертах, исходя из природы страны, указаны главные линии. Силы слабы, надо взять русских из Франции. Тысяч десять хороших набрать и организовать можно. Ошибка в гражданской области. Надо обратиться к существовавшим до 1-го марта учреждениям и даже людям. Не надо вводить новшества, а прежде всего стремиться установить порядок и закон. Для русских дел нужна одна русская голова, работающая в согласии с английским военным начальством и ему подчиненная. Я считаю, что минута для подачи записки удобна.

Не может быть, чтобы англичанам кто-нибудь не советовал бы. Теперь они собирают земства в Архангельской губернии, но это одно; как они распорядились с административным делом и с чего они начали. Думается мне, что советников у них русских хоть отбавляй. Положим, я тоже стал в это положение [по] отношению [к ним], если Ермолов сделает, что просил, и передаст все, что я ему послал вчера и что будет послано через военного агента в Париж [на] La Roi-Louis[65]. Ко всему предлагаемому будут осторожны, как вообще осторожно они относятся ко всему русскому. Я считаю, что моя формула верна, но таково же мнение других предлагающих свои усилия помочь России.

Клемансо, Лансинг{275} от имени президента, первый в своей речи Сенату, второй в виде декларации ответили на австрийскую ноту. Бальфур произнес речь на завтраке днем раньше. По сведениям из Италии Папа{276} на ноту Австрии не ответит. И на предложение, сделанное Германией Бельгии, ответа нет; но по существу и принимая во внимание ответ на ноту Папы в 1916 году{277}, не может быть сомнений, что ответ будет такой же.

В Лондоне заседают на 4-м Международном конгрессе социалисты, собравшиеся по предложению Гомперса. Хендерсон председательствует, Керенский там тоже заседает. Русские социалисты из Швеции прибудут с ближайшим пароходом. Русские социалисты прислали телеграмму, указывающую на невыносимые страдания, испытываемые страною, и просят послать в Россию комиссию, чтобы на месте убедиться в притеснениях большевиков, faute de quoi ajoutent ils, le prolétariat russe les considérera comme des traîtres (это социалистический

конгресс) des honorant le prolétariat international[66].

Наши социалисты продолжают сидеть на своих деревянных лошадках и ни жизнь, ни страдания страны их ничему не научили. <…>

И почему социалисты с их системой разрушения существующего лучше большевиков, таких же социалистов. Но они не только у власти и у народного сундука, но их преследуют и они вопят. Мы снова услышим их, но мы услышим и трезвое слово Гомперса, представителя американских рабочих, исповедующих не революцию, а созидательные начала. Социалист шествует, ведомый тщеславными вожаками, по пути к власти. Объединившись в союзы и синдикаты, он представляет силу, которую боятся. Суждено ли ему, разрушив настоящее, создать новое, покажет будущее. Правительства лавируют, ибо их боятся, и может быть, что на гибель страны эта власть проявится и вероятно в формах не далеких от нашей жизни. Военные бедствия будут тогда ничтожными по сравнению с нарождающимися. Но возможно, что уроки России принесут пользу другим и движение пролетариата не пойдет по революционному пути. Но кто это знает.

Газеты восторгаются речью Клемансо. И я хотел бы восторгаться, но не могу, ибо нахожу, что речь его менее сильна его предшествующим речам по разным случаям.

Много пафоса в ней, но я ожидал и дела, и решения. Понятно, суть дела не в речах, а в том, что разговаривать о мире с таким против никому не желают. Но если не желают, то перед таким учреждением, как Сенат, мне кажется, надо было логически провести причины отказа. Речь Лансинга короче, но содержательнее. Много страсти в речи Клемансо и крепко убеждение вести войну до конца. Старику виднее, что нужно для Франции, и может быть, такая речь уместнее холодного ответа Лансинга. Иностранцу трудно судить об этом. Встречена она была и Сенатом с воодушевлением.

Немецкие газеты воспользуются речью, чтобы повлиять на общественное настроение, указав, что причины не прекращать войну во Франции, в ее ненависти к Германии и в желании рассчитаться с нею – et le plus terrible compte de people à people s’est ouvert, et il sera paye![67] <…>

Из этого, однако, не следует, что Германия надломлена настолько, что она не в силах бороться.

За время с марта по сентябрь она ослабела, но и мы ослабли, а прилив американской силы может возместить ослабленное только отчасти. Она еще в подготовительной стадии, перед нами стоят вопросы решения. Начатое движение остановить нельзя, а

сил для его осуществления, вероятно, недостаточно. Перерыв действий нам невыгоден, а продолжать серьезно наносить удары, если средства недостаточны, неблагоразумно. Так кажется со стороны, не зная содержания, Фошу это виднее и, думается мне, он решит положение соответственно, лишь бы только он был хозяином, не сподручным техником.

Все пишут, что Клемансо ведет войну, и сам он говорит «я веду войну». Меня это страшит, и я был бы увереннее, если бы ее вел Фош, а первый, правя страною, ему бы помогал. Думается мне, что на самом деле так оно и есть. А что в этом деле честолюбивый генерал Мордак?

20-IX-18

Действия англичан в течение 17 и 18 годов меня душевно порадовали. Но где развитие затаенной мысли Фоша, здесь или севернее от Арраса? Примут ли немцы атаку? или они отойдут? Если обстоятельства в ближайшие дни не позволят им самим подготовиться для производства сильного удара, они, если их будут атаковать, отойдут. Район Лиля они не отдадут, Doudi постараются держать, а Камбрэ, возможно, отдадут союзникам, возможно, и Сен-Кантэн. Но на это потребуется время, и существенно не изменить вопроса победы одной и поражения другой стороны, если не случатся события военного или внутреннего свойства, которые дадут одной стороне очень большое превосходство. Дело в подготовке, в счастье и в умении ими воспользоваться.

Sa Majesté le Hasard[68] играет большую роль в нашем деле, и искусство политика, как говорит Наполеон, – умение почуять его благосклонность, и воспользоваться им – дар полководца.

Der Mann hat kein Gluck[69] – говорил Фридрих{278} и выбрасывал за борт очень достойных людей. И он был прав. Да, провидение в жизни народов имеет большое значение, и я верю в его влияние и проявление, хотя скептики это отрицают. Своей подготовкой, своим умением и брутальной настойчивостью немцы обязаны многими своими успехами. Но мы им помогали, и счастье было на их стороне. Их счастье было, что на востоке у них оказался противник, не подготовленный к серьезной борьбе. <…>

Но времена как будто изменились. Борьба истощила и Четверной Союз, и истощила и ослабила Антанту, но последняя, взамен России, получила свежую силу в лице Америки, еще не совсем ясную в оперативном достоинстве, но многочисленную и здоровую.

Умелое и неторопливое содействие свежих американских сил сопровождалось тактическим успехом, что так важно для будущего работы этих сил, и впереди, с Божью помощью, могут быть успехи, которые приведут войну к концу. Но путь еще длинен и тернист и то, что совершается ныне, хороший фундамент для будущего.

Если ближайшие действия могут получить свое развитие от Арраса, то это далеко не предопределяет дальнейшее. Как ведется подготовка в тылу, я не знаю, как железнодорожные работы были произведены нами раньше, я не знаю, но по тому что есть, [можно ожидать] больших действий от этого фронта, возможно, с

большим удобством, чем с других участков. От подготовки будет зависеть размер успеха, от последнего – дальнейшее. И рассматриваемый, как первый этап, он может получить гораздо большее значение, и в связи с армиями южнее его, может дать крупную победу, которая завершит все усилия, начиная с 18-го июля.

Это может быть не coup de grâce[70], последний проявится там, где мы его не ожидаем, но это может быть событием, которое в корне пошатнет военное положение германской армии. Но это еще не даст мира; но приблизит народы к нему больше, чем все речи государственных людей и разных интернациональных конгрессов, говорящих от имени рабочих. Так мне представляется возможность развития событий, основываясь на их начале и течении в продолжении вот уже более 2-х месяцев, ведомых маршалом Фошем.

Вчера я видел солдата из канадских войск. Это хлопец из Таращи (Киевская губерния), в 1913-м году поехавший в Америку. Грустные данные сообщил он мне. С объявлением войны таких, как он, живших в Канаде, было 14 тысяч записавшихся и зачисленных в канадские войска. Они сражались, он ранен.

Когда, говорит он, случился какой-то Брест-Литовский договор, их всех изъяли из войск и сконцентрировали в лагере, а потом разбросали по мелочам, ибо никому из русских не верили и считали их способными на шпионство и все дурное. С оскорблением говорил он об этом, но о событиях в России имел смутное понятие, хотя читает английские газеты. Очень они, отверженные солдаты, подавлены униженным своим положением и тоскуют о России.

Об украинстве, они, естественно, не имеют представления и считают, что они русские. Выбритый по-английски, он все-таки остался хлопцем-хохлом, и тянет его домой. Деньгами их балуют. На всем готовом они получают 5½ франка в день. И работая чернорабочим на железной дороге в Канаде, он скопил около 4 тысяч франков. Был короткое время в отпуске в Лондоне и там за менее чем 14 дней истратил 700–800 фр.

Бедный хлопец познал прелесть трат, и что он будет делать, когда вернется в столь желанную им Россию. Растратив свои сбережения, он завертится в этом водовороте, и из хорошего человека обратится в дрянь. Меня удивляет, что англичане так поступили с русскими канадцами, даже с теми, которые там родились. И простые французы, говорит он, нехорошо относятся, когда узнают, что русский. И болит его душа, как скорбит она у всех нас.

25-IX-18

В течении последних дней из Македонии и Палестины пришли радостные известия. В обоих местах, судя по тому, что доносят французские газеты, у Франше д'Эспере и Алленби{279} не успехи, а крупные победы, у Алленби даже разгром турецкой армии. И сербы с союзниками добираются и добрались до желанной Бабуны, и если также хорошо англичане и греки покончат с левым участком (Дориан) болгаро-турецкого фронта, то и здесь будет разгром. <…>

Последствия победы в Македонии по свойству театра должны быть решительными. И без сильного влияния на общий ход и положение союзников эти два события пройти не могут, и в них по одновременности их исполнения видно одно руководство.

Дай Бог, чтобы я не ошибался, и что не только действия западного фронта, но и повсюду находились в руках маршала Фоша.

Я расширил бы сферу его влияния и на наши дела, но допустят ли это дипломаты и правители, подчинятся ли они этой необходимости? Но если Палестинские и Македонские дела не влияние Фоша, а случайное совпадение, то как ни радостны факты, значение их меня не радует. В вопросах борьбы уступок главным ее началам не может быть: по крайней мере для тех, кто, как Вильсон, заявил борьбу до outrance[71].

27-IX-18

Наша переписка с Ермоловым усиливается. Получил от него от 22-го и послал ему два письма, в которых развиваю ту же мысль, как и раньше, но подробнее. У него рисуется так: при высшем союзническом управлении на Севере должны быть два органа, военный и гражданский комиссары, первый В.И. Гурко, второй великий князь М.А.{280} и Самарин{281} при нем.

Я ему ответил, что народная душа так взбудоражена, что теперь не время преследовать монархические начала. Надо успокоить это настроение и дать массам самим прийти к этому сознанию. Даже называя имя М.А., мы будем способствовать тому, что его убьют, и так со всяким.

На Севере нужен военачальник русский – таковой Гурко. В другой роли он может принести вред, ибо у него, по крайней море до лета, было спасение России монархией, и это опасно. И добавлю, не может русский монарх опираться на иностранную силу, хотя бы союзническую; раньше нужно создать национальную силу.

При английской голове должна быть русская голова, подчиненная английской, помогающая ему во всем и по военной, и по гражданской частям. Алексеев и Головин, а может быть, и другие могли бы быть этим, но они далеки и неизвестно где. И я мог бы быть.

Пишу ему, что это не просьба, но я слишком много думал, работал и страдал над этим вопросом, что если бы предложили, я пошел бы. Но я ставлю условие – полное доверие к моей честности и такту. И почему англичане, не знающие меня, дадут это доверие. Меня немного знает Вильсон{282} – начальник штаба и бывший начальник штаба Робертсона, но к последнему у меня никогда не было симпатии.

Но если не я, то и Гурко будет полезен.

Во всяком случае англичане должны настоять на формировании 10 батальонов русских (во Франции три роты готовы): девять боевой силы, а один запасной, который послужит ядром для формирования других на месте.

Нужны и артиллеристы, саперы, понтонеры, надо дать ружья и пулеметы, митральезы и ружья WB, последних в особенности, ибо они пригодятся. Письмо это отправлю сегодня. Работы Н.С. [Ермолов] передал, а что он сделает с моим заявлением? Думаю, ничего, ибо у него сидит М.А. или иной великий князь, и если он убедит англичан и они на это пойдут, будет нехорошо. Самарина не достать, и он нужен для центра.

Граф Гертлинг и его помощники высказались в пленарном заседании комиссии Рейхстага. Первый взывает к мужеству, спокойствию и единению народа с правительством, и он широко идет навстречу желанию Вильсона и обещает проведение выборного начала в Пруссии. Его подробные объяснения о нарушении нейтралитета Бельгии циничны, и странно слышать их от государственного деятеля, каков Гертлинг. Те же, что раньше, заверения, что Германия защищалась и не имела захватных намерений, что не она начала войну и процесс Сухомлинова лучшее доказательство. Разве Гертлинг не знает, в каких условиях происходил процесс и не отдает себе отчета о людях, которые его вели, давали показания.

За графом Гертлингом говорил фон Гинце{283} и фон Пайер{284} Речь первого более определенная по вопросу о мире: «Мы продолжаем готовиться к заключению мира, несмотря на ироничные отказы и насмешки наших врагов».

По русским вопросам он скользит. Относительно Испании высказал условия, которые Германия предложила в возмездие за потопленные суда.

Более определенны заявления Пайера о том, что мир с Россией заключен и существует. «За него дорого заплатили. И на нем надо настаивать – до тех пор, пока идет война, это грозит отечеству опасностью. Нельзя допускать разговоры о том, что этот договор надо подвергнуть ревизии во время заключения всеобщего мира».

Если по этим речам судить о настроении правящих сфер, то нельзя не заметить чувства тревоги, которая их охватила. Военные события на западе пошли иным курсом и иным темпом, чем ожидали в июле. Крупные успехи и победы на юге усилили эту тревогу. Внутри настроение тоже изменилось. Действительное положение страны и народа стало яснее и улучшить его прибавкой рациона хлеба и картофеля нельзя.

Необходимость кончить войну встала перед глазами правителей властно, но этому мешает годами накопившаяся к действиям их ненависть. Но граф Гертлинг находит, что чувство это привито народам запада искусственно. Искренен ли он? Неужели он так далек от того, что делается немцами в действительности, чтобы думать еще о необходимости искусственных мер, чтобы во всех тех, с кем они борются, возбудить эту ненависть.

Неужели граф Гертлинг думает, что все, что сделано с Россией, по мере того как их деяния всплывают, возбудят в русских не ненависть, а доброе чувство? Они имели перед собой народ, который относился к ним скорее добродушно, чем

равнодушно. Единственно, что можно было услышать от мужика, это – ох, хитер. Но ведь хитрый в мужицких понятиях соответствует – умному.

А теперь, что он услышит от того же мужика? И среди старых союзников, когда чувство раздражения к нам немного улеглось, все, что он сделал нам, усилило их чувство.

И как раньше говорил, не уляжется это чувство и создано оно не со стороны действиями, а бессердечной жадностью немцев и их варварским отношением ко всему не немецкому.

Немцы могут победить, но искоренить недружелюбия к себе и ненависти они не могут. Социалисты им, может быть, простят, но нация не простит.

Социалистическая фракция решила, что участие в правительстве их членов партии возможно на следующих условиях:

1) Принятие резолюции Рейхстага 19-VII-17 и заявление нового правительства, что Германия готова вступить в лигу Наций народов, основанной на мирном улажении всех конфликтов и общее разоружение.

2) Restauration de la Belgique[72] соглашение по вознаграждению и восстановлению Сербии и Черногории.

3) Брест-Литовский и Бухарестский договоры не должны служить препятствием общего мира; гражданская администрация в занятых областях и немедленное их очищение по заключению мира. Демократическое представительство должно быть установлено как можно скорее (но кем и по какому праву).

4) Австрия и Эльзас-Лотарингия; прямые, общие, равные и секретные выборы во всех союзных странах Германии. Прусский Ландтаг отменен, если выборное право не выйдет немедленно из переговоров палаты господ.

5) Объединение имперского правления; уничтожение не ответственного правительства. Обращение к представительному правительству от парламентского большинства, представленного людьми, чьи мнения соответствуют политике парламентского большинства. Отмена статьи 9 имперской конституции. Публичные заявления кайзера и военных властей должны быть представлены имперскому канцлеру перед публикацией.

6) Уничтожение всех постановлений, коими свобода совещаний и печати ограничены; создание органа для политического контроля для всех мер, предписанных на основании состоящего осадного положения; уничтожение всех секретных военных учреждений с политическим влиянием.

«Vorwärts» пишет, что это минимум.

Но и социалисты остались верны общей линии по отношению

к России и Украине. Материальные выгоды выше всего и эти выгоды сосредоточены в этих договорах, и от них немцы добровольно не откажутся, и договоры эти могут быть от них только вырваны силой. <…>

29-IX-18

В пятницу 27-го сентября, в день открытия подписки на 4-й заем, президент Вильсон произнес речь, в которой еще большей полностью и ясностью он изложил свои взгляды на основания будущего мира, преследующие право и справедливость. В речи отсутствует страстность; она не касается подробностей, но исключительно развивает те общие начала, которые с первой его речи служили ему руководящей нитью, когда он говорит от себя и от американского народа. Из всех произнесенных речей по моим впечатлениям, это самая полная, определенная и ясная.

В отношении нас она возбуждает очень много мыслей, ибо речь захватывает в своих основаниях самые жгучие вопросы нашего бытия. <…>

Болгария желает говорить о мире, предварительно заключив перемирие. Германия и Австрия посылают им подкрепления, направляя их главным образом в Болгарию. Делегаты Болгарии в Салониках. Национальное Собрание собирается 17/30-IX. Заявления о необходимости мира обращены социалистами и аграриями к Малинову. И войска, находящиеся в стране, приняли в этом участие. Роль Фердинанда не ясна, но общее положение Болгарии тяжелое.

Здесь за последние дни развились действия по обе стороны Аррагон.

К 13-му 9-й американской армией была занята линия между Маасом и Аррагонами с центром Монфокон, французы к западу от Аррагон к стороне Свюппе продвинули к северу, верст до 10 главным образом правый свой фланг (южнее Буконвиль). Немцы оказывают сопротивление и ведут атаки против правого фланга французов. Успех большой. В восточной части Шмен-де-Дам французы теснят немцев за Aillete, равно южнее Сен-Квентэн; англичане продвигают атаку к северу от Сен-Квентэн, в направлении Ле-Катле и Камбре; совместно с бельгийцами между Диксмейде и Ипром наступает 2-ая армия Плюмера. Повсюду упорные бои, заканчивающиеся медленным отодвижением немцев.

Настроение здесь приподнятое: в связи с Македонскими и Палестинскими победами{285} и крупными местными успехами на западном фронте.

Газеты ликуют и стараются заглянуть в будущее, смотря через розовые очки, а покорная публика, не имеющая своего мнения, принимает это писание за чистую монету. Радоваться надо, но перед нами еще очень трудные дни ожесточенной

борьбы.

On s’engage et puis on voit[73], – говаривал Наполеон. Но on s’engage, чтобы дойти боем до возможности нанести противнику поражение; on s’engage, чтобы держа противника, нанести ему удар; on s’engage, чтобы имея перевес над ним, он не отошел бы от этого удара. Завязка ли это для решительных действий? Я думаю, что да, ибо на различных участках введены большие средства, и ради местных и частных успехов Фош не сделал бы это. <…>

Такое вынужденное отступление за линию, лежащую восточнее Гинденбурга, создало бы всей германской военной организации громадные затруднения и было бы равносильно поражению. Мы знаем, что предусмотрительные немцы за первой и последующей линией создали себе опорные районы и линии, над окончанием их лихорадочно работают. Но эти укрепленные линии не то, что устроенный и приспособленный для борьбы район, за которым расположены их тыловые учреждения. Утешительно, что мы не знаем, в каком направлении и какими средствами Фош стремится осуществить свою мысль и даже мысль эту мы не знаем. И в этом черпаю уверенность, что дело потечет у него последовательно и настойчиво.

О предшествующих операциях публика и, следовательно, враг был осведомлен задолго. К сожалению, приготовления скрыть трудно и он, надо сказать, парирует удары толково, но гнет, над ним тяготеющий, он чувствует. На фоне современных актов должно совершиться дальнейшее, и с каждым днем все ближе важное, приближающее нас к решению.

Но без попыток со стороны немцев атаковать и в большом масштабе, не обойдется.

Из России сведения скудные. Сообщения газет, что в районе Уфы собрались или собираются армия большевиков в 500 тысяч, ведомая и обученная немцами, – фантастические.

1-X-18

К 29 IX положение на фронте начиная от правого фланга (Маас) представляется таковым:

а) к востоку от Аррагон американцы у южных окраин Брей и Эксермона удерживают немцев, готовясь к дальнейшему продвижению к северу;

б) к запалу от Аррагон французы занимают высоты к северу от Буконвиль, занимают Вьё Ор, Соммепи Сен Мари а Пи и спускаются южнее Вандеркурта. Упорные бои на правом их фланге;

в) на Эн и Aillette во власти французов Шаронн и лес;

г) шоссе Ля Фер – Сен-Кантен примерно до Ля Фер за французами, которые севернее занимают восточный берег канала Кроссар и севернее к стороне Франсийи-Селанси. Далее идут англичане;

д) западнее последнего и по общей линии на на Преном ле Пти-Путу на Грекур. На Гвинкур) шоссе Камбре-Дуэ на речке Сансей на Мерикур. Линия окончательно не установилась, так как наступательное движение к NW от Сен-Кантен продолжается;

е) наступление армии Плюмера{286} (2-ая) и бельгийцев между Дюкс mude и Ипром и южнее продолжается, и к 29-му выразилось в сущности успехами к востоку Zaareur-haden – Rasbeke-Jounenbeke. Не весь Haluitike лес во власти бельгийцев, но Messemes взято англичанами, но линия у Ипра и южнее еще определена быть не может.

Зеебрюгге обстреливался с моря, равно пути по побережью. Давление как будто сильнее к северу от Уазы, но делать на этом основании о дальнейшем несвоевременно. Действия по обе стороны Аррагона очень важны и могут получить большое развитие, но все-таки развитие действий оттуда в далекую глубь как-то не вероятно.

Центр действий западнее Реймса. И я думаю, таковым все положение должно представляться врагам. Теперь ясно, какой свободой маневрирования наши друзья пользовались бы, если бы в 1917 году Сен-Гобен был бы ими взят. И пушка не стреляла бы по Парижу.

В Македонии и Палестине дела текут своим чередом. Франше д'Еспере очень трудно, и до сих пор сделано больше, чем можно было ожидать. Но публика жадная, она все хочет, чтоб было лучше, и она мало разбирается в пределах возможного.

Палестина и Македония принесут свои плоды, а главное, что творится здесь и что зародилось в голове Гинденбурга. На авось

он не пойдет, но если ему будет ясно, что в действиях Фоша, по его мнению, разброска усилий, он сам перейдет из положения оборонительного в наступательное.

Направление удара будет зависеть, как группированы немецкие силы в данное время. Если районы I V, VI и I армии достаточно насыщены дивизиями, он поведет удар на фронт Ипра и между Дуэ и Камбре. Вопрос во времени. Может он это осуществить это теперь, хорошо, через неделю или две будет поздно. Если кто-либо с этими мыслями не согласится, я спорить не буду. Но в условиях моих и то, что я знаю, а знаю я то же, что обыватель, но с той разницей, что, внимательно следя за смыслом происходящего и беря духовную сторону борьбы, я смотрю на все спокойнее и с точки зрения оперативной. <…>

Чтобы закончить с этим вопросом, добавлю: вопрос решения Гинденбурга находится в тесной связи с группировкой немецких сил, как результат действий Фоша с 1 июля с. г., и чтобы не пришло в голову Гинденбурга и Людендорфа при современных условиях, это обстоятельство будет влиять самым существенным образом на их решения, ибо главный фактор это время для осуществления их намерений.

7-X-18

События идут своим чередом. На фронте медленное наступление союзников усиленными местными боями, и отход немцев на фронте Лейс-Армантьер. В Германии крутой переворот к парламентаризму, уход граф Гертлинга и его помощников и замена первого принцем Баденским Максом, с министерством, составленным из разных фракций, не исключая социалистов. Новый канцлер принял программу социалистов (см. 27-IX-18) и, по словами газет, идет даже дальше.

И всю эту кутерьму наделала маленькая Болгария и желание заключить мир, прикрывшись флагом Вильсона. Коснется ли эта перемена Главной квартиры? На это можно утвердительно ответить – нет. Ни один немец в настоящих условиях полководцев не коснется. Но когда дела на западном фронте будут идти худо, тогда, может быть, влияние Людендорфа на политику государства умалится.

Пока же внешнее правление в Германии осталось прежнее по духу, по целям и по средствам, и новые имена будут стремиться к достижению того же мира. Что касается Болгарии, то все темно.

Турки обнаглели до крайности. Перед ними развалилась Россия, их единственное желание теперь как можно больше утвердиться в Закавказье. Германия не поскупится ни на какие обещания, чтобы удержать их от заключения мира, но расплачиваться потом будет Турция.

Как легко было Вильсону произнести свою программу, увлечь по своему пути миллионы человеческих умов, но как трудно будет провести даже ничтожное в жизнь.

Мы, старые люди, осуществления его мыслей не увидим.

Главнейшие тезисы, высказанные в речах графа Гертлинга: 1) неприкосновенность границ и территорий Германии, и также их союзников; германские колонии в том числе; 2) невмешательство союзников в дела востока, с которыми заключены мирные договоры.

Таким образом, Польша и Литва, Курляндия, Прибалтийские провинции, Грузия и Финляндия и все, касающееся Румынии и Балкан, – дело Центральных держав и вмешательство Entente недопустимо. По остальным вопросам Германия готова переговариваться. Восстановление (restauration) Бельгии, Франции обойдено ими полным молчанием. Эльзас и Лотарингия – немецкие провинции, и о их уступке не может быть и речи.

Отказать в определенности всего высказанного нельзя. Граф Гертлинг, не отрицая приемлемости Лиги наций и говоря о ней в

своей последней речи, с симпатией находит, как и Вильсон, что она должна организоваться после мира. Но последний, видя в ней un facteur même de la paix[74] от имени американского правительства в 5 пунктах выставляет не столько тезы этого мира, сколько практическую программу. Сопоставляя их с тезами графа Гертлинга, мы увидим, как мало между ними общего.

«1) Беспристрастная справедливость, которую мы хотим, не должна различать тех, в отношении кого мы хотим быть справедливыми, и тех, в отношении кого мы не хотим быть несправедливыми. Это должна быть справедливость, не признающая фаворитизма, а только равенство прав различных народов.

2) Никакие индивидуальные или частные интересы какой-либо нации или группы каких-либо наций не могут определять ни одну часть соглашения, которая не соответствует в целом интересам всех.

3) Никакие частные лица, группы или союзы не могут заключать соглашения в рамках общей семьи лиги наций.

4) И, более того, не может быть никаких частных экономических договоров в рамках лиги или условий об экономическом бойкоте или лишении членства, если только эти экономические санкции или исключение из валютного рынка, не будут установлены лигой как дисциплинарные взыскания.

5) Все международные договоры и соглашения должны быть преданы гласности мировому сообществу».

В дальнейшем Вильсон говорит:

«Все национальные задачи все чаще и чаще отодвигаются на задний план, на их место пришла общая цель – просвещенное человечество. Мнения здравомыслящих людей стали проще, более открытыми и более едиными, чем мнение торгашей, которые всегда фигурируют за одним игорным столом для того, чтобы делать большие ставки. Именно по этой причине, как я уже говорил, это война является войной людей, а не войной государственных деятелей. <…>

Мы не можем принять заключения, которое не реализовывает и не фиксирует четко результаты, которые мы предложили. Эти результаты следующие: может ли военная мощь какой-нибудь страны или группы стран определять судьбу народов, управлять которыми она не имеет никаких других прав, кроме тех, которые она обрела силой?

Имеют ли могущественные нации задачу угнетать слабые народы, подчинять их себе? Должны ли народы продолжать подчиняться воле других и не могут ли они объявить миру о собственной воле? Осуществится ли общий идеал для всех

народов, всех наций, или же сильные мира сего будут продолжать действовать, как считают нужным, и заставлять страдать слабых без репараций?

Будет ли требование прав случайным, или же будет общее согласие сделать обязательным соблюдение общего права?

И все эти вопросы возникли из хода войны и должны быть решены окончательно: по принципу, что интересы слабейших так же святы, как интересы сильнейших».

Отвечая на каждый вопрос, поставленный выше Вильсоном, можно прийти к соглашению и, придя к таковым, наметить приемлемые меры, чтобы устранить явления, которые волнуют и раздражают мир и служат источником всяких осложнений.

Приглашение к самоуправлению излишнее, ибо оно существует в народах, а подчеркивать их – вызывать лишь раздражение и соединенное с этим бедствием для этих же народов. Максималистическое отделение из состава государства, кому хотят, так любовно одобренное Вильсоном в январе 1918 года, коварная формула, составленная в Вене для эгоистических целей Центральных держав, чтобы громкими словами прикрыть обширнейшие захваты. Максималистам нужны были лишь декларации, чтобы прикрыть свою политическую низость и одурачить массу.

Но вопросные предложения Вильсона осуществимы и мысли их не новы, так как человечество работало над ними и до него.

Гораздо труднее справиться с его 5-тью пунктами, которые, хотя и названы им практической программой, но осуществить их в жизнь и полностью, на мой взгляд, представляет столь серьезные затруднения, что, приняв их под давлением силы, они претерпят такие изменения, что останутся только одни принципы. И я опасаюсь, что для создания Лиги народов эти пункты будут служить большим препятствием и народы предпочтут обратиться к старому и испытанному средству – союзам, не стесняющим их внутреннюю жизнь, их стремления, их свободное развитие. <…>

8-X-18

Газеты полны словами «Victoire» и мыслями о ней и последствиями, вытекающими из нее, но воз стоит все на месте.

Чего-то на участке к северу, да и к югу от Сент-Квентен не хватает. Войска атакуют, потом их атакуют немцы, но продвижению вперед что-то мешает, чего-то не достает.

Я думаю, не хватает Генерального штаба у Хейга, а затем в армиях и ниже, в корпусах и дивизиях. Нет, по-видимому, должного согласования в общем и взаимной поддержки в частности, что может быть достигнуто только управлением, т. е. Генеральным штабом. Войска делают свое дело, но это не достаточно. Задержки у Гуро понятны, но если так будет продолжаться и западный участок не выполнит то, что ему предписано, вероятно, Фошем, положение Гуро станет опасным и его могут смять.

Или в районе Сен-Квентэн или в районе Cambray должно обозначиться очень решительное действие, не останавливаясь перед мыслью о потерях. Где именно, сказать не могу, но Хайг должен это знать и, на это подготовившись, должен решиться. Времени для этого было более чем достаточно. И в конце концов это потребовало бы меньших жертв, чем эти непрерывные бои, с медленным продвижением. <…>

Вечер. Австрия через Стокгольм обратилась к президенту Вильсону с предложением перемирия и дальнейших переговорах о мире на основании Message Вильсона и его предложений в феврале (4 пунктов) и 5 пунктов 14/27-IX-18.

Газеты говорят, что Германия и Турция сделали то же, но подтверждения нет.

И со стороны Макса Баденского сделаны предложения, в которых Вильсонское только сила народов. Тяжкие дни придется пережить союзникам.

Удобное время выбрали немцы для своего предложения. Германию пощипали, но она не разбита. Если бы правый фланг английской армии мог бы проявить большую деятельность, вернее, проявили бы за эти последние дни более энергии в работе, положение было бы боле благоприятное. Ведь и в армии идет проповедь о мире. Будем рассчитывать, что правители трезво посмотрят на дело и не остановятся на полпути.

Франция, часть ее занята врагом, Бельгия, в сущности, не освобождена, ничего в сущности не достигнуто. Будем надеяться, что предложение Центральных держав будет решительно отвергнуто.

10-X-18

Крайне неблагоприятная погода тормозит операции союзников.

Тяжело союзническим войскам еще и потому, что германские войска, отступая, уничтожают все самым ухищренным и варварским образом и нет укрытия от непогоды.

Камбрэ разграблен немцами, Дуэ тоже, и все в пламени кругом, горят деревни, Это признаки недалекого отступления немцев. С начала войны немцы систематически грабили, и это отношение к частной собственности все прогрессировало. Такие явления бесследно пройти не могут. Войска входят во вкус, развращаются, дисциплина падает. <…>

Обращение Германии к президенту Вильсону с просьбою о переговорах и мире и перемирии всех волнует. Почему Германия и ее союзники обратились к Вильсону помимо других? Как поступит Вильсон, от чьего имени он будет говорить? Эта внешняя форма имеет свое значение и до известной степени есть показатель искренности Германии в вопросе о мире. Вильсон не глава коалиции, а такой же член ее, как и другие. Если Франция и Италия с этим примирятся, не думаю, чтобы Англия не почувствовала это пренебрежение. Мы все так захвачены речами и личностью Вильсона, что в первую минуту эти мелочи не заметили. А теперь, после некоторых размышлений, они начинают выплывать.

Я считал бы необходимым ответить на недостаточно определенное и одностороннее заявление Германии – определенным и ясным изложением условий со стороны союзников.

14 пунктов Вильсона очень общего характера и могли бы служить базой, если Германия была бы побеждена. Но этого нет, и всякое разногласие на конгрессе или при переговорах, по прошествии времени, когда Германия усилилась бы, а главное, внедрила бы порядок и дисциплину в тех частях, где коснулось разложение, и прекратила бы разговоры и принялась бы снова за оружие.

Я бы поставил Германии условия определенные и ясные, причем первым актом были бы не переговоры о мире, а о гарантиях к тому, что такой мир мог бы быть осуществлен.

Но Германия на это не пойдет и вынуждена будет отказать. И лучше, чтобы она отказала, а не союзники.

Так ли сделают союзники, или прямо откажут, мы, обыватели, не знаем, но 8-го X я написал сенатору Пишону и

изложил ему, как важно для судьбы России, если ответ будет с конкретными условиями, чтобы статьи последнего по отношении нашей страны были бы ясны и точны.

Россия должна быть эвакуирована и восстановлена в своих границах, чтобы затем приступить к разрешению всех остальных вопросов, не чужой властью, а установленным новым порядком самими русскими по отношению народностей, ее населяющих. Польша и Финляндия главные вопросы. Внемлет ли он моим словам?

В то время, как все мы живем в ожидании решений важнейших вопросов, у французских социалистов борьба между majorefaires et minorefaires[75] разгорается не на шутку.

Последние перешли на ясно революционный путь, подбадриваемые извне или ради подчинения своему влиянию остальных фракций – это покажет нам будущее.

Но правительству и Франции они готовят большие осложнения и беспокойства.

Ответ Вильсона на предложения Германии получен.

Но что, если Германия скажет, что согласна на все пункты и согласна очистить захваченные территории. Но перемирие, по словам Вильсона, возможно, когда Германия очистит территории. Что же, Германия будет отходить, а за ней в виде жандармов будут следовать союзники?

Прекращение hostilities[76] не может быть допущено, пока немцы не очистят захваченные земли. Они скажут, мы очистим, дайте нам время. И они действительно очистят и соберутся готовыми на своей земле.

Положим, немцы это не скажут и отступят с боем, все уничтожая перед собой; и так может продолжаться до весны, а к весне или раньше снова начнут действия. Со стратегической точки зрения для них это была бы одна выгода, но мы переживаем 5-ый год войны и выдержит ли армия и страна такое испытание?

Я думаю, что германцы не ответят Вильсону на его вопросы и Фошу придется заканчивать то, что им начато. <…>

29-го октября. Париж

По пути между Буньоль де Лорн и Парижем в Дрэ я захворал. Мы думали устроиться в Дрэ на зиму, а вместо того в нем пришлось пережить грипп, в условиях очень неблагоприятных и неудобных.

15-го я захворал; 26-го мы перебрались сюда, но до сих пор слаб, сильно кашляю и в сущности совершенно болен.

За это время события получили свое особое развитие, и мы стоим перед таким политическим явлением, о которых еще месяц тому назад не предполагалось.

Германия признала себя готовой принять базой для переговоров 14 пунктов Вильсона января 1918 года.

Совершенно правильно президент поставил вопрос ребром, задав германскому правительству вопрос, принимает ли он эти условия, равно и последующие, и что дальнейшие переговоры только коснутся деталей практического их применения. Президент не видит возможности предложить прекращения военных действий, пока армия центральных держав будет на территории союзных держав.

В конце президент спрашивает, что имперский канцлер – говорит ли от имени власти, до сих пор ведшей войну? На что ответило Германское правительство согласием на поставленные пункты и с объяснением, что и большинство Рейхстага к этому присоединилось.

На это президент Вильсон через Лансинга сообщил в развитии сказанного им свой ответ.

В наставительном и державном тоне по отношении союзников, как будто в центре всей военной борьбы – американская армия, а все остальное только спутники, он говорит, что условия перемирия – дело военного совета и что могут быть приняты только такие условия, которые обеспечат современное военное превосходство Америки и союзников.

Президент вполне уверен, что союзники не согласятся на перемирие до тех пор, пока германская военная сила будет придаваться незаконным и противочеловеческим приемам, в которых она упорствует. И, развивая в дальнейшем указаниями о действиях на море во Фландрии и Франции, он добавляет, что пока такие бесчеловечные акты и разрушения будут, борющиеся против Германии не согласятся на прекращение военных действий.

P.S. 25-го X Бальфур в Лондоне произнес речь, в которой он указывает, что ни в каком случае колонии Германии не могут

быть восстановлены.

2-XI-18

Сегодня я был у Франсуа Марсаля. Прочтя летом в Temps о сформировании организации Вернейля и создании в России подобной же организации из французов с целью поддержать экономические интересы Франции и борьбы с Германией, я думал, что у него будут сведения о том, что делается у нас. Никаких сведений о России у них нет, и должной организации в России тоже не имеется. Финансовые меры, о которых мне говорил в августе Франсуа Марсаль, вследствие несогласия Англии и Америки не могли быть проведены. Между тем проведение монетной меры очень важно. Конец анархии может наступить тогда, когда наша монетная система потеряет безусловно всякую ценность. Но англичане и американцы обменом ее поддерживают.

Марсаль, который, по-видимому, принимает дела России близко к сердцу, сказал мне: если в марте во Франции были бы влиятельные люди, считавшие, что России надо помочь, то число их на ⅔ уменьшилось.

Иначе говоря, Франция, т. е. государственные ее люди, для России нечего не сделают, и предоставив ее дела естественному ходу, будут исключительно заботиться о себе. Претендовать на это нельзя, но я думаю, что идя рука об руку по этому пути, дело шло бы успешнее. Нет никаких оснований думать, что Англия и Америка пойдут по иному пути, т. е. забудут себя и будут думать о нас. Им самим не ясно, что такое Россия, что ей нужно. Современный порядок считается как порядок для России желанный, создавшийся по желанию народа. И зачем они будут вмешиваться во внутренние наши дела? Царское иго свергнуто, теперь в России желанная свобода, пусть русские ею наслаждаются. Мы же займемся там настолько, насколько это соответствует нашим интересам.

Я поблагодарил Ф. Марсаля за откровенное признание. Он всегда относился к нам дружественно и за его откровенное сообщение могу только его поблагодарить. И я понимаю, какие причины привели государственных людей Франции к такому отношению к старому союзнику.

Оно всегда покоилось на чувстве. На чувстве безопасности перемирия с Германией.

7-XI-18. Булонь сюр Сейн

Сегодня в мэрии вывешено объявление о перемирии с Германий, это, вероятно, временное прекращение военных действий; третьего дня, т. е. 5-го XI, в Палате Клемансо заявил о перемирии с Австрией и объявил условия этого перемирия, составленные 31-го октября. Условия принятия Турцией и Австрией суть полная капитуляция обоих государств, причем условия, предложенные последней, особенно тяжкие.

Еще более тяжки будут условия, выработанные для Германии, но они нам еще не известны. Что в свое время посеяли Центральные державы, то они и пожали.

6-го XI Вильсон ответил Германии на ее запрос, а сегодня, вероятно, должны прибыть парламентеры. Германия отдала свою судьбу всецело в руки союзников, без всяких оговорок и с полной покорностью.

Все это было подготовлено заранее и совершилось затем с невероятной быстротой. Кровавая трагедия на несколько часов закончилась, чтобы возобновиться, если парламентеры не дадут определенного ответа сегодня.

Казалось, безумная радость должна была охватить все народы и всех людей. Но я не чувствую ее в себе, я не вижу, чтобы и кругом радовались. Правда, я живу одиноко, и не мудрено, если общественное волнение радости не доходит до меня.

Пока шла борьба, были надежды по отношении помощи России, но после заседания Палаты и речей Клемансо, Пишона и Дешанеля их уже нет. Наши бывшие союзники, с которыми три года переносили боевую страду, – от нас отреклись. Никто ни одним словом в это торжественное заседание не обмолвился о России, которая, не жалея ничего, всем жертвовала, чтобы бороться с общим врагом и держать его на себе, спасая этим и Англию, и Францию в тяжкие годы их организационной работы и усиления. <…>

8-XI-18

Эрцбергер, генералы Гюндель{287}, фон Винтерфельд{288} и граф Оберндорф{289} прибыли к линии аванпостов к 5 ч. дня; к 3-м часам прекращены временно военные действия.

С вечера 7-го ноября условия перемирия будут предложены немецким делегатам.

В Сенате было торжественное заседание.

Говорили многие, Клемансо пришел потом. Вспоминали всех кроме России. В Славянском мире ее заменили сербы, чехословаки, югославы, поляки. С искренней радостью приветствую возрождение братских народов России, за улучшение участи которых Россия билась в течении столетий. И наша вековая борьба с поляками должна кончиться, если только Польша не перейдет пределы своих требований, рассчитывая на теперешнюю немощь России. Плохо верится в благоразумие поляков, но может быть, ее страдания в прошлом ее облагоразумили. Но эти качества редки в жизни. Конгресс мира должен будет установить эту Польшу и разграничить ее с Россией.

Найдутся ли государственные люди, которые решат вопрос беспристрастно, с полным знанием дела и особенностей этнографических, политических, географических и хозяйственных так, чтобы соседская жизнь России и Польши могли бы установиться нормально. Голоса России нет; кто ее будет представлять на таком конгрессе.

Большие затруднения создались от теоретически выдвинутого Германией и Австрией вопроса об украинской народности и Украины. И в трудных и сложных вопросах будут разбираться чужие люди, с чужим пониманием украинского народа, не признающего себя таковым, а считающим себя русским, но говорящим малороссийским наречием.

Но оставлю их пока в покое. Капитуляция Болгарии, Турции и наконец Австрии привели к тому же и Германию. Решительное слово будет может быть, сказано сегодня. Условия будут суровые. Германия будет поставлена в невозможность встать снова на борьбу и должна отдать себя на великодушие врага.

Думаю, Германия настолько умна, что, согласившись на переговоры, ясно знает, что ни на какое великодушие рассчитывать она не может и что за содеянное придется платить. И в ком она, посеявшая вокруг себя ненависть, найдет сочувствие? Разве в Вильсоне? Но и его положение несколько изменилось последними выборами и ему придется во многом

поступиться.

Но ведь армия ее еще не разбита. Военной победы, которая уничтожила бы армию, нет. Но в государстве уже чувствуются семена разложения. Флот с воскресения 21-го ноября бунтует, рабочие подняли голову и признаки переворота в воздухе. Что потаенными и низкими способами было сделано с Россией, то проявляется у нее самой. Что ею посеяно, то приходится пожинать теперь. И союзники послабы ей не дадут, ибо для ослабленных и слабых это чувство, несмотря на прекрасные слова Вильсона, не существует. Мы это испытали и испытываем на самих себе – теперь черед за Германией.

Великая задача предстоит союзникам – не сойти с путей, ими провозглашенных: права и справедливости; опьяненные успехом, удержатся ли они на этих путях.

По газетным сведениям, в Австрии идет подразделение народностей. Все как будто откололись от Габсбургов. Венгрия объявила себя самостоятельной, но отношения ее к тем народностям, которые входили в состав королевства, далеко не определены, ибо каждая из народностей в свою очередь также объявила себя самостоятельной.

Конференции различных народностей в различных пунктах земного шара издают свои постановления. Происходит то же, что происходило у нас. Спрашивать народы – никто не спрашивает, а судьба их определяется разными людьми, занимающими известное положение и без всякого положения. Но это обычная история. В Агрме мы имеем центр югославов, в который входят: сербы, кроаты, словены, образовавшие национальный совет, в который входит и Сербия.

В Праге чехословаки, старающиеся как можно шире распространиться территориально и, естественно, входящие в конфликт с австрийскими немцами, также образовавшие независимое [государство]. Такие же поползновения австрийских румын, в конфликте с венграми. В Кракове поляки, в Львове украинцы и немцы. В Тироль под флагом поддержания порядка двинуты баварцы. Босния и Герцеговина, вероятно, войдут в сферу Сербии и частью югославов.

Разобраться в этом территориально и основательно без борьбы и резни будет невозможно. Императорская власть еще в Вене, но она бессильна.

Все это будет волноваться, пока на конгрессе мира народности не будут разграничены, но это будет по картам и на бумаге, а в действительности нужна будет какая-то сила, которая заставит народности эти привести решения конгресса мира в исполнение.

Что касается немецких войск, бывших в районе Харькова и Курска и получивших приказ идти на западный фронт, то выбросив красный флаг, часть из них побросала оружие. Все знакомые картины.

Судя по сегодняшним газетам, кое-какой порядок в германском флоте восстановлен, но возмущения были повсюду: в Киле, Гельголанде, Боркуме, Куксгафене, Гамбурге и Бремене. Бунтовали матросы и рабочие, возмущенные неудачей, и потому заявившие, что они драться не будут. Это одно из проявлений патриотизма той части населения, которое считает себя призванной править и решать судьбу народа.

6-XI-18

Германское правительство издало прокламацию, призывая к порядку и дисциплине и указывая, что настроение населения будет иметь непосредственное влияние на ход мира. Внемлют ли расходившиеся страсти гласу благоразумия? Все это чрезвычайно важно и интересно, и ближайшие дни покажут, что из всего этого выйдет. Я думаю, император Вильгельм не раз вспоминал своего друга Ники, императора Николая, которому он так коварно ответил на ласку и дружбу.

И все могло бы быть иначе, если бы были люди с сердцем, а не жадные купцы. Мне жаль германскую императрицу в своем бессилии. Но пути Господа неисповедимы. Вся семья царская наша спит непробудным сном, пав от рук убийцы, и преступление это русский народ не забудет, когда совесть и правда проснутся в его замутившейся душе.

И здесь нелегко. Расстройство транспортов, имеющее свои коренные причины, но и как результат неумелого управления министерства довольствия (Boret), решавшего жизнь по своему усмотрению, создали очень тяжелое положение для населения. Довольных нет. С другой стороны, представители синдикатов рабочих ведут свою революционную политику, и обыватель с тревогой ждет, что будет.

Суждено ли Франции пережить бедствия, сказать трудно. Спасение ее в армии. Она спасла Францию от врага, может быть, она заключит свою благородную задачу и спасет ее от анархии. Но горючего материала накопилось очень много. Когда в начале октября Германия предложила перемирие для начала мирных переговоров, имея базой 14 пунктов Вильсона от 8-го января 1918 года, то это показалось многим странным и невероятным.

Понемногу стало выясняться, что инициатива исходила из главной квартиры. За капитуляцией Болгарии и Турции, естественно, должна была последовать и капитуляция Австрии. Казалось, с точки зрения практических выгод Германии следовало окончить борьбу, тем более что на западном фронте ее теснили союзники.

Но в деле войны не все то, что с житейской стороны кажется практичным, будет и лучшим решением.

Может быть, к концу сентября положение тыла германской армии на фронте от Северного моря до Метца было таково, что методичное отступление было неисполнимо, что время для этой операции было утрачено и что в дальнейшем оно должно было привести к катастрофе. Это возможно, но и из такого положения

талантливый и решительный полководец находит выход.

Мне кажется, выдержи правительство с своими коренными реформами согласно требованиям Вильсона, правительство Германии стояло бы более твердо, но оно капитулировало вместе с Людендорфом, призналось в своей слабости и несостоятельности перед всем народом. Брожение, до сих пор сдерживаемое немецкой дисциплиной, стало проявляться все сильнее. Немцы приспособлялись, думая в уступке найти спасение, и в этом нашли гибель. Я виню Людендорфа. Он, по-видимому, так запутался в политике, что утратил качества начальника штаба, и в самую критическую минуту жизни государства своим заявлением или согласием на перемирие принес стране вред.

9-XI-18

Германия получила второе предостережение от Вильсона. 7-го ноября Лансинг отправил через швейцарского министра в Вашингтон ноту, в которой указывает, что еще 20-го сентября Германия в своей ноте указала, что ей даны инструкции, чтобы охранить частную собственность и принять меры к лучшему отношению к местным жителям. Между тем в Бельгии немцы предупредили угольные предприятия, что все люди и лошади, работающие в шахтах, должны быть подняты, что все matières premières[77] общества должны быть переданы немцам и что угольные копи будут уничтожены.

Соединенные Штаты обращают на это внимание правительства и указывают, что если это будет сделано, то торжественные обещания немцев ne sont pas faites de bonne foi[78].

Уничтожение чужой собственности, грабеж прочно засели в эту войну у немцев, и эти начала ими распространялись и у их союзников. В прошлую турецкую войну (1877–1978) турки никогда не уничтожали свои жилища; в эту войну это было обычное явление и наносило ужасное страдание местному населению, ибо жители выгонялись в 20 градусный мороз и деревни сжигались.

И теперь, когда уже стало ясно, Германия не победительница и что ей придется за это отвечать, эта привычка к уничтожению проявляется повсюду. Что будет, если солдаты, воспитанные в таких началах, вернутся домой к себе? Будет то же, что и у нас. Они будут уничтожать свое, ибо вернувшись или перейдя на свою территорию, они принесут с собой ужасные привычки.

В Германии народное волнение распространяется, в Мюнхене объявлена республика. Пока это объявлено толпою, но оно может заразить и остальных.

Социал-демократическая партия в Рейхстаге выставила 5 пунктов, они не очень страшны, но в числе их пятый требует abdication de Guillaume II et la renonciation du Kronprinz[79].

В Праге объявлена республика. Немецкое побережье неспокойно, и там, по-видимому, хозяйничают матросы и рабочие.

10-XI-18

Император Вильгельм, как сообщают сегодня газеты, решил отречься от престола. Раньше он заявил, что такое отречение может привести к анархии и потому он не отречется. С конца сентября Германия катится по наклонной плоскости. Поражение и капитуляция Болгарии произвели панику в Берлине. Германия была еще сравнительно спокойна, но верхи ее потеряли уверенность и равновесие, и оно ярче всего выразилось в предложении Главной квартиры прекратить войну перемирием.

Германская армия испытывала неудачи, союзники ее от нее отпадали. Положение в общем делалось для Германии все более и более трудным, но армия ее была цела и, несмотря на отход под напором противника, дралась доблестно и признаков разложения не было, по крайней мере в сентябре, когда в Салониках французами нанесено было поражение.

Могла ли германская армия отойти на восток, и исполнить это методически, как операцию? Я думаю, что если только атаки Фоша в августе и первой половине сентября не перепутали немцам их группировку резервов, а с этим вместе и работу тыла, они эту операцию могли бы произвести. Я иду дальше. Они могли бы довести свои операции до защиты Рейна. Армия выиграла бы месяцы. С громадным подвижным составом, которым обладали немцы, и с недостатком такового у союзников борьба могла бы быть уравновешена.

Но Mut verloren, alles verloren[80]. Высшее военное управление предпочло прекращение военных действий, как будто оно не знало, на каких условиях такое прекращение могло состояться. И странно мне, когда вспоминаю все то, что писалось и проповедовалось большим Генеральным штабом до войны в его исследованиях, основанных на военной деятельности Фридриха II. В самые критические минуты король не унывал и боролся до последнего издыхания и в конце концов выходил с успехом.

Я продолжаю думать, что оборона Людендорфа, нежелание уступить ни шагу, быть может, неспособность его к маневру и, наконец, настойчивые и неустанные удары Фоша перепутали ему все карты, а когда он это увидел, было поздно. Выиграет войну тот, у кого нервы окажутся крепче, сказал в начале войны Гинденбург, когда к нему обратились с вопросом, на чей стороне будет победа.

И, базируясь на прошлое, мне кажется, не выпусти старик Гинденбург вожжи, он несколько иначе повел бы наступление в марте, а в случае неуспеха уклонился бы своевременно и от

удара. <…>

11-XI-18

События в Германии текут своим чередом. Император и коронованные особы скрываются и бегут в чужие страны. В разных городах, как в Кельне, Мюнхене, Гамбурге создаются республики. Где моряки, там острее, и в Гамбурге, как пишут, что-то вроде террора, но в общем революционное движение идет по более или менее благородному руслу, ибо над всем царит возможность голода, если порядок жизни будет опрокинут бурными выходками.

Условия перемирия будут приняты, и они, хотя с опозданием прибудут сегодня во французскую Главную квартиру. Социалист Эберт{290} поставлен во главе как канцлер. Остальные сотрудники социалисты и не социалисты, люди серьезные и поведут страну, на сколько это возможно к успокоению и порядку. Но крайних элементов и мечтателей в Германии тоже не мало и с диагнозом надо быть осторожным.

Стране надо пережить условия перемирия, а потом и мира, а они будут тяжки и для самолюбия оскорбительны. Ллойд Джордж заявил 9-XI-18: «Nous ne revendiquons un seul pouce de terre, qui soit veritablement allemand»[81].

Но Германия должна будет лишиться в смысле территории многого. Все это перенесли мы, когда Германия Брест-Литовским и последующими договорами кромсала Россию, как ей хотелось и как ей указывал Людендорф.

Чего Германия заслужила, то должно быть исполнено над нею, но без жадности, без злобы.

Бесконечно сложен «русский вопрос». Заслуги России в борьбе аннулированы изменой большевиков. Но и изменив, Россия продолжала влиять на борьбу, отвлекая значительные немецкие силы. Мы не знаем точно какие, но они были значительные. Но о прошлых 3-х годах и последнем четвертом все забыли, и никто знать ее не хочет. О ней даже не говорят. Против власти советов, как представителей большевизма, все восстают. Она всем неудобна, и ее влияние, ее принципы классовой борьбы и разрушения всем страшны.

Но какими средствами они будут с ними бороться? Если, как говорят, просто вооруженной силой, то, кроме еще больших страданий и пущего разорения, ничего не будет. Вести борьбу в области духа, в смысле объединения разбросанных здоровых элементов, они не могут и не умеют. И не им, не знающим России, ни ее людей, вести эту работу. Она должна быть исполнена русскими. Кое-что делается в России, но слабыми

средствами. Способно ли то, что сидит в Омске{291}, повести Россию по более нормальному пути, мы не знаем. <…>

12-XI-18

Сегодня помещены условия перемирия для Германии. Они для Германии очень серьезны и такого же характера, как условия перемирия для Австрии. Я бы усилил требования по выдаче подвижного состава, которым Германия богата. Выдача 150/т вагонов, вероятно, сверх того числа, что принадлежит бельгийским дорогам, что захвачено немцами.

Революционное движение, по-видимому, широко охватило всю Германию. В армии, по-видимому, не все ладно, и там волнение коснулось частей, находящихся во Фландрии.

Здесь оживление. В Париже манифестации. Мы рады за наших бывших союзников, рады, что человеческая бойня прекращена, что Entente победила, но на душе тяжело и печально, ибо нет в этом торжестве России.

16-XI-18

За этот короткий срок облик жизни в Германии изменился с внешней стороны до неузнаваемости.

Правительство, с подавляющим преобладанием социалистических представителей, сформировалось. Spartacus[82] (Либкнехт{292}) объявил себя автономным{293}. Появилось что-то вроде советов, но их первые шаги не по пути беспорядка и разложения, а порядка.

В самой армии местами, как во Фландрии и Брюсселе, беспорядки с характером возмущения. В общем течение революции идет скорее покойно, чем беспокойно, и желание наших революционеров внести начала классовой ожесточенности встречают отпор.

Коронованных лиц в Германии не осталось. Невольно сопоставляешь поведение, полное любви к России, погибшего императора Николая. Какая разница между первым и Вильгельмом!

Когда взбудораженное настроение уляжется и люди окажутся способными отличать ложь от правды, скромный и полный веры облик царя встанет перед людьми во всем размере. Его будут укорять, как нерешительного правителя, как колеблющегося в человеческих делах, но правда, честь и горячая любовь к России, за которую так жестоко поплатился страданиями и смертью от своих же сынов, встанет перед нами. И каково будет душевное настроение тех, кто совершил это, когда они перед смертным часом проникнутся мыслью о совершенных их преступлениях. Мы их не знаем, но большинство из них русские, и их имена, их род будут известны, и Божеское возмездие ляжет на их поколениях и на тех, кто это допустил.

Но это дело будущего, а теперь вернемся к событиям и вопросам, непосредственно касающимся России и требующим разрешения.

Перемирие заключено, за ним будет конгресс мира с его решениями, от которых зависят судьбы России. Но что такое Россия? Кто может на это ответить определенно и вразумительно?

Все в ней разрушено и раздроблено, а внутри центробежные силы, разрушающие основы прежнего государства, работают вовсю. Царская власть объединяла все это, покоясь на русском народе, на сознании его державности, образовала сильную и могущественную государственность и громадную единицу, которая, пользуясь дарами природы, жила в сравнительном

довольстве и имела будущность. Не говоря о русской народности, все остальные, мирно жившие под покровом русских законов, подняли голову и хотят самостоятельной жизни, в ущерб русской, их собравшей, в большинстве случаев им покровительствовавшей. И процесс этого брожения не кончился. В Великороссии большевики с их социальным переустройством на свой лад сердца России, ведущие ее, по их мнению, к счастью, по нашему – к погибели, разорению и братоубийственной войне.

В Малороссии – гетман, в Крыму тоже какое-то правление. Дон обособился, на Северном Кавказе Деникин{294} после смерти Алексеева, с какими-то силами; в Омске – Сибирское правление и там же именующее себя Всероссийским правлением{295}, с председателем Авксентьевым{296}, без народного полномочия. Что творится на Кавказе, в Туркестане, в киргизских и калмыцких степях здешний обыватель не знает. Но везде смута и разделение. А сверх сего вооруженные силы союзников на Дальнем Востоке, и в Сибири, и на Севере, занявшие русские земли ради нашего ограждения, но без нашей воли и нашего желания.

К этому с успехами союзников прибавится занятие Одессы и в дальнейшем нашего Юга. Россией распоряжаются другие, и сама она живет в судорогах столь страстно многими желанной революции и выбраться из этой смуты, стать на ноги она не может, ибо исчез в народе государственный смысл и волнуют ее другие стремления. <…>

Что думают, что намерены делать союзники, мы не знаем, они не высказались. Мы знаем, что Россия должна отдать польское население и земли для образования самостоятельного польского государства.

Провозглашено это Вильсоном, Ллойд Джорджем, а в 1916-м году манифестом Вильгельма и Франца-Иосифа. Русское императорское правительство провозгласило в 1914-м в году соединение всех польских земель под русским протекторатством автономными и свободными. Porte parole[83] Америки и Англии после переворота провозгласили самостоятельную и независимую Польшу, для которой Россия, союзница Антанты, должна отдать свои земли, как и враги, побежденные Антантою. Русская мысль не может примириться с таким деянием, но теперь должна покориться постановлениям своих бывших друзей.

За польским вопросом следует Финляндский, Литовский, Латышский, Земский и много, много других, которые до революции все умещались в русском Государстве.

Хотя перемирие уничтожило Брест-Литовский и последующие договоры, заключенные с Четвертным союзом, но кто поручится, что разодранная на части Россия не попадет под влияние

враждебных ей чувств бывших ее союзников, в основе своих решений положивших начала, которые должны привести к раздроблению России. Горе слабым. <…>

18-XI-18

Вчера в церквах Парижа торжественное молебствие. Архиепископ Парижский во время своей речи в Notre Dame прочел письмо маршала Фоша, одного из многих военных величин Франции, в Бога верующих и церкви приверженных.

«Какую радость я бы испытал, вознося вместе с вами благодарственный молебен Te Deum [Тебя, Бога, хвалим!] в нашем старом национальном соборе. Я бы пел Te Deum где бы я ни находился, в церкви, находящейся по соседству с моей штаб-квартирой, объединив, таким образом, мои долги перед Богом и перед отечеством».

Господу угодно было орудием своего промысла сделать того, кто сохранил любовь и веру к Господу Богу.

И наша несчастная страна найдет свое спасение, когда чувство веры, потребность в Боге проникнет наши серые массы. На улицах народ праздновал возвращение Эльзас-Лотарингии, Жоффру сделаны овации. Понемногу выясняется, что в тылу армии германцев происходили беспорядки, возмущения и создавались советы солдат и рабочих.

По сравнению с нами это было бледно и длилось недолго. Солдаты дешево продавали ружья, пулеметы и авионы, как в свое время наши продавали ружья, орудья и все, что можно было продать. Размеры иные, но суть та же. Распущенный солдат везде непривлекателен и безнравственен. Франсуа Марсаль обещал мне предоставить возможность ознакомиться с законодательной деятельностью максималистического правительства. Вчера я прочел первое швейцарское издание об этой деятельности. Помещены первые их декреты, с некоторым освещением, имеющим характер пропаганды и воззвания этой деятельности.

В этой части помещены основные декреты.

I) Объявлено 10-XI-17 в бюллетене об образовании правительства рабочих и крестьян, как постановление 2-го Съезда делегатов советов рабочих и солдат и с участием делегатов советов крестьян.

II) Объявлено того же числа (8-XI-17) об уничтожении земельной собственности крупных собственников.

III) О контроле рабочих, объявлено 16-XI-17 и утверждено исполнительной комиссией делегатов рабочих и солдат 14-XI.

IV) О 8 часовом дне и распределении рабочего времени, объявлено 12-XI-17 (утверждено 11-XI-17) Лариным.

V) О национализации банков – принятое в исполнительном комитете 27-го дек. и объявленное в № 35 бюллетене 30-го дек.

1917 года.

VI) О прекращении платежей по купонам и дивидендам объявл. бюллет. № 43 11-I-18 г.

VII) Декларация о правах народов России, объявлена в бюллетене № 4. 16-XI-17.

VIII) Об отделении церкви от государства и школ от церкви объяв. в бюл. № 15. 23-го января 1918 г.

IX) Уничтожение орденов и званий объяв. в бюл. № 9 12-X4–17.

X) Декрет о праве отзыва депутатов 21/4 ноября, объявленный в бюллетене № 17 24-XI.

XI) Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов 24 ноября объявленный в бюллетене № 16. 23-XI-17.

XII) Декрет о запрещении сделок с недвижимостью объявленный в бюллетене № 2. 29.12 30-X-17.

В разбор целесообразности законов не вхожу. В том декларационном виде, в каком они изложены, для жизни они не пригодны, если только они должны служить руководством для жизни живых людей. За этой работой потребуется многолетняя законодательная работа. <…>

Теперь действует страх, но это состояние не может быть продолжительным. Крестьянин не любит, чтобы его дела вершил бы самовластно свой же крестьянин. Он ему не верит. Теперь он ему подчиняется, и будет подчиняться, если жизнь будет течь гладко. Но этой глади нет, как нет умения, нет правды, нет закона и справедливости.

А без этого крестьянская жизнь немыслима. Все изложенные постановления крестьянский ум не охватывает, оно слишком для него отвлеченно. А что говорит его уму уничтожение орденов и званий? Да ничего. Если его сосед помещик был столбовой дворянин, то будь он богат или беден, он останется для него столбовым. Рабочие вопросы на фабриках его не интересуют. Дивидендов с бумаг он не получает. Отделение церкви от государства он не охватывает. Церковь для него церковь, и учить детей закону божьему он будет, ибо не учить смертный грех. Получить землицу лестно, в особенности даром, но как практически это будет осуществлено.

Что значит уничтожение земельной собственности крупных владельцев? Кто эти крупные владельцы? Крестьянин, владеющий сверх надельной, 15–30 десятин, купленными им на кровные деньги, крупный собственник? Кто такой le paysan simple[84] п. 5 декрета № 2, у которого земля не будет конфискована. А как отнесется владелец-крестьянин, хотя бы le simple[85], к тому, что он не владелец и ничего с землей сделать не может, т. е. ни

продать, ни купить, ни заложить. Но входить в подробности этого закона как выражения воли большинства крестьян, против чего восстанут все крестьяне России, когда они разберутся спокойно и с толком, я не буду.

Вместе с наемниками Германии, эмигрантами со всех стран света, из собственных нор хлынуло решать судьбы России все более наглое и ожесточенное.

В числе их и крестьяне. Кто были эти крестьяне и говорившие за них? Вместо делового решения вышло одно озлобление, которое и было прикрыто теми, кто стали с конца октября править Россией и переустраивает ее по немецким книжкам.

19-XI-18

Сегодня день рождения великого князя Николая Николаевича; ему исполнилось 62 года. Где он и как его здоровье? Недавно мне говорили, что он сохранил бодрость духа, что он здоров и живет надеждой, что Россия будет единой. Я бы написал ему, но не знаю, как адресовать ему. Если он в Киеве, то, вероятно, в Покровском, на могиле матери. <…>

В Географическом обществе состоялась конференция профессора Сорбонны Омона{297} и Н.И. Ефремова{298}.

Заявление первого, что долг Франции помочь своей союзнице, которая столько принесла жертв общему делу, было встречено дружными аплодисментами. Ефремов дал некоторое описание Украины – Омон называл ее Малороссией и Ново-Россией. Все-таки в общем можно было понять, что Украина не есть что-то отдельное, а одно с Россией.

Его изложение страдало расплывчивостью и было длинно, но для французов заключало в себе некоторые статистические данные. С уходом немецких войск – камня на камне не осталось от владельческих усадьб – это сообщение какого-то корреспондента, лучше было бы его не передавать, ибо обстоятельства только могут указать, так ли это будет. Но Дон мимоходом оказался русским.

И царизм мешал экономическому развитию юга, а поразительные успехи металлургии как раз были при царизме.

Изложенное им было бледно; монотонно чтение его записки. Деникин в Киеве диктатором. Гербель{299} президентом. У первого будто бы 100/т войск, Краснов{300} с ним, но где он? Ефремов помянул о калмыках Тундутова{301}. Около Пскова тоже какие-то русские войска, противники большевиков. А последние что? Все темно. <…>

25-го-XI-16

Вчера был у Шапподлена, депутата и, как оказалось, члена партии кадетов по иностранным делам. Цель моего посещения была переговорить с ним, какую помощь России перед конгрессом мира можно оказать здесь, чтобы отношения к ее суверенитету и независимости не были бы попраны. О России даже не говорят.

Французы начинают чувствовать, какую они совершили глупость, разрушая Австрию. В противовес хотят левобережную Германию – Пфальц и Пруссию отделить от Германии.

Неудачная попытка. Начала humanité[86] встречаются с шкурными вопросами. Мной составлена записка о вопросах, поднятых конгрессом мира, и я обещал дать ему ее через несколько дней.

Может быть, удастся помочь. Вчера заехав к В.В. Бибиковой, чтобы с ней отправиться к Магделэну, нас перехватил князь Ухтомский{302} и ротмистр Касьянов{303}. Ротмистр Касьянов приехал летом от генерала Алексеева и при помощи англичан (генерал Пуль){304} из Архангельска отправился в Англию; оттуда приехал пожить в Париж и затем снова вернуться в Лондон. Теперь он едет к Деникину через Константинополь. В Париже он связался с князем Ухтомским для сношений.

Цель его приезда. То, что он мог говорить, в сущности, не есть цель. Звучало – помощь, которую желательно оказать генералу Алексееву и просьба не мешать ему, правда, в делах мелких, которые имели место еще весной 1918 года.

Я не стремился выпытывать его секреты, но убежден, что таких у него нет, а просто приехал узнать настроение. Но для этого и приехать, и жить несколько месяцев не стоило и лучше было бы оставаться в Архангельске.

Я просил его передать Деникину, что надо установить действительную связь: здесь через французов, в Англии через англичан, чтобы сношения могли быть регулярны и нормальны при посредстве лиц, у которых будет шифр инструкций и, понятно, согласие правительства, где эти люди будут. Желательно установить промежуточные посты и даже посылки курьеров. Если это будет оборудовано, с ведома и согласия союзников, тогда заявления Деникина пойдут, вероятно, удовлетворительнее.

На этом беседа наша кончилась, мне надо было уезжать, а у ротмистра Касьянова, в сущности, кроме личных впечатлений, [ничего] не было. Ухтомский, таким образом, будет служить как бы связью, хотя раньше он мне говорил, что собирается в Россию

вместе с Касьяновым. Сведения о России относятся к июню, но они неполны.

Товарищ Касьянова Половцов{305} остался в Архангельске, а в Париж ожидается офицер Генерального штаба с незнакомой фамилией. Если наши офицеры будут только разъезжать без цели, ясной и определенной, и без согласия Франции или Англии – толку от этих поездок не будет.

26-XI-18

Вчера имел свидание с А.П. Извольским. Хотелось мне переговорить с ним и посоветоваться как с человеком, знающим условия Франции и ее жизнь, умным и, как мне казалось, преданным интересам России. В России его не очень долюбливали, но это далеко не аттестат дельности и полезности деятеля. Работая с ним более двух лет, я видел в нем человека, правда, в успехах увлекающегося самим собою, но с инициативою, широкого взгляда на события и дельного.

Его шаги к уложению наших отношений с Японией и Англией после войны были полезны и укрепили наше положение. Некоторая переоценка этих событий после тяжелых 1904–1906 годов была естественна. Он был, может быть, подчас неприятен подчиненным, но это сущая мелочь.

Я, как начальник штаба{306}, был независим, но работал с ним как подчиненный, преследуя исключительно успешное разрешение всех политических и военно-политических вопросов в духе соглашения. Отношения его ко мне было хорошее, но это не удержало его напасть на меня с упреками, когда совершился переворот в Салониках партии младотурок. Как будто я был виновен в том, что это произошло неожиданно. Досталось и Хольмсену{307}, который был в это время военным агентом в Константинополе; мне за то, что Хольмсен – военный агент, ничего об этом не донес своевременно.

Но нападки его я принял добродушно, ибо у начальника Генерального штаба политика не входила в область его деятельности и винить Хольмсена, что он заблаговременно не донес до переворота, когда это было, собственно, дело посла, я не мог. Но это частности. Перехожу к моему свиданию с А.П. Извольским.

Он мне назначил свидание в понедельник или вторник с 10½ утра. Он спустился ко мне в пальто и кашне, с извинением, что он сейчас должен ехать. Начало, обещавшее мало хорошего. Оговорив, что он говорит со мной откровенно, он мне заявил, что я крайний правый. На это я ему заявил, что я – не крайний правый, а в Государственном Совете был в группе сидевшей направо. Вы меня обвиняли в либерализме, но я здесь считаюсь обликом царизма, но вы и я – мы здесь частные люди. Нисколько не оспаривая последнее, я возразил, что, прежде всего мы русские и теперь, когда на конгрессе мира{308} будут решаться важнейшие вопросы, сидеть сложа руки совестно. Я пришел к вам посоветоваться. Вы лучше меня знаете Францию и Париж, что

можно сделать, чтобы несколько изменить общественное мнение о России. Теперь о нас не говорят, и это самое скверное. Я имею возможность сойтись с учеными группами, изучавшими Россию, – они могут, быть может, конференциями, статьями повлиять, чтобы на нас смотрели иначе.

Извольский нашел, что это борьба с негодными средствами и, пожалуй, он прав. При настоящих условиях, краткости времени этим путем ничего не сделаешь.

Французское правительство обращается к Маклакову, и сюда собираются из разных мест остатки царских представителей. К ним присоединяются и другие бывшие послы и министры. Коновалов{309} и не министры – Путилов{310} и пр., и они составят ядро осведомителей о России. Но А.П. страшно торопился куда-то, или он делал вид, что торопится, дабы отделаться от меня, и, поговорив минут 3–10, мы разошлись, т. е. он от меня ушел. На вид он был болезненный и очень нервный.

Жаль мне его было. Из всех он все-таки с государственной точки зрения единственный, который мог бы представлять и защищать интересы России. Не в том нравственном состоянии, в котором он находился, по своим знаниям и обширном опыте. Теперь, как говорят, он связан своими отношениями с Азиатским банком, т.е. с Путиловым и И. Рафаловичем{311}. Жить надо. Лишенный, как и мы, всех средств, он в этом, вероятно, находит источник для своего существования. Это нормально, и я нисколько, как другие, не обвиняю его.

Грустно его отрицательное отношение к людям прошлого и к самому себе. Как будто все прошлое исключает нас из русской жизни и лишает нас права работать для благополучия России, не в узком стремлении возвращения к старому, а к пользе Отечества. Его краткий разговор, отдельные фразы – все это вместе дало мне все-таки известную ориентировку, вернее, укрепило меня в моих сомнениях.

Завтракал я с Павлом Игнатьевым. Он собирается передать просьбу Клемансо, чтобы над его деятельностью произведено было бы военное международное расследование.

Доносы на него и на его офицеров{312}, что они замешаны в германском шпионаже, родили большую грязь и избавиться от нее надо. Как всегда, прямых обвинений нет. Свои разведывательные дела он сдал французам, а часть американцам. Последние взяли ротмистра Франка и еще кого-то для посылки в Россию. Франка в Лондоне задержали, так как 2-ое бюро будто бы заявило, что Франк замешан в германском шпионажном деле.

Естественно, Павел Игнатьев должен снять с себя и своих офицеров такое обвинение. Но удастся ли это сделать? Он думает

свое прошение Клемансо передать через Думерга. Все это правильно, ибо нормальным путем до Клемансо доходит то, что будет пропущено его канцелярий. Но не думаю, чтобы в лучшем случае такое расследование было бы сделано. Все это очень прискорбно в нравственном отношении. <…> *Я* хочу немного обождать, когда в французском Генеральном штабе работы пойдут более спокойно, я переговорю, а равно попрошу генерала Альби помочь мне переехать в Россию: или в Одессу или на Новороссийск или Симферополь – Феодосия.

Смысла существовать здесь не вижу ни для себя, ни для русских. Надо захватить Сережу и Надю{313} и ехать. Однако раньше надо снестись с Одессой, узнать, где племянник Виктор Палицын или его жена{314}, живы ли они, а затем ехать.

Бороться с негодными средствами, чтобы помочь России, не буду. Вот В.В. Бибикова верит, что конференциями и статьям в газетах можно изменить мнение и отношение к России и склонить в нашу пользу. Но конференции имеют ничтожное значение, а современная пресса могла бы быть пригодна, если у меня были бы миллионы; но так как мы нищие, то пресса не для нас. Да кто будет писать? Русские, но они не грамотны. Вот В.В. Бибикова написала статью и теперь возится, чтобы ее приняли. И тщетно. Но чтобы в будущем совесть меня не укоряла бы в том, что я ничего не сделал, я вчера в 4 ч. зашел к профессору Омону. Я познакомился с очень хорошим человеком, знающим и изучавшим Россию по литературе и во время своих посещений. И он признал, что пресса ничего не может, разве она получит приказ свыше, на что, естественно, и надеяться нельзя. Но конференции будут. Пойду еще к Шапподлену, но просто, чтобы отвести с ним душу – ибо встретить во Франции француза, который с сердцем и надеждой относился к России, отрадно.

Отбивать пороги, отнимать своими разговорами время у занятых и незнакомых людей не следует. Если Шапподлен, работая в Комитете по иностранным делам, пожелает поговорить со мной, я к его услугам. Никого другого я не знаю, и никто из власть имущих, ни Пишон, которому писал, ни тем более Клемансо со мною говорить не пожелал.

Для них я морж и зубр, т. е. отъявленный монархист, хотя интересно бы знать, кто составил мне такую репутацию. О делах России со мной не говорили, моего мнения не спрашивали. Ушел из Лиги патриотов, потому что их неуместные монархические крики только вредят России. Не нам здесь проводить по отношении России монархические начала. Если Россия их провозгласит, мы подчинимся этому, как подчинимся, если она скажет быть Республике. И я буду честно служить последней,

лишь бы она привела страну к порядку и к жизни.

Для меня теперь ясно, что бесправное наше положение, нетерпимость к нам наших бывших друзей принуждает нас здесь быть пассивными. Пусть они решают. Для будущности России важно, чтобы не было ни порицания, ни согласия русских. Россия после ее болезни должна быть свободна. Если бы меня привлекли в конгресс мира с правом голоса – я не пошел бы и отказался бы от этого, ибо считаю это бесчестным и воровским по отношении к России поступком. Если бы меня пригласили в качестве Conseiller[87], я должен отказаться. Поступят ли так мои соотечественники, не знаю. Судя по тому, что делается, думаю, что они пойдут с чем-то соглашаться, что-то будут защищать и будут себя утешать, что исполнили свой патриотический долг. А я скажу, что они поступят, как воры XVII столетия в Смутное время и в лихолетье.

Ибо без полномочия от России никто от имени России с чужими не может условливаться о Российских делах и этим путем решать судьбы России.

Я был бы очень рад, если Деникин или кто-либо другой добился бы сообщения с Францией на прочных основаниях.

Способен ли Ухтомский быть лицом, через которого такие сношения с французским правительством должны проходить, не берусь решать. Я его мало знаю. По словам одних, у него больше минусы. Но злословия и сплетен так много, что верить всему, как хорошему, так и дурному, было бы неправильно.

Постараюсь вкратце изложить, что происходит кругом нас, и здесь и вне.

После 6 дней по подписанию перемирия (11-XI-18) началось движение союзников на восток, непосредственно за германскими тыловыми частями. К сегодняшнему дню, можно считать, что Эльзас, Лотарингия и Бельгия очищены и некоторые части перешли германскую границу. Беру из статьи Делакруа 26-XI-18.

К северу от Самбр и Мааса – бельгийская армия, 2-я и 4-я британские армии наступают к Кельну. Группа французских войск, правее обеих армий служит связью с 3-ей американской армией, наступающей на Кобленце. Другая французская армия направляется к Майнцу и третья к Страсбургу. Остальные армии во второй линии. Отход германских войск в порядке на фронте, в тылу местами развал. В Брюсселе, кроме грабежа на 3-х ее станциях тотчас после ухода немцев начались взрывы боевых припасов, что против условий перемирия. Со стороны представителей, посланных для заключения перемирия (генерал Винтерфельд) протест на тяжкость условий; вице-канцлер Зольф обратился с просьбой уменьшить тягости, в особенности по

отношению поставки 5000 локомотивов и 150 тысяч вагонов.

Тяжелые условия, но они могли бы быть гораздо тяжелее. Насколько знаю подвижной германский состав, можно было бы и прибавить. Угрожая, что в Германии будет голод, правительство германское обратилось первым делом к Соединенным Штатам с просьбой за продовольствиями, в то время когда запасы у них есть выше прошлого года, и как свидетельствует статья немецкого профессора в немецкой газете, уже после перемирия жизненных припасов вполне достаточно, если сэкономить на откорме скота и рационально распределить перевозку в виде демобилизации. Заботливость похвальна, но я не сказал бы, чтобы в несчастье немецкие представители держали себя бы с достоинством. Гораздо выше держал себя доктор, известный деятель, который покончил с собой, присутствуя и видя торжественную встречу венгерцами вступившей в Будапешт французские дивизии. Отстать от своих прежних приемов немецкие государственные деятели не могут. Из всех Гинденбург держит себя как цельный человек и понимающий, что с настоящим надо кончить пристойно. Большую на себя взял обузу старик, и это со временем германцы вспомнят. <…>

Интересны разоблачения Лерхендорфа о зачинщиках войны. Это разоблачение лишь подтверждение того, что так скрывалось Вильгельмом и всею правящей Германией.

Для человечества небезразлично, где подготовка и где зачинщики этой ужасной войны, конца которой нет и размеры бедствий не всем ясны.

И необходим трибунал, который, когда наступит успокоение умов, спокойно и беспристрастно мог бы разобраться в этом.

Пускай это будет не суд с его репрессиями, но пусть это будет всесторонне разъяснение, а человечество положит само свое осуждение. Но есть деяния, которые должны быть судимы и должны иметь свои репрессии. За бессмысленные убийства, грабежи и деяния бессмысленного разрушения, не отвечающие целям войны, должны быть наказания, иначе международные постановления и договоры теряют свой смысл и будущие войны по жестокости превзойдут эту. В этом отношении я присоединяюсь к программе речи (перед Trade Union) Ллойд Джорджа 5-го января 1918 года. О России забыли, и русскими событиями не интересуются, и потому о них не пишут.

Сообщают, что большевики на «Аврору» стаскивают свои богатства и сами собираются с семьями утекать, кто в Копенгаген, кто в Бразилию, но это не в первый раз. Может быть, им хочется и улизнуть, невеселое их положение. Грабеж и грабеж удовлетворить не могут. Дело их осуществляется на бумаге, благо

российские канцелярии увеличились раза на три против царских, но жизнь их принимает только силком. Говорят, Ленин фанатик. Не знаю, но думаю, как приятно ему было бы вновь очутиться в Швейцарии и поучать обалделых дураков. Но там, да я не знаю где, места ему не будет. И как они могут удрать. Я думаю, если ближние это подметят, их раньше разорвут на части.

Судьба имеет свое возмездие, и уклонится от него никому нельзя. И Вильгельм, и многие другие размышляют теперь на эту тему… Скоропадского{315} убрали, или он сам скрылся. Скатертью дорога. В истории это будет второй Мазепа. Появился снова бродяга Винниченко{316}.

В Сибири Колчак{317} и Авксентьев водворены в тюрьму.

Иностранцев хотя это не интересует, но если бы все не было бы так грустно, то позабавиться всем этим можно. Как 300 лет тому назад{318} все были воры, так теперь и воры, и бродяги. <… >

19-XI-18

Скоро три недели, что Париж переживает радостные эмоции победы. Из коренных союзников осталась одна Франция. Россия изнемогла и в болезненном состоянии, возглавленная чужеземными людьми, идет к распаду.

Что чувствует мужицкая душа, переживая осеннюю непогоду в холодной и грязной избе? Нежели вся его жизнь сосредоточилась в том, что нет сапог, нет керосину и сахару, нет ситцу, гвоздей и железа и пр., что необходимо в его обиходе?

Лишенный и раньше газет, он не очень страдает, что не имеет их теперь, новости приходят к нему устным путем и наполняют его однообразную и серую жизнь. Знает ли он толком, что случилось?

Полтора года ему твердят о революции. До него доходят слухи и рассказы об убийствах офицеров и других. Он узнал, что есть буржуй и что он его враг. Но знает ли он, что такое буржуй? Много ему непонятно и странно.

В его мыслях два определенных понятия: деревня и город. Деревня это он, а город – все остальное. И теперь он постиг, что город без него существовать не может, и отношения к нему просты. Ты дай мне то, что мне нужно, а я дам тебе, что тебе нужно. Но город ему ничего не может дать, а оттуда приходят люди и берут силой, утешая заморским словом, что это реквизиция. И берет это не барин, не офицер, а кто-то другой.

Не думаю, чтобы ему было понятно слово большевик. В деревне большевик – это последний человек, горлопан и непутевый. И не может мужик иметь к нему веры, и его опасается. Придет время – и мы увидим в дальних полях трупы этих крестьянских благодетелей. Таков крестьянский самосуд. Терпит, а не хватит сил – рассудит по-своему. Но какую он думает думу насчет России и насчет землицы, начальства и барина, мы не знаем. Но дума думается, и народ надумает и не будет розни в его думе. И когда узнают ее, будет поздно, ибо мужицкая дума пойдет прямо и бесхитростно.

Сегодня в Париж приезжает английский король{319}. Торжества, обеды, завтраки, Потом приедет Бельгийский король, а в первой половине декабря президент Вильсон.

30-XI-18

Удивительную картину своими контрастами представляет современная жизнь в Европе.

Германия и Англия притягивают к себе наибольшее внимание. В первой идет процесс устройства путем борьбы самых разнообразных течений, во второй такой же процесс для будущей ее жизни, но путем выборов.

Франция тоже объявила свои выборы, которые она думает закончить к концу 19 года. Борьба выражается более сильно в агитации верхов синдикатов рабочих и в интернационализации вопроса о груде и рабочих.

Какие меры принимаются другими слоями в смысле сплочения их в виду вероятной борьбы представителей рабочих интересов, определить трудно. Но C.G.T{320} усилено собирает рабочих произносить речи, выносить резолюции. Наиболее видная представительница этого течения «l'Humanité».

Ренодель в ряде статей (28–30 ноября) излагает главные основания будущих стремлений социализма, как бы программу, опираясь на Жореса{321}. Революция, как средство, не исключается. Написано в сравнительно умеренном духе. «Temps» в сегодняшнем № выставляет не без основания незаконность и вред такой политики.

Но уже не первый год мы перед ясно выраженным понятием, что в государстве только и есть, что рабочие и их интересы. Остальные интересы не существуют, и все должно подчиниться диктатуре – диктатуре пролетариата.

Какова она, очень ясно очертил в нашей Думе Церетели{322} в одной из своих последних речей. В порыве красноречия и злобы он видел в этом нечто прекрасное, но действительность была другая.

Но Ренодель в своей Tactique et Methode[88] желает, чтобы все было бы по-хорошему. Странные люди вожаки социализма. Одной рукой они раздувают огонь, а другой, когда видят опасность пожара, стараются хорошими словами ослабить его.

Мне говорили здесь, что мышление массы рабочих не революционное. Но это не успокоение. Толпа идет за единицами, а единиц возбужденных среди рабочих не мало.

И эта организация боевиков устроена вожаками синдикатов. Придет время, вожаки будут сброшены и на их место станут боевики. <…>

Жюстен Годар, бывший во время войны начальствующим санитарной части, представил в La commission du travail de la

Chambre[89] («Temps» I–XII-18) законопроект о включении в будущий мирный трактат закона международного труда, согласно постановлению Бернской конференции 1913 года, с созданием периодически собирающейся международной конференции труда. Для первой такой конференции выработается ряд вопросов, подлежащих обсуждению этой конференции.

Ллойд Джордж в письме (2-XI-18) подробно излагает программу своей политики.

В своих первых избирательных речах Ллойд Джордж, говоря о предстоящей тяжелой внутренней работе по восстановлению производительной жизни, предстоящих улучшениях и необходимости тщательного выбора тех, кто это будет проводить в жизнь, коснулся мира.

Мир должен быть справедливый – révendication, restauration, garantie[90], т. е. Германия должна за все заплатить. С точки зрения хозяйской понятно, Германия должна за все заплатить, а те, которые нарушили законы человечества недозволенными приемами войны, ненужной злобой к пленным, слабым, кто систематически грабил и разрушал, за это должен дать ответ. <…>

3-XII-18

Приезд президента Вильсона совершается с необыкновенной помпой. Едет он на «Вашингтоне»{323}; его эскорт, кроме мелких судов, 10 судов первого ранга. Из Бреста навстречу идут 20 дестроеров[91]. Мы еще не знаем Message его Сенату вчера 2-XII, но газета «Humanité» сообщает, что в нем 5 главных пунктов: 1) Лига наций, как обеспечение от возникновения войн, 2) уменьшение вооружения, 3) свобода морей в мирное и военное время 4) un réglement équitable pour le people allemand[92]; 5) Помощь России.

Из пункта 1-го, беря все предложения и рассуждения президента Вильсона, начиная с декабря 1916 года вытекает ряд других основных.

Равноправие, чтобы сильные мира сего сделали все, что в их силах для удовлетворения потребностей людей, которыми они управляют; крупным нациям – выход к морю.

Остается вопрос народностей, входящих в состав больших государств. О них ничего не говорится, как не упомянуто в телеграмме из Вашингтона, переданной Реноделем в «Humanité» 3-XII-18 une paix sans victoire[93].

Завтра мы познакомимся с содержанием Message Сенату, и тогда мысли Вильсона будут ясны и будет ясно, как повлияли на него события последнего месяца и настроение других союзников. Не думаю, чтобы Вильсон отрекся от своих взглядов и методов. Не думаю, чтобы торжества, которые ему здесь готовят, свернули бы его с пути. Было бы жаль, если бы слова графа Гертлинга, сказанные про Вильсона летом 1918 года, что он utopiste pacifiste[94] служащий интересам американского меркантилизма, имели бы хотя малейшее основание.

По тому, как велись переговоры о перемирии, Вильсону нельзя отказать в качествах холодного дельца и психолога.

По отношении России он в начале 1917 и до 1918 года ошибался. Он оценивал там совершающееся на основании слов тех, кто, по его мнению, знали Россию. (Речь 2 апреля 1917 г.) «Вот партнер, достойный быть членом Лиги чести!» – восклицает он, основываясь на ориентировке его о России другими. Вильсон в этом настроении оставался до начала 1918 года, когда он приветствовал искренность и честность большевиков, поведших на заклание Россию в Брест-Литовске.

Я думаю, он смотрит теперь на протекшие события и на настоящее иными глазами, но в основе, как Ленин по своему хотению хочет сделать из России что-то такое свое, так и

Вильсон, осуждая методы Ленина, тоже хочет сделать свое.

Мысли его о Германии, вероятно, правильны. Немцы хотят быть свободными, по-своему, как немцы, и сознание, что они народ великий и что ружьем, как они понимают, они не побеждены, вытравить из них нельзя. Они все сделают, чтобы мир не был бы слишком убыточный и оскорбительный. Передача флота пока понимается как условие мира, но когда окажется, что он должен остаться у союзников, да с прибавкой и судов комерческого флота, тогда и у независимых и левых немецкое сердце заскребет. Я думаю, они будут тянуть, пока не оправятся, и без новой войны выторгуют кое-что.

Новой войны ни союзники, ни немцы не начнут. Перетянутую струну вновь не натянешь, да и условия борьбы в дальнейшем не легки для обеих сторон.

Старик Мольтке положение борьбы на правом берегу Рейна разобрал очень подробно. Она не легка для нападающих с запада, даже при условиях, что тет-де поны[95] в руках союзников. Мудро поступили союзники, что их заняли. Невозможность новой борьбы в общих условиях и в условиях внутренней жизни Англии и Франции в формирующихся отношениях к Америке и в зависимости первых от второй. Американцы, мало пострадавшие от немецких методов, не пойдут на такую авантюру. От мудрости и умеренности людей будет многое зависеть, теперь же кипят страсти.

А что у нас дома? Полная неопределенность в Малороссии.

По-видимому, Скоропадский правит, хотя в Белой Церкви и Бердичеве засел Винниченко. На севере сидит Чайковский, но что он делает, известно только ему. В Омске удален Авксентьев и правит Сибирское правительство. Кавказ – двойной вопросительный знак вместе с Закаспийским краем, Туркестаном и прикитайскими нашими землями. Где-то Деникин; что делает Дон: Краснова ли слушают, или, как рассказывают, калмык Тундутов там играет роль. Петроград голодный город, оттуда бежит, кто может, чтобы не умереть с голода. Матросы и вооруженная чернь – сила, и в Петрограде сидят правители Зиновьев{324} и Каменев.

В средней России Совет с латышскими и китайскими преторианцами, расстреливающими мирного обывателя.

Кругом православные, кто с хлебом, а кто без него, живут, предоставленные самим себе, ибо власть доходит до них тогда, когда надо произвести реквизицию. <…>

Большевики продвинулись в Эстляндию и на юг к стороне Двинска. Какая-то эскадра появилась перед Ревелем. Если бы это были войска, а не банды, то такое занятие собственной земли

должно было приветствоваться. Но, к великому сожалению, заняв территории, банды эти будут насильничать, грабить, а при первом появлении силы убегут, оставив за собой разорение и ужас для населения.

Государственная власть этим не утверждается.

4-XII-18

Сегодня я был восприемником у генерала Евгения Карловича Миллера{325}, пожелавшего быть членом Православной Церкви. Душевно рад, что он это сделал.

Дай Бог, чтобы в это тяжелое время он нашел в этом успокоение. Затем был у Алексея Игнатьева.

Он посвятил меня в свои затруднения, но я никаких затруднений не вижу. Как военный агент, у него две обязанности: ликвидация заказов и дел и регистрация офицеров. Распоряжения над офицерами у него нет и не может быть. Теперь часть офицеров разъезжается, одни в Сибирь, другие в Россию, на юг и на север. Делается это по желанию офицеров и союзников. Заниматься же их назначением не дело военного агента. Офицеры свободны возвращаться, а военный агент должен отметить и помочь, в чем может.

Разногласия у него с Маклаковым по поводу мира. Сюда собрались бывшие послы и ex chargés d'affaires[96]. Маклаков желает иметь постановления этого собрания. Но документов для таких постановлений нет, они в России. Там же все, что может подтвердить и осветить все конкретные вопросы, касающиеся границ, этнографии, значение исторических фактов в прошлом, экономические вопросы, тесно связывающие пограничные полосы с самой Россией.

Из слов Игнатьева я мог понять, что здесь действуют разные течения, и в числе их интересы банков, прицепившихся к представителям капиталов во Франции. Идет устроение России на началах, выгодных западным капиталам. Рядом идет другое течение эксплуатации России по сферам влияния.

Собрание на Гренель не преследует собственно эксплуатацию, однако легко под влиянием тех или других дельцов прийти к пожеланиям и решениям, которые в будущем и надолго принесут России вред больше, чем грабеж большевиков.

Если приедет Бахметьев из Америки, Гулькевич{326} из Стокгольма, то в этом собрании будут: Маклаков, Гирс, Набоков{327} и Стахович. Может быть, пристегнут Севастопуло и Ефремова, не доехавшего до Берна. Числом собрание будет неполное, к ним надо прибавить еще А.П. Извольского, недавно избранного директором Азиатского Банка, и, думаю, нет основания исключить тогда И. или Артура Рафаловича. Не думаю, чтобы сборище это могло бы представлять Россию.

Сегодня в «Temps» сказано, что Украина (Малороссия) призывает представителей Дона, Крыма, Кубани и Белоруссии,

чтобы решить посылку представителей от них на конгресс мира. За ними потянутся и другие.

В большое затруднение будет поставлен конгресс мира, когда вся эта публика сюда прибудет и будет признана как представители интересов всех этих областей.

Чем народность слабее, малочисленнее, тем требования ее будут шире. И кто будет в этом разбираться, и чем виноваты будут те из народностей, до которых, по их географическому положению, весть о самоопределении народов не дошла и которые своих требований не предъявят.

Во всяком случае, все кроме России, имеют голос, имеют какое-то собрание, именующее себя правительством и представительство. Одна Россия без голоса и защитить себя даже в польском вопросе не может.

Судьбой нашей будут распоряжаться другие, без права. Без сомнения, les grandes lignes[97] намечены в Лондоне. Но то, что уже выражено по отношении Финляндии так бесправно, что в дальнейшем, по отношению всего остального, у нас нет ни надежды, ни уверенности, что суверенитет России как государства будет соблюден.

В Румынии уже образовалось отдельное министерство Бессарабии, без портфеля. И какая-то сила работает над расчленением России.

Колчак хочет все соединить и все всем возвратить, даже пенсии пенсионерам. Говорят, это хорошо; но ведь это слова, которые вновь вызовут страдания тех, кто живет под террором большевиков. <…>

5-XII-18

Послание Вильсона конгрессу 2-XI-18 накануне его отъезда наполнено заботами о внутренних делах, и надо удивляться обширной эрудиции этого человека, охватывающей все главные вопросы в сравнительно короткой речи с такою полнотою.

Но против Вильсона ополчилась республиканская партия с Рузвельтом{328} и Тафтом{329} во главе. Рузвельт оспаривает, что Соединенные Штаты бились за осуществление 14 пунктов послания Вильсона. Америка билась, чтобы раздавить Германию, и ни один солдат не знает эти 14 пунктов.

Англия должна сохранить свое господство на морях. Немецкие колонии не должны быть возвращены Германии. Соединенные Штаты должны настоять на соблюдения доктрины и в случае войны должны закрыть Панамский канал. («Matin» 5-XI-18). Сегодня в Париж приезжает с королевой бельгийский король Альберт I. Никогда в республиканской Франции не встречали ни одного монарха, как этого благородного короля. Своей стойкостью и благородством он стал во главе коронованных лиц.

12-го декабря ожидается Вильсон, в Париже он будет 13-го, 19-го итальянский король. Париж – центр мира. Как это должно поднять дух французов. Франция заслужила это, и ей остается теперь удержаться на этой высоте, что, пожалуй, будет труднее. Честь отдается французскому народу.

Ухтомский сообщил мне фамилии русских офицеров, отправившихся в Россию: полковники Ракитин{330} Дюссиметьер, Павлов{331}, Балбашевский{332}; штабс-капитаны: Эссен, Энден, кн. Галицын, Сухарев{333} и др. всего 50 человек. В наборе их участвует адмирал Погуляев{334}, который состоит на французской службе и занимается в морском министерстве, кажется, в отделе пропаганды.

6-XII-18

Сегодня объявлены les clauses financièrs de l'armistice[98]. Трудно против них что-либо возразить. То, что немцы забрали, надо возвратить. Это даже не справедливость, а обязанность. И наше золото (320 млн) будет препровождено в подвалы Banque de France[99].

Население левобережной Германии встречает войска разно, но без инцидентов. По описанию корреспондента из Ахена признаков истощения в населении не видно: дети и взрослые сыты, магазины полны, хотя большей частью продукты ersatz, и фабрики работают вовсю; сельское хозяйство, скот в порядке. Еще в конце 1917 г. Германия издала иллюстрированные таблицы цен и наличности предметов первой необходимости по сравнению с другими государствами. Для убежденных в истощении Германии (наши газеты уже в 1914 году кричали, что Германия голодает) эти данные были подавляющие для тех, кто думал Германию взять голодом. Я считал, что лишения коснулись лишь части населения, получающего содержание, и в общем Германия жила, и цены, кроме некоторых городов, не очень были вздуты.

И не нужда сломила Германию, а сознание, что после распада Болгарии должно последовать отпадение Турции и Австрии.

И не голод произвел революцию, а надломленное и оскорбленное чувство и ошибки высшей военной власти. Революции способствовали бунты во флоте, беспорядки в тылу армии, надтреснутое в 2-ой половине 1918 года общественное мнение и разоблачения князя Лихновского{335}, что Германия вызвала всю кутерьму, что она нападающая, а не противники. <…>

Ближайшее покажет, возьмут ли в Германии верх элементы крайние с «Спартаком» и Советами во главе, которые поступят с конституантой, как у нас, или конституанте удастся направить жизнь в более правильное русло. Если армия в Берлине будет на стороне последней, вероятно, конституанте удастся это сделать и Германия, федеративная или объединенная, предстанет перед нами к весне. Но эти предположения могут не оправдаться, ибо кто знает, что из себя будет изображать это собрание.

О наших делах не говорю: из России в газетах сведений нет, а частные рассказы давнего времени.

В «Temps» сказано, что главная цель поездки в Лондон представителя чехословаков Масарика – это дать понять государственным людям Англии, что необходимо дать помощь России, – роль, которую чехословаки могут играть в этом.

Там же помещено заявление Уинстона Черчилля{336}, что английские делегаты отправились с твердым решением не допустить никаких ограничений права, ограничивающее forces defensives novales[100] и поддержание морского превосходства.

Отмечу, что по поводу мира из Нью-Йорка, агентство Гавас сообщает заявление Рузвельта, что нельзя колебаться ни мгновения, что Англия должна сохранить свое превосходство на водах мира, и что Соединеные Штаты должны следовать за ней.

Свобода морей – фраза, которая обозначает что угодно или ничего не обозначает.

Известный профессор Колумбии Николас Мюррей Баттлер{337} заявил, что американцам прожужжали уши: «Неконкретные общие фразы, право народов распоряжаться своей судьбой, лига народов, свобода навигации и пр. Первые говорят о проблеме народов, которой уже тысяча лет; вторые развивают идею, которой две тысячи лет и которая, говоря проще, выражает стремление к лучшему миру; третьи выдвигают конкретную идею, которая имеет первостепенное значение для достижения всеобщего политического порядка». <…>

Вчера (6-XII-18) получил письмо от Извольского, уведомляющее меня, что он сделал все, чтобы привлечь меня к работам, касающимся будущего мира. Я поблагодарил Александра Петровича за его старания привлечь меня, но должен заявить, что об этом не просил. Я говорил, что в настоящее время всякий должен делать то, что он в силах. Что я, к сожалению, и не по своей воле лишен сношений с Маклаковым, ибо год, что его не видел, считая, что он меня видеть не желает.

Сегодня получил официальное письмо с бланком посольства от Маклакова (5-XII-18. № 335), в котором он, от имени Совещания, предлагает мне принять председательство в военно-морской комиссии по рассмотрению вопросов, касающихся России и могущих быть возбуждены на конференции. Я ответил согласием. В письме, кроме военных и морских, находящихся здесь, указывается, что для работ могут прибыть Лукомский, Щербачев, Монкевиц{338}, Гермониус и адмирал Кедров{339}. Вопросы эти надо согласовать с общим положением, с теми решениями, которые последуют по отношении России, с тем, на что Россия может согласиться. Необходимо нам установить базы и в основе всего положить, о какой России идет речь. Мое участье в работе, вероятно, будет недолгое и временное.

Я не склонен к критике, когда говорят такие светила, как Ллойд Джордж. Но он вынужден говорить часто и много, [поэтому] невольно проявляются и противоречия. И таковым мне кажется его фраза, что Центральные державы должны платить за

войну до тех пор, пока у них будет для этого возможность. А рядом ни аннексий, ни контрибуций, ни вознаграждений за убытки. Вильсон (4-XII-17).

Ллойд Джордж говорит от имени союзников (публикация «Temps» 7-XII-18), значит, и от имени американцев. Я понимаю, что Центральные державы должны платить и плата должна быть справедлива, как бы велик ни был бы ее размер. Если она превзойдет платежную способность, то надо найти выходы, но объявлять, что плата должна быть до последней возможности – не правильно. Страстный человек Ллойд Джордж, и боюсь я его гибкости по отношении России. Французские социалисты обвиняют его, что, будучи раньше левым, он стал теперь не то что правым, а реакционером.

8-XII-18

«Matin» в сегодняшнем номере привел очень интересные данные об усилиях объединить Португалию и Бразилию в одно целое, как родственных по происхождению и соединенных экономическими интересами громадного размера 60 мил. населения, громадными природными богатствами, легкостью сообщений. Уже несколько лет идут переговоры о таком объединении. Есть трудности, но думается, что они приведут к благополучному разрешению.

8,552 тыс. кв., 25 млн жителей. Бразилия соединяет в себе все климаты, и природные богатства поразительны. 20 автономных провинций соединены в Федерацию. Морские и речные сообщения, в особенности первые, – исключительны. Развитие ее только что началось. В будущем это может быть страна в 600 млн., и в скором времени, в то время как Европа, отдавая свое население в эмиграцию, будет оставаться на одном уровне и прогрессировать слабо. Еще несколько войн, подобных едва законченной, и равновесие будет восстановлено.

Большая будущность такому соединению: южная часть Атлантического океана сделается внутренним, западный берег Африки станет Бразильянским! А что будет в северной части Атлантического океана? Америка скоро станет 2-ой морской державой, и кто знает, может быть не долго ждать, что она будет первой.

Какие громадные перспективы: англо-саксонская, латинская, германская – ослабленная и теперь в зародыше; славянская разгромленная и ослабленная. Мысленно это сольется в отвлеченные понятия «humanite», а практически его истинные стремления будут преобладать.

И когда это совершится, может быть, создание лиги рас и будет возможно, а теперь над всем преобладает «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» <…>

Разрозненное славянство переживает тяжелые дни. Нет покровительницы их России, нет души, которая могла бы объединить чехословаков, югославов, сербов, скажу, болгар и поляков.

Россия покрыта саваном, кто ее будет слушать, кто к ней пойдет. Отдельные группы устраиваются и думают о себе, и больше всех поляки, и рознь разъединить тех, кто, соединившись, мог бы представлять силу.

До сих пор в отношении нас проявлена только вооруженная сила. Среди арсенала средств – это не лучшее. Искоренить

большевиков силой оружья нельзя. Покорить правящих большевиков силой оружия – это война с частью России, причем таковая со всеми последствиями будет перенесена в сердце России. Причем биться будут чужие и русские против русских.

Такое действие, даже победоносное, России сулит самые ужасные последствия в настоящем и в особенности в будущем.

Самое участие подрывает суверенитет народа, и восстановить его возможно не скоро. Такое вооруженное вмешательство я решительно отвергал и отвергаю как по моральным и практическим соображениям. Большевизм определяется различно. Альберт Тома при праздновании в Шампани несколько дней тому назад определил происходящее в России как la dictature de la misère en révolte[101].

Советы – форма правления с министерствами и канцеляриями, которая вместо Учредительного Собрания сзывает членов Советов. Мы имеем перед собой не временное, а постоянное правление, которое преследует действительную и воображаемую контрреволюцию, но действуя террором ради устрашения, создало борьбу классов с грабежами и убийствами кого угодно, а рядом издает декреты, которыми пытается установить жизнь, в надежде на будущее благополучие.

В сравнении с тем, что было до Ленина, можно было надеяться, авось он, будучи жестоким и твердым, в то же время проявит государственный смысл.

Жестокими и твердыми его приказы оказались, но государственного смысла не обнаружили, а наоборот, с первых же шагов еще сильнее начали разрушать государство Российское. Их первоначальная линия была удержаться у власти и избежать всяческих для себя осложнений. Имея готовый рецепт за пазухой в виде VI пунктов, возможно, что изготовленных на Bellplatz в Вене как средство закончить войну и иметь развязанные руки и громадную вооруженную толпу, одновременно стали проводить декретами ряд мер, коренным образом коверкавших всю жизнь.

Что Учредительное собрание они распустили, на мой взгляд, они поступили хорошо, но для себя в будущем устроили затруднения и поступили с точки зрения их тактики не тактично. Насколько могу, отношусь к каждому их действию объективно, закрывая глаза на ближайшие последствия – массовые убийства, грабеж, беззаконие, разрушение, уничтожение народных исторических богатств и т. п. Революция должна все это уничтожать, должна создавать великие бедствия, на то она и революция. Раз не оказалось государственности, то о мирных переговорах и договорах говорить нельзя. Все это была мерзейшая комедия людей без совести, без народного чутья, и в этой фазе

трудно даже сказать, кто был хуже – Ленин или Троцкий. Об остальных: Иоффе, Каменев, Зиновьев, Залкинд – не говорю.

Смешно от этой категории людей, из которых ¾ жиды, ожидать каких бы то ни было чувств. Им нужно было объявить, что заключен был мир. Он и воцарился. Понемногу создали канцелярии и привлекли людей, канцелярских техников старого режима, и вся машина понемногу заработала. И Генеральный штаб дал своих слуг. Из-за куска ли хлеба, или по иным побуждениям пошли эти люди, не знаю.

Таким образом, перед нами организация Советов с министерствами и канцеляриями, с охраной, милицией и с войском, названным революционным. Но охраняют их войска – преторианцы латыши и китайские кули, нанятые большевиками.

К услугам большевиков и их «чрезвычайки» – дворники, кухарки, горничные и т. п. люд, оплачиваемые все теми же большевиками. Сведения о фабриках и рабочих темны; что делают ремесленники без материалов: плотники, слесаря, кузнецы и т. п. рабочий люд, неизвестно.

Все чиновничество, казенное и частное, приказчики и торговый люд, кто пристроился на жалование к большевикам, кто бедствует, кто в революционной армии, а кто грабит и ворует.

Крестьянство сидит и, кто похитрее, торгует (мешочники).

О буржуе, офицере, о дворянах не говорю, их травят и убивают и сажают по тюрьмам.

Ждет ли весь этот люд лучшего от большевиков? Вероятно, ждали. Ждут ли теперь? Какими средствами и каким применением средств выйти на нормальную дорогу? <…>

9-XII-18

Средства эти все в распоряжении людей, т. е. русских и союзников. Их надо разумно применить, по плану, здравому в его основаниях, соответственно, действительно и тщательно разработанному.

Прежде всего, надо объединение всей борьбы человеком с обширными полномочиями, кругом деятельности, с подчинением ему всех тех, кто борется против современного положения в Великороссии.

Во-вторых, материальные средства: деньги, оружие, войско, свое и иноземное, но последнее не для борьбы с русскими, а для особых целей; технические средства.

В третьих, духовные средства – пропаганда, политика. Последняя должна опираться на создание единой и цельной России, и в этом направлении она должна вестись всеми союзниками. Если союзники искренно сознают необходимость создания государства в России, они должны временно по отношению русских дел: отказаться от себя и предоставить это русским и прежде всего одному во главе. Естественно, это будет диктатор с безграничными полномочиями. И ему необходимо предоставить полную свободу в применении средств. Но прежде всего необходимо определить и слить те средства борьбы, которые существуют. Многое, вероятно, делается в России, но все это не объединено и без руководства.

Все сознают, что анархия бесконечно длиться не может, что она в самой себе несет зародыш своего конца, но когда конец этот подойдет, мы не знаем.

Что будет за этим; может быть, будет еще хуже.

Бесспорно, реакция должна наступить. И все это знают, но все по крайней мере западные друзья наши, почему-то опасаются возвращения царизма. Но что такое царизм и в чем эта опасность, отчета себе не отдают.

Боятся монархии! Но я думаю, люди, действительно любящие Россию и думающие о ее будущем, еще больше опасаются посредством анархии возвратиться к монархии.

Если бы встал Петр Великий, то туда сюда; но и он без средств, без сил поставил бы принцип монархии в самое ужасное и фатальное положение.

Монарх явится, когда голос народа его призовет, когда путь к этому будет подготовлен, а подготовить его должен не монарх, а то же произведение революции, но с другого конца – диктатура. Возможно, не единоличная, а коллективная, в лице Совета,

Директории, назовите, как хотите. И не на один год, а на годы. Возможно, сначала коллективная диктатура, затем личная и, когда Россия будет способная и в силах произнести здраво и государственно свое слово, тогда будет то, что должно быть. И я считаю, что должен быть царь, и не только царь, а царь батюшка.

Очистить Россию от грязи и подлых людей должны другие люди, и не дело царя заниматься грязной работой. Но это в дальнейшем, а теперь нужен человек, средства, оружие, необходимое создание своей силы, проявление этой силы, поддерживаемой лишь союзниками, но не вмешивающейся в наши дела. И чтобы действовать, надо знать, надо влиять, надо направлять.

Это работа сложная – она характера полководческого и вдумчивого дипломата. Но если он лишен будет средств осведомления, средств влияния, средств материальной и военной помощи и политического содействия союзников, он будет поставлен в невозможное положение. <…>

10-XII-18

Общее внимание сосредотачивается на явлениях, происходящих в Берлине до полудня или вечера воскресенья 8-го декабря. Директория 6-ти с Эбертом во главе в выжидательном положении; ее средства не собраны еще, но усиливаются. Армия в большей части на ее стороне. Для успокоения масс говорится о социализации и демократизации. Распоряжение банком в их руках, в их распоряжении 10 тысяч солдат, часть гвардии и сосредотачиваемое к Потсдаму войско, по-видимому, поддерживающее правление, т. е. 6 комиссаров.

Спартак-Либкнехт с остальными перешел к более активным действиям. Представляя власть пролетариата, он опирается на дезертиров, низшие слои населения и рабочих, призываемых к общей стачке. Синдикаты рабочих еще не перешли на сторону Спартака.

На востоке королевская партия с Генрихом Прусским{340}, засевшим в Торне. Какова их сила, средства и значение – не известно. Курт Эйзнер{341} в Баварии идет, по-видимому, по нисходящей. Проекты разделения будущей Германии на отдельные республики продолжают развиваться на столбцах газет. Большая часть армии здорова. Проявление большевизма яснее в восточной части Пруссии, но навряд ли это имеет значение и объясняется близостью к России и разнородностью населения.

В состоянии ли будет армия удержаться с Советами на уровне благоустроенной армии, предвидеть нельзя. Если войсковые части понемногу от этого отряхнутся, порядок и спокойствие в стране от этого выиграют. Главная квартира и Гинденбург в Касселе. Его пригласили в Берлин, но нет подтверждения, что переезд совершился. Не думаю, чтобы партия Спартак с дезертирами и элементами населения около него, выступив, могли бы остановиться. Le vin est tiré, il faut le boire.[102] <…>

Вот уже месяц, как думаю о том, что в будущем, при частичном или полном осуществлении принципов Вильсона, представят собой вооруженные силы стран и вооруженные силы России в частности.

Сегодня газеты принесли краткое сведение, что в своих выборных речах Ллойд Джордж заявил, что воинская повинность должна быть уничтожена. Очень быстро решает он все эти вопросы. Я тоже полагал, что большинство современных внутренних явлений имеют корнем общеобязательную воинскую повинность.

Вооруженный народ не может способствовать, в силу даже своего существования, тем мирным стремлениям, которые за эту войну проникли во все сферы правительственной и народной жизни. Но я отмечаю это как проблему будущей жизни и не склонен к тем скороспелым решениям, которые заявлены Ллойд Джорджем.

И фон дер Гольц{342} в своем Volk in Waffe[103] коснулся этого вопроса, по крайней мере с точки зрения тактики. <…>

11-XII-18

В Берлине внешнее спокойствие и рабочие работают. Гвардия и сосредоточенные у Потсдама войска торжественно вошли в Берлин, офицеры присягнули республике. Либкнехт и Роза Люксембург{343} были арестованы и выпущены. По общим признакам, опасность в слабости Эберта и совете комиссаров, в борьбе с Спартаком и красными, т. е. дезертирами и чернью. Очевидно, разговорами установить прочный порядок и власть, когда за последнюю борются представители улицы, нельзя. Необходимы решения. Не будет последних, будет то же, что у нас, с оттенками, присущими немцам. Наши усиленно помогают деньгами. Громадные суммы сосредоточены в Копенгагене, Шеерман 65 млн. рублей, в Нарвике и Ставангере. Большевика Кюнце выставили из Берлина, но он оставил 2 млн. руб. Спартаку. Ожидают Радека{344} и Бухарина{345}. Если бы крестьянская масса знала, на что раскидывается ее состояние, она, вероятно, заворчала бы.

Маклакова видел 9-XII-18, имел с ним часовую беседу. Он считает, что представителя России не может быть, ибо нет правительства. Он мне прочел свои 4 пункта. Согласиться с ними можно. Я указал, что Россия не покорна и ей платить не подобает. Если силой возьмут – другое дело, но согласия на это быть не может.

Вообще вопросы военные – подсобные. Подготовляя военные вопросы, надо знать основные решения или мысли. Военные вопросы конкретного характера. Он просил меня обратиться к Штрандману{346}, который ведет дело. Сегодня буду у него и узнаю, а затем соберу тех военных и морских чинов, кои были намечены в письме.

Материалов нет. Можно ли достать из России? Я думаю, нет. Но людей достать надо, знающих историческое развитие наших владений со времен Михаила Федоровича и раньше. Всероссийскую перепись достать надо, чтобы определить этнографический состав. Если достать нельзя русскую перепись, то можно достать в Лондоне, более богатом статистическими данными, чем Париж. Маклаков полагает, что надо влияние, и для этого собрал людей компетентных. Ожидается Коковцев, хочет вызвать Чайковского. Зачем ему нужен этот последний, не знаю. Он его товарищ по университету – но ведь это не основание.

Я в совещание (Извольский, Коновалов, Гирс, Маклаков, Набоков, Коковцев, Чайковский) не войду, и слава Богу. Лучше

займусь военными вопросами, хотя большего толка от этого не будет. Будем делать, что окажется по силам. <…>

18-XII-18

Торжественные приемы, речи, обеды по случаю приезда президента Вильсона закончились. Население не только радушно, но восторженно встретило и приветствовало его. Завтра приезжает итальянский король, что будет – 4-ое торжество. Бедные Пуанкаре и Клемансо, как они устали от всего этого. Да, победителем быть нелегко!

Я очень занят делами по комиссии, которая состоит при политическом совещании нашего посольства. Совещание предложило мне председательство в этой комиссии для подготовки тех вопросов, которые могут возбудиться на конференции. У нас было два заседания. В состав комиссии входят генерал Занкевич, Игнатьев, адмирал Погуляев и капитан Дмитриев{347}. Пока нет делопроизводителя и я исполняю эти обязанности. Занкевичу поручено было представить вместе с Дмитриевым военные соображения по Финляндии и Прибалтийским губерниям. Я взялся составить по ним общие соображения с военно-государственной точки зрения и военные соображения, касающиеся Литвы. Два протокола составлены. Занкевич и Дмитриев в понедельник доставили свое, я о Литве, но все это тормозится перепечаткою.

Что такое политическое совещание? И кто туда входит, не знаю. О чем говорят и зачем – не знаю. Из разговора с Маклаковым явствует, что оно подготовляется защищать здесь интересы России.

Точно знаю, что туда входят: Маклаков, Гирс, Коновалов, Извольский и другие.

Распоряжается как будто Маклаков. Почему он, а не другой, это лучше ему знать. Есть у них секции – политическая, эконом-финансовая, и наконец, наша, военная.

Что касается последней, то я, ее председатель, буду вести ее, как понимаю, затем все будет внесено в протоколы, дабы наши работы не уклонились бы в сторону и чтобы нам не могли бы сказать, что мы делаем что-то по нашему усмотрению. Материалов у нас нет, карт нужных нет. Остается прошлая работа и то, что ею приобретено. Сотрудники молодые. Хотят вызвать из России, но не знаю зачем. Не думаю, чтобы политическое совещание и, в особенности, Маклаков вызывал бы меня для разъяснений и советов по военной части. Пока вызываются, даже во время заседаний, Дмитриев и Игнатьев. Это близкие знакомые.

3-е заседание в пятницу. Мною приготовлена большая записка общего характера о Литве, а затем перейду к Кавказу.

Сегодня в «Matin» очень интересная статейка Горького о понимании сибирского крестьянства всего вокруг него происходящего. Она по тону и колориту верна и характерна. Там же показано, что погибший за войну тоннаж (от субмарин) 15 055 786 тонн; Англия потеряла 9 031 828 тонн. Вновь построено – 10 849 527. Мировой тоннаж до войны уменьшился на 1 811 584 тонн.

Сербы потеряли убитыми и умершими 322 000 офицеров и солдат. Немецкие солдаты продают точно так же, как и наши, казенные вещи и запасы и выручают хорошие деньги.

Немецкие дела неопределенны, но положение Совета комиссаров как будто прочно. Их поддерживают войска, прибывшие с фронта.

Газеты сообщают об эвакуации Петрограда и переходе в Нижний Новгород правительства, но какого – Петроградского или Московского? В 1917 и 1918 годах, вначале господа правители боялись немцев, теперь опасаются союзников. Господа Зиновьевы и Каменевы (псевдонимы) не боятся только русских, ибо по прошлогоднему выражению Залкинда cette canaille[104] не хочет драться.

Социалисты Fèderation, как страус, уткнувши голову в песок, кричат о революции и делают все, чтобы внести в армию раздор и возбудить массы против правительства. Но в душе ни Кашен, ни Ренодель, ни Лонге{348}, ни Мистралет этого не желают.

Им для личных их целей трудно сойти с этого пути. Таким образом, не удивительно, если и здесь вспыхнет то, что вспыхивает повсюду. Здесь обеспокоены и все надежды на твердость Клемансо.

Но года, неумолимые года тяготеют и над этим batailleur[105]. Предварительное установление мирных пунктов, устройство Европы и Азии начнется не раньше первой половины января 1919 года. Эта часть работы, в которой примет участие и Вильсон, вероятно, а по-моему наверно, будет секретная. Социалисты будут орать, но все благоразумное согласится, что иначе и быть не может. В этом ареопаге судьба России будет решаться без России.

Мое соприкосновение с русскими дипломатами ограничено некоторым обменом мнений в лице Маклакова, Гирса и Мандельштама. Настроение и взгляды Извольского не знаю. Мой разговор с ним был личного свойства, и он был болен и раздражен. Но оставшееся впечатление то, что смотрят, что Россия должна лишиться многого, но в то же время не отдают себе отчета цены тех отчуждений и прав на такое отчуждение.

Положение внутреннее не отделяется от внешнего, а

последнее оценивается трагично. Это только впечатление, и мимолетное.

22-XII-18

В церкви встретил Д.И. Гурко{349}. Он приехал с делегацией шести из России, через Константинополь. Это представители всех политических корпоративов и социальных организаций. Группа объединения представлена им и Шебекой{350}; центра – князь Львов{351} и Милюков{352}; возрождение – Титов{353} и, кажется, Кровопусков{354}. В 4 часа дня в посольстве они сделали краткое сообщение.

После собрания в Киеве, которое было многочисленно – 16 человек, поехали в Яссы, на приглашение союзных чешских представителей, оттуда в Константинополь, а из последнего шестеро отправились в Рим, Париж, Лондон. Они должны были представить положение России и просить союзников безотлагательно помочь занятием важнейших пунктов и узлов иностранной силой, дабы помочь нашим существующим группам вести борьбу с большевиками. Эти группы следующие: Деникин на Севере Кавказа, борющийся с Астраханской большевистской группой, занявшей Владикавказ и Кисловодск; в южной части Воронежской губернии – группа в 8–12 тыс., которая должна была быть под начальством генерала Иванова; Краснов с казаками и пешими частями в 40 тыс. и, наконец, сибирские войска. В Малороссии большой контингент офицеров и нижних чинов. Силы большевиков, по большевистским источникам, 1 млн. 200 тыс., но это рты. Против большевиков около 40–50 тыс. в Астрахани и [на] Кавказе, несколько тысяч к стороне Пскова; вероятно, около 12 тыс. у Петрограда. Неизвестно, что на востоке и юге, но в общем комбатантов около 200–250 тыс.

Войска Красной армии будто сплотились, и дисциплина, говорят, железная, поддерживается необыкновенными жестокостями. Латыши и китайцы – блюстители дисциплины. Это массовые жандармы. Полк, не желавший идти против Казани, – весь был расстрелян до последнего человека.

Это приказание, по-видимому, Троцкого, и по справедливому выражению Гурко – случай небывалый в истории.

По словам Титова, народ Севера и Центра совершенно придавлены жесточайшими экзекуциями, которыми на нет сравниваются деревни и убиваются жители. Голод доканчивает остальное.

Питаются обильно большевики и служащие им, и стоимость красноармейца с жалованием доходит до 2000 рублей в месяц.

При 1 млн. 200 тыс. в год это около 25 миллиардов в год.

Порядок есть – железные дороги, станции вычищены, но

поездов нет. Сплошная могила. Украина, или Малороссия, живет.

Порядок поддерживался немцами, они же брали все, что могли, прибегая к жесточайшим репрессиям. Гетман, поддерживаемый немецкими штыками, и немцы не позволяли ему создание своей силы. Теперь, когда немецкие войска разложились и гетман остался не при чем, этим воспользовался Петлюра{355} и Винниченко – их самостийной программой, в сущности большевистской, ибо она вся основана на обещаниях крестьянам земли, принадлежащей помещикам. Не хорошо и тяжело на Руси. Разбойный разгул идет. Жадные взоры, разорив север и центр, обращены на юг – в этом продолжение их существования и власти.

Разные группы теперь о форме правления не говорят. Необходимо уничтожить, что поддерживает зло. Но делегаты как будто высказались, что союзников просят не для борьбы, а для помощи. Союзные войска должны составить обеспечение того тыла, на который должны опираться наши силы. Разные группы, именующие себя правительственными, как будто сговорились. Главная опасность движения большевиков на Украину и в поднятии там такой же кутерьмы, как в средней России и на севере. Вероятно, делегаты сговорились с Деникиным и представят не только пожелания, но и конкретные данные о нуждах и о намерениях.

Они должны быть по пути в Лондон или в Лондоне. По сегодняшним газетным сведениям, Милюков включен в число indésirables[106] и должен покинуть Париж. Не поклонник я его, но думаю, что если бы он был бы не русский, так с ним не поступили бы. У всякого человека могут быть заблуждения, но его вины не доказаны, да и преступления этого сорта не судят. Можно заявить, что с ним мы говорить не будем, это право французов, но высылать из пределов Франции как преступников, права нет. В России он действовал как частный человек. То, что он сделал, может быть не умно, как многое, что он наговорил, но, будучи министром иностранных дел, он крепко стоял за единение с Антантой. Будь Милюков китаец, с ним так не поступили бы. И куда он теперь поедет, я думаю, в Англию, ибо полагаю, что Англия, которая приняла Литвинова{356}, не имеет нравственных побуждений отказывать Милюкову.

Оскорбительно оно, и не только для обширной его партии, но и для русских вообще. Но делегации придется это скушать. Общие интересы выше обидного приговора не знаю кого – союзников или только французов. А кроме того, избавиться от него можно было и другим, не оскорбительным, способом.

Милюков, по моим понятиям, человек ученый и начитанный,

но не умный. Ему не следовало приезжать сюда, если он запутался раньше в германскую ориентацию.

Крайние правые обвиняли его в подкупленности Финляндией. Это такое тяжкое обвинение, что, не имея в руках доказательство, нечестно его и повторять. Сколько грязи кругом.

Вчера приехал В.Н. Коковцев{357}. Надеюсь увидеть его и поговорить с ним. Говорят, что сюда приезжают Щербачев и Головин.

Работы нашей комиссии идут: я написал несколько докладов, два обзора составил Занкевич, граф Игнатьев работает над этнографической границей Польши. В субботу предложу вопросы Черного и Балтийских морей передать морякам, с привлечением обоих Игнатьевых и 1 или 2-х дипломатов. Этим закончится цикл работ по нашей западной границе и Закавказье с Черным и Белым морями и, вероятно, придется подготовить ряд частных вопросов. Эти последние, требующие материалов, каковых нет, решить будет труднее. Что касается деятельности политического совещания, то оно нам неизвестно.

25-XII-18

Примерно месяц тому назад распространился слух, что значительные силы союзников будут двинуты в Россию и генерал Манжен примет над ними начальство. Назначение этих войск, цель этой экспедиции и, наконец, направление их действий были не ясны. На Балканах находились войска Франше д'Эспере, и туда же направлялся генерал Бертело.

Одновременно в Англии и Франции шла борьба за скорейшую демобилизацию. Не знаю, как в Англии, но во Франции она получила характер компании против правительства и как средство сеять в армии недоверие к нему.

Союзные солдаты должны считать себя победителями, но это не то чувство, которое подымается в душе, когда после ряда усилий противник разбит, сдался и покорился. <…>

Поэтому к демобилизации надо подходить с большой осторожностью. Англия и Америка в иных условиях, они могут исполнить это быстро ибо непосредственной опасности у них нет. Франция находится в иных условиях.

Очень сложны условия мира для Австрии как участницы в révendications[107] Антанты. Если создание новых государств в бывшей Австрии поведет к ожесточенным распрям между ними, а не к миру, то устроение современных государственных людей, разрушивших Австрию для дела мира, окажется не благим делом, а легкомысленным преступлением. Повсюду понадобятся войска и возвещенная посылка 300 тыс. под начальством Манжена станет неосуществимой.

Всякое проявление, которое может клониться к установлению в Германии власти и порядка, встречается и комментируется здесь неодобрительно.

Но для Европы вообще выгоднее, чтобы Германия не разложилась бы и чтобы крайние течения не взяли бы верх. Если пример России не подействовал отрезвляюще, то еще не известно, как отразится на массы недовольных Англии и Франции широкое распространение начал большевизма в Германии, где формы будут, вероятно, не столь отвратительные, как у нас. Положение союзников выгодное. Нейтральные государства слабые и сами придут на поклон – побежденные в полном распаде и расстройстве. Как они выйдут из этого положения? Мудро или руководствуясь временным хотением, не считаясь с будущей жизнью и базируясь на временные выгоды и на закреплении своего политического господства. Диктовать свою волю союзники могут свободно. О Лиге народов, вероятно, говорить будут потом.

Но я отвлекаюсь от основной моей мысли, касающейся Германии. Насколько решение о России важно для будущего, настолько положение, которое создастся в Германии, важно для настоящего. Мы, военные, не можем отделаться от мысли о военном могуществе Германии. Она очень много потеряла, она потеряет еще больше при мире. Ее флот подрезан в корне, но ее сухопутная сила еще жива, хотя ослаблена. Если она установит порядок и власть теперь, чему по практическим соображениям будут мешать со всех сторон, то она удержит свое положение и на мирных договорах лица не потеряет. Союзники с каждым днем делаются не сильнее. И это знают, но многое не в их воле, ибо их много и возможность соглашения верхов может встретить разногласие в низах.

Поэтому с миром надо поторопиться, но этому препятствует сложность вопросов, требующих изучения и обсуждения.

Хотя Германия потеряла много в своей материальной части, но в стране осталось достаточно военного материала. Подняться, я думаю, Германия не поднимется, но и союзники не поднимутся. В частности, я задал бы вопрос: Франция, исполнив демобилизацию в самых широких размерах, в состоянии ли будет, если это понадобится, вновь призвать людей, лошадей и заставить свои заводы работать для войны. Я думаю, нет, и то же самое относится до Англии. А захочет ли Америка выступить снова – это большая загадка.

Поэтому следовать требованиям социалистической печати – демобилизовать немедленно армию, подобно тому, как это делает Англия, Франция не может. Мне кажется, что поступая так и удовлетворяя этим свое общественное мнение, Английское правительство поступает с Францией не по-дружески.

Большевики идут в Эстляндию, Лифляндию и подбираются к Литве. Сомневаюсь, чтобы к этому шагу их толкали государственные соображения русского свойства. Разбойничьи шайки идут на грабеж, и что может, бежит от них на запад. Несчастное население. И делается это под русским флагом и русскими людьми, которые идут на это под стражею латышей и китайцев. Попозже бросятся на Украину-Малороссию; и вновь застонет русская земля.

26-XII-18

Вильсон под Лангром произнес американским войскам свою Рождественскую речь. Между союзниками полное согласие aucune différence de vues quand aux principes et aux bûtes[108] с началами, ими высказанными и для осуществления коих Соединенные Штаты прислали во Францию свои войска. К Америке Франция относится с уважением и любовью, заслуженной американской армией со стороны французской.

Он им сказал: «Мы не настаиваем на наших целях, ради которых Соединенные Штаты вступили в войну, я не осмелюсь более никогда посмотреть в лицо бравым солдатам по другую сторону океана».

А Рузвельт заявляет, что ни один солдат Америки не слыхал о 14 пунктах Вильсона. Сегодня Вильсон в Лондоне и, по-видимому, деловые обсуждения должны будут иметь решающий характер. Там же и наша делегация. Кто из состава ее будет первой скрипкой?

В «Temps» 26-XII-18 помещено длинное объяснение Милюкова, из которого явствует, что все, что писалось о его склонении к немцам – ложь. Разубедит ли это французов, но социалистические газеты воспользуются этим, чтобы уколоть Пишона. И я вполне присоединюсь к ним. Не ясна и туманна его политика, и с таким руководителем Франция наделает лишь ошибок во вред самой себе и другим.

27-XII-18

В официальной «Journal des Debats» публицист Огюст Говен{358} откровенно выразил настроение значительной части французов и, надо думать, официальной Франции к России и русским:

«Если союзники в настоящий момент дают задний ход, то вина за это частично лежит на русских эмигрантах на Западе. Кажется, они мало что поняли. Большинство из них выступают за продолжение войны. Они громко заявляют о том, что не считают себя побежденными и что Россия должна восстановить, за одним или двумя исключениями, свою целостность.

Подобно Победоносцеву{359}, они говорят об инородцах. Они не понимают, что русский царизм как система, независимо ни от чего, потерпела крах в Европе и что мы не сможем им помочь ее восстановить под другой этикеткой. Такова правда: России потребуется более века, чтобы ассимилировать, абсорбировать или же просто снискать доверие населения страны, завоеванное в Европе царями.

Самое трудное, что может быть для бывших царских министров или империалистов типа Милюкова, это подвести итог краха, итог уже подведен, это люди, которые хотят вернуть себе то, что им принадлежало. Если русские сегодня протестуют, выкрикивая: «Это наша страна, не трогайте ее!», то тем самым они обескураживают людей союзных стран, стремящихся освободить их страну от большевизма».

В этой статье в официальной газете, значит, продиктованной с Кэ д'Орсе{360}, ясно одно – integrité[109] России для официального французского мира не имеет никакого значения.

Официальный мир становится по отношению к своей союзнице не только на точку зрения Германии времен Брест-Литовского договора, но идет дальше. Как-то все это ни в моральном, ни в государственном смысле не вяжется с чувством элементарной порядочности взаимных отношений союзных государств. Союз совсем не обусловлен условием, чтобы все члены его побеждали. Россия не побеждена, но покорена. Брест-Литовский договор не есть показатель, что Россия побеждена; по Брест-Литовскому договору она побеждена. Но он аннулирован условием перемирия. Немецкая победа с нас снята. Теперь в дальнейшем должна проявиться международная победа над Россией, победа над нею ее друзей.

Наш союзник желает избавить нас от большевизма. Это трогательно. Но я уверен, что самое представление о

большевизме, как понятие социальное, у нас испарится, ибо оно к нам не подходит. Поэтому оно и приняло столь безобразные формы. От этой власти население России в конце концов избавится. Буду рад за Францию, если большевизм до нее не коснется, но опасность для нее не меньшая, чем для нас. <…>

Россия никогда не воевала ни с Финляндией, ни с эстонцами, ни с латышами. С Литвой она воевала, когда те занимали русские земли. И с Грузией, и Арменией, и татарским населением она тоже не воевала.

Она воевала с разбойными племенами Кавказа, Бухары и Хивы, но не с сартами{361}, которых освободила, как освободила эстонцев, латышей и дала Финляндии и остальным то материальное благополучие и обеспеченную жизнь, которыми они все пользовались до их отложения. А Россия виновата перед русскими, а не перед своими иноземными народами.

28-XII-18

Сегодня я завтракал у графини А. Коковцевой{362}. Она очень изменилась, очень похудела. И граф сильно похудел и поседел. В ноябре им пришлось бежать. От недостатка они не страдали, но стоило это громадных денег. Квартира их цела.

Граф смотрит на будущее мрачно. Все интеллигентное уничтожается, все разоряется, все подавлено. Если Петроград и Москва не будут вырваны из рук теперешних правителей, то борьба [пропуск в тексте]…

Но, с другой стороны, – это было сказано очень искренно, признал, что если союзники будут стоять на той почве, на которой они стоят, и если от нас будут отрывать то, что нам принадлежит, то интеллигенты пойдут с большевиками защищать свое. Это был крик из сердца. И я готов в мои 65 лет делать, что в моих силах. Тяжело было видеть В.Н. в таком состоянии безнадежности о судьбе России. Вероятно, издали это не так кажется. Но бороться надо.

14-I-19

Что принесет нам новый год? Увенчаются ли успехом усилия тех, кто стал против большевиков; сумеют и смогут ли они дать стране условия хотя сколько-нибудь сносной жизни или их усилия и действия увеличат разорение, ослабят значение России среди других народов. La question russe[110] так усложнился, что человеческому уму в современных условиях жизни мира невозможно дать предсказание об его исходе.

Революция, подготовляемая вне и внутри России недовольными элементами, вспыхнула, когда 9 млн. призванных от населения томились кто на фронте, кто в тылу. Почти три года тяжелой жизни, подчас смертельной опасности, жизнь в лишениях и в беспорядке сгладили смысл войны. Большая часть этой распропагандированной массы желала прекращения войны и возвращения домой. Были офицеры, но офицерского состава не было.

Лучшее пало или было исключено. На почве беспорядка вспыхнула революция. Существовавшая власть ушла, появилась новая, но одновременно рядом с нею стала другая, власть случайных людей в виде совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде, а затем в виде Советов и в стране. <…>

Под флагом социализма в России совершалась социальная переделка. Но Россия с ее многочисленным, безграмотным населением не была поклонницей социализма. К идеям социализма приобщались и им увлекалась молодежь, в особенности из числа не желающих учиться, выключенных из учебных заведений, а потому озлобленных. Они схватывали некоторые внешние формулы этого учения и не вникали в его существо и для них социализм имел лишь практический смысл, возможность пристроиться и жить на счет разных организаций. Будет лучше, но как дойти до этого лучшего и почему будет лучше, в это не входили; как равно не входили, почему не хорошо и где этому причина. Жажда к достижению без труда более обеспеченной жизни толкала их на этот путь, но были и идейные фанатики.

Неудивительно, что, когда была объявлена революция и выкинуты были различные социальные вывески, все население России, а главная ее масса – безграмотная Россия, стала именовать себя социалистами разных толков.

И наши солдатики присвоили себе кличку социалистов. И здесь многие незнакомые и не имевшие возможности разбираться в этом явлении этому не удивились, и всех наших социалистов

признали за заправских социалистов. Для России не важно, как именует себя люди; какими были, такими и остались, но заграница судит по ярлыку, видя за ним содержание; чем же она виновата, что под ярлыком пустое место, а она думает, что это социалист, т. е. понятие, которое ей что-то говорит.

Что же представляет наша многострадальная Россия? Наверху Советы с комиссарами. Советы руководствуются звериным инстинктом, ибо ни для них, ни для их единомышленников законов нет, а есть грубое и развращенное хотение. Держатся наемной силой, как орудие террора, и тщательным наблюдением комиссаров и шпионов. Система простая. Крестьянство разбросано и разъединено. Оно живет интересами своей деревни и – много – волости. Что такое город по составу населения, в особенности уездный, это нам известно. Часть покорилась, другая озорничает. Масса же грубая и невежественная.

Захват помещичьих земель в средней России дал крестьянам очень мало и, главное, неравномерно. Что отнято, не обеспечено, ибо одна деревня получила что-то, другая ничего.

Практический мужик увидел, что посулы были преувеличенные. Жизнь крестьянская стала небезопасной и тяжелой, ибо ничего такого, что ему нужно, у него нет. Приехавшие из России указывают на ненависть крестьянских масс к большевистскому правлению. Возможно, но выразить это он бессилен. В районе Петрограда и, вероятно, Москвы и губернских городов – Советы занимаются экзекуциями и реквизициями с целью извлечения из деревни хлеба, скота, дров и т. п. Население препятствует этому с оружием в руках. Борьба не ровная. Она усилит ненависть, мужик не в состоянии будет организовать правильное сопротивление. И такое состояние может длиться долго. Отдельные вспышки бессмысленны и стоят потоков крови и без того ослабленного населения. Считаю большевистское правление безвластным; оно держится, потому что оно на месте и около шайка наемных вооруженных людей. Красная армия сильная для экзекуции и грабежа, как вооруженная сила свое военное достоинство не высказала. Служат из-за страха, из-за куска хлеба.

Здание шаткое, но оно держится, ибо нет разумных попыток его опрокинуть. Большевикам противостоят – Сибирь с чехословаками, Краснов с донцами, Деникин в Екатеринодаре и что-то разрозненное в Малороссии. Между ними разбойничьи банды. Как будто в лице адмирала Колчака произошло объединение.

Я упустил сказать об Архангельском районе, где против большевиков стоят немногочисленные силы союзников и какие-то

русские части. Там же правление Чайковского, как пишут здешние газеты, с муниципалитетом и земствами. Это в Архангельской губернии, где нет материала ни для первого, ни, в особенности, для земства.

К оздоровлению России надо идти своими путями и не по указаниям заграницы, для которой наши обыденные явления рисуются по их понятиям и потому не соответствуют действительности. Они боятся восстановления монархии, как будто им придется жить под этим началом. Они совершенно не хотят допустить, что в России есть русские любящие и живущие ради России. У них есть царисты и не царисты – но что это такое? Царистов в России не было, а был царь, чиновники, воинство, тонкий слой разных профессий и толстейший слой мужиков крестьян. <…>

Смогут ли те, которые стали в Сибири и на юге России, закончить эту задачу, никто предсказать не может.

Если они только будут захватывать территорию, не устраивая то, что ими занято, они подвергнут себя и дело большому риску. Очень трудна их задача, еще сложнее их работа, ибо, опираясь в удовлетворении своих нужд на союзников, они будут находиться под влиянием последних, у которых свои цели, которые могут разойтись с целью воссоздания сильной и нераздельной России. Север в начальной стадии своего развития: территория велика и пустынна, а силы ничтожны.

11-II-19

Больше месяца, что не мог занести строки о моих впечатлениях, с выводами о значении тех и других событий. Открылся Конгресс мира; продолжено несколько раз перемирие, временами бурно протекала германская революция. В Веймаре собралось народное собрание, а в Берне – кривобокий интернационал{363} без американцев и бельгийцев. Последовало приглашение русских на Принцевы острова{364}, разразились стачки и беспорядки в Шотландии, Ирландии и Англии.

13-го декабря начались работы по вопросам, которые могут быть подняты на мирной конференции. Адмирал Погуляев, генералы Занкевич, граф Игнатьев, капитаны Дмитриев и Яковлев{365} входят в состав комиссии, которой состою председателем. По-моему, никакой комиссии для предстоящих работ не надо было, но без комиссии мы работать не умеем. Если бы при выборе спросили меня, я, вероятно, никого, кроме Дмитриева, не взял бы. Но меня не спросили, и приходится справляться с тем, что есть. Обстановка работы странная и тяжелая, политическое совещание прислало несколько строк о том, что Россию надо рассматривать без Польши, но с допуском автономности и федеративности остальных областей.

Она хочет получить разработанные данные, доказывающие недопустимость расчленения России как с точки зрения выгод ее самой и входящих в ее состав народностей.

От военно-морской комиссии политические делегаты желают получить ее соображения сначала в общих чертах, а затем в ряде записок по следующим вопросам:

1) Стратегические соображения, заставляющие Россию противиться полному отделению Финляндии, Эстляндии, Лифляндии, Курляндии и Литвы.

2) О границе с Польшей.

3) Об Украине, с рассмотрением вопроса о Галиции.

4) О Бессарабии, не исключая ее румынской части.

5) О Черном Море и Проливах.

6) О Кавказе.

7) О среднем востоке.

8) О дальнем Востоке.

9) О значении и ценности эвентуально утрачиваемых Россией военных сооружений (портов, крепостей, железных дорог, водных путей и проч.).

Девять этих пунктов заключают в себя целую программу. Других указаний или пожеланий политическое Совещание не

дало. В начале ей нужно, чтобы комиссия высказалась бы в самых общих чертах, но о чем в общих чертах надо было высказаться, не указали. Потом уже оказалось, что в общих чертах мнение военно-морской комиссии о Финляндии, Прибалтийских губерний и Литвы нужны для меморандума о Лиге народов А.И. Мандельштама.

Я посмотрел иначе и решил, что совещанию, как составленному из штатских людей, никогда не занимавшихся военно-государственными вопросами, нужно дать правильное понятие о значении нашей пограничной полосы, о ценности ее для России. Я утвердился в этом тем более, что кругом русские люди потеряли всякое понятие о ценности для России всего и легко мирились, понятно, не все, со всякими отторжениями, которые выставлялись чужими и своими, в особенности, поляками да прочими.

Мною составлены были 4 записки о западной пограничной полосе и Закавказье и 5-ая, в добавок к ним – о значении Русской Польши. Они были дополнены записками Занкевича и капитана I ранга Дмитриева.

Записку о Польше я отчасти составил потому, что даже генерал Занкевич нашел возможным в своих окончательных выводах выразиться, что отход от нас Польши – не беда. <…>

Военно-морское значение нашей западной пограничной полосы нашим государственным людям известно лишь в общих чертах. Они, к сожалению, мало сведущие и потому не могут оценить ценность того, что добыто вековыми усилиями поколений не по прихоти или по империалистическим, как говорят, стремлениям, а в силу необходимости и нужды государственной и народной жизни.

В ряде докладов вопрос этот был освещен мною насколько сумел кратко и ясно. Но для конгресса мира и тех вопросов, которые там будут трактоваться, не военные соображения нужны. Так как Россию собираются не усиливать, а ослаблять, то необходимо выписать данные этнографические, исторические, географические и экономические, что такие-то земли русские, а не инородные. Ведь инородное население будет доказывать обратное и к борьбе с ними надо приготовиться. А.Н. Мандельштам увлечен заявлениями Вильсона, положил в основание своих трудов мысли последнего и за неимением здесь русских статистических данных обратился к польской статистике. По последней Белоруссия и Малороссия не польские, а русские земли, хотя поляки уверяют обратное. Его труд предназначен для большой публики. Он имеет свои достоинства и недостатки, но для конгресса мира нужны положительные данные.

Получить их очень трудно, и в настоящее время мы не владеем ими, но ищем. Вообще, что касается материалов и документов, то их нет и время уходит на их розыски.

Мы не знаем также претензии поляков, латышей, литовцев и эстонцев, закавказского населения, а равно Мало и Белоруссии, ибо и в последних проявились сепаратистские движения.

7-IV-19

1-го января, а затем 11 февраля я успел внести несколько слов в мою записную тетрадь.

Внешняя жизнь сосредоточилась вокруг конференции мира. Центральной фигурой был Вильсон. Поклонение ему, его авторитету, его высоким намерениям принести мир и правду сделали его божком. Но этому обаянию уже в период октябрьских и ноябрьских дней 1918 года нанесены были жизнью кое-какие штрихи, которые указывали, что в делах конкретных его действия, действия расчетливого, холодного политического дельца. Он прибыл, и как это всегда у французов бывает, восторгам не было конца. Но ненадолго. Первым ударом общественного мнения было приглашение на Principo[111], а затем мелкие разочарования, а затем злословие – и божок возбуждает порицание и неудовольствие. Его речи меня захватывали, но недоумевал перед возможностью проведения их в жизнь.

От разговоров и речей приходится переходить к решениям конкретного характера. 5 месяцев прошло с тех пор.

Ни к одному вопросу конференция и ее корифеи не подошли вплотную, ни одного решения не формулировали полно и ясно. Выработан канцелярский статут Лиги народов, возбуждающий возражение и несогласие. Как будто сошлись люди, которым надлежало бы заняться иным, чем устройством судеб народов.

Без знаний, без любви к человечеству, а как мелкие торгаши, которым личное самолюбие выше всего.

Образ Вильсона, поднятый воображением народов на небывалую высоту, все мерк и мерк, и теперь его имя возбуждает другие чувства. Те, кто желают поиграть его именем для своей пользы, его поддерживают.

Собрались умные люди и в своем роде деловые люди, но с взятой на себя работой как будто им не справиться. Вместо того чтобы переустроить мир, они, судя по началу, пожалуй, расстроят его. Первые шаги оказались для мира неудачными, и, как мы все выберемся от наших благодетелей, мы не знаем, но чувствуем, что подняты такие элементы и силы, которые должны принести народам ущерб, их мирной жизни и вековым трудам. Власть, которая еще 5 месяцев тому назад была в руках решающих, как будто выскальзывает из их рук, и громадный ареопаг, собравшийся, чтобы что-то устроить, по-видимому, бессилен. Сознается ли это ареопагом? Я думаю, что да, и в подобных случаях, чтобы не потерять лицо, они наспех издадут ряд постановлений, но будут ли эти постановления применены и

исполнены?

Вильсон поедет к себе; он уже спешно вызвал свой пароход. Ллойд Джордж поедет к себе, Орландо в Рим. Не знаю, что сделают представители мелких государств. Теперь мы должны ждать постановлений ареопага. Крупнейший вопрос – о Германии и России.

Первая дойная корова, от которой Англия и Франция хотят выдоить все, что возможно, и эта нескрываемая жадность после серии прекрасных слов особенно поразительна.

Не будь этой жадности, с одной, и боязни за будущее, с другой стороны, Франция давно могла бы заключить свой мир с Германией и установить такие отношения с соседкой, которые позволили бы ей жить рядом с ней.

Но хочется и взять, и на веки обессилить своего врага. Возможно ли это? Свою безопасность она думает сохранить созданием большой Польши и Румынии. Создается Польша, но, спрашивается, какая? Теперешняя, уличная, с бродягами во главе, или народная? И как разнородные части Польши, с ее прошлым, с ее государственным легкомыслием, веками засвидетельствованным, в состоянии будет образовать нечто серьезное. Что же, Франция с Нулансом и другими будет руководить незнакомою им жизнью польского народа?

Германия, со своим влиянием на московских большевиков, продолжает Брест-Литовскую политику. Большевики могли бы, укрепив себя, встать против этого расчленения государственных сил России; но их внутренняя политика идет в сторону разрушения государственности вообще, и проводят они свое, а не начала той земли, где они засели.

Теперь, когда прошло несколько месяцев, потуги большевиков становятся яснее. Все, что они предпринимают, имеет своим основанием лишь удовлетворение их интересов зажечь пожары в других местах а не уберечь Россию.

Перед нами несколько недель, в течении коих выяснится, справится ли Венгрия и Германия{366} с последними потугами коммунистов. На военные затеи большевиков смотрю с большим опасением.

Их наступление по всем румбам компаса неумелые; затея, которая должна их ослабить, а население разорить еще более. Для них борьба не государственный акт, а прием для пропаганды, и результаты для них как будто благоприятные, если смотреть на явления последних пяти месяцев с высоты птичьего полета и с точки зрения журналистики. Вся ведь политика, не исключая мировой, ведется на началах последней, и главные деятели, в сущности, журналисты, живущие сегодняшним днем и

сегодняшними ощущениями.

9-IV-19

В конце 1916 года австрийское правительство чувствовало, что силы Австрии уходят. Стремления ее к миру были придавлены военным управлением Германии. Последняя в начале 1917 года, ослабленная своими успехами в России и на Балканах, держалась лишь обаянием этих успехов – физические и моральные силы были уже надломлены. <…>

Германия с Центральными державами, рассчитывавшие на выгоды отдельного мира, в сущности, ничего не выиграли материально, но зато морально опустились на дно. Приемы ими употреблены были столь циничные, что о примирении не могло быть речи.

Отношение главных союзников России: Англии и Дании – не далеко ушли от цинизма Германии. Были ли это ошибки государственных людей или это было преднамеренно, сказать трудно.

Расплывчатые заверения Вильсона не могли помочь России, и она, возглавленная большевиками, катилась вниз по пути разорения и государственного своего распада.

Европе она стала пока не нужна, и ее заменила Америка, и старые друзья равнодушно от нее отвернулись, а чтобы ей не встать восстанавливались против нее инородные элементы. Не инородные народы ненавидели Россию, а честолюбивые вожаки, вставшие во главе без всякого приглашения явочным порядком, они-то ненавидели Россию и пользовались ее несчастьем для своих целей. Народ в непонятном ожесточении ничего не чувствовал, все забыл, и только возможность какого-то материального улучшения его прельщала. <…>

Не может быть, что в человеческом сердце и уме была бы одна животная злоба и корысть. Будем откровенны и честны. Русское и нерусское население заслужило переживаемое.

Надо ведь оглядеться кругом, посмотреть на наших интеллигентных людей, оценить их идеалы и стремления, их лень, своеволие, невоспитанность, чтобы прийти к заключению, что с такой интеллигенцией государство в конце концов должно было развалиться.

Террор, как громадное колесо, уничтожает все, что попадает по пути, не делая разбора. Вероятно, лучшее гибнет, худшее остается. И если не будет сделан среди того, что осталось, известный подбор, если не подготовлена будет почва для народной нивы, чтобы хорошие силы народа могли бы получить свое развитие, долго Россия будет томиться в болезненном

состоянии. Не хозяйственно ведут большевики свое дело. Теперь они в восторге от каких-то внешних успехов, которые, однако, не отвечают средствам. У них много умных и бессовестных людей, но нет чувства своего достоинства, опыта и навыка.

Сколько лет Кромвель, не попав в Америку, работал над собой, пробегая верхом окрестности своего поместья? И в этом уединении неудовлетворенного эмигранта выработался великий государственный человек, великий воин и величайший кавалерист. Неужели жидовская и не жидовская плеяда людей, окружающая Ленина, работала над собой для государственного правления и работает для государства?

В периоды мирового катаклизма, переживаемого нами, провидение выдвигает характеры, которые являются орудием для его целей. Что Ленин один из таких? Или это продукт, который, как быстро он расцвел, так быстро и отцветет. Что это, человек или господин в панталонах? Все это определится, но я скажу, Ленин не хозяин, а России нужен хозяин строгий, рачительный, может быть, не Бог знает какого ума, но с сердцем.

И чего Россия может ожидать от Ленина, от всей его системы, когда мысли наших реформаторов направлены к всемирной революции, к интернационалу, к уничтожению государства, к диктатуре пролетариата, не определив даже значения этого последнего.

Они считают, что дело идет. Венгрия объявила советское правительство, Бавария тоже, в Германии еще не определилось, но как будто она тянется туда же.

Но мне кажется, что Ленин ошибается. Все, что происходит вокруг нас, не дело его рук. Поднял бучу Вильсон своими ласковыми словами. Поверили ему, не Ленину, а Ленин лишь орудие. В сущности, кто бросил искру, безразлично – но человечество с его цивилизацией перед большим катаклизмом, и всем придется перенести очень много, много проиграть и, быть может, ничего не выиграть. Вожаки выиграют, разбогатеют и, если не будут убиты, воспользуются плодами своих трудов, а народы впадут в нищету и будут испытывать бедствия.

Против Ленина стоят небольшие группы, не подчиняющиеся большевикам, Колчак, Деникин, Юденич на севере. Их не много – это бывшие офицеры, солдаты и много генералов. Реальная сила у Колчака, положение группы на юге менее прочное, хотя она многочисленнее. Идет борьба, бои. Союзники, как будто поддерживают, но нет согласия, как нет настоящего объединения.

Здесь составилось политическое совещание{367}, но оно имеет какие-то самостоятельные стремления, и хотя говорит, что действует по полномочию Колчака, но откровенно и честно не

говорят, что они орган Колчака и ему подчинены. Деньги дает Колчак, значит, от него отойти нельзя, но чувства единения нет. В состав совещания приехало много служивого и не служивого народа, и все они получают содержание, толкуют и издают какие-то брошюры и воззвания. Несмотря на то что революция имеет за собой 2 года, при удобном и неудобном случае лягают поверженное правительство. И лягают те, кто при царе достигли чинов и положения.

Отвратительная холуйская черта, тем более что ни французы, ни англичане не просят ругать старое правительство. Это из усердия, усердие это холуйское, увы, очень распространенное среди русских чиновных и не чиновных, образованных и необразованных.

Говорят, старый Чайковский не признает Колчака, но в совещании участвует и жалование получает. Бродягой он прибыл в Архангельск, а теперь прибыл сюда – тоже, по-видимому, бродягой. Проживший в изгнании и тюрьме, он теперь на свободе дурит. По отзыву его знающих, он ограниченный, но хороший человек. Что такое хороший человек?

К политическому совещанию присосался ряд комиссий.

Что было в силах, делаем, но никаких вопросов на конференции не возбуждают и, вероятно, наше участие выразится в ворохе бумаг, составленных карт, картограмм, статистических таблицах и получкой содержания. Последнее было кстати, ибо мы все приближаемся к голодному циклу.

Военно-морская комиссия подведомственна теперь генералу Щербачеву и имеет очень мало общего с политическим совещанием. Положение наших солдат очень тяжелое, тягостное и бесправное. Рассчитывал, что Щербачеву удастся поставить их лучше, но увы, эти надежды не осуществляются. Почему? Не хотел бы разбирать это, но думаю, не так взялись за дело. Но люди страдают.

Занимается ли конгресс Россией? Мы слышим о Польше, о Румынии. Нам говорят, что Бессарабия должна отойти к Румынии. Бессарабы не желают этого перехода.

10–1V-19

Франция всегда сочувствовала Польше, и ее заговорщики и эмигранты находили в ней приют и помощь. Неудивительно, что в данную минуту французское правительство поддерживает Польшу.

О России, которая 30 лет поддерживала политическое положение Франции в Европе, государственные люди и не думают. В свое время была Франция, потом Америка, теперь Польша. Ей занимаются, поддерживают, и, если бы не побочные обстоятельства, они готовы расчленить Россию лишь бы угодить Польше. Что это неблагоразумно и даже нехорошо по отношению к своему старому другу в несчастье, об этом никто из государственных деятелей Франции не хочет думать. Мещанское своеволие всегда выше государственной мудрости и предвидения.

Поляки, конечно, этим пользуются. Овации Падеревскому{368} в Палате показывают настроение этого учреждения и самого правительства.

Перед нами еще несколько дней, и главнейшие вопросы, коими обусловлен будет будущий мир, должны выступить. Скрыть их нельзя, и все махинации скрытых сил конференции должны увидеть свет Божий. Русские интересы затерты, и сама Россия стала страной, которая, по мнению прежних друзей, есть государство, подлежащее уничтожению. <…>

Колчак и другие как будто большевикам не очень опасны. Если бы их не было, то Ленин для своей безопасности должен был бы их создать. Создали же Корниловское восстание, которого фактически не было и которое в невинной крови лишь усилило анархию.

От Колчака, однако, будет зависеть создать угрозу правлению большевизма. Сумеет ли он это сделать и обратится ли он в ядро будущей России? На деникинскую организацию я не рассчитываю, ибо никакой организации там нет. Элементы, которые привели к нашему военному распаду, навряд ли способны будут создать заново Россию. Душа России не на юге, а на севере.

Я рассуждаю о России вдали от нее. Как и все мы, почти не знаем, что там делается. Мы знаем, что масса страдает, терпит лишения, ни в чем не обеспечена. Разбойничье своеволие проявляется повсюду. Исходит ли оно от большевизма или от их слабости и безвластия, мы не знаем. Все это просто-напросто приписывается им, потому что ими эта анархия установлена. <…>

Мне кажется, что в странах с выборным правлением нет большего зла, как засидевшиеся выборные. Во Франции выборные заканчивают свой срок. Без сомнения, за этот долгий срок у власти в них что-то произошло. Я сказал бы, что они загнили, как загнивают продукты, которые могут существовать лишь определенный период. Власть – это яд, и большие дозы его вредны. Может быть, Ллойд Джордж прав, что так настойчиво проваливал выборы, при условиях чрезвычайно трудных. Франция живет со своими старыми выборными.

Трудно мне, иностранцу, судить их, но скажу, что в 1916–1918 гг. и в столице, и в провинции я слыхал только одно негодование местных жителей о своем правительстве. Клемансо не ругали, на него надеялись, но по адресу правителей и палаты отзывы были единодушно непохвальные. И, думаю, народное мнение право. Закисло французское представительство, но не хватает духу заменить его новым.

18-IV-19

Сегодня в «Temps» от 18-IV помещены речи Ллойд Джорджа и заявления Вольдемара{369} – президента Литвы о необходимости присоединения к ним литовских округов восточной Пруссии: Мемель, Нидерунген, Гейдекруг, Лабеау, Тильзит, Рагнит, Пиллканен, Йелау, Инстербург, Гумбинен, Сталупенен, Даркеллен, Гайда. Все эти округа, в общем, заключают лишь небольшой % литовцев. Присоединение этих округов желательно, как необходимо и, скажу, справедливо предоставить все течение до устья Немана и далее выход у Мемеля в Балтийское море России с прилегающих земель к Ковенской губернии и Сувалкской.

Но, претендуя на эту часть, необходимо и обеспечить это владение, что приведет к необходимости владения Мазурскими озерами и реки Ашеран. Но основывать эти домогательства на национальных началах неправильно, ибо не литовцы здесь в большинстве, а немцы, и в южной части поляки. Литва, в лице тех, кто назвал себя представителями Литовского народа, вообще с хорошим аппетитом.

Речь Ллойд Джорджа, вероятно, была очень хороша. Не любит и презирает он Россию, как все иностранцы, не зная ее и не изучая ее. Наша вина, что мы с ними связались и в наивности предполагали, что они были нашими друзьями.

Когда им было страшно, они стояли за цельную Россию. Им нужна была сила России, в союзе с ними, как чернорабочая сила. Не стало ее – и отношения резко изменились. Стереть с лица земли Россию не могут, так они ее раздробляют созданием малых государств. Россия безмолвно стоит перед такими явлениями. Окровавленная, истощенная до последней степени междоусобиями и тем преступным началом, которое во главе и которое, как паразит, ее истощает, и она бессильна.

Она совершила, сама того не подозревая, величайшую гнусность, которую может сделать против себя народ, – она отказалась защищать свой дом, и теперь над ней иго того, который сильнее всего презирал народ. <…>

Многие думают, что они в состоянии создать, что-то такое, в роде России. Как плохо эти господа знают жизнь, Россию и саму творческую работу. Разрушить, что создавалось тысячелетиями, и создать в несколько лет, легко творится в сказках, а не в жизни. И кто будет творить?

29-IV-18

Конгресс мира покончил со статусом о Лиге народов.

28-го Бельгия, Франция, Япония представили свои возражения декларационного характера: первая – о выборе места заседания, вторая – о постоянном военном органе и контроле производства военных предметов и последняя – о равноправии рас. Доктрина Монро{370} остается неприкосновенной несмотря на постановления акта о Société des Nations.

10, 12, 16 пункты главные; они относятся до практического применения деятельности лиги, когда возникнут differences[112] между членами лиги и вне ее, должны создать большие затруднения. Подробности и различия – дело будущего и первого собрания Лиги, assembleé[113] по призыву Америки. Генеральным секретарем избран сэр Драммонд{371}. Вскоре будут избраны члены Совета и деятельность начнется. Много еще неясного, но, вероятно, формальная сторона постепенно установится. Одни считают все это мертворожденным, другие, по-видимому, верят в его жизненное значение. Если сама конференция не создаст своими решениями новых затруднений, может быть, все и образуется, но сам акт придется дополнить и изменить.

Вопрос о Фиуме и Далматинском побережье вызвал несогласие и отъезд итальянских делегатов{372}. По газетам общественное мнение Италии волнуется и настойчиво требует присоединения этих местностей к Италии. Италия настойчиво будет требовать сохранения за ней Додеканесских островов.

Мы накануне 1-го мая, с разными манифестами в Париже рабочих, поднятых Confédération générale du travail[114]. Очень они стараются высказать свою власть. Правительство приняло свои меры – стянуть войска. 8-часовой труд Палатой вотирован. Это легче, ибо последствия обнаружатся потом, увеличение же salaire[115] требует больших выдач в ближайшем времени, а средства на исходе.

Мы, иностранцы, не можем войти в глубь французской жизни, но мы наблюдаем, что все, а рабочие на фабриках в особенности, живут шире нас, простых обывателей. Подчас на рынке проявляется недостаток, дороговизна увеличивается, но в сущности все необходимое есть, и люди покупают и ни в чем себе не отказывают. Вероятно, много лишений, ибо число безработных увеличивается, но со стороны глядя нельзя сказать, чтобы народ себя бы стеснял. А неудовольствие растет, ибо всем говорят, что тяжело. Да, тяжело сократить привычный широкий режим, и к сокращению никто приступить не желает. Идя по этому пути,

народная жизнь легко может придти к затруднениям, ибо ее на это наталкивают те, которые ведут рабочие массы. Если оно вспыхнет и власть с этим не справится, будет то, что у нас и у других. Германии это на руку, ибо все, победители и побежденные, будут жариться в том же соку. Мне говорили, что настроение рабочих не революционное, они неохотно идут на призыв, но идут. В массе достаточна искры, чтобы она всколыхнулась; определить заранее исход такого движения нельзя.

10-V-19

Вчера зашел к Скалонам{373} в Hotel Helder и там встретился с Гучковым. Поговорили о России, не затрагивая вопроса о перевороте, о Париже, а под конец я его спросил, почему в начале апреля 1917 года меня заменили в Париже Занкевичем?

К моему удивлению, А.И. Гучков мне сказал, что это было сделано по желанию французского правительства (вернее, военного ведомства, ибо желание меня убрать исходило будто от Ставки, а министр в это не входил) иметь во Франции более активного защитника французских интересов перед русской Главной квартирой.

Сразу я как-то не понял, ибо, находясь при Главной французской квартире как представитель русского Верховного главнокомандования, я должен был защищать не французские, а русские интересы.

Из слов А.И. Гучкова выходит, что французы были мной недовольны. Не похоже на правду, ибо никаких оснований у них к сему ни раньше, ни позже не было. Что касается М.В. Алексеева, если бы он был недоволен, он мне сказал бы. Вообще быть недовольным не в его духе. Штаб мог быть недоволен. Может быть сюда хотел приехать другой. Не удалось, прислали Занкевича, ибо А.И. Гучков говорил, что Ставке трудно было найти мне преемника. А.И. Гучков этим отвергает свое участие. Постараюсь от генерала узнать, как обстояло дело при Главной квартире в марте 1917 года. Но суть дела заключается в том, что с ноября по март, когда правили Гурко и Лукомский, все дела русские шли через Жанена и я никакого отношения к нашим делам не имел, что побудило меня в декабре 1916 года просить, чтобы меня уволили. Когда выздоровел Алексеев, сношения Ставки с Французской главной квартирой через меня возобновились. По всей вероятности, кому-либо в Ставке с марта хотелось попасть сюда. Не удалось, и попал Занкевич. Меня интересует лишь одно: действительно ли французское правительство или французская Главная квартира, чрезвычайно предупредительные и сердечные лично ко мне, в то же время просили заменить меня другим. Не думаю. Что же касается заявления, что я недостаточно защищал перед нашей Ставкой французские интересы, то по сущности это вздор.

18-VI-19

Трудно будет заполнить месячный перерыв моих записок. Работы в руководимой мной комиссии подходят к концу. И денежные средства политического совещания тоже подошли ко дну.

Заготовленные мной и Корево{374} записки в противовес польским притязаниям, закончены, переписываются, и заканчивается черчение картограмм, касающиеся Литвы, Белоруссии и юго-западных губерний.

Закончена работа по Закавказью и Армении, и надо получить от Занкевича статистику о народностях Руси. Но он, вероятно, как и раньше, с заднего крыльца, перенес это или Маклакову или в политическое совещание. И пускай себе. Таких господ не исправишь. Не даром в 1917 году на мое замечание, что стыдно, он мне ответил, что службой заграницей он стыд растерял.

19-VI-19

Несколько дней еще, и Германия должна будет или согласиться или отказаться от подписи предложенного ей мира. Познакомившись с письмом Клемансо Брокдорфу{375} и с изменениями, сделанными в первом тексте мирных условий, считаю, что в конце концов немцы подпишут. Из этого не следует, что договор этот будет полностью исполнен Германией.

Немцы считают его неисполнимым и жестоким, французские и английские журналы – снисходительным и мягким. Одним надо меньше отдать, другим больше получить. Но приманки, допущенные в исправлениях и в ответе, дают немцам лазейки. Обе стороны с военной точки зрения вдаваться в военную авантюру большего масштаба не могут. Германия слишком ослаблена и обнажена, союзники также ослаблены, и внутри идет своя борьба. Все устали, и поднять дух на новые массовые убийства рискованно тем и другим. Без того на периферии это уничтожение людей идет – в России, в Венгрии и повсюду. Германии меньше чем кому-либо выгодно впасть в положение борющейся за существование, и она, мне кажется должна сегодня уступить. <…>

30-VI-19

Немцы согласились подписать мир. Внешних признаков радости в Париже нет.

8-го немецкие матросы потопили свои боевые корабли{376}, часть села на мель. С точки зрения военной чести они поступили мужественно и правильно. Англичане, вероятно, сделали бы то же. Что же будет дальше? Впереди улучшение жизни или ухудшение? Думается, второе.

У нас течение дел неутешительное. На востоке неуспех, который не может компенсироваться частными успехами на юге. На Балтийском фронте разрозненность и неустройство. Здесь русская беспомощность во всю. Скоро 4 недели, что поневоле заменяю Щербачева, уехавшего в Екатеринодар и на днях возвращающегося, я как будто руковожу делом. Но это как будто, потому что никакого дела нет.

Хорошо, что за это не платят, а то было бы из рук вон скверно. Вижу, что Щербачев такой же беспомощный, как и я. Дело как будто делал адмирал Погуляев. Но это ему только казалось, а на самом деле и он его не делает, ибо никакого дела у него нет.

Подчиненные его тоже ничего не могут сделать. Но все вместе стоят порядочно. Пока выдавали полностью, настроение было бодрее, а за июнь дали половину, и настроение умалилось. И какое дело можно делать, когда все взято союзниками? Головин в конце мая поехал в Лондон, захватив Гарденина{377}, Геруа{378}, Ракитина{379} и еще кого-то. Его цель подвинуть англичан на формирование добровольческих частей. Много было по этому поводу разговоров.

Я написал обширный конспект организации этого дела, а когда ему пришлось выехать отсюда, оказалось, что его миссия не официальная, а частная.

В начале июня адмирал Колчак в решительной телеграмме потребовал приезда Головина или Щербачева в Омск.

20-го июня Головин выехал, оставив вместо себя Геруа, прося утвердить его каким-то начальником миссии, а равно и остальную публику и определив им оклады. Само собой, что утверждать ничего не буду, а дождусь возвращения Щербачева. Не понимаю Головина, который отлично знает, что единственный представитель в Лондоне Ермолов, а Геруа прислан от Юденича только для связи и чтобы поддержать его ходатайства. Но при Юдениче состоит английской службы генерал Гоф{380}, к которому Юденич должен обращаться со всеми своими

просьбами, ибо к русским властям ему обращаться не приходится, так как у них ничего нет.

Создается странное положение. Головин, кроме того, обособился и устроился в посольстве, с отдельным от Ермолова управлением. Никак не ожидал этого от Головина.

24-XII-19

Вчерашняя неожиданная речь Клемансо в палате депутатов яснее, чем все предыдущие его речи, обрисовывают намерение и направление политики союзников по отношению востока. Главных два вопроса: Польша и Россия. Вместо мандата по отношению Восточной Галиции, последняя будет внедрена в состав Польши, и предложения об этом будут исходить от Клемансо, с соглашением на это Ллойд Джорджа и отчасти американского представителя.

Польша (500 тыс. войск), Румыния и Югославия – будущая сила в борьбе с большевиками, от которой союзники отгородятся проволокой. Борьба русских с большевиками не удовлетворила Клемансо. Почему, не говорит, и вся борьба, которая ведется в течение 2-х лет, как будто ведется не русскими, а другими. Может быть, суждение Клемансо основано на деятельности выходцев из России в Париж, Лондон и другие центры Запада, которые действительно агитируют и борются за что-то другое, не за Россию.

Борьбу с большевиками, союзники как я предполагал после армистиса[116] и во время мирных переговоров, хотят возложить на чужие плечи. По-моему, это было ясно и тогда, ибо Франция и Англия были истощены. Но ведь Польша, Румыния и Югославия еще больше истощены.

Передача полякам Восточной Галиции противоречит всем громко провозглашенным началам и является кумовством, с одной стороны, а с другой, актом соблюдения приличия по отношению России в отношении претензий поляков на земли к востоку от Западного Буга.

Обвиняя Венский конгресс 1815 года{381} в произвольном распределении народностей, представители союзников проделывают совершенно то же и создают положение, которое в дальнейшем создаст затруднения всем.

О Турции и Константинополе Клемансо ничего не сказал, ибо предварительные переговоры еще не заключены с англичанами. Переговоры с итальянцами надеются закончить, чтобы освободить Югославию, для борьбы с большевиками.

Все это очень искусственно, но в основе одно – не троньте нас, пусть другие сражаются, а мы будем командовать. <…>

Теперь, с крахом Колчака, Юденича и у Деникина{382}, у них праздник.

25-XII-19

Положение у Деникина бедственное. По газетам, центром своих действий он будто бы избрал Крым, левый фланг – Николаев, а правый неизвестно. Что вообще делается на фронте, газеты не говорят, или неизвестно, или так скверно, что не позволяют писать.

Для борющихся против большевиков как будто полный разгром в материальном, людском и территориальном отношениях. Проскользнуло, что силы большевистской армии против Деникина около 35 дивизии. Но это мало еще что уясняет. Барон Врангель{383} заменил Май-Маевского{384}. Годен ли он на такое серьезное и большое дело? Он годен повести в атаку кавалерийскую часть, он храбр лично, хитер и легко принимает решения. При счастье будет успевать. Но, может быть, война выработала в нем другие качества?

Решение иметь Крым центром, надо думать, взвешено. Очень крайнее решение и близкое к сжиганию кораблей, если Деникин как был одинок, таковым и остался. Но оно и имеет и свои сильные стороны при искусстве и наличии транспортных средств. Вероятно, положение на Дону, в Кубани и на Тереке не позволили Деникину принять другое решение. Румыния вынуждена будет принять активное участие. Снова начнется торг, не только за Бессарабию, но и более к востоку.

А большевики? Мы так мало осведомлены о них, что я не берусь судить и думать о них. Продовольственное и угольное дело улучшилось, но улучшилось ли положение их вооруженной силы? Теперь мы в сфере операции. Кто ведет их, каковы их средства?

Echo de Paris объявило список военных деятелей. Большинство мои бывшие подчиненные.

Черемисинов, Незнамов{385}, Клембовский{386}, Рагоза{387}, молодой Свечин, Баиов, Селивачев{388} (после японской войны был допущен в Генеральный штаб), Надежный{389}, Сытин{390} (не знаю), Егорьев{391}, Бонч-Бруевич, Снесарев{392}, Потапов, артиллерист Беляев{393}, К.И. Величко{394}, Эверт, Г у к {395}, генерал Вахарловский{396} (не знаю) и др.

Нет фамилии Раттеля{397}, И.И. Щелокова{398} и др., нет Парского{399}, о которых писали раньше. Какие же они большевики? Думаю, даже Баиов, Бонч-Бруевич, Черемисинов тянут поневоле.

А где Болховитинов? Он был с большевиками, а затем бежал, и теперь, говорят, снова перебрался к большевикам. Судить их

издали легко. А что сделали бы сами, попав в их положение? Вот Минут{400} поступил иначе и с опасностью для себя ушел.

О себе не говорю. Я ушел раньше, предвидя грязный поток, который надвигался. В 66 лет человек на такие эскапады не годится и, кроме того, мы, старые люди, вслед за революцией очутились в совершенном одиночестве. Ни одной, ни другой стороне мы не были нужны.

Беркенгейм{401} и Кровопусков, представители русских кооперативов, соблазнили Францию, Англию и Италию на коммерческие отношения, как будто помимо Советского правительства.

Поддерживаемо ли это большевиками или союзниками, или оно вылилось как самостоятельное решение центра кооператива? Литвинов с О'Греди с комитетом ведут бесконечные переговоры.

Блокировать Россию прежде всего невыгодно западу. Думаю, что вся эта комедия подстроена хитроумными западниками.

Конгресс мира, затем высший Совет, теперь Собрание послов – все это показатели постепенного умаления и сведения на нет с таким шумом затеянного переустройства мира. Если беспристрастно посмотреть сверху на наших большевиков, то, несмотря на кровь и страдания, учиненные своей стране, в области международной они логичнее и ловчее западных дипломатов, но методы у обоих те же. <…>

Перед нашими большевиками теперь задачи такого государственного калибра, что если они только возьмутся за них государственно, многое им может быть прощено.

Их противники в деле государственного строения были неумелы, и они неумелы, но как более гибкие и беззастенчивые, балансируют и производят на легковерную публику известное впечатление. Это далеко от строительства: они выиграли время, приобрели навык, внутри их боятся, введена внешняя дисциплина и перейти к внутренней теперь не так трудно, если та мерзость, которая их окружает, им позволит. В этом, однако, нет уверенности. Выросший на болоте интернационализма цветок и перенесенный на почву реальной государственности может ли пустить корни? Мы слышим о покровительстве в России национального чувства. Национальное чувство тесно связано с хозяйственностью, и тогда доброе строительство возможно. Видим мы у них эту хозяйственность?

И хотелось бы ее видеть, ибо только с ней Россия может встать, с ней может быть услышан ее голос, от которого так отучилась западная Европа. <…>

17-I-20

Антибольшевистские отделы как будто были колыбелью монархии. Но это не основательно. Ни Колчак, ни Деникин, ни Миллер{402} и Юденич ничего сказать не могут, целью своего существования монархию наверное не имели.

Они стремились, каждая группа, как умела, к закону и порядку. Кругом их жужжали и о монархии, и о республике, но, считая их людьми честными и любящими Россию, они силой, если бы таковая у них была, не склонились бы ни на какую форму правления, а подошли бы к выбору с общим согласием с народными требованиями, настроением и потребностью.

Монарха нет, и он должен еще проявиться. Республика имеет свои кадры, имеет деньги не русские. Они сорганизованы, имеют средства, людей, по-моему, продажных (в государственном отношении), и, если выбирать, я, по простоте, выбрал бы не их, а большевиков. Последние народ решительный, ловкий, и их грабеж России будет, пожалуй, дешевле, чем социал-революционеров с помощью знатных иностранцев.

Монархическая сторона, какое-то голодное и идущее вразброд стадо, без спайки, без практического навыка и умения. Привыкшие к рамкам и послушанию, они теперь выбиты из колеи и к творчеству импотенты.

На днях несколько, скажу из лучших, заходили ко мне, и я у них был. Без денег ничего нельзя сделать, но надо и знать, что, имея деньги, следует предпринимать. В общем, такое настроение: придет барин и все поставит на место. С такой формулой далеко не уйдешь. Красивые фразы. Выкинем стяг и под стягом соберемся. Кто соберется, когда значительное число предпочитает жить где угодно, но не быть в рядах антибольшевиков или большевиков.

Соберутся, если им платить будут деньги, а что они будут делать, ни собравшиеся, ни те, кто думает их собрать, не знают.

Среди представителей Романовых нет объединения, нет головы хотя бы временной. Дорогой мой Николай Николаевич отошел от всего. Так говорят. Таким образом для тех, кто над этим волнуется, монархия и монарх какой-то бесплотный принцип, и если где-то на русской земле явилась кучка с таким выкинутым стягом, то она сама собой замрет, скомпрометировав основательно само начало.

Должна быть другая работа и не с этим стягом, а с таким, который понятен массе. Этим стягом может быть народность и православие. О земле и воле не говорю. Он раньше был выкинут

Стенькой Разиным, Пугачевым и Лениным и ничего, кроме разорения, крови и грязи Россия не получила. <…>

Не о монархии надо теперь думать. Если она нужна, она придет, но если почва для нее или для другого законного вида правления не будет подготовлена, она будет осуществляться так же коряво и со страданиями, как большевизм.

Не потому, что моя жизнь была службой России и монархии, а потому, что такое государство, как Россия, складывавшееся свыше 1000 лет, может жить спокойно, продуктивно только как монархия, я считаю, что после переменных страданий выдворять монархию насилием было бы великим преступлением и перед Россией, и перед монархией. И многие, кроме неблагоразумных и односторонне горячих или видящих в монархии восстановление их материального благополучия, это чувствуют. Но как к этому подойти, но как это провести, не знают. Мне кажется, что если Ленин завтра объявил бы себя царем, или, как говорят кумушки, возвел бы на царский стол, где-то спрятанного великого князя Михаила Александровича, законного после убиенных царя и наследника-цесаревича, то это была бы гибель династии.

Пережили же мы самозванцев и Владислава{403}, и кончилось оно выбором и призывом Романова, и жизнь потекла. Для блага России монархисты могли бы исполнить большую и полезную работу. Но где они? Чей ум и чья воля может их объединить, подчинить и направить на патриотическую работу со знаменем, на котором будет начертано не только монархия, а и Россия, ибо в ней будет все.

Пока в Москве большевики. Возможно, что вместо них будут другие. Кто же другие? Действующие соц. революционеры с Керенским, Авксентьевым и др. Имена их Ты, Господи, веси. Может быть ни они, другие объявят себя диктаторами. Так ведь принято, все это возможно. Лучше не будет. Может быть, наспех созовут Учредительное собрание. Что оно может дать? Но горемычная жизнь останется.

Возможно, что собрание крикнет царя, но царя не дадут и царь не пойдет. Может быть, Керенский согласится возложить на себя шапку Мономаха, благо в царских хоромах и постелях он побывал. Но народ поймет, что это шутовство, и после новых страданий создастся что-то. Перспективы мрачные и надо искать иные пути. Не сомневаюсь, сотни тысяч мыслящих, миллионы ищут эти пути дома, подвергаясь опасной и тяжелой жизни. Живущим вне, более свободными от гнета, надо помочь созданию должного настроения в народе, войти с ним в контакт, невидимо для него объединить, чтобы было одно стадо и один пастырь, дабы, когда придет время, это настроение могло бы встать с

силой и вопрос будущности России мог бы разрешится не столько с помощью пулеметов и оружия, а самого сознания.

Мыслима ли такая подготовка? Понятно, да. Нужно начало, нужен человек, проникнутый любовью к России и который, взявшись за дело, шел бы, как сказано в Святом Евангелии: «Никто возложивший руку на плуг и озирающийся назад не достоин Царствия Небесного».

20-I-20

Не сегодня так завтра перед союзниками встанет крупный вопрос признать или не признать Советское правительство как русское правительство, войти ли с ними в непосредственные отношения или нет? Это вопрос, а не вопросик, за решением которого нет основания отстранить Германию. Во всяком случае, за ним, если положен будет запрет Германии, должен возникнуть вопрос о мире России с ней, с обломками Австрии, Турции и Болгарии, с которыми мы в состоянии войны. И много других вопросов, к которым вообще мы не подготовлены, начнут заявлять свое существование. А кто их будет решать? Конгресса нет, Высшего Совета тоже. Заседают послы под председательством Мильерана{404} и присутствует американский посол{405}, но без голоса.

На севере Миллер, на юге Деникин, на западе страдающие остатки сил Юденича, а сам он, в сущности, в плену у эстонцев. Что сгруппировано вокруг Деникина – числом и качеством? К чему силы эти, с той материальной частью, которая сохранилась, способны? Окажут ли казаки и население добрую помощь? Не пожалеет ли население, когда-то занятое Деникиным, что его нет? Очень много вопросов вызывает это новое положение, чтобы определить будущность Деникина. В глазах Советов и коммунистов это враг. Враг революции. Этим как будто все сказано. Методов Деникина не знаю. Русские люди, впервые очутившиеся в таком положении, делали, что умели. Разве социалистическая революция не делала еще большей чепухи в 1918 году?

Все учатся, и на спине русского мужика строят государство. Господа либералы могут ругать и обвинять Деникина в чем угодно. Но в нем национальность и государственность, и потухнуть этому светочу нельзя. Если не может ярко светиться, пусть тлеет, но не тухнет.

8-февраля

В лице Лорис-Меликова{406}, барона Таубе{407} и Галеевского, приехавших сюда и посетивших меня, вырисовались монархисты чистейшей воды. Первый приехал из Берлина, второй из Упсалы, где он профессорствует, третий из Лондона, где близок с Дмитрием Павловичем{408}, которого известная группа англичан и русских выставляют претендентом. Они желают восстановления монархии. Многие желают того же. Я считаю, что обширная Россия может жить и развиваться правильно только при монархическом правлении.

Большинство русских думают, что надо развернуть стяг – и все образуется. Но для этого нужны деньги и люди. И тех и других в наличности нет, а если бы и были, то надо умеючи повести это дело, и раньше знать, как за это взяться. <…>

Борьба за монархию явится возобновлением ожесточения в усталом донельзя населении. Пойдет ли оно или предпочтет покориться настоящему, благо для массы в последнем какие-то реальные, а не призрачные выгоды.

Надо, значит, знать, что происходит в разных частях обширной России, чего желает, о чем думает и что может предпринять народное настроение и его мораль. Это одна сторона. Другая – монархисты даже если на первом плане поставили бы интересы страны, а потом монархии, должны представлять не стадо, а что-то объединенное. Но этого нет, ибо абсолютно ничего объединенного нет. Нет 10–20 человек, которые ради этой идеи готовы отдать себя целиком и отдать свои крохи на общую пользу. Каждый желает от осуществлении этой идеи получить, чтобы жить, ибо все голодны, а имущие, правда их немного, и ломаного гроша не дадут.

Говоря о деньгах, договорились до того, что жиды дадут, немцы дадут. Дальше этого в компрометировании самого принципа и идти нельзя. Это забава, занятие, но не трезвое дело, и такими путями можно только пошатнуть принцип, а не провести его в жизнь.

Не привыкшие вообще к самостоятельной работе, мы все мечтаем и думаем, что наши мечты осуществятся сами собой, что кто-то это сделает, а мы воспользуемся результатами. Устраивать заговоры заграницей, вдали от «чрезвычайки», очень удобно, но ведь это будут разговоры, а не дело. <…>

12-II-19

Со времени Брест-Литовского (договора) и дополнительного к нему договора Иоффе[409] специализировался по дипломатическим делам. Он творец договора с Эстляндией, и последний заключает в себе те же черты, что и Брестский договор. Не удивительно, что латышские деятели не желают отстать от эстонцев.

Так как за ними стоит английская государственность, то в сущности договоры заключены не с эстонцами, и в будущем и с латышами, а поверх их с английским правительством. Вчера в «Temps» 12–11 сказано, что, согласно сообщению из Вашингтона, правительство Соединенных Штатов решительно отказалось признать независимость Эстонии.

Из Варшавы сообщено, что по случаю третьего призыва большевиков к перемирию, Польша начнет с того, что заявит, чтобы Советское правление признало независимость Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины.

Оба извещения имеют характер пропаганды. Польша с большой ловкостью стала во главе тех, которые устами своих правителей стремятся к отторжению этих земель от России. В этом она, и не без основания, видит закрепление своего могущества. Что думают в Москве, никто не знает, как никто не знает, как живут и что думают различные части России.

В свое время ни Франция, которая имела свои торгово-промышленные интересы в стране, ни Англия не установили связь и осведомление со страной, и ее государственные люди теперь так же не осведомлены, по отношению того, что делается в России, как и 2 года тому назад.

Ллойд Джордж торговлей хочет усмирить Россию. Ему все равно, большевики ли там или нечто другое. Он мирится с ними, лишь бы методы их управления были бы менее варварскими. Англичане довольны мыслями своего премьера, нарисовавшего привлекательную картину богатства России, которое благодаря курсу фунта, перекатится к ним и уменьшит дороговизну.

Все заботятся о себе, и это правильно, но будет ли это так, как думает Ллойд Джордж, покажет лишь будущее.

Французы менее довольны его мыслями и сомневаются, хотя тоже не знают, что в самом деле надо, чтобы неразбериха эта кончилась, что думают большевики, к чему они готовятся и ради чего? В этом еще большая путаница, и каждый, излагая свое, думает, что он отгадал и что большевики так и сделают.

Все это очень забавно, если бы для страны переживания эти

не были бы так грустны и так тяжки. За последнее время большевики, по словам газеты, сделались националистами, и это не нравится здешним, ибо за этим кроется возможность воссоздания сильной России, которую никто не желает.

Как раньше желали ее военного могущества, понятно для себя, так теперь желают зерно и сырье, а эти продукты может доставлять и политически слабая Россия. Отсюда могут возникнуть опасности для Польши и Румынии, и это неприятно, придется помочь, а силы нужны на другое.

Национальная Россия, хотя бы под большевиками, может поддержать Германию. Она опасна Англии на Востоке, в Малой Азии. Пропаганда в этих местах большевиками уже ведется. Вообще с большевистским правительством начинают считаться очень, и так как его не знают и притом считают способным на все, и при том перед глазами доказательства их будто бы силы и ловкости, то щемящее чувство закрадывается в душу гордых правителей запада. Трудно отгадать им мысли и намерения большевистских правителей, гораздо труднее, чем нам, мы все-таки немного знаем природу наших людей, хотя бы и проживших заграницей, мы знаем нашу среду, наши условия жизни, наше мышление.

И как отгадать, что думают большевики? Обобщать все словом большевик нельзя. Употребляя это слово, мы будем говорить о правителях, подручные творят волю пославших их, а под ними известная часть разнузданной массы, которой большевики любы, пока первые не мешают ей в разбойных проделках.

Верх терпит эту массу поневоле, ибо это единственный слой, который их искренно поддерживает. <…>

Мне кажется не основательным, если большевистскому правлению приписывают захватные стремления к западу, югу и востоку. Если таковые проявляются, то это имеет скорее цель пропаганды и помимо их воли.

Укрепляя себя какими угодно мирными договорами, с широчайшими уступками русского добра другим, они на продолжительное время обеспечили себе все выгоды власти.

Ставить в заслугу улучшение железных дорог и других запущенных сторон жизни и выводить из этого, что они стали на почву государственного строительства, я не могу. <…> Они, как звери, в плену: у своих и чужих, и единственный выход – беспощадная борьба.

Успокойся они в этой борьбе, и все пойдет насмарку, и перед нами предстанут голые разбойники. Могут ли они видоизмениться? К сожалению, с самого начала они не стали на

государственный путь, а теперь поздно. <…>

С омерзением будут вспоминать будущие поколения о народе 1917 года и последующих, и не скоро возродится чувство величия народной души.

Окружавшие большевиков Деникин, Колчак, Юденич, Миллер, ограничусь ими, могли бы, будучи объединенными, работая для народа и с народом, низложить Советы и восстановить в России право и закон. Большевики их рассеяли и приобрели силу, перед которой Запад стал склоняться. Деникин на юге, Миллер на севере еще теплятся, но надолго ли? Виноваты ли в этом люди или обстоятельства, не берусь судить, но знаю, что человек как творец – главное действующее лицо и неудачи, а равно удачи зависят от него. Вероятно, все в этом виноваты.

Англичане, как народ более непосредственный, словами военного министра Черчилля не стеснялись высказать, что Деникин боролся на юге не за Россию, а за Англию и, помогая ему, Англия помогала себе. Губя Юденича, кого она губила?

Но все дело борьбы с большевиками было поставлено несуразно. Вели борьбу, а надо было вести устроение. Геройски и доблестно жертвовала собой молодежь и более старые, не ощущая, что совершают не устроение, а разорение России, ибо не было устроения, а были Советы, Совещания, без правления и без устроения.

Руководящим лицам было трудно. Они были в осаде мечтателей и политических проходимцев, а силы, должной силы своей, создать не могли. Но в них теплилась национальная и государственная идея и тем они были дороги. Идея Деникина еще живет, живет Миллер. Образуется ли что-нибудь из восточного хаоса?

5-I-18

Так как западу слабая Россия выгодна, то помощи от него не надо ждать.

Если план создания крайних государств на запад и за Кавказом им удастся, то они до поры до времени будут довольны. Но вопрос крайний очень сложный и как будто оторванный от России, внутренне они будут продолжать жить с ней. И на этом фоне могут разыграться события, возможность которых теперь и предвидеть нельзя. Однако вопрос, что будут делать большевики, остается открытым. Как сложатся коммерческие отношения и что из этого выйдет тоже неизвестно. Дадут ли они выгоды России? Я думаю, что нет. Выгоды извлекут англичане, американцы, частью немцы, а остальные будут облизывать себе пальчики, а русские производители задаром продадут сырье, а большевики возьмут куртаж[117].

И почему Ллойд Джордж думает, что коммерческие отношения ослабят варварские методы большевиков. Себя ли он убаюкивал, или обманывал английскую Палату? Кто его знает? <…>

22-II-20

Сегодня отслужена была панихида об адмирале Александре Васильевиче Колчаке, убитом в Иркутске. Как все это случилось и почему оно случилось, определить из противоречивых газетных сведений нельзя, как нельзя определить, что вообще происходит в Сибири, в Забайкальской, в Приморской и Приамурской областях. Не стало Колчака, трагически погибшего на своем посту. Я никогда его не видел. В 1916 году он назначен был на пост адмирала Черноморской эскадры. О нем говорили, что он человек энергичный, честный, здесь я видел его фотографию и поражен был скорбным выражением его лица. Он был окружен несоответственными деятелями и людьми. Его укоряли за это. Но откуда он мог выбрать и достать других?

Все, что за год в Сибири было создано, – рухнуло, и сам он погиб. Его ли это ошибка или результат бурной стихии? Его мало, кто знал, но в него верили, потому что он был честен и любил Россию и страдал за нее.

Советские правители называют его кровожадным. Да был ли он таковым? Под конец кто-то пустил грязную клевету, что он предавался излишеству. Те, кто прибыли сюда из Сибири, рисовали его облик иначе.

Он был несчастен. Судьба поставила и привлекла его к Верховному управлению. В нем олицетворялась идея закона и порядка и государственности, а человеческая стихия все это стерла. Рассуждать и даже осуждать издалека легко!

Может быть, задачи, которые там пришлось разрешать, были выше человеческих сил? Но было время, и издали казалось, что там, в глуши Сибири, идет какая-то созидательная работа для воссоздания России, и все это оказалось даром, и глава дела трагически погиб, и с ним погибло и дело. Последние остатки русской казны, которую он оберегал своей жизнью, – неизвестно в чьих руках. Его сотрудники – кто убит, кто уехал подальше от этой трагедии. С одной стороны социалисты-революционеры, с другой – большевики местные, иностранные пленные, Семенов{410}, чехословаки – все это бушует вдоль железной дороги и в более крупных населенных пунктах. А остальная Сибирь с ее домовитым населением и переселенцами, что она?

До Красноярска Красная армия. Между ними чехословаки, поляки, войска генерала Каппеля{411}, по сегодняшнему извещению, будто побежденные большевиками. Но какими? Не скоро рассеется кровавый туман, которым покрыта Сибирская магистраль.

Церковь была полна молящимися за упокой Александра Васильевича, всем было скорбно и грустно. Мир праху твоему. Много он перестрадал душевно и не чуял, что местом его успокоения будет холодная Сибирь.

Остался Деникин. Если верно, Архангельск занят большевиками. Куда мог деться Е.К. Миллер с остатками своих? О нем большевистские известия ничего не говорят. Деникин, говорят, приехавший с юга, смотрит оптимистически и бодро.

Но, может быть, корень оптимизма в положении и духовном настроении большевистских войск? Бороться Деникин может, но то, что сверх добровольцев, так шатко, что строить расчеты на донцов, когда Дон занят, на кубанцев и терцев, которым грозит большевистское нашествие, и в условиях, что Ставрополь если не занят, то может быть занят не сегодня, так завтра, нерасчетливо.

Извне помощи не может быть. Запад протягивает свои руки к Востоку, ему нужны matières premières[118] и за них он отдаст и Деникина, и, если будет еще кто-нибудь, так и его в придачу. Советское правление перед большой опасностью. Ему надо показать себя и перед русским народом, и перед всем миром, что оно правление. Это труднее, чем устрашать террором и бороться со своими же вооруженными русскими, имея в своем распоряжении все ресурсы страны.

23-II-20

По газетным извещениям, Советское правление приглашает в Россию, вероятно, на очень выгодных условиях, немецких техников и колонистов. С этой целью послан в Берлин Капп{412}. Среди бастующих в Швеции металлургических рабочих тоже идет вербовка, на условиях более чем баснословных: 4000 крон ежегодно семье и содержание выехавшему в Россию. Все это приемы, если не выдумки, XVIII и начала XIX столетия применявшиеся царским правительством и не ново.

Привлечение с выбором специалистов дело хорошее, если их деятельность будет применена целесообразно, что касается колонизации, то перед нами опыт XVIII и XIX столетия.

Сочувствия эта последняя мера в крестьянстве вызвать не может, а заселение немцами Сибири своего рода измена.

Стремление завязать коммерческие отношения с западом, хотя это стремление сильнее у запада, на началах обмена натурой, с финансовой точки зрения как будто правильно, но его результаты будут зависеть от организации дела и оценки сырья. Никто, однако, не будет оспаривать, что торгующий только сырьем всегда обижен.

Обижен будет производитель, у которого путем реквизиции возьмут это сырье. Но большевики в предвидении этой операции, вероятно, скупили более ценное сырье и они наживут. Им же облегчится сплав заграницу всего награбленного, что с радостью будет принято многими. Западный рынок обратится в пристанище русского награбленного имущества. Очень поучительная и привлекательная картина для потомков современных фарисеев.

25-II-20

Признать или не признать Советское правление за правителей России? В течение нескольких недель все вертится около этого. Обойтись без России никак нельзя. Все, что натворено, требует все-таки согласия, какой-то власти, которая возглавляет Россию. Правление в Сибири распалось, деникинское еще существует, но оно не признано и в усилиях таковых, что возникают опасения, может ли оно жить или должно потухнуть? Остаются Советы, т. е. авторы событий до Брест-Литовска, самого мира и последующих двух годов, которые здесь не внушали никакого доверия. <…>

14-III-20

Прошло три года, что Россия, лишившись законной власти, живет в новых условиях. Самый взрыв был до известной степени неожидан. Еще более неожиданный был его результат. Лишения войны и пропаганда подготовили массы и интеллигенцию к государственному перевороту, и последняя отнеслась к нему сочувственно и радостно. Центром в первые дни стала Государственная Дума, ибо в ней сосредоточилось все то, как принято было говорить: «Лучшее в народ».

Ее члены, более видные за отречением царя стали правлением, которое должно было повести Россию по новому пути.

Разве мог кто сомневаться в лучших намерениях нового правления? Казалось, кто лучше их мог знать нужды России в данную минуту и в будущем? Сколько обвинений по адресу старого правительства раздавалось с кафедры этого собрания. Они знали, что дурно у нас и что надо сделать, чтобы стало лучше. Но недолго длилось это правление, и, захлебываясь в водовороте взбаламученной жизни, оно скоро исчезло. Что-то не хватало в правлении. Преемники его все шли по тому пути, по пути ослабления власти, уничтожения старого, не создавая реально ничего такого, что могло укрепить власть правления.

И длилось это до тех пор, пока на их место не встали большевики. Власть закреплена теперь, но перед ними лежит разрозненная и обескровленная Россия, уменьшившаяся на ее западных и южных границах. Россия времен 17 столетия. Последнее деяние ли большевиков? Да, это их деяние. Они, как русское правительство, провозгласили начало самоопределения и отделения народностей, независимо от времени, когда они были присоединены к России. <…>

С этими методами Ленин пустился в путь и стал ломать. Как говорят газеты, Ленин уподобился Петру Великому. Но газеты не знают, что создания Петра Великого живы по сей день, ибо то, что он делал, было подчас жестоко, но целесообразно, и живет до сих пор, ибо сделано вдумчиво и умно. «Была бы жива Россия, а о Петре не ведайте», – это кредо Петра Великого. А каково кредо Ленина, мы знаем только по последствиям. Пропадай, моя телега, все четыре колеса!

Разница большая, но и последствия другие. Но чтобы ломать, нужна была власть и личная безопасность. Последнее достигнуто разными мерами, одна другой безнравственнее, и жестче, и обманнее. До второго не дошли и не дойдут, разве обратят

Россию в сплошное кладбище.

В общественной жизни России, смотря отсюда, можно различать 4 слоя:

1) правители и все, что к ним присосалось, с армией разновидного свойства;

2) вооруженная и не вооруженная толпа разбойников и грабителей;

3) немощный обыватель;

4) масса крестьянства.

Что наверху, что-то желает и что-то проводит, т. е. пишет декреты, что пониже, распоряжается, но для грабительских целей на первом плане и часто сливается с деятельностью № 2.

Если картина хоть приблизительно похожа на действительность, то трагическое положение верхов ясно. Они держатся специальными средствами и в такой стране, как Россия, могут держаться довольно долго. 2½ года – срок длинный, хотя непосредственно перед нами самые трудные месяцы. Большая армия, которую надо кормить и одевать, большая обуза, а без нее нельзя жить. Милитаризация труда при помощи войск – мера обоюдоострая и опасная.

Здесь рассчитывают, что она повысит продуктивность. Не думаю, хотя знаю, что такие попытки всегда приводили к бунтам. Забунтуют рабочие, солдаты, а за ними остальные.

Жить так бесконечно нельзя, и сознание это мне представляется должно уже внедриться в народное сознание. Вся трудность в проявлении этого сознания, в протесте против существующих бедствий. Виноват ли в них Ленин? Все говорят, что он виновник. Но в чем же он виновен? Виновность в захвате власти мы отрицаем. Кто-то должен был это сделать.

Винить можно в последующем, и также за то, какими путями он к этой власти подходил. Последнее очень важно. Ленин не был неожиданно выкинут наверх. Он систематически к власти подходил и готовился к ней, следовательно, у него была возможность и время обсудить, что он будет потом делать.

Присмотреться к людям в Петрограде он тоже мог, и мог определить разумно, по какому пути может пойти его строительство и как его провести.

Поэтому извинения у него нет, и если мы слышали, что страна пришла под властью большевиков к состоянию развала, то это было ясно за несколько месяцев до Октябрьского переворота. Первое преступление – это Брест-Литовский мир. Он имеет в своем корне прошлое (Германия). Это была государственная измена, на которой строились последующие.

Все начала Брест-Литовского мира красной ниткой проходят

во внешней и внутренней работе большевиков. Было ли это с умыслом, под давлением какой-то другой силы, или это отвечало их жизненному и духовному пониманию. Но теперь, когда большевистская власть во всей силе (по газетам), мы видим то же самое. В конце 1917 года Центральным державам нужен был мир с Россией, во что бы то ни стало. Только что добравшись до власти, большевики могли иначе повести дело.

Поддавшись Германии, что они получили? Ничего. Германия начисто ограбила Москву и местность к западу от нее, и не потому, что она была сильна, а потому, что это было ей предоставлено. Неужели они польстились на признание их графом Гертлингом как gouvernement russe[119].

Не думаю, что немецкая власть давала им советы по уничтожению производительной жизни страны. Она была и без того слаба, и ее окончательное разрушение, на мой взгляд, в виды немцев входить не могло. Они мешали проведению реформ, а там, где большевистская власть могла им быть полезна, предъявляли свои требования, и они исполнялись. Эти действия не вяжутся с большевистскими заявлениями, что германская революция уничтожит Брест-Литовский договор. Рассуждая за них отсюда, я сказал бы: они, как и многие, были уверены в победе Германии и своими отношениями и податливостью в 17–18 гг. искали их поддержки. Их политическая дальновидность этим и ограничилась, и отсюда Брест-Литовский мир и дополнительные договоры.

Все, что касалось будущности России как государства, не играло никакой роли, и в этом преступление большевиков. Став на этот путь, они с него сойти не могли, и их последующие заявления – бахвальство, а настроение бороться с поляками – просто игра.

Многие из нас думают, что они становятся на национальную почву, думаю, что они этого не могут и даже не думают об этом. Если у кого-нибудь и поскребет, что совершается преступление против России, то есть утешение – зато работаем на проведение коммунизма, который должен осчастливить человечество.

Если бы они встали на национальную платформу, то они могли бы притянуть к себе многих.

Надо теперь спасать шкуру, как они спасали ее, когда убегали из России в Англию, Швейцарию и Америку. Но исполнить это труднее. Лица нет. Для запада они бандиты и воры. Надо приобрести лицо, а для этого необходимо признание их как правительства.

20-III-20

Прилагаю при этом вырезку из «Temps» о передаче Румынии, письма от верховного советника Вайды-Воевода{413}, председателя румынского Совета, о соединении Румынии с Бессарабией.

Главные державы на Конгрессе мира (Англия, Франция, Италия, Япония, без Америки) высказываются в пользу соединения Бессарабии с Румынией, которое официально провозглашено представителями Бессарабии, и желают заключить договор о признании этого соединения, как только упомянутые условия будут выполнены. Совет отторгает от другого государства, составляющего вместе с Францией основание Антанты, зе́мли и передает их другому, отличается лишь тем, что оно заняло Венгрию во время революции и господства там коммунизма.

Главные союзные державы сохраняют за собой право передавать все будущие затруднения, которые могут возникнуть вследствие одного из этих двух вопросов, на арбитраж Лиги Наций.

Какие же это два вопроса? Первый, надо думать, они (союзные державы) считают, что это соединение будет гарантировать защиту общих и частных интересов Бессарабии, особенно в том, что касается отношений с соседними странами, и второй, что права меньшинств будут гарантироваться без тех же условий, что и права меньшинств, проживающих в других частях королевства Румынии. Но главное, что Верховный совет считает Бессарабию общерумынским вопросом.

Если Совет не вынес решения раньше, то в силу затруднений с предшествующим кабинетом Румынии, и потому он надеялся на дружеское соглашение между Румынией и Россией.

Но это не постановление Совета, а любезное извещение, притом условного и довольно неопределенного характера, допускающее споры и протесты. Любезный дипломатический акт.

20-IV-20

Восстание рабочих в Руре, якобы в ответ переворота фон Каппа{414} в Берлине, привело к занятию французами 6-IV местности на Майне как залог своевременного очищения правительственными немецкими войсками центральной зоны (Рур), куда они были двинуты для восстановления порядка.

3-IV Версальский договор установил нейтральную зону на правом берегу Рейна, предоставив в то же время союзным войскам занятие левого берега Рейна (на 15 лет и более) и его тетте-понов. В этом постановлении многое стало не договоренным.

В числе из вопросов об отношениях германской власти в случае волнений и беспорядков в этой заводской зоне. Применения к нейтральной зоне понятия о нейтральном государстве было для этой зоны неуместно, так как она составляет неразрывную часть Германии. Беспорядки и эксцессы вспыхнули в условиях очень сложных и обостренных между французами и Германией. Последняя не выполнила многое из того, что она по договору должна была исполнить. <…>

Экономическое и финансовое положение Франции все ухудшалось и продолжает ухудшаться, и выхода к лучшему не видно. В каждом действии, в каждом явлении во внутренней жизни Германии французская мысль видела желание отделаться от договора, расторгнуть его, если не сейчас, то в дальнейшем будущем, и осуществить идеи реванша. Франция, опасаясь этого, измышляла, как бы оградиться от этого, и таила свои планы, которые шли к расчленению и ослаблению уже надломленной Германии.

Взаимная подозрительность, лежащая в основе взаимных отношений, подогревалась донесениями агентов и комиссий.

Раздутое выступление фон Каппа как бы послужило подтверждением затаенных планов юнкеров и военных. Всякое проявление в Германии лиц, партий толкуется и понимается здесь под одним углом зрения: опасение неисполнения договора, реванша и восстановление власти военных, т. е. представителей мысли реванша.

Направление войск в район Рура, в мыслях французских политиков, предусматривало не восстановление порядка, а другие политические цели. Неспокойное состояние духа, тяжелое положение внутри, затруднения и даже невозможность приобретения каменного угля в Америке и Англии при существующем курсе и сознание, что с немцами, по их

психологии, надо говорить и действовать по-иному, привели к мысли произвести фактическое давление и прибегнуть к методам, практиковавшимся немцами во время войны. Район Майнца являлся залогом к своевременному очищению немцами Рура.

Может быть, в этом действии крылись и другие намерения политического характера, лелеемые некоторыми с первых дней перемирия 1918 года, но это секретно. Возможно, что в интересах исполнения Германией договора решительный характер действий дает плоды, а в течение 20-го года немцы напрягут все силы, чтобы, удовлетворив Францию, избавиться от неприятного соседства.

Но быть в этом уверенным, в особенности после ноты английского правительства от 8-го апреля нет оснований. Англия, в лице своего правительства, выразила не сочувствие действиям Франции и прочла ей, как добрая тетушка, строгую нотацию за легкомысленное поведение. Но тетушка упустила из вида, что, не сочувствуя этому, она могла бы все это сказать 3-го или 4-го апреля и тем остановить по ее понятию неблагоразумный шаг Франции.

Франция нажала на Германию, а верный союзник нажал на своего союзника. Фактически Англия мешать Франции не будет, но морально заняла положение дядьки и, без сомнения, где-то в других местах извлечет для себя большие выгоды на счет Франции. Франции придется покориться; зависимость от Англии сильна, и вывернуться ей никак нельзя. Англия к своим противникам беспощадна, а если поперек дороги попадется друг, она его раздавит, а если не может, прищемит.

В свое время мы вытаскивали каштаны для германского императора, а теперь будем трудиться на пользу Великобритании.

Из всей бывшей кутерьмы, из потока благороднейших речей о равенстве, праве и т. п. вышло, по-видимому, то, что в жизни народов раньше играло роль: кто посильнее, тот и прав. <…>

Немецкий менталитет остался. В начале 1917 года Германия, по выражению фон Кюльмана nous avons tire l’épée[120] и мир с максималистами был заключен. Рейхстаг аплодировал. Теперь Франция a tire l’épée[121] и, вероятно, немцы удосужатся исполнить то, что они подписали. Не думаю, чтобы это занятие Майнца ухудшило отношения немцев и французов, они без этого недружелюбные. Если события протекут без инцидентов, если французские агенты не будут путаться в Руре враждебно, в смысле восстановления там порядка и политической агитации, ради обособленности этой области, как делали англичане у нас на Кавказе и Прибалтике, я думаю, случай этот может послужить на пользу.

У нас А.И. Деникин окончил свое существование, и его англичане везут на Мальту. Они его не оставят. Недаром Черчилль в Палате заявил, что Деникин защищает их интересы.

Но Деникин не думал защищать английские интересы, но на самом деле выходило так, и англичане ревностно ему помогали оружием и обмундированием.

Но мне никогда не закрадывалась мысль сомневаться в искренности Деникина и его соратников. Они искренно и героически боролись за русское дело. Судьба фатально сорганизовала борьбу в южных районах, он ее вел, как умел и как мог. Теперь, когда он пал, на его место встал Врангель с 15 тыс. или 20 тыс., сосредоточенными на Тавриде. Что сделает эта горсть, сосредоточенная на небольшой территории, без средств, сказать трудно. Может ли он продержаться? Помогать ему будут англичане, которые одновременно ведут переговоры с представителями советского правительства.

Удивляюсь большевикам, как они не войдут сами в переговоры. Деникин не вошел бы в переговоры, по свойству своего характера. Что сделает Врангель – не знаю. Но спасти эти 15 тыс., а может быть, и более, жизней, надо, и надо для пользы России, потерявшей так много лучших сыновей. Но как подойти к этому? Слиться с большевиками. Столько страданий пережито участниками Добровольческой армии от большевиков, что трудно, очень трудно рассчитывать на примирение. Мы издалека, не пережившие на месте все ужасы и несправедливости, не судьи, не решители в этом деле.

Я думаю, многие совершенно не знакомы с тем, что происходит у нас на юге, и обсуждать положение и делать выводы, основываясь на воображении, бессмысленно. Находящийся здесь Д.Г. Щербачев тоже ничего, вероятно, не знает.

В успех борьбы на юге, я не верил с самого начала. Они крылись в условиях жизни населения юга. Пульс русской государственной жизни не там. Но раз сила насаждалась там, и там же развилась, до значительных даже размеров, борьба все-таки должна была вестись в этом направлении. На первом плане должна была быть работа устроения.

Деникин подчинил себя Колчаку по собственному почину, а не по уговору окружающих его. Это было естественно, но в условиях, в которых он жил, большая заслуга. Издали многое может не нравиться, но что не достаточно, чтобы осуждать. А между тем его осуждают, хотя с прибавкой, что лично он честный и хороший человек.

Но чтобы обвинять, надо было знать, в каких условиях

проходила работа Деникина, с какими элементами ему пришлось иметь дело и что представлял сам Деникин.

Доблестный офицер, честный, бесконечно любящий Россию и самоотверженно ей служивший, по-своему, он мог дать только то, что он нес в себе. Его многочисленные речи, благородные, красивы и были проникнуты искренним чувством. Но суровая жизнь требовала что-то другое, и это другое он, по-видимому, проявить не мог. За это ли его винить? Не им созданы были эти условия, он не мог побороть их и пал.

Но его честное имя ничем не затронуто, и он ушел, когда совет генералов указал на Врангеля. Так сообщают газеты. Может быть, на самом деле было иначе. Но в этом я вижу слабость Врангеля. Я последнего знаю молодым офицером. Следил за его службой во время войны, слышал о его действиях во время борьбы.

Чувство сомнения, справится ли он с задачей, обладает ли он мудростью, необходимой в его тяжелом положении, невольно закрадывается в мою душу. И что ждет, и что будет с этой геройской молодежью? Спасать Россию! Поймут ли их вожди, что для спасения России нужно их сохранение и что сами они, вступив на арену действий, в современных условиях могут только погибнуть. Поймет ли Врангель, что ему необходимо произвести селекцию, надо удалить плевелы, оставить и привлечь хорошие и здоровые силы.

Добровольческая армия вступает в новую серьезную фазу, не менее тяжелую, чем первая. Нужны какие-то другие приемы и методы, чтобы осуществить, а когда придет момент – действовать. Но против кого? Желал бы, что это не было бы против русских.

16-IV-20

Переговоры поляков с Советами не могут наладиться, и не по вине вторых. Первые усердно работают в области политической пропаганды, чтобы создать затруднения русскому делу. Со свойственной им изворотливостью, они не останавливаются перед тем, чтобы нагадить людям, которые живут и без того в условиях несчастных. Сами они в тени, и вместо них работает французская Sureté[122]. Вчера по «Temps» высланы отсюда около 400 русских, indésirables[123], родившихся в Польше и на юге России, поляки не выдали им паспортов, так как они не пожелали признать себя поляками. Поляки, не пожелавшие признать Украину как нечто самостоятельное, вошли в договор с Петлюрой, которого они приютили у себя. Точное повторение того, что было с Лжедмитрием в начале XVII столетия.

На этих днях французская полиция арестовала возвращающегося из Берлина Ознобишина{415} и произвела обыск и наложила руки на частные деньги Фермора{416}, Трепова{417} и князя Кочубея{418} и других, заподозренных в стремлении создать единую Россию, но с помощью немцев. Понять обывателю мотивы этих арестов и обысков очень трудно. В квартиру пришли, порылись в бумагах и наложили арест на средства.

Как это напоминает доброе старое время XVII или более отдаленного столетия!

Что скажет на это Маклаков? Как никак, но здешние власти хотя и неофициально, а считают его послом.

Очень жаль, что у наших старых друзей такая неразбериха. Это мелочи, и притом грязного свойства, ибо забыта порядочность, и без нее жить тяжко. В моем уединении и вдали от пересудов и от каких-то бессильных потуг моих соотечественников спасать Россию за 5000 верст, я чувствую это как будто сильнее. Но вера в западных наших друзей и у меня иссякла с конца 1917 года и окончательно порвалась в 1918 году.

Это их дело, но смешно и недостойно нам при каждом столкновении уверять их, как сделали оба Ознобишина{419}, в франкофильстве. Я люблю Францию как страну, уважаю ее армию, но разве, оставаясь честным, я могу преклониться и низкопоклонно уверять, когда меня прищемит агент полиции, что я так предан Франции. Да разве Франция нас преследует? И почему мы должны преклоняться и восхищаться политикой временных правителей, уничтожающих нашу страну, с которой Франция была связана узами единения?

Надо уехать, но куда? Вопросы материальные приковывают

меня здесь. И долго ли будет длиться это страдание?

Но оставить Францию будет нелегко. В самые трудные минуты нашей жизни она нас приютила, и за это мы ей благодарны, но отечеству нашему она принесла много зла, меньше чем Ллойд Джордж с Великобританией, но зло принесла. Поляки ей милее, румыны и остальные ценнее мужицкой России. Во что все это выработается? Говорили, в России французов ненавидят. Так говорят.

Но что понимают под словом Россия? Если это разговоры в Одессе, в Новороссийске, среди наших, обманувшихся в разных надеждах, то это не Россия. Россия, масса никого не ненавидит. Надежды многих обмануты. Сильнее должны чувствовать живущие здесь, ибо каждый день читаем и слышим и видим, что старый союзник не только отвернулся, но идет рядом с тем, кто всегда был врагом и не мог быть другом сильной России. Мы понимаем, что Англия должна воспользоваться удобной минутой, чтобы под тем или другим соусом ослабить своего воображаемого врага на востоке. Она и ослабляет, прикрывая свои действия прекрасными для публики словами. Пройдет время, и всем это станет понятным и ясным. Но с Англией у нас не было обязательств, если не считать векового соперничества и соревнования в делах востока. Богатая Англия добьется своего, и современные англичане будут торжествовать, и Ллойд Джорджу воздвигнут будет памятник в Вестминстерском сквере как потрудившемуся для славы и могущества Великобритании. А мы будем нести свое ярмо долго. Выиграет ли от этого Франция? И приобретет ли она в поляках и румынах и других таких же глупых и самоотверженных друзей, как Россия, я не знаю, и этого не увижу. Разве мой внук, если из него выработается человек, увидит последствия всей этой постыдной истории, которая началась с 1917 года.

Жестоко поплатились мы за политику Сазонова-Милюкова, не соображенную ни с общим положением, ни с реальными условиями жизни и отвечавшей лишь воображению и чувствам небольшой кучки людей.

Бедный император Николай II поплатился жизнью, крушением династии и целостью русской земли. Большевики устраивают свое царство, непонятное народу и, возможно, непонятное и им самим.

Кто-то за кулисами работает, а жертвой делаются русские люди. В русских кругах аресты русских в Париже произвели тяжкое впечатление, да и французы, кажется, недовольны, что погорячились. Сведущие люди говорят, что действия полиции были вызваны доносами наших крайних инородческих

правительств.

Прилагаю 7 пунктов польско-украинского договора, помещенного в украинском журнале «Вперед».

1) Признание Польшей Украины государством независимым и автономным.

2) Répudiation[124] Польшей большевистского украинского правительства в Харькове под председательством Раковского{420}.

3) Польша отдельным договором соглашается возвратить Украине территории, тянувшиеся между Днестром, Днепром, Збручем, Горынью, Стыром, и Припятью, которую Польша потребует от России как принадлежащую прежнему Польскому королевству.

4) Польша заключает с Украиной договор, имеющий предметом освобождения от большевиков правого берега Днепра, но не обязуется ни на какую операцию на левом берегу Днепра.

5) Польша обязуется отвести свои войска с территории Украины по просьбе правительства украинского, когда ее войска будут способны занять эти земли.

6) Украина отказывается от территории к западу от Збруча, Горыни и Стыри и в особенности к востоку от Галиции.

8) Украина гарантирует Польше свободу транспорта к Одессе. Два министра поляков войдут в министерство правительства Украины.

Условия эти еще не утверждены союзниками.

17-IV-20

Главнейшие события этих дней – переговоры с Красиным, дружба после легкой ссоры Англии и Франции и начинающееся заседание в Сен-Ремо, где решится судьба Турции и наметятся дальнейшие пути по отношению к России.

Красин ведет дело спокойно, деловито и, как мне кажется, без лжи. Дальнейшая жизнь России – в ее дорогах и путях. Насколько Россия не может в настоящих условиях помочь западу, настолько запад не может помочь в желательных размерах нам локомотивами и предметами железнодорожного хозяйства. Поэтому жаль, что Красин уже с марта месяца отвлеченный от работ по улучшению наших сообщений, послан сюда. Он был бы более полезен дома, ибо пути сообщения должны быть исправлены нами, а заграница могла бы помочь в известной пропорции, и притом не столько Европа, как Америка.

Не золото прельстит Европу, а предметы первой необходимости, а их-то Россия дать в должном числе не может. Надо подумать раньше о нашем Севере и Западе и их насытить, а излишек, если такой будет, дать Европе. Отсутствие Красина именно весной, когда подготовительная работа по сухопутным и водяным путям должна быть усилена, большой вред.

Дружба Англии и Франции выразилась международной военной комиссией по разоружению Германии. Сюда даже приехал Черчилль. Под шумок поляки сплетничают о международной комиссии в восточной Пруссии.

Какой кляузный народ, и все темными путями.

Наши потерпели неудачу в Польше, и, может быть, крупную.

Это-то беспокоило меня больше всего с конца февраля. Я мало знаю, что происходит у большевиков в их военных управлениях, но я знаю наших военных деятелей, не только как работников своего дела, но и как людей.

Они могли быть годны к борьбе с их товарищами, антибольшевиками, но я был более чем уверен, что в главнейшей фазе и борьбе с польскими войсками они в той обстановке, в которой работают, успеха достигнуть не могут. А для русского дела здесь нужен был успех, ибо неустойка еще более усилит Польшу и ее войска. Жаль мне погибших, и притом с вредом для нас. Теперь придется начинать сначала, в условиях более сложных и трудных, и как не хитры большевистские деятели, но в обстановке их жизни, их кругозора, им с этим делом не справиться. В борьбе с Польшей должно разрешиться величайшее русское дело, которое своими последствиями должно отразиться

на все, на Финляндию, Эстляндию, Литву, Латвию, Бессарабию и т. д., и за это большое дело принялись люди не государственного склада. Мы в условиях тождественных с «петровскими», но вместо Петра Великого – Троцкий или Ленин. Для первого – была бы Россия жива, а для современных – Россия безразлична. Трудно в таких условиях удержать на своих плечах такое большое государственное дело.

Скорблю давно, и ложно звучали хвастливые радио большевиков об одержанных победах. Здешняя русская и французская публика верила в успех в то время, когда молчаливо скорбел о близком будущем: ибо после Деникина, должна была начаться расправа с поляками. Это было правильно.

Но противник по организации, существу и духу был иной.

Поляки были хорошими солдатами, и пренебрежение к ним многих русских военных ни на чем не основано.

Преувеличивать их силу не следует. Поляки, искренно ли или по политике, говорили и о силе своей армии. Их ведь не разберешь. Я оценивал их силу не столь грозной, но она была иного свойства, чем добровольческая, несмотря на то, что по мужеству и самоотверженности последняя была легендарна.

Большой ошибкой для нас было постоянно, частными неудачами укреплять польскую армию. Мы это делали, и перед нами теперь уже будет большая сильная рать.

Чья это вина? Не думаю, чтобы это была вина наших старых военных, крылась она в общей приложенной обстановке, в которой они работают. Может ли это служить извинением по существу, нет, но кто знает, в каких условиях они живут и каковы отношения к ним большевиков? Доверяют ли им большевики и могут ли военные доверять большевикам? В этой атмосфере могут ли они различить, что делается для России, что для большевиков. А последние не видят ли в разумном и необходимом со стороны военных подвох своей власти.

Ведь вор во всех видит воров. В моей жизни мне приходилось видеть людей, в деятельности которых в прошлом было рыльце в пуху. Уже в почтенном положении, это были самые ярые обличители почти всех в злоупотреблениях и в лихоимстве. Естественно, что большевистские правители повсюду видят измену себе и никому не доверяют, а всюду видят заговоры, подрывающие их власть. И как в таких условиях возвыситься до государственной самоотверженности?

Если для них польский вопрос – только эпизод для всемирной революции, то даже при успехе дело должно провалиться. Но это еще не ясно.

Будем с терпением выжидать постановление бродячего

конгресса мира в Сан-Ремо. Был бы жив Крылов, он дал бы нам художественную картинку на тему: «А как вы не садитесь, а в музыканты не годитесь». Печально и грустно.

2-V-20

По сравнению с 1 маем 1919 года вчерашний день как будто был острее. Забастовка железнодорожников не общая и пока не дружная. Здесь, в Булоне, и в окрестностях тихо. <…>

Если бы я был француз, мне было бы легче сказать, что можно ожидать, но как иностранец, смотрящий на жизнь издалека, браться за такие предсказания не буду.

Поживем увидим. Но нам, пережившим наши беды, как-то непонятно, из-за чего весь сыр-бор загорелся. Живут себе люди в благодатной стране, живут, как нашему бедняку и не снилось, выдержали хорошо невероятную трепку и создают себе еще худшую, вместе того чтобы сначала залечить свои раны. А затем приняться за те социальные улучшения, которые действительно нужны стране для ее благополучия.

4-V-20

Вчера зашел к Кривошеину. Он недавно приехал сюда, затем был в Лондоне, вернулся оттуда и на днях собирается в Севастополь. Его усиленно зовет Врангель на короткое время, чтобы посоветоваться с ним. Кривошеин предполагает поселиться здесь и заняться личными делами. Я нашел его сильно изменившимся. Обычная его живость как будто отошла от него. Это не прежний Кривошеин. На течение жизни смотрит пессимистично. Города вымирают, погружены во все более накапливающуюся грязь и нечистоты. Вымирает и деревня. Об остальном не говорили. Он мне сообщал, что правая рука Врангеля по военной части молодой Томилов, тот самый, который был в штабе Юденича на Кавказе. Томилов способный молодой офицер, но личное его самолюбие и, добавлю, честолюбие главные руководители его жизни. Мне он нравился, но мне показалось, что не хватает у него уравновешенности и серьезности. Не виноват он в этом, слишком молод. Таков же Врангель, которого знал молодым конногвардейцем. По-моему, он больше актер, чем цельный человек. Он храбр, это большое достоинство для солдата, но теперь он положения государственного человека, в условиях необыкновенной трудности.

Я высказал Кривошеину, на его слова, что Россия без чужой помощи встать не может, что именно этой помощи мы ждать не можем и не должны. Ее не было и раньше, ибо никакой серьезной помощи никто во время дать не мог и не хотел. Никому сильная Россия не мила, в особенности теперь. Надо своими силами выбираться, но не теми людьми, которые вне России, а местными. Средства есть, но необходимы время и деньги, а последних никто не даст русским, ибо они, по мнению иностранцев, сплошь ненадежны. Что Врангель вызывает Кривошеина, это с его стороны хорошо, но меня беспокоит, что сам А.В. слишком надломлен.

Я высказал ему, что, по-моему, пока единственная цель Врангеля сохранить человеческие жизни, в особенности молодых, ценных для будущей работы в России. Всякие предприятия, и в особенности в союзе с такими элементами как Махно{421}, только принесут вред. Работать надо над крестьянской массой не в духе раздражения, а успокоения и умиротворения. Такая работа кое-где без всякой организации, наверно, ведется.

Он торопился в посольство. Его впечатления о парижской правящей среде (Сазонов, Маклаков, Львов) грустные.

Поляки заняли Киев. Сомневаюсь, чтобы они углубились бы дальше на восток. Незачем. Удастся ли им занять Могилев, Оршу и, может быть, Смоленск?

Не сомневаюсь в их желаниях, но позволят ли средства? Они рады бы покончить с русским советским правительством, ибо тогда легче им будет провести свои виды полностью. А ведь три месяца тому назад положение советского правительства было иное, но после своих успехов в Сибири, на юге, на севере и под Петроградом они наделали ряд ошибок, как наделали в 18 году по внутренним делам.

По-видимому, они органически на серьезные дела не способны. Вносить смуту, разорение – это их сфера, но не творческая работа. При встрече с организацией – они пасуют. Пока не создастся что-то сорганизованное в стране, они будут властвовать, и будут вести все к гибели.

Уже не в первый раз приходится слышать, что здесь или в Лондоне идут какие-то толки, разговоры об образовании национального комитета или собрания. Раньше было политическое совещание, затем делегация, не мудрено, что соберутся люди и провозгласят национальное собрание. Если за ними будут деньги, то оно будет и многочисленное. Был же Польский национальный комитет и получал он от французов 400 тыс. франков в месяц. Для большой России 400 тыс. франков в месяц мало, да и зазорно, если таких членов будет 20–50 человек. Комитет – так комитет, соответственный русской шири, человек в 100. И все будут кормиться и будут довольны. Наймут дом, вывесят флаг и будут писать протоколы, ордера и т. п. Дело привычное. И чья воровская голова это выдумала?

Частных комитетов развелось в Лондоне и Париже довольно много. Есть, кажется, полезные, помогающие соотечественникам, есть бесполезные, может быть, и вредные. Кто их разберет? А что же в действительности нужно? Как бы хотелось ответить на этот вопрос, а ответа нет. Что надо всем соединиться, это нужно, а на самом деле мы все в разброде. Но если бы, чего не думаю, мы бы соединились, что же дальше? Надо принять решение. Но какое? Вот и стоим перед стеной. Я знаю только одно – надо вернуться в Россию. Все поехать туда не могут, это бессмысленно. <…>

7-V-20

Вчера Э. Белосельский{422} сообщил, что Батуми в руках большевиков, а англичане оттуда поспешно ретировались заблаговременно, оставив там и кое-какое добро. Дело большевиков на Кавказе ведет Клембовский, а при нем будто бы немецкий генерал Брандштейн. Жаль и прискорбно, что наши не могут без немецкой указки. Но правда ли последнее? Мы так привыкли повсюду примешивать немцев, что теперь ничего без них и быть не может. Может быть, и против поляков в русском штабе были немцы?! Как это все несуразно.

11-V-20

Сегодня в «Matin» помещено, что в течении 1 дня или 1½ деятельность московского радио ослабла в значительной степени. Что это значит?

Подтверждается, что поляки заняли Киев. В Черниговской губернии и восточнее восстание украинских крестьян против большевиков, а в Москве, среди правящих, паника. Казну и драгоценности собираются перевести в Швецию. Черт знает что за выдумки, и кто их фабрикует. Кажется мне, что поляки очень стараются в этой области.

12-V-20

Правительство выступило вчера против C.G.T. Привлечены Жуо {423} и другие и произведены обыски. Арестовываются привлеченные в подстрекательстве и в разных выступлениях. Чернильная распря в газетах разгорается, и частные стычки где расширяются, где сокращаются.

Обыватель беспокоится, но пока, если не считать единичных хулиганских выходок, как стрельба по поезду или бросания камнями, спокойно.

В своем заявлении президент Мильеран указывает, что правительство вынуждено бороться не с C.G.T. и синдикатами, существование которых необходимо, а против положения, занятого по отношению законного правительства деятелями этих организаций. Не могу сказать, чтобы правительство бросило вызов. Что ему оставалось делать?

Национализация дорог только предлог и правительство не уклоняется от его разрешения, имея уже наготове проект, который если верить газетам, был передан более месяца тому назад на заключение C.G.T. Свой проект правительство намерено передать парламенту, а C.G.T. желает провести свой, надавливая забастовками.

Поляки делают свое дело. Румыния, по газетным сведениям, пристегивается к ней и мобилизует 4 класса. Обычный ее образ действий. Так было и в 1916 году. С ее жадностью и воровскими приемами, похожими на инстинкты шакала, она выступает, когда может урвать.

Два года она торговалась и выступила в 1916 году после успехов Юго-Западного фронта. Теперь ее подбодрили поляки, занявши Киев, и, по газетам, направляющиеся к Одессе на соединение с флотом союзников в Черном море.

Передали нам журналисты письмо Брусилова начальнику штаба{424} армии. Решительное, но неудачное по содержанию, неуместное по ходу событий. В то время когда поляки делают свое дело и притом с оружием в руках, льститься к ним негоже. В Москве создается или создалось нечто вроде Комитета государственной обороны. В настоящих условиях России комитет обороны – учреждение для прокормления ее голов. Я думаю, письмо это было продиктовано Советом.

В 1905 году также был учрежден Совет государственной обороны{425}. Его главные основания и сама идея исходили от великого князя Николая Николаевича. Но этот совет соединял в себе лишь силы для организаторской работы. Неужели главные

деятели советского правительства допустят, чтобы, прикрывшись коммунистическим листком, сплошь ненадежные генералы вершили бы устроение армии?

Мы привыкли брать образцы с прошлого. В большинстве случаев это похвально и полезно, но сомневаюсь, чтобы Брусилов способен был бы, находясь во главе такого учреждения, практически повести соответственную работу по устроению военных сил при помощи этого учреждения.

За 1905–08 гг. Совет государственной обороны{426} пошел по неправильному пути и, обратившись в канцелярию, всосал в себя столь много, что стал страдать несварением. Думаю, что и настоящий комитет погибнет от той же болезни.

Вчера «Temps» поместил Extrait из проекта мирного договора с Турцией. Темный и недоговоренный проект. Разве Вильсон согласился быть арбитром Армении? Он, согласно проекту, будет указывать границы Армении. Он будет вырезать узоры на русском государственном теле. Но это газетные сведения, которые в настоящее время появляются, чтобы бесследно исчезнуть в последующие дни.

Решения, принимаемые Западом по отношению нашего Закавказья, Персии и Малой Азии, исходят из одного начала – уничтожить и сузить сферу влияния России, предварительно разрушив самое государство, разъединив его составные части и образовав вместо единой России ряд враждующих между собой единиц, пользующихся эфемерной самостоятельностью и правом соперничать друг с другом.

Деятельных помощников Запад нашел в максималистском правлении России, возглавившем при своем воцарении начала самоопределения и отделения от России. Один Господь знает, зачем им был нужен этот лозунг. Но его провозглашение имело свои практические последствия, и русское государство, корчась в междоусобиях, раскалывается, и все, что образовалось на ее окраинах, протягивает руки, чтобы захватить больше. Большевики этому не мешали. Грех был совершен, и хотя положение их в течение времени менялось, но сойти с этого пути им было невозможно.

Любо это было западу. Но тысячелетнюю работу народа декларациями и речами уничтожить нельзя. Историческую жизнь, накопившуюся столетиями, верования и понятия выкинуть, как ненужный балласт, тоже нельзя. Они в жизни народа дадут себя чувствовать и выразятся какими-то действиями, привычными народу, отстаивающему свою самобытность, свои верования.

Россия пришла в Закавказье, в Туркестан естественным путем, в силу ее потребностей и как цивилизованное начало. И

народы там жившие, это почувствовали и это знают.

Они, увлеченные вожаками, отделились от России, вернее, отделились от ужасов разнузданных методов большевиков. Западный капитал бросился туда, и, чтобы обеспечить барыши в будущем, стал там хозяином.

Здесь политически стали выкраивать государства, без малейшего знания, что представляет Закавказье и прилегающая к ней нагорная Армения. Люди, там живущие, природа страны, прошлое их были мало известны, и то больше по книжкам пропагандистского характера.

Бедная Армения никак не может образоваться, и, чтобы выйти из затруднений, понадобилось ей просить президента Вильсона взять на себя труд указать ее границы. Почему президент Вильсон должен знать, что только несколько уездов (5) Эриванский и Елизаветопольской губерний действительно имеют армянское большинство, и в нагорной Армении, даже в Мушском салджаке, нет большинства армянского населения? И откуда ему знать причины той ненависти, которая живет среди разнообразных племен нагорной Армении, условий их жизни, особенностей, одним словом, всего того, что характеризует жизнь и без знания коих ничего серьезного строить нельзя. Участь армян, кроме русских, очень печальна. Фактически за них стояло только русское правительство. Англичане собирали митинги, ласково принимали приезжавших, но фактически только Россия стремилась к облегчению их участи (конференция 1913).

Вожаки и более честолюбивые и жадные армяне хотят быть правителями будущего армянского царства. Но кроме русских 5 уездов для образования армянского царства нет материала. Нужно может быть 60 лет, а то столетие, чтобы при помощи плодовитости армян в условиях благосклонного к ним правительства, создать нечто вроде армянского царства и даже не тех размеров, на которые претендуют вожаки с Нубар-Пашой{427} во главе, а меньше.

Нельзя же из сочувствия к армянам начать уничтожение турок, греков, курдов, вазил-башей и т. п. народностей, т. е. применять методы, которые перечисленными народностями, турками и курдами на первом плане, применялись к армянам. Благодетельное и цивилизованное влияние России в этих местностях затерты последствиями войны. Претерпеваемые народом страдания под правлением самовольно вскарабкавшихся на высоту людей дадут себя почувствовать и народы Закавказья увидят, где правда, где справедливость.

Когда это случится, тогда и нам, и нашим инородцам станут ясны содеянные в это смутное и несчастное время ошибки,

приведшие к разорению и к гибели миллионов жизней.

20-V-20

Предстоящее собрание вершителей мира в Спа будет токовать главным образом о разоружении Германии и об определении угольных и денежных обязательств последней, и, возможно, коснется усложняющего турецкого и русского вопросов.

Ллойд Джордж устал и прихварывает. Нелегко распоряжаться судьбами человечества. Асквит заговорил о необходимости пересмотра Версальского договора, и его поддерживают. Здесь это не нравится. Как приступить к нему? Какие основания могут быть положены для нового договора, и что может произойти от такого пересмотра?

Все в сущности предоставлены самим себе и все устраиваются на свой лад, но под общим гнетом победителей, которые хотят взять себе львиную долю, но что взять, когда все разорены и когда внутренняя жизнь, лишенная привычных норм жизни, течет в возбуждении, в интригах и злобе.

Вчера у меня был генерал Занкевич, бывший последние 6–8 недель начальником штаба у адмирала Колчака. Он спасся со станции Иркутск 16 или 17-го января 20 года, мытарствовал, пока не добрался до станции Манчжурии, откуда в поезде помощника генерала Жанена выбрался из этого омута.

С большой симпатией он отзывался об адмирале Колчаке, но не скрывает его неустойчивости в отношении людей и легкости, с которой он поддавался влиянию, к сожалению, не всегда лучших людей. Наши офицеры Генерального штаба, Лебедев{428} и Сахаров{429}, принесли делу Колчака, по словам Занкевича, много вреда. Но как человек, Колчак был хороший, честный, проникнутый важностью принятых на себя обязанностей, но несчастливый.

Уже в октябре армии, собственно говоря, не было. Что было раньше, Занкевич сказать не мог. Людей числилось много, отпускались деньги и довольствия тоже на большое число ртов и лошадей. Но сколько их было в действительности, никто не знал, как и не знали, сколько было пушек и других артиллерийских и технических средств.

Но деньги отпускались на все число, в то время когда почти все или значительная часть вооружения, числившаяся на бумаге, находилась в руках большевиков, населения и банд разбойников, имевших свои крупные центры, как, например, Барнаул, Минусинск, Кузнецк и другие. Штабы и управления были громадные. Был штаб несуществующей армии, были двойники управлений, которые делали одно и то же, было большое число

разных состоящих в распоряжении, командированных и исключенных, получавших оклады. Была и военная академия со штатом. Все эти органы пропускали через себя деньги, военное имущество, продовольствие, или отпускаемое им или реквизированное. Деньги попадали тем, кто их хотел иметь. Военное имущество протекало в население и банды, а до войск доходила только часть. От армии постоянно присылались вопли о снабжении их оружием и другим. Как будто выходило, что армия и высшее управление задались целью насытить население и вооруженные банды оружием. Неудивительно, что все развилось в общую разбойничью армию.

Постоянные реквизиции, жестокие репрессии по доносам в большевизме разных селений и лиц, в то время как большевистская пропаганда свободно разгуливала по всей стране и советское правление в контакте с крупными разбойными бандами создали в населении ненависть к Колчаку, в сущности меньше всех виновному. Страдальческое было положение населения, верстах в 80 по обе стороны Сибирской железной дороги, оно было особенно невыносимо. Дальние деревни меньше страдали; они окопались и от белых, и от банд разбойников.

Несчастная страна стонала, а высшее управление не видело, не чувствовало это и занималось своими делишками, меняя настроение по мере того, как менялось положение.

Обширные канцелярии писали, что-то предлагали.

Все, что издали, казалось, имело вид какой-то организации, на самом деле был мусор. И корни этого разложения крылись в отсутствии организации с первых же шагов жизни правительства и в людях, сбежавшихся не для спасения России, а для личных своих целей и воровства. Несколько искренних людей были бессильны в этой массе себялюбивых и разнузданных развалом армии и революцией. Прискорбна была роль Генерального штаба в этой трагедии. Ничего, кроме отрицательного, он не дал. Еще в старших видны были известные проблески, но плеяда молодых начисто разыграли своим незнанием, самомнением и неустойчивостью свое отечество. Во всем этом большом механизме и организме причиной его бедственной работы были управления, т. е. органы Генерального штаба. Ничего они не дали для создания и урегулирования работы и обуздания центробежных вредных сил.

Пишу это как первый и в сущности последний начальник Генерального штаба{430}, мечтавший из этого, в сущности выбранного корпуса, сделать полезный для государства орган. Увы, неполных 3 года, естественно, оказались недостаточными, чтобы даже вырыть фундамент для этого здания.

Однако в 1905 и в начале 1906 органы эти, в особенности на железной дороге дали многое, чтобы выйти из хаоса. Но это были еще старые отпрыски, а молодые были, к сожалению, не слуги России. Много было хорошего в нашем Генеральном штабе и, не сомневаюсь, и среди наличных: откинув плевелы, найдутся хорошие, которые и теперь покажут, что русский Генеральный штаб был добротен.

Что собралось в Сибири, в значительной степени не высокопробно. Не буду называть лучших, они всем известны, из них и бедный Каппель положил свою голову.

Часть носивших военный мундир, к сожалению, из молодых, оттесняли более пожилых, опытных и проникнутых желанием делать дело. Последовательно были оттерты Розанов{431}, Степанов{432}, Дитерихс, Лохвицкий и другие. Головин, пробыв несколько дней, ушел из-за болезни; он уехал больным, в пути его состояние ухудшилось и, прибыв, должен был скоро уехать.

Адмирал Колчак, по своему положению Верховного Правителя, не мог воплотить в себе все, нагромоздить войска, всех поднять, что было на бумаге, иметь большую цифру вооруженной силы, не заботясь о том, можно ли их кормить, одеть, обуть, вооружить, сплотить, обучить, дать им офицеров и кадры, все это создавало затруднения и привело к разложению, при больших пространствах Сибири. Все это могло бы быть поведено иначе, если бы среди окружавших адмирала Колчака были люди с организаторским смыслом, а не канцеляристы вроде Лебедева.

Но оговорю, начало, было положено до Колчака в 1918 году, когда Сибирь уже шла ходуном. Но, мне кажется, именно это обстоятельство и должно было в зиму 1918–1919 года и даже летом 1919-го года заставить людей посвятить все силы на устройство и отбор, не выступая против большевиков, пока устроение у себя по железной дороге и в стране не было бы закончено. Поступление было обратное. Правда, всё было в ажиотации. У себя боролись партии, вне – разгуливал большевизм и своеволие. Может быть, иначе и нельзя было поступить. Поступать разумно всегда можно, но люди, там собравшиеся, к этому не были склонны и неспособны. Они, по-видимому, не отдавали себе отчета, ради чего они собрались в Омск. Они жили текущей жизнью, удовлетворяли свои страсти данной минуты, но главная их цель – освобождение России, ушла куда-то очень далеко.

Они и погибли, а Сибирь осталась в состоянии анархии, быть может более сильной, чем анархия в Европейской России.

В октябре прибыл Занкевич и, после ухода Дитерихса, вскоре

стал в положение частного начальника штаба Верховного главнокомандующего. Все деятели вооружились высокими титулами. Без них мы шагу не можем ступить. Любовь и пристрастие к титулам, или приверженность к большим окладам, связанная с этим, решать не берусь.

После ухода Дитерихса, рассорившегося с адмиралом Колчаком, стал Сахаров в звании главнокомандующий сибирской армии, т. е. 3-х групп вооруженных людей на бумаге и на карте, изображаемых вроде 3-х армий, на самом деле 3 толпы, и к октябрю 1919 года ни к чему не способных, хотя штабы писали о боях, об операциях, отголоски которых докатились сюда и обманывали наш слух и наше представление о происходящем в Сибири. Гораздо осмысленнее организовались разбойные шайки. Барнаул, Минусинск, Кузнецк и другие пункты были их центры. Они подчинялись в своих действиях указаниям большевиков. Центры их были укреплены, расположись они в хлебных местах. Были они хуже войск, Занкевич определить не мог. Для бедного населения, в особенности при железных дорогах, это были грабители одинакового свойства.

Реквизиции войск, репрессии населения, подозреваемого в укрывательстве большевиков и большевизме, были несправедливо жестоки и послужили причиной той ненависти несчастного населения к правительству Колчака, которая его и сгубила. Откуда народ мог знать, что не Колчак, а ниже его были причиной этих злодейств?

22-V-20

Разрыв генерала Дитерихса и адмирала Колчака имел своей причиной не только разногласие очистить Омск и перейти в Иркутск, чтобы заняться устроением армии, но крылся в общем положении армии и тех лиц, которые стояли во главе подчиненных генералу Дитерихсу, в общем, разлад и, вероятно, в сферах, окружающих Верховного Правителя. Я думаю, что безотрадность всего положения сама по себе не побудила бы Дитерихса оставить адмирала Колчака.

Генерал или полковник Сахаров, игравший раньше какую-то роль на востоке, стал руководить действиями трех групп с громким наименованием главнокомандующего. Генерал Занкевич характеризует его ограниченным и самонадеянным молодым офицером, но обладающим характером. Он импонировал адмиралу Колчаку фразами и высокословием, и последний ему уступал. «Я, главнокомандующий, несу на себе ответственность перед Родиной!» – и т. д. повторялось постоянно, и бедный адмирал не замечал, что за этими словами нет содержания и, вместо того чтобы убрать молодца, соглашался. Да и кем заменись? Занкевича поставили в роль начальника штаба Колчака, но как-то неясно, ибо, в сущности, он был в роли генерал-квартирмейстера. Ознакомившись в течение первых дней с положением в Омске и затем на небольшом участке фронта, близ железнодорожной магистрали, Занкевич убедился, что собственно войск нет, а есть вооруженная толпа на санях и без них, отходившая на восток, что штабы пишут реляции о боях, не имевших место, что ни в Омске, ни впереди никто не знает, сколько именно войск, и что вообще рассчитывать, что есть какая-то сила, нельзя.

Тем не менее какие-то директивы писались, о предположениях ссорились, как будто есть армия и можно что-то сделать.

Убедить адмирала Колчака перенестись в Иркутск и объявить о сборе Национального Собрания в Иркутске, Занкевич не мог. По словам Занкевича, сбор этого собрания, который, по его мнению, должен был представлять одних большевиков, позволил бы адмиралу все-таки выиграть месяца 3–4 на устройство в Иркутске войск. Затруднения выражались также в острых отношениях к чехословакам. Корень их был в прошлом, в личных недоразумениях Гайды{433} с адмиралом, и передавшиеся затем в массу. Но, добавляет генерал Занкевич, чехословаки в своих личных отношениях к русским представляли элемент, родственно

относящийся к нам. Сотни, может быть, тысячи жизней спасены ими при дальнейшем развитии общего развала.

Чехословаки представляли все-таки сплоченную войсковую силу, и не будь этих несчастных недоразумений, они могли бы оказать большие услуги. Но, в конечном периоде они исключительно были заняты мыслью добраться до Владивостока, и оттуда домой. Дорога на протяжении 4–5 тыс. верст была запружена их эшелонами, медленно продвигавшимися на восток, местами с боем с бандами и в спорах с обессиленной железнодорожной администрацией. Очень это было похоже на возвращение из Манчжурии нашей армии в 1905–1906 гг.

Эта загруженность дороги, при доведенной до минимума проводоспособности и пропускной способности дороги, сокращавшейся еще от производимых бандами разрушений, делали выезд из Омска затруднительным.

Вследствие высокопарных слов и заявлений военных и гражданских властей ранней осенью, что Омск никогда не будет очищен, а затем, когда стало очевидно, что Омск удержать нельзя, к эвакуации его приступать было поздно. 3000 поездов, по словам генерала Занкевича, были отправлены, и все остались на свою погибель на путях. Думаю, что не много, если разделить число поездов на 10. И это громадная цифра. Переполнение линии препятствовало выезду штаба, который один требовал 7 или 9 поездов. Адмирала удалось убедить и наконец в октябре он выехал, претерпевая разные мытарства в движении, вплоть до Иннокентьевской (2 месяца). Не буду входить в их описание, вероятно, генерал Занкевич изложит их подробно. По мере приближения их к востоку положение делалось все серьезнее и без помощи чехословаков адмиралу, вероятно, не удалось бы доехать до Иннокентьевской.

В пути был выработан план остановки поезда и перехода на лошадях в Монголию. С адмиралом ехал конвой в 500 человек, на который он рассчитывал, но когда на одной из станций, кажется, Тайге, они были спрошены, из 500 человек осталось с адмиралом один фельдфебель. Это было лучше. Но и план бегства через Монголию не пришлось провести. Поезд пришлось оставить, и штаб переселился в вагон III класса. Когда прибыли в Иннокентьевскую (кажется, в начала января), Жанен был в Иркутске и деятельно переговаривал со старшим чехословацким начальником. Вопрос шел о судьбе вагона адмирала. Чехословаки должны были доставить адмирала до Иркутска. Дальше, ввиду грозящей опасности, они вести вагон отказались, и охрана должна была пасть на японцев, которые отнеслись к этой обязанности уклончиво.

Генерал Занкевич должен был попытаться съездить в Иркутск, чтобы лично повидать Жанена, но это не удалось, да и надобности не было, так как генерал выехал из Иркутска на станцию Байкал, а затем в Верхнеудинск.

Адмирал остался один, а в Иркутске положение стало таковым, что каждый думал о спасении самого себя. Две с половиной недели генералу Занкевичу пришлось в чешских вагонах просидеть безвыходно, а затем, с разными приключениями, выдавая себя за австрийского пленного, где в вагоне, где пешком добраться до станции Манчжурия, где нашел поезд французской миссии. Приключения же дали генералу возможность ближе стать к людям (разбойникам), которые в это время были хозяевами положения. С минуты оставления адмиральского вагона в дальнейших событиях он участия не принимал.

Адмирал погиб. Вокруг его имени во взбудораженной массе создалась ненависть. Так всегда бывает. Всегда толпа винит кого-то и кого-то обожает, не отдавая себе отчета и не вникая в причины. <…>

Генерал Занкевич считает, что Жанен не выдавал адмирала Колчака. Я думаю, что никакой надобности ему не было предавать на гибель человека. Более того, я думаю, что он хотел спасти его жизнь, но не мог. Почему не мог? Я думаю, в подобных условиях словами ничего нельзя сделать, а у Жанена других средств не было.

Одно, что он мог сделать, это приказать спасти Колчака, т. е. приказать категорически чехословакам вывести его до станции Манчжурии. Чехословаки, может быть, приказа этого не исполнили, а если исполнили бы, то пролилась бы кровь.

Из рассказа Занкевича выношу впечатление: что в то время, когда в Иркутске боролись социалисты-революционеры и местные большевики, вообще когда все было неопределенно, крови не проливалось и адмирала вывезли бы. Занкевич говорит, что Жанен не был уверен, что приказание его будет исполнено и будто боялся пошатнуть престиж своей власти. Это объяснение не выдерживает критики. Никакой реальной власти у Жанена не было и неисполнение ничего не пошатнуло бы. Во всяком случае, приказав, он исполнил бы свой долг перед своим военным сотрудником, а престиж Франции лишь бы выиграл, да и наша взбудораженная публика, покричав, признала бы, что Жанен поступил справедливо.

Но интересно знать, какие внутренние побуждения побудили Жанена поступить иначе, т. е. почему им было сделано ни то, ни се. <…>

1-VI-20

Struve{434} et note de Tchetcherin à Mustapha-Kemal{435}[125].

С одной стороны Струве, с другой стороны Чичерин заявили: первый – о программе политики Врангеля, второй – в ноте Мустафе Кемаль-паши на приглашение последнего разделить борьбу против иностранного империализма. Кроме сочувствия и подтверждения прав народов на самоопределение, нота Чичерина, в сущности, ничего определенного, кроме желания немедленно завязать дипломатические и консульские отношения, не дает. Чичерин выражает согласие на 8 пунктов письма Мустафы-Кемаль-паши. Из этих пунктов останавливают внимание п. 6 и 8.

Пункт 6 говорит о передаче вопроса о проливах конференции прибрежных черноморских стран, а пункт 8 об уничтожении сферы влияний. О русской Армении ни слова. Ответ носит дружеский и вместе с тем осторожный характер. Странно, что Кемаль-паша в числе турецких областей поместил и Батуми, а Чичерин, перечисляя эти пункты, как бы это подтвердил.

14-VII-20

Французский национальный праздник затуманился осложнением, которые вчера проявились в переговорах в Спа по поводу доставки французам угля немцами. Версальский трактат обязывал немцев доставлять 3200/т тонн угля ежемесячно. Им уменьшили это количество до 2400/т тонн. Немцы в Спа согласились доставлять до 1-го октября 1920 года 1100/т, с 1-го октября 1400/т, с 1-го октября 1921 года 1400/т с оплатой на довольствие рабочих по 50 франков с тонны. Союзники не согласны довести количество угля ниже 2-х млн. в месяц. К уплате денег совещание не подошло, но немецкие предложения определяют уплату в 50 млрд. франков, причем 20 млрд. они считают уже оплаченными.

Оплата растягивается на 50 лет. Сомнительно, чтобы союзники согласились бы на уменьшение оплаты с 120 млрд. на 30 млрд.

Сегодняшние газеты говорят о прекращении переговоров, но вчерашняя речь Делакруа – ответ союзников на немецкие предложения о количестве угля примирительного духа и говорить о возможности перерыва, но не разрыва. В Спа вызван маршал Фош. Журналы бьют тревогу; следящие за политикой уже предусматривают соединение немцев с красными, предварительно задавив поляков, и двигающихся к Рейну. Привыкшие к бегству русские интеллигенты два дня тому назад говорили мне, что надо отсюда уезжать, ибо немцы пойдут на Париж.

Корень зла в Версальском договоре. Пока он будет существовать и все, что там изложено, будет проводиться в исполнение, все будут жить в напряженном состоянии возникновения войн. Для Германии необходимо его пересмотреть. Союзники на это не согласятся по многим причинам:

1) по самолюбию и упорству,

2) по нежеланию отказаться от больших выгод, которые предоставлены им договором. Германия, несмотря на миллионы солдат и вооружение, все-таки бессильна, как бессильны ее противники. Но она пользуется развивающимися на восток и политическими обстоятельствами, и трудовыми экономическими согласии вообще.

Союзники постоянно заявляют о полном взаимном согласии. Если бы оно было, незачем было заявлять об этом. Его нет, и только взаимными усилиями глав правительств, понимающих,

что если брешь расширится, то все расползется и творение конгресса обратится в клочок бумаги, оно держится кадавром, соединяющим их Версальским договором.

Для Мильерана все это ясно, но он стоит перед законодательными учреждениями, обществом, как говорят, общественным мнением, не желающим упустить известные материальные выгоды, отказаться от звания победителей.

Германия еще более ослаблена, чем союзники, и внутри ее не тлеет, а горит малым огнем раздор.

Привыкшая к каким угодно комбинациям публика ни перед чем не останавливается и соединяет немцев с большевиками. Но немцы навряд ли, даже если местные большевики возьмут верх, и заменят современное парламентарное правление, пойдут на такой союз. Он им может дать смуту, но не силу, и, я думаю, немцы это учитывают и этого не рискнут.

Как смотрят на это Мильеран и Фош?

Мильеран заявил, что он не уступит, но это не решение. Не немцам он будет уступать, а влиянию современных условий, которые одинаково тяготеют над всеми.

Угроза занятия германской территории осуществима. Немцы под этой угрозой уступят, подпишут соглашение, но полностью его все-таки не выполнят. Можно поморить их голодом, применив блокаду, но последнее палка – о двух концах, и частое его применение может всем опротиветь. Пострадают от него все. Стыдно признаться, что договор неудачный, но лучше это, чем общее бедствие. Разве договоры не пересматривались? Но как ни важно установление в Германии нормальной жизни, но остается еще Россия.

Для русского вопроса собираются созвать представителей всех инородческих областей, объявивших себя независимыми от русского государства. Кто же будет представлять Россию? Советская Россия согласилась на условия. Ллойд Джордж обеспечит взаимные торговые отношения, торговые расчеты, возвращение задержанных русских и непринятие англичанами враждебных действий против учреждений страны; и в частности, Советы обязуются ни военными мерами, ни денежными, ни путем разделения восточных народов направлять их враждебно против британской власти.

В обмен на аналогичные обязательства английского правительства, советское правительство должно будет согласиться дать принципиальное обязательство возместить британским подданным потери, понесенные ими вследствие распродажи их товаров или кредитов, ввиду личных услуг, оказанных ими России.

Англия предоставляет себе право представить несогласие на назначение официальных агентов Советского правительства. Соглашаясь на предложения Ллойд Джорджа, Советы указывают и протестуют против обвинения их в приписываемых атаках против Великобритании. Коммерческие отношения Англии и Советской России будут осуществлены, но рядом с этим, как результат неудач поляков и жалостных воплей польского президента министров Грабского{436}, Ллойд Джорджем предложены 6 статей для заключения между Советскими войсками и поляками перемирия. Исходит оно от Ллойд Джорджа, но с согласия остальных представителей союзников в Спа. Если Советы не согласятся, англичане выступят за поляков.

По 1-му пункту Польша должна отказаться от всяких политических захватов; по 2-му беспрекословно подчиниться решениям conseil Suprème[126] всех спорных вопросов, в том числе о Данциге и Мемеле. Советские войска, по 4-му пункту, могут подвигаться на запад, не доходя 50 км до линии, обозначенной в 3-м пункте, а именно: поляки должны, согласно 3-му пункту оттянуть свои войска на линию Гродно, Брест-Литовск и на пункте, расположенном в 50 км к югу-западу от Львова, а по другой версии – Премышля. <…> В Лондоне будет созвана конференция для перемирия. Из кого она будет состоять, не сказано. Туда прибудут делегаты Совета, Польши, Литвы, Финляндии и Латвии, для того чтобы sera discutée[127] мир, а представители Восточной Галиции выскажут свои аспирации. Я думаю, что Советы поедут, почва у них горит под ногами, поедут, coûte-que-coûte[128] им нужно, чтобы их признали правительством. Настолько мозгов у них хватит, чтобы в начале потребовать признания. В сущности, это те же Принцевы [острова], но похуже. Польским панам тоже будет обидно, как заседавшим и подписывавшим Версальский мир. Но они пойдут, будут ласковы и, если сборище состоится, то что-нибудь да урвут. Удивительно, как Ллойд Джорджу могла прийти в голову такая комбинация. Надоело ему все по горло, хочется одним ударом все покончить. Заправские дипломаты, вероятно, корчатся. Интересно знать, как к этому отнесется Кэ д'Орсе, или это сделано по взаимному соглашению.

Большевики должны быть довольны, что этими актами они признаны не только Британией, но и остальными. <…>

На завтрашний день я получил приглашение на собрание бывших членов Государственной Думы и Государственного Совета. Интересно, кто прибудет и о чем будут вести разговор? Вероятно, спасать ту Россию, которая, судя по последним документам, не существует, ибо Россия без западных, южных и

может быть, и восточных областей – не Россия, а что-то другое. <…>

Осталась слабая надежда на будущие поколения, ибо современное ни в борьбе, ни в устроении ничего положительного для своего отечества совершить не могло и не сумело. Теперь очередь за большевиками, до сих пор все уничтожавшими и одновременно что-то созидавшими.

Пока их усилия давали положительные результаты лишь в вооруженной борьбе и то, пользуясь средствами и людьми старого порядка. Результаты насаждаемого вновь – отрицательны, но лет через 50, по их словам, будет рай. Какой и для кого! Все это указывает на одно – на полную неудовлетворенность.

Выразится ли она чем-либо, или страна будет жить в состоянии тихого помешательства и бессилия, я определить не могу. Надо ли ехать в Россию? Следовало бы, хотя даже для того, чтобы покончить там наше жалкое и беспомощное существование. Очень тяжело это сознание, еще тяжелее, что это решение откладывается из-за малодушия и отчасти из-за надежды, что авось, что-то будет и что можно оказаться еще полезным.

Все у нас зиждется на этом авось!

15-VII-20

Отвечу на поставленные выше вопросы. С согласия остальных Англия соберет в Лондоне конференцию перемирия, чтобы толковать о мире.

Будут ли в этой конференции советские представители с польскими, финляндскими, латышскими и литовскими, без участия других, или в эту конференцию войдут представители conseil Suprème.

По одной версии, первое; но тогда с кем будут говорить представители Восточной Галиции. По-моему, будет международная и состязание произойдет в присутствии других. Все это странно и не продумано.

Кроме того, Литва 12-VII подписала с большевиками (газетные сведения) мир; высылать ей своих представителей незачем. Эстонцы не приглашены.

17-VII-20

К 15-му кто-то пригласил записками членов Государственной Думы всех созывов и Государственного Совета собраться к 4-м часам. Явились: Гижицкий{437}, граф Беннигсен{438}, Шидловский{439}, Балашов{440}, Бубликов{441}, Стахович, гр. А.А. Бобринский{442}, Крыжановский{443} и я. Всего 11 человек. Два течения обнаружилось. Одно (Стахович) – надо ждать, пока не спадет народная война. Делать нечего, объединить никого не объединишь, и союзники и разговаривать не будут. Другое течение выражало, что надо расширить собрание, привлечь как можно больше голосов и посторонних. Выражено было мнение, что следовало держаться только в круге членов законодательных палат. Все раньше составившиеся кружки по разношерстности состава распались. Собрание членов палат, собрание серьезных и деловитых людей, которое может разобраться в сложных вопросах жизни, затем наметить цели и работать над теми, которые осуществимы. Работа собрания должна иметь практический характер. Если ничего не выйдет, оно разойдется, но попытаться надо. Кончили тем, что надо временно обождать и собрать снова членов законодательной палаты тогда, когда число их будет больше, т. е. в сентябре или в октябре.

Из внешних событий надо отметить занятие Вильно советскими войсками, согласие Советов на условия Ллойд Джорджа, но местом заседания предлагают не Лондон, а Брест-Литовск. Врангель в общем одерживает успехи. Взят Бердянск, много орудий, еще больше пулеметов и 21/т пленных.

На Кавказе какое-то разногласие местных большевиков с решением Московского Совета. Татары согласны уступить оба уезда, Карабах и Заугезур, армянам. Совет требует вывода оттуда армянских войск.

Армения должна отказаться от Нахичевани. Вместо того чтобы очистить Персию от своих войск, Советы, по-видимому, их усиливают. Успехи на западе окрылили советских правителей. Много надо выдержки, чтобы в ликовании не зайти за пределы разумного. К чему стремилась их мысль, мы не знаем и трудно потому высказаться о дальнейшем. Здесь же это связывается с германской политикой, поляки это раздувают, рассчитывая на поддержку союзников.

Германцам выгодно, чтобы большевики работали на них. Им выгодно, чтобы Литва, Латвия и Эстония пользовались эфемерной самостоятельностью и входили в состав России. Расчленяя Россию на Балтийском море, англичане, возможно, сами того не желая,

работали на немцев. Финляндия под влиянием последних, и поддается она этому влиянию охотно. Какой-то заколдованный круг.

22-VII-20

Успехи Красной русской армии на главнейшей части их фронта значительны. Газеты указывают, что Белосток занят. Здесь события эти волнуют правящие сферы. В Англии тоже недовольны. Мы не имеем полного текста ответа Советов на ультиматум Ллойд Джорджа. Финляндия, Эстляндия (не была приглашена) и Литва не согласны идти в Лондон на конференцию или совещание. Латвия переговаривается с Советами и, вероятно, появится вскоре новый мирный трактат в роде эстонского, благо со стороны русских председателей мастер по Брест-Литовскому и Юрьевскому договорам{444} Чичерин ответил не без иронии; Мильеран нашел это impertinent[129], а Ллойд Джордж incohérent[130].

Последнему нужно уточнить ответ Советов, и им был послан 19-го июля запрос. Но большевики, высказываясь за мир, не согласны вести переговоры в Лондоне, под орбитой союзников, уже давших доказательства двуличия и неустойчивости, а будут вести переговоры с Польшей непосредственно, указывая, что линия Ллойд Джорджа несправедливая для поляков и что они готовы предложить им лучшую линию.

От Врангеля требуется полная капитуляция, без посредников, обещая ему и находящимся в Крыму жизнь.

Большевики выражают желание мира с Англией. Что касается здешних правителей, то из их слов можно понять, что в Спа они согласились всеми средствами не допустить разгрома Польши. Ллойд Джордж заявил, что в Польше много храбрых людей и что им надо послать экипеман[131]. Если помощь выразится в этом и в посылке комиссий, то поляков это не обрадует. Здешние власти признавать Советы не желают, но условно; если последние обещают удовлетворить затронутые в России интересы французов, то Мильеран готов признать и их. С непримиримой точки зрения французское правительство, опиравшееся до в сих пор на принципы, отошло и подошло к торгу, или, чтобы это не было бы резко, к conciliation[132]. Это путь позитивный. Угрозы на большевиков не действуют, и в современных условиях они говорят как правительство.

В октябре 1918 г. я писал Пишону и излагал ему, что восточные границы будущей Польши – дело наше, равно и Финляндии.

Но союзники и конгресс усматривали, что Россия труп и церемониться с ним нечего. Теперь она показала, что живет и всем стало это неприятно.

Газеты (некоторые из влиятельных) затрагивают вопрос о признании Врангеля правительством, благо Струве обещает всем заплатить по обязательствам.

Какая цена его обещаниям? Что он может сделать, чтобы действительно сдержать свое обещание.

Это очень похоже на разговоры эстонцев с русскими, по рассказу генерала Юденича, прибывшего сюда. Они требовали от Северо-Западного правительства и Юденича признание их независимости. На указание, что Юденич не имеет на это никаких полномочий, что подобное заявление не имеет никакой юридической и международной силы они соглашались с этим и с тем, что вообще Эстония жить самостоятельно без России не может, но все-таки требовали такое признание.

Северо-Западное правительство создалось под влиянием английских агентов, проводивших требования своего правительства. Оно никому не было нужно, кроме пройдох, а потому невольно зарождается сомнение, не для того ли Англия требовала создание такого правительства, которое подтвердило бы самостоятельность Прибалтийских провинций. Сохранился бы акт, что какое-то русское правительство признало независимость Эстонии. Это в будущем предлог.

Для меня нет сомнения, что во всей этой печально разыгрывающейся истории главные виновники сами поляки. Передо мной последовательно и поступательно к востоку развивались их аппетиты и рядом с этим предлагались доказательства их прав, шедших также поступательно на земли к востоку от западного Буга. Холмщина представлялась им и их друзьям-союзникам бесспорно польской, и ею они занимались немного. Сначала появился Белостокский круг, затем Пинск, а далее Волынь, Подол и наконец, оружием взятые Киев, Могилев.

Неясно себе поляки представляли положение после армистиса. Их ласкали, говорили о великой Польше, и все, что скрыто было в их душе с конца XVIII столетия, с чем они заснули на 150 лет, с этим и проснулись, не заметив, что за 150 лет мир изменился, появились новые факторы, новые идеи.

Вместо того чтобы укрепить свою Польшу, сплотить ее разрозненные временем и влиянием чуждые ее культуре части, они думали в своем увлечении, что встала великая Польша, они упустили из виду, что Польша не встала, а была вытащена из архивов канцелярии. Государство спаивается как человек жизнью, работой и страданиями, а не увлечением людей ничего не забывших и мало чему научившихся в государственном строительстве.

Они хвалились своей сильной армией. Мне говорили об этом

знатные поляки, уверяя, что они с этой армией спасут Россию от большевиков и что русским надо соединиться для этой цели с ними. Разуверял его в этом увлечении. Солдат ваш хорош, и простой народ почтенный, но армия есть отражение государства и сразу не создается. Вам нужно работать у себя, а не других спасать.

Но поляки заняли большую часть Белоруссии, Малороссии и Литвы. Неготовые большевики в течении зимних месяцев 1920-го года своими несогласованными и неуместными действиями укрепили польскую армию – и это было больно. И польская армия укрепилась. С военной точки зрения Пилсудский{445} был прав, нанося удар в направлении Киева. Этим успехом он очень поднял дух в польской армии. Может быть, благоразумнее было бы не докатываться до Киева, но это частности. Без этого успеха поляки потерпели бы поражение и скорее, и в более сильных размерах.

Положение, занятое большевиками, если район Белостока, ими занят и они в состоянии будут распространиться к Бельску и южнее, выгодное. Ллойд Джордж предложил полякам войти в мирные переговоры с большевиками, и они это исполнят. Но большевики желают иметь гарантию, и на этой почве могут быть усложнения. Судя по предыдущим мирным договорам, большевики не стеснятся отдать полякам и русские земли, и предоставить им экономические выгоды. Для сильной и здоровой России это еще терпимо, но для современной такая щедрота может быть очень печальна. Я не могу стать на точку зрения французских деятелей, которые ради приятности готовы дать не только полякам, но и нашим инородцам все что угодно. Свое они другим не дадут ни щепоточки, ну а с чужим можно быть великодушными, это даже очень красиво.

Не вижу надобности для большевиков вторгаться в Польшу, если они искренно заявляют, что форма правления соседней страны им безразлична и что они готовы мириться с буржуйским строем соседей, лишь бы их оставили в покое.

Но если они идут по пути создания всемирной революции, тогда они вторгнутся. Германия неофициально им поможет, а официально будет в стороне. Большевики стоят перед серьезным экзаменом, и забывать им, что в Тавриде светится какой-то огонек, нельзя. Ведь Москва сгорела от копеечной свечи, и помехой распространения всемирной революции оружием до известной степени [остается только] Врангель.

По-моему, Германия будет поощрять их к последнему, хотя и ей это страшно, но чтобы выбраться самой из условий Версальского договора, это случай, который, может быть, и не повторится. Для современной официальной Германии это – нож

[острый], и она, как сказал выше, в этом участия не примет, но запретить и принять строжайшие меры, чтобы это не случилось, она не в силах. Уж очень ее потрепали союзники. <…>

Это не касается лиц и личностей. При встречах с нами говорили учтиво и даже с участием; но к государству русскому французская власть отнеслась как разбойник, и это только за то, что это государство, чтобы не выдать своей союзницы Франции, всем жертвовало, пока не пало.

А когда Россия изнемогла… но лучше об этом не говорить. Теперь одна забота, как бы получить выданные когда-то денежки. Готовы признать и большевиков правительством, тогда как до этого их непризнанием пользовались, чтобы создать против России барьер, отрывая от нее земли, и, если верить «Humanité», вошли в какие-то сделки через поляков с Петлюрой об использовании Малороссии. Но теперь раздался голос России, правда, большевистской, но русский голос, и все содеянное в прошлом кажется ошибкой.

Еще в конце 1917 года если бы французское правительство в Русском государстве видело бы друга, а не страну, которая разрушается и которую можно будет совместно с Англией экспроприировать для себя, оно могла бы многое сделать. Но оно сделала, как выразился Бальфур, «кое что», и то не для России, а Бог знает для кого.

Они помогли большевикам стать правительством не позитивно, а негативно, а теперь они имеют против себя Россию и большевистскую, и не большевистскую. И когда случилось несчастье, они со злобой откинули его от себя и поспешили путем хитрых политических комбинаций создать себе новых друзей, не вникнув, из какого материала они слеплены. Простая мужицкая Россия для Франции была бы покрепче.

Не претендую на верность моих выводов, но думаю, что Англия в Прибалтийском вопросе работает для Roi de Prusse. Думаю, и Франция с ее политическими комбинациями в восточной Европе идет по тому же пути, и большевики, если в увлечении своими успехами перейдут черту мудрости и соответствия своих действий с действительностью, снова сделаются соратниками немцев и снова будут работать для них.

Разница с 1917 и 1918 годами будет лишь та, что теперь немцы будут покорными слугами, и большевики – господа. Но это до тех пор, пока им не будет сказано «Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan, der Mohr kann gehen!»[133]

А Врангель потихоньку подвигается к Таганрогу, как в свое время Густав-Адольф{446}, высадившись на материке Балтийского моря. Жаль, что у него здесь такой заправский дипломат, как

Струве, который, кажется, творит не его волю, а свою собственную.

28-VII-20

Совещание Мильерана с Ллойд Джорджем в Булоне выразилось составлением ответа Чичерину на его предложение собрать в Лондоне конференцию из главных держав и о капитуляции Врангеля. Ответ из Булони видоизменяет предложение Чичерина. Прежде всего требуется перемирие с Польшей; в Лондоне предлагается собрать конференцию с участием пограничных с Россией земель; на этой конференции будет решаться мир с Польшей. О Врангеле ни слова.

Главное: до сих пор мир с Польшей должен был быть установлен между Советским правительством и Польшей по предложению Ллойд Джорджа международным путем и при присутствии (это неясно, может быть и участии) окраинных.

Могут ли большевики пойти на это? Из их ответа мы увидим, стали ли они на государственную и национальную дорогу. Интересно, принято ли это решение Мильераном и Кэ д'Орсе самостоятельно, или в соработе с поляками. Все это очень важно. Лорд Керзон{447} в частном разговоре уже наметил силы союзников: 10 фр., 5 англ. дивизий для помощи полякам. Хотел бы знать, откуда они их возьмут. Батальон журналистов лорда Нордклифа они наберут. Лорд Керзон пошутил, но в подобных делах и шутки имеют большое значение. Психологически беря, полагаю, что ни Франция, ни Англия ничего не пошлют. Важно, что ответят большевики.

Если согласятся, то признание их правительства для них важнее всего. Но в среде Советского правительства предложение Мильерана произведет большой раздор. Течение Троцкого и крайних в Совете, вероятно, этим воспользуются. Польские парламентеры выехали. На северной части фронта Красная армия немного продвигается, на южной терпит, по польским сведениям, мелкие неудачи.

30-VII-20

Ровно 6 лет прошло, что в России объявлена была частная мобилизация, которая к утру 31/18-VII дополнена была распоряжением об общей мобилизации.

Как быстро прошло это время, и в то же время какими длительными представлялись некоторые периоды этого быстро протекшего 6-летнего времени. Свыше 4 лет люди ожесточенно боролись друг с другом, чтобы затем продолжать, по настоящее время, ту же резню и то же уничтожение. Впереди все то же, ибо везде ожесточение против мер, принятых для успокоения сторон из борющихся.

Вместо права и справедливости явились победители и побежденные, и на последних должна была лечь вся тяжесть. Декорум под флагом справедливости и великодушия со стороны победителей явилось прекрасное начало народностей и прав их на самоопределение, но только для побежденных. Перекраивалась карта Центральной и Восточной Европы и Западной части Азии. Отбирались колонии у Германии и распределялись между повелителями. От высоких понятий права и справедливости осталось очень мало, но зато коренным образом изломали все прошлое, с материальной выгодой для тех, которые занялись этим устроением.

Неужели можно удивляться, что такая работа вызывает негодование и ненависть у обиженных и обездоленных, и жизнь после такой ломки не может подойти к своей трудовой норме. Запад, как победитель, положил руку на все остальное. И все это творилось ради продолжительного мира в будущем, но мира для победителей, а не для их творения, которое будет долго корчиться в муках благодаря созданным условиям.

Лига наций должна возглавить это творение и должна своим нравственным влиянием обеспечить мир и справедливость. К 15-му ноября она соберется в Женеве и тогда видно будет, что она по первым своим шагам представляет. Не обратится ли она в обширную говорильню, в которой будет царствовать не любовь, а раздор и ненависть. Победители хотят непременно подойти к России, Россия, даже в советском облике, хочет свои дела со своими народностями покончить между собой. Победители же хотят решать международно. Как подействует ласковая телеграмма, посланная Ллойд Джорджем, на Советы? Она послана с согласия Франции и Италии, но редакция ее, вероятно, не та, которая 26-го была составлена в Булоне. Советы приглашаются на конференцию еще пока неизвестно какую,

чтобы толковать о мире с Польшей, затем о вопросах пограничных новых государств, а затем уже об общих спорных с Европой. А Советы хотят первые вопросы разрешать своими переговорами с Польшей и остальными. И должен сказать, по нашему пониманию, они поступают правильно и с достоинством. Я добавил бы, что отступи они от этого решения, они потеряли бы лицо и суверенитет страны. Очень важно, что они ответят.

Сегодня должны прибыть польские парламентеры и должны начаться переговоры о перемирии.

Поставлено ли будет первым условием приостановка подвоза из Италии, Франции и Англии военного материала и инструкторов. Это условие важнее всех остальных и должно быть решено первым. До его решения какие могут быть переговоры общего и детального характера. Опасения, что красные войска перейдут немецкую границу, по-моему, неосновательны. По общему положению войск невероятно, чтобы русские войска продолжали бы наступление в Польшу, пока будут идти переговоры о мире.

Вероятно, за эти дни красные войска из Гродненского и Волковысского районов давили в направлении на Бельск-Клещели, стремясь стать на высотах правого берега Буга и вынуждая к очищению Брест-Литовска. В дальнейшем Холм, само собой, перейдет к Красной армии, а с ним и Грубетовский уезд. Идти дальше неосновательно, если Советы желают говорить о мире с Польшей. Для обеспечения вост. Нарева и зап. Буга они, естественно, перебросят части к западу, но главные силы должны остаться на Нареве и Буге и необходимо устроиться. В этом положении подобравшись, поправив дороги, устроив порядок, они будут сильны.

Опаснее всего для положения армии будут требования Советов из Москвы и влияние комиссаров на месте. Но надо знать положение и нравственное положение польских войск. Одни говорят, что они разлагаются. По-моему, на это не похоже, и они отходят в сравнительном порядке.

У семи нянек дитя без глаз. Поляки как будто это чувствуют, и по сегодняшним газетным сведениям выходит так, что к присланным комиссиям относятся радостно, но к делам подпускают их осторожно.

Победа очень окрылила бывших союзников. Не знаю, кого больше, англичан или французов. Они все прекрасно знают и делают. Бесспорно, у них большой опыт, но таковой у других, и притом опыт с своими людьми и своими условиями. Последнего же ни у французов, ни у англичан нет, ибо его не было, и товар этот на рынке не покупается.

Местные условия для обороны поляков у себя разного свойства. Больших выгод они не представляют. Мы изучали Польшу, глядя на запад от немцев. Теперь приходится оценивать местность в обратном направлении и для противоположных целей. Но так как большинство наших офицеров Генерального штаба природу Польши знают хорошо, ошибок они не сделают.

Каменева{448} не знаю, но при нем начальником штаба Павел Павлович Лебедев{449} и у него есть опыт, знания и большая трудоспособность.

Тухачевский{450} говорят, семеновский офицер, молодой. Может быть, он пылкий, способный и даже разумный. Но это маловато. До сих пор у него идет не дурно. Говорю не дурно, ибо доходящие сюда сведения очень общего характера. Общее управление и связь в событиях ощущается, и это очень много. Главный вопрос, что из себя представляет армия во всей ее совокупности, считая с тылом. Если армия вынуждена жить средствами сильно истощенной и обобранной страны, то в конце концов такой порядок может привести к большим осложнениям, невыгодным для порядка в армии, тем более что для реквизиции наши люди применяют скверные методы, не далекие от грабежа. Сомневаюсь, чтобы армия, так живущая, могла бы долго выдержать и не потерять главного – порядка.

21-VII-20

Вчера Безобразов привел ко мне французского чиновника Министерства иностранных дел Richard de Kéranze 1er c. Guy de Maupassant[134]. После 2-х с лишним лет имел разговор с французом.

Он признался, что они в большом затруднении. Что делается собственно в России, не знают; как относиться к современным условиям в России, не ясно. Они живут в постоянных противоречиях. Разговаривали долго.

Хотя господин Керанз заявил, что он говорит официально, но это был просто разговор, ибо какая же могла быть официальность между мной и неизвестным мне господином. Говорил я, и это, сознаюсь, было неумно. Но по старости лет делаешься болтливым. Я мог ему высказать: не верю, чтобы красная армия имеет непременной целью Варшаву; по положению обеих сторон я усматриваю в этом выгоды для нее, как по положению ее на западе, так и вообще. Но решения исходят от людей, мышления коих мы мало знаем, которые ослеплены успехом, который вблизи может казаться большего размера, и потому предуказывать, что они сделают, я не могу. Наконец, мы совершенно не знакомы с состоянием русской и польской армии. У русских людей ненависти к Польше нет. Потеря Польши для России невозвратимая потеря, но ведь мы сами о ней заговорили в 1914-м году. Самые консервативные московские круги считают для России более выгодным ее отдельное существование, чем существование, как было намечено в 1914-м году. Нет основания думать, и все предшествующее в Прибалтийских провинциях и Литве до известной степени показывает, что Советы идут не на уничтожение самостоятельности лимитрофных государств, а на предоставление им самостоятельности не только de facto, но и de jure. Почему же с Польшей они поступят иначе. Отношения поляков к нам иные. Их отношения те же, что до 1772 года.

Говорить, что следует делать в настоящих условиях, я не буду.

Но не могу не высказать, что все содеянное с конца 1917 года Англией и Францией и теперь большевиками, все это идет на пользу Roi de Prusse. О нерасположении к французам говорить не буду. Русский народ никого не ненавидит. Мы много перестрадали от союзников и от Франции в частности, хотя капитальный вред России, по-моему, приносила не Франция, а Англия, первая была лишь попустительницей. Если Франция хочет быть другом, это ее дело, и я думаю, что Россия не

отвергнет добрые ее чувства. Во всяком случае мужицкая Россия понадежнее Польши. «Кераnз» говорил, что французы совершенно разочаровались в Польше. Неудивительно, ответил я ему. У вас все увлечения – сначала были русские, потом пошли англичане, американцы и наконец поляки. Я все это пережил и перестрадал, ибо я жил и работал, когда отношения с французами были честные, ясные и открытые, а с 1917 года пришлось переживать иное.

По отношении Врангеля сказал, что бросать его и изменять ему не следует, это будет нечестно и нехорошо. Его надо сохранить в целости и, применяясь к современным условиям, сдерживать его, а не оставлять. Спросил он меня о Vrais Russes[135]. Я ему сказал, что таких вообще нет, а есть русские – хорошие, нехорошие, слабые и менее слабые. Если же говорить о настоящих русских, то это те, которые остались в России и не бежали.

Высказываться, что может повредить большевикам в данную минуту, не могу и не желаю, ибо по их ли воле или против их воли, они делают большое русское дело, и мы всей душою за успех их. Как они воспользуются им, никто не может знать, а ближайшее время это покажет. Относительно Германии я высказался, что Германия, по-моему, не может желать тесного объединения с Советами и Красной армией, да и России от этого никакой выгоды нет, и не думаю, чтобы советы пошли бы на это.

Предсказаниям Людендорфа не верю и убежден, что он, как главная причина поражения Германии, авторитетом в стране не пользуется.

Французы желают иметь сведения о России. Об этом вам следовало подумать с 1917-го года. Но лучше поздно, чем никогда. Одними французами вы ничего не сделаете. Осуществить это теперь труднее, чем раньше, но возможно. Не начав, ничего не будет. У вас много прекрасных офицеров Генерального штаба. Поручите им, они вам организуют это дело. Не будет ошибкой, если эти же органы будут проводить в то же время активную борьбу с большевиками. Если вы не будете знать, что делается в действительности в России и в широких массах, вы как были слепы, таковыми и останетесь.

Капитальный вопрос: идут ли большевики по пути всеобщей революции в Европе или устраиваются в России, я не знаю. Успехи, достигнутые ими над поляками, более касаются России. Строить фантастические узоры можно, но действительность русская не за это. Советское правительство не свободно для таких действий с оружием в руках, и оружие им нужно прежде всего для сохранения своего положения.

В «Temps» помещено, что восстали донские и кубанские казаки и захватили Таганрог и Новочеркасск. Они присоединились к Врангелю. Пока живет антибольшевистская группа на юге, имеющая основания рассчитывать на то, что она расширится, – всякие покушения большевиков на революцию в Польше, Германии путем проникновения их вооруженной силой считаю фактически неосуществимым. Если большевики, обнаглев успехом в северной части своего фронта{451} будут неудержимо наступать дальше, их может постигнуть большое разочарование.

Для людей, не привыкших и восторгающихся ими, успехи сильный яд. Успех большевиков, на мой взгляд, не сплотит, а разъединит господ Московских правителей, и разнородные течения их могут быть советскому правительству более опасны, чем полякам их поражения.

7-VIII-20

Из Константинополя сообщают, что генерал Врангель на территории, им занятой, осуществляет земельную реформу; главные основания которой изложены были в сообщении Струве «Problèmes paysans»[136] (30-VI-20 «Temps»). Propriétaires foncièrs[137] и государственные, захваченные крестьянами, обращаются в их собственность. Особая комиссия, выбранная из крестьян, занимается этим делом. Уступка земель за вознаграждение.

1-VII-20 я высказался по поводу этой аграрной реформы Струве отрицательно. Опыт, производимый в настоящее время на небольшой площади Таврической губернии, ничего положительного для аграрной реформы в России, где землевладения находятся в иных и более сложных условиях, дать не может.

Как эта реформа пройдет, неизвестно и надо обождать ее последствия. Решение не мудреное, но вопрос в том, соответственно ли оно. Принцип, на котором покоится решение, т. е. узаконить то, что захвачено незаконно, – не принцип, а насилие.

Если оно будет отвечать общему благу, тогда с этим можно было бы и примириться. Но мы не знаем, что в основе этого решения: общее благо или потворство ради личных и политических целей. Похоже, что последнее, и мне жаль, что Врангель стал по незнанию этих дел на такой путь и дал себя обморочить своим помощникам.

Наступление большевиков произвело большой переполох. Если управление русскими войсками было бы в моих руках, я дальше линии восточнее Нарева не пошел и на этой линии выдвинул передовые группы Кольно-Ломжа-Червонный Бор-Соколов-Межиречье-Холм-Грубешов, не пошел и устроил бы войска в этом районе.

Я считаю, что польские войска не так расстроены. Но если они были бы в расстройстве, а наши в порядке, и тыл наш функционировал удовлетворительно, тогда [есть] и другие решения.

Но спрашивается, почему наш тыл в порядке, когда железные дороги расстроены и местами разрушены, когда обозы не достаточны и служба пополнения хромает.

Наступлению к западу мешает Врангель. Пока существует он, распространение в условиях средств для ведения борьбы с поляками к западу к Висле или за Вислу – невозможно.

Большевики понимают, вероятно, что Врангель опаснее им, чем поляки, и потому требуют от союзников полной его капитуляции. Если высшее военное управление не отдаст себе отчета в условиях борьбы настоящего дня и поддастся необоснованным требованиям из Москвы, до сих пор руководствовавшихся началами пропаганды и революционных эффектов, то они совершат преступление по отношении своей армии и России. Я больше рассчитываю на Лебедева, чем на Каменева, ибо первого знаю и считаю его серьезным и вдумчивым военным работником. Чтобы устроиться, нам нужны 2–3 недели. За это время польская армия, если она расстроена, вконец не возродится, тем более что решение стать прочно на Восточном Нареве и Западном Буге нисколько не исключает частных действий передовых частей к западу от этой линии. Но привести русские войска в порядок, устроить их согласно новому их положению необходимо, чтобы затем оперировать дальше.

Но спрашивается, чего мы желаем? Завоевать Польшу или заключить мир, предоставив Польше ее этнографические границы.

Я не исключаю организации в Варшаве Совета. Если это цель, то русская армия и ее начальники, обманутые Москвой, делали не русское, а какое-то другое дело.

Более того, если они умирали и страдали, подвигаясь к Варшаве для насаждения большевизма в Польше, то мне представляется, что дисциплинированная Красная русская армия, назовем ее так, думается, погибнет в этом дурмане. С этим положением не справятся и ловкачи в Москве, и тогда заговорит врангелевская группа, а внутри загогочут мужики. Qui trop embrasse mal étreint[138].

1-VIII-20

Обсуждения в Hythe кончились. Военной помощи полякам союзники не окажут, но готовы применить блокаду и снабжать их военным материалом и инструкторами. Опасения относительно Германии играли не последнюю роль для этого решения. Но вчера Каменевым переданы Ллойд Джорджу условия Советов на армистис. Они более чем приемлемы и даже включают обещание уступить полякам земли в районе Белостока и Холма. Последнее не ясно. С польской точки зрения Белосток – это Белостокский, Сокольский и Бельские уезды. Последние два не польские, да и Белосток только относительно польский. Что понимают большевики под Холмом, Холмскую ли губернию или собственно Холм.

Из состава Холмской губернии известную часть западной полосы можно было бы уступить, если руководствоваться этнографией. Сегодня начнутся переговоры о перемирии, а потому с предположениями забегать не буду.

Условия, переданные Каменевым, вызовут вздох облегчения. Может ли быть занята Варшава? Это будет зависеть от поляков. Северная группа у Цеханова, Прасныша и до Нарева грозит самым сильным оборонительным частям Варшавы.

Западная группа русской армии, если к 9-му августу занят фронт Седлец-Луков, раньше недели подойти к Варшаве сколько-нибудь готовой для действий не может. Если поляки в состоянии замедлить это движение, то занятие Варшавы может состояться позже. Не будет противодействия, и поляки сдадут город раньше.

12-VIII-20

Сведений о переговорах поляков с большевиками нет; русские войска подвигаются; к 9-му августа передовые части линии Цеханов, Прасныш, севернее Рожан, Брок-Соколов, Бела, склоняясь даже к Бугу. Владава еще защищается.

Фронт Рожаны-Волковыск занят поляками, силы сопротивления не представляют, и линия к югу держаться не может. Конная группа в Цеханове поддерживается пехотой, имея перед собой сильнейшую часть северного Варшавского фронта, в свою очередь большой угрозы Варшаве не представляет, но имеет значение на участке Рожан-Вышков. Если сопротивление поляков на последнем участке будет выполнено – вся защита на линии Западный Буг должна откатиться за Вепрж и на линию Ново-Минск. Занятие таким образом Варшавы силой большевиками еще впереди, и нужно время, если только поляки сами не сдадут город.

Поможет ли чем Вейган{452}, не знаю. Важнее состояние польской армии, готовность русской и возможность своевременно перевести с юга хорошие польские части на Ивангород и Варшаву.

Сегодня, и в вечерних газетах вчерашних, появились правительственные сообщения о признании Врангеля правительством. И посол Гирс напечатал объявление. И то и другое многих очень удивило, а по сегодняшним извещениям оно очень удивило англичан и Ллойд Джорджа. Пусть удивляются. Нам интересно знать, чем это вызвано и чем это объяснить. Я думаю, оно ничем не вызвано, но объяснить его можно влиянием со стороны Польши и Вейгана, если он фактически вступит в начальствование.

И Америка заговорила в своей ноте в ответ на запрос итальянского правительства как будто дружеским для России тоном, но неясно и неопределенно. Запад совершенно отучился смотреть на Россию, как на государство. Для них это объект для демократических опытов, как и Ленину – для коммунистических.

22-VIII-20

Положение в Польше более ясно. Как и следовало ожидать, польские войсковые части, снятые с южной части фронта и перевезенные через Краков к Ивангороду и Варшаве, сохранившие порядок и спайку, познанские войска – лучшие на северном по сосредоточении, перешли в наступление, руководимые Пилсудским. Почти то же, что было в направлении Киева в апреле. Большевистская завеса пала, и, вместо блестящих надежд, все, что было приобретено раньше, пало и красные войска скорее бегут, чем отступают, и сдаются.

Красная армия с ее комиссарами, в которой, по газетам в июле и начале августа, железная дисциплина, неизвестно только на какой почве созданная и поддерживаемая, спасовала перед слабой польской армией, воодушевленной патриотическим чувством и имевшей в себе и за собой зачатки организации и порядка.

Это нормально. Французы дали им офицеров и уют. Офицеров в большом числе, свыше 3000, которых следует считать связывающим центром разнородной польской рати. Пилсудский дал доказательство очень серьезного начальнического опыта, с которым ни Каменев, ни Тухачевский равняться не могут. Но оговорю, последние были во власти коммунистов и кто управлял, они или последние, неизвестно.

Моя надежда была на П.П. Лебедева, который, как говорили здесь, был начальник штаба у Каменева. Лебедев если не полководец, то серьезный и разумный офицер Генерального штаба, но вероятно, его голос реакционера, пропал в взвизгиваниях всезнающих, невежественных комиссаров.

Когда по ходу к западу от восточного Нарева и Западного Буга стало ясно, что объектом Варшава, а не Висла, что ведется не операция, а разнузданная облава и пропаганда, исход всего дела, по-моему, складывался так: отдадут поляки Варшаву, красные ее возьмут, в противном случае красная постройка должна развалиться со скандалом. Но занятие Варшавы, по моим понятиям, ничего не сулило красным, кроме разложения ее армии.

По тому, что будет, мы лучше всего увидим, что такое Красная армия как организация и войско. Понятно, восстановление для армии возможно и даже без особых усилий, [но] для вооруженной толпы, с мальчиками во главе и комиссарами кругом, – это маловероятно.

Я думаю, через неделю или меньше это будет ясно. В Минске

с 18 или 19 идут переговоры о перемирии и мире. Вчера было заявление, что предложения большевиков те же, которые Каменев в Лондоне передал Ллойд Джорджу. Они были признаны дней 10 тому назад очень легкими, и это верно. Сегодня же уже заявлено, что они не применимы, ибо нарушают неприкосновенность Польши. Вся суть теперь не столько на фронте, сколько в Минске и главным образом здесь, в Париже. Большой пробный камень для Мильерана.

Но как отразится эта гибельная эскапада на населении России: 1) оно будет оповещено об этом не скоро и в превратном виде; 2) возможно, что оно в массе не отразится. В Москве будет паника, будут беспокоиться, но должны же они понять, что западные государства желают прекращения бойни и создания великой Польши. Большевики пойдут на уступки, ибо Врангель им опаснее поляков. От последних они откупятся русскими землями.

Ну а армия? Но таковой в настоящем значении этого слова нет, а потому армия с комиссарами будет бесчинствовать в Белоруссии и, вместо русского дела, будет вести антирусское. Очень печальны будут последствия этого дела, начатого под национальным флагом и окончившегося столь гибельно.

Как ни ловки правители, но возвыситься над своим уровнем они не могут, ни во внутренних делах страны, ни во внешних. Но с окончательным решением надо подождать и выждать, как Красная армия, если только это армия, выйдет из затруднений.

На пользу ли это все? Я думаю, что на пользу, ибо в условиях, в которых мы живем, только страданиями народная мысль может быть разбужена для новой полезной жизни.

27– III-1921

За семь истекших месяцев руководители жизни в старом свете прилагали все старания, чтобы устроить жизнь с наибольшей выгодой для себя.

Ряд конференций в Англии, Франции и Бельгии; торжественное, но безрезультатное собрание Лиги Наций в Швейцарии; длительные переговоры Англии с большевиками о коммерческих отношениях, исчезновение с политической арены Венизелоса и возвращение короля Константина{453} в Греции; катастрофа генерала Врангеля и очищение им Крыма{454}, заключение и ратификация мирных договоров большевиков с Финляндией, Эстонией, Латвией и Польшей; занятие ими Грузии и остальной части Закавказья и сближение большевиков с кемалистами; пересмотр Севрского договора{455} – главные события за эти восемь месяцев. Внутренняя жизнь всех стран текла не нормально. Производство и торговля умалились и неравенство валюты давало себя чувствовать очень сильно. В начале года (в феврале) в Кронштадте вспыхнул бунт моряков{456}. Ему придали значение национального события, и надежды на падение большевистского режима окрылили многих, больше всего наших прогрессистов. В самой России местные восстания крестьян.

Что посеяно было большевистскими главарями, теперь приходится пожинать и, понятно, никакие сношения с заграницей не в силах изменить бедственное состояние экономической жизни России. Запад желает получить, что ему нужно, что накопилось у него в невероятном количестве.

Самые тяжелые дни для населения России еще впереди. Бедствия голода грозят и эмигрированным, пока живущим еще на остатки и слабо поддерживаемыми правительствами стран, где они расселены.

Опасения о признании большевистских главарей законными правителями преувеличенные. С ними будут говорить, но признавать не будут. Эволюцию большевиков мы считаем невозможной. Они, вероятно, будут устранены, и во главе останется часть большевиков и какие-то новые элементы. Кто они? Не зная ничего и не предпринимая ничего, чтобы знать толком, что делается в России, никто на этот вопрос не может ответить определенно. Я прекращаю свои записи: нет времени и нет сил записывать. Время и заботы уходят на работу для собственного пропитания и для налаживания всех дел по взаимопомощи офицерского Союза, образовавшегося в январе

этого года под моим председательством. Плохо идут дела в этом союзе. Препятствия к его развитию даже не извне, а в нас. Почти 3 месяца, что существуем, а не ладится и никак не налаживается работа самого правления, хотя заседаем ежедневно.

Если и через два месяца дело не пойдет, надо будет отказаться от работы. Может быть, причины того, что дело не делается, во мне.

* * *

На этом кончаются записки Ф.Ф. Палицына.

Во Франции мы остались до октября 1921 года, когда переехали в Берлин, надеясь, что в материальном отношении жизнь там будет легче; но надежды не оправдались.

За последние месяцы своего пребывания в Париже ген. Палицын мог видеть преуспевания основанного им Союза Русских Офицеров, участников войны. Много сил и труда положил Федор Федорович на создание и развитие Союза.

В Берлине мы прожили всего 1½ года. Жизнь была тяжелая в нравственном и материальном отношении и она скосила мужа.

18-го февраля 1923 года Ф.Ф. Палицын скончался и похоронен на русском кладбище в Тегеле ок. Берлина.

В 1924 году офицеры, члены Союза, основанного Ф.Ф. Палицыным поставили ему памятник и собрали средства для перевозки праха в Россию. Но когда наступит этот день, одному Богу известно.

Если эти строки попадут в руки Русского Офицера, члену Союза Русских Офицеров, Участников Войны, то приношу ему глубокую и душевную благодарность за то, что Союз почтил память его основателя.

Да благословит Вас за это Господь!

А. М. Палицына

Фото с вкладки

1. Генерал Ф. Ф. Палицын производит смотр 1-й бригады Русского экспедиционного корпуса после взятия Курси. 1917.

Фото из книги «Русский экспедиционный корпус во Франции и Салониках, 1916-1918». Авт.-сост. А. Корляков и Ж. Горохов. ИМКА-ПРЕСС, Франция, 2003.

2. Главнокомандующий войсками Франции генерал А.Петэн на церемонии награждения отличившихся в боях на р. Марна. 1918.

3. Бойцы «Русского легиона чести» у могилы своих товарищей. 1918.

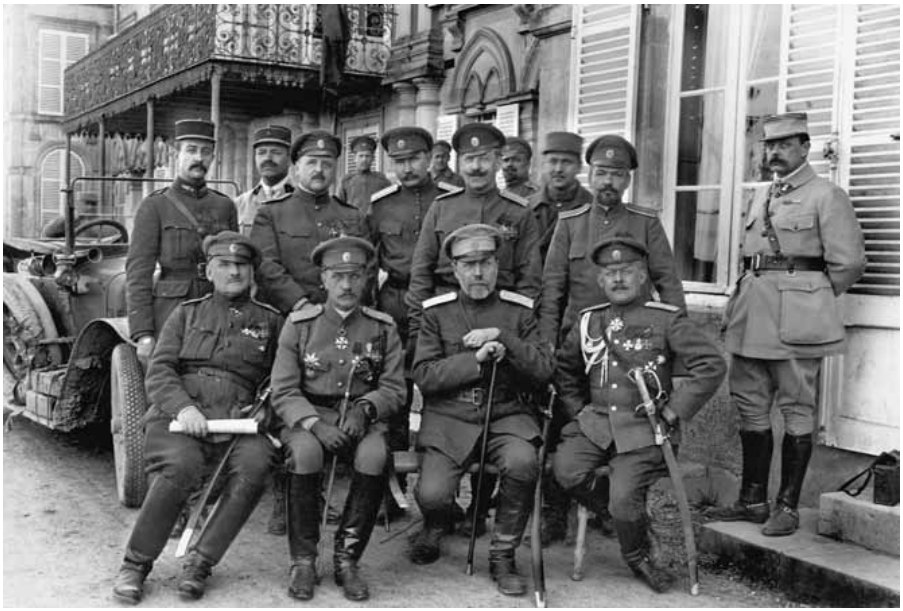
Надпись на памятнике: «Здесь покоятся Русские солдаты Экспедиционного корпуса во Франции»

4. Генерал Ф.Ф. Палицын в лагере 1-й особой бригады Русского экспедиционного корпуса. 1917.

Фото из книги «Русский экспедиционный корпус во Франции и Салониках, 1916-1918». Авт.-сост. А. Корляков и Ж. Горохов. ИМКА-ПРЕСС, Франция, 2003.

5. Генерал Ф. Ф. Палицын выступает перед митингующими солдатами Русского экспедиционного корпуса. Франция. 1917.

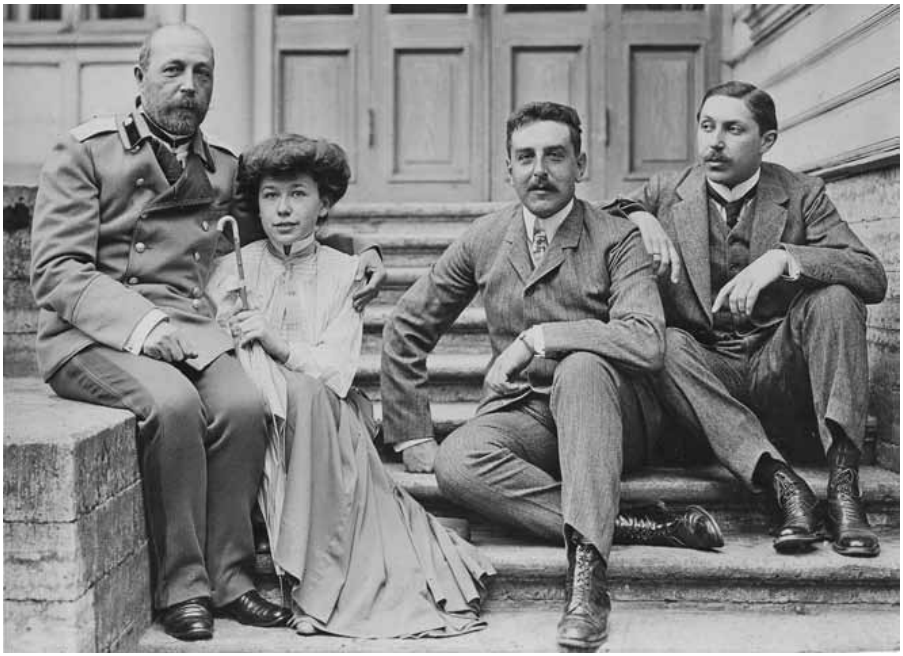
Фото из книги «Русский экспедиционный корпус во Франции и Салониках, 1916-1918». Авт.-сост. А. Корляков и Ж. Горохов. ИМКА-ПРЕСС, Франция, 2003.



6. Сидят (слева направо): генерал А.Д. Нечволодов, генерал Н.А. Лохвицкий, генерал Ф.Ф. Палицын, генерал В.В. Марушевский. 1917.

Фото из книги «Русский экспедиционный корпус во Франции и Салониках, 1916-1918». Авт.-сост. А. Корляков и Ж. Горохов. ИМКА-ПРЕСС, Франция, 2003.

7. Ф. Ф. Палицын с женой в эмиграции. Берлин. 1920-е гг.



8. Ф. Ф Палицын, Надежда (невестка) и Николай Брадке, сын Федор. 1909 г.

notes

Примечания

1

Крийон – отель в Париже.

2

Грузовых автомобилей.

3

Военный крест (орден).

4

Вышеприведенный текст, описывающий пребывание Ф. Ф. Палицына во Франции, приводится по рукописи «Пережитое. 1916–1918», представляющей собой ранний набросок текста, вошедшего во 2-й том.

Здесь и далее многоточием в угловых сносках отмечены сокращения.

6

Восстановительный курс.

Service de Santé – Служба здравоохранения.

8

Здесь – большие едоки (фр.), т. е. нуждающиеся в усиленном питании.

это глупо.

10

Говорят, он к нему не дотронулся. – *Примеч. Ф. Палицына.*

Северо-Западного фронта.

12

Военным крестом.

13

Разведданные.

14

Особый вид бумаги на тканной основе, используемый для копирования.

Советника.

Детализация (нем.).

17

Преданность долгу.

18

Здесь и далее Ф. Палицын имеет в виду Учредительное собрание, призванное решить форму правления российского государства.

19

Прочного тыла.

Достижении мира.

21

Без чувства долга.

22

Гаффа (от англ. gaff) – ерунда, вздор, дешевый театр.

23

Нигде оно не собралось. – Примеч. Ф. Палицына

Союзников (фр.).

небольшой прогресс, достигнутый в области взаимного согласования.

в международном смысле вопрос о ликвидации Лотарингии не стоит.

27

Глупые русские, это удобрение, навоз.

28

Удобрением, навозом.

29

Ни чести, ни чувства долга.

укрытиях.

31

Союз русских нефтяников.

32

Роберт Локкарт.

в полном составе.

приглушать, ослаблять (от нем. Dämpfen).

35

В некоторый случаях мир – далеко не прекрасный сон.

36

Вы будете моим учителем.

37

Плановые и внезапные действия (нем.).

38

Русский вопрос.

39

Низкие, грязные русские.

40

Всеобщая мобилизация.

41

Мировая держава.

приземленны.

ни аннексии, ни выплаты.

приложение.

дыхание.

аннексиями.

послание, декларация.

вопросами очень серьезными, очень острыми.

целостность.

50

Антанты (от фр. – согласие).

пересмотр.

представителей.

на карте мира.

Европейское публичное право.

претензий.

для стабильности в Западной Европе.

наднациональный орган.

публичное право.

59

Территориальное урегулирование.

Справедливости для всех народов

урегулирование

Рабочий класс не является вашей собственностью.

целостности.

Н. С. Ермолов

65

Улица короля Луи.

в противном случае, добавляют они, российский пролетариат будет рассматривать их как предателей, бесчестящих международный пролетариат.

открыт самый страшный счет народов друг к другу, и надо платить!

Его величество случай.

69

Ему не повезло.

завершающий удар.

победного конца.

Восстановление Бельгии.

73

Ввяжемся в бой, а там разберемся.

Тот же фактор мира.

большинством и меньшинством

военных действий.

сырьевые ресурсы.

не стоят и ломаного гроша.

отречения Вильгельма II и отречения кронпринца.

Мужество потеряно, все потеряно.

81

Мы не требуем ни пяди земли, которая является исконно германской.

«Спартак» – название политической группы..

Представители.

малоземельный крестьянин.

малоземельный.

Гуманности.

Советника.

«Тактике и методе».

Комиссию труда палаты.

требование, восстановление, гарантия.

эскадренных миноносцев.

справедливое урегулирования для германского народа.

мир без победы.

утопист-пацифист..

плацдармы.

бывшие поверенные в делах.

основные направления.

финансовые условия перемирия.

99

Государственный банк Франции.

новое оборонительное вооружение.

101

Диктатуру взбунтовавшейся нищеты.

102

Назвался груздем – полезай в кузов

«Вооруженном народе».

эта каналья.

забиякой, драчуном (фр.).

неблагонадежных.

требованиях.

никаких противоречий относительно принципов и целей.

целостность.

110

Русский вопрос.

111

Принцевы (острова).

различия (фр.)

созванной (фр.)

114

Всеобщая конфедерация труда (национальный профсоюзный центр Франции).

жалования.

перемирие (от фр. – armistice).

комиссия, вознаграждение.

сырьевые ресурсы.

119

Русское правительство.

обнажили меч.

ударила мечом.

Сюртэ – военная разведка.

неблагонадежных.

Непризнание.

Струве и нота Чичерина Мустафе-Кемалю.

Верховного совета.

обсуждать.

во что бы то ни стало.

наглым.

непоследовательным.

экипировку.

примирению.

133

Мавр сделал свое дело, мавр может уходить.

Ришар де Керанз, главный герой Ги де Мопассана

Настоящих русских.

«Крестьянские проблемы».

137

Земли помещиков.

138

За двумя зайцами погонишься – ни одного не получишь.

Комментарии

1

…*Великая княгиня*… – Анастасия Николаевна, великая княгиня (1868–1935), принцесса черногорская, дочь короля Николы I Черногорского и его жены Милены Вукотич, с 1907 – супруга великого князя Николая Николаевича.

2

Шаховской Леонтий Алексеевич (1859–1918), князь, с 1915 генерал для поручений при главнокомандующем Кавказской армией. Убит в Пятигорске.

З

Сахаров Владимир Викторович (1853–1920), генерал от кавалерии, с октября 1915 г. командующий 11-й армией Юго-Западного фронта, в 1916 – командующий Дунайской армией, позже помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта.

4

Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917), обер-камергер, член Государственного совета, с 07.07. по 10.11.1916 – министр иностранных дел. В ходе Февральской революции арестован, скончался в тюремной больнице.

5

Уотерс, английский генерал.

6

Ермолов Николай Сергеевич (1853–1917), генерал-лейтенант, с 1907 по 1919 – военный агент в Великобритании, после революции продолжал исполнять обязанности военного агента, находясь в подчинении С.Д. Сазонова.

7

Бенкендорф Александр Константинович (1849–1916), граф, в 1902–1916 гг. чрезвычайный и полномочный посол России в Великобритании.

8

Михаил Михайлович, великий князь (1861–1929, флигель-адьютант. В 1914–1917 гг. секретарь военного агента России в Англии Н.С. Ермолова.

9

Извольский Александр Петрович (1856–1919), министр иностранных дел России (1906–1910). С 1910 по май 1917 – посол в Париже. Сыграл видную роль в консолидации Антанты. С 1917 – в эмиграции во Франции.

10

По Поль (1848–1932), французский дивизионный генерал, в 1915–1918 гг. состоял на военно-дипломатической работе, возглавлял французскую военную миссию в России; позднее возглавлял общество ветеранов войны.

11

… *Главной французской квартиры*… – имеется в виду Ставка Главнокомандующего вооруженными силами Французской республики.

12

Жоффр Жозеф-Жак (1852–1931), маршал Франции, в 1914 – главнокомандующий армиями Севера и Северо-Востока, в 1915 – главнокомандующий всеми французскими армиями, в 1918 избран членом Французской академии.

13

Бриан Аристид (1862–1932), дипломат, член Республиканской социалистической партии, занимал посты министра иностранных дел, премьера-министра.

14

Пуанкаре Раймон (1860–1934), французский государственный и политический деятель, президент Франции (1913–1920).

15

Война-Панченко Сергей Констатнтинович (1878–1920), генерал-майор, в 1915–1917 гг. командир л. – гв. Тяжелого артиллерийского дивизиона, с 1918 – участник Белого движения на Юге России, умер от тифа в Новороссийске.

16

Хейг Дуглас (1861–1928), граф, британский фельдмаршал, в 1915–1918 гг. главнокомандующий английскими войсками во Франции.

17

Робертсон Уильям (1860–1933), фельдмаршал, в 1915–1917 гг. начальник Генштаба Британских сил в Европе, затем имперского Генштаба.

18

Моррисон Эдвард (1867–1925), канадский бригадный генерал, журналист, главный редактор «Ottawa Citizen».

19

Пашич (Пешич) Петар (1871–1944), сербский генерал армии. В 1914–1917 гг. помощник начальника штаба Черногорского Верховного командования, с мая 1917 – помощник начальника штаба Сербского Верховного командования.

20

Кастельно Эдуар, виконт де Кюрьер (1851–1944), французский дивизионный генерал, в 1915–1916 гг. начальник штаба главнокомандующего французской армией Ж. Жоффра, в 1917–1918 гг. командующий группой армий во Франции. В 1919–1923 – депутат Национального собрания Франции.

21

Пелле Морис (1863–1924), французский бригадный генерал. В 1914–1918 гг. командир Марроканской дивизии, с 1919 г. верховный командующий Вооружённых сил Чехословакии.

22

…заседала другая, политическая… – имеется в виду конференция представителей государств-союзников в Шантильи 18–19 ноября 1916.

23

Лойд-Джордж Дэвид (1863–1945), лидер Либеральной партии Великобритании. В 1916–1922 гг. премьер-министр Великобритании.

24

Асквит Герберт Генри (1852–1928), граф, лидер либеральной партии в 1905–1924 гг. В 1908–1916 гг. премьер-министр; с 1924 – член палаты лордов.

25

Мюррей Арчибальд (1860–1945), британский генерал, с марта 1916 по апрель 1917 – командующий английскими войсками в Палестине и главнокомандующий английскими войсками на Среднем Востоке.

26

…французский морской министр… – имеется в виду Лаказ Мари-Жан-Люсьен (1860–1955), французский вице-адмирал, член Французской академии, с 29.10.1915 по 02.08.1917 – морской министр.

27

…его помощник… – имеется в виду Нель Луи (1864–1920), французский политический деятель, в 1915–1917 гг. заместитель морского министра, впоследствии министр юстиции в правительстве Ж. Клемансо (1917–1920).

28

Кривенко Василий Васильевич (1879–1926), полковник. В 1915 г. штаб-офицер для поручений при главнокомандующем Северным фронтом; с 1917 – штаб-офицер для поручений при генерале Ф.Ф. Палицыне.

29

Панчулидзев Алексей Николаевич (1884–1964), подполковник л-гв. Уланского полка, с декабря 1917 – помощник, затем – штаб-офицер для поручений при военном агенте во Франции, с 1918 – в эмиграции во Франции.

30

Извольский Григорий Александрович (1892–1951), сын А.П. Извольского, в 1914 вступил добровольцем в Иностранный легион, в 1923–1924 гг. директор банка Рябушинских в Париже, с 1924 – в эмиграции в Америке.

31

…военного агента в Париже… – имеется в виду Игнатьев Алексей Алексеевич (1877–1954), граф, генерал-майор, с 1912 по 1919 – военный агент во Франции. После 1919 – на дипломатической службе в СССР.

32

Гурко Василий Иосифович (1864–1937), генерал от кавалерии, с 10.11.1916 по 17.02.1917 и.о. начальника штаба Верховного главнокомандующего на время болезни М.В. Алексеева, с 31.03.1917 – главнокомандующий армиями Западного фронта, с 1918 – участник Белого движения.

33

Жанен Пьер (1862–1946), дивизионный генерал, в 1916–1917 гг. глава военной миссии Франции при Ставке верховного главнокомандования, а в 1918 – при Верховном правителе А.В. Колчаке, один из виновников его гибели.

34

…*Главной квартире*… – имеется в виду Ставка Верховного главнокомандования, т. к. с прибытием в Ставку императора, Ставка одновременно становилась императорской Главной квартирой.

35

Гамелен Морис (1872–1958), французский дивизионный генерал. В 1914–1916 гг. был секретарем Жоффра, позднее командовал бригадой и дивизией.

36

…*Г.О.Е.* – военное командование вооруженными силами Франции.

37

Нивель Робер Жорж (1856–1924), дивизионный генерал, с 1916 по 1917 гг. главнокомандующий французской армией, его весеннее наступление на Западном фронте из-за высоких потерь получило название «бойня Нивеля».

38

Лиоте Луи Юбер Гонзалв (1854–1934), маршал Франции, в 1916–1917 дивизионный генерал, министр обороны Франции, известный своим участием в колониальных войнах в Индокитае и Марокко, в том числе в Рифской войне.

39

Фош Фердинанд (1851–1929), маршал Франции, член Французской академии (1918). С октября 1914 г. помощник главнокомандующего, с 1915 – командующий Северной группой армий, руководил наступлением в Артуа, а также принял участие в сражении на Сомме. С 15.05.1917 – начальник Генштаба, с 1918 – председатель Военного комитета союзников.

40

Петен Анри Филипп (1856–1951), маршал Франции, в 1917 – главнокомандующий французской армией. Во время оккупации Франции во II мировой войне – премьер-министр, заключил перемирие с Германией.

41

Саррайль Морис (1856–1929), французский дивизионный генерал. В 1914–1915 гг. командир 6-го армейского корпуса, командующий 3-й армией, отличился в сражении на Марне. С сентября 1915 по декабрь 1917 – командующий войсками союзников на Салоникском фронте.

42

…английский генерал… – имеется в виду Милн Джордж (1866–1948), британский фельдмаршал, с января 1916 – командующий британскими войсками на Салоникском фронте.

43

…контролировавший переход греческой армии …и разоружение ее… – Речь идет о перевороте 30 августа 1916, направленном против греческого короля Константина I, войск и добровольческих формирований, оставшихся верными королю и его курсу. Вооруженное противостояние между ними и частями союзников в Салониках вылилось в блокаду побережья и полное разоружение прокоролевских сил. 2 июля 1917 Греция объявила войну Центральным державам.

44

Кадорно Луиджи (1850–1928), граф, итальянский маршал. В 1914–1917 начальник Генштаба, а после вступления Италии в мае 1915 в войну – фактически главнокомандующий итальянской армией.

45

…*королеве*… – имеется в виду Елена Черногорская (1873–1952), дочь короля Николы I Черногорского, королева Италии (1900–1943).

Баррер Камилл (1851–1940), французский дипломат, посол Франции в Риме, сыграл большую роль во вступлении Италии в войну на стороне Антанты.

47

Соннино Сидней Константино (1847–1922), итальянский политический и государственный деятель, в 1914–1917 – министр иностранных дел.

Тома Альбер (1878–1932), политический деятель, историк, член социалистической партии, в 1916–1917 гг. министр вооружения. В 1916 и 1917 гг. был с официальным визитом в России.

49

Рейнгард Мариан-Июмус Федорович (1881–1976), полковник, в 1916 г. прикомандирован к Главному артиллерийскому управлению, позже – представитель ГАУ при военном агенте в Италии, с 1917 – в эмиграции в Аргентине.

50

…*наши бригады*… – имеются в виду 1-я и 3-я Особые пехотные бригады Русского экспедиционного корпуса во Франции.

51

Франш д'Эспере (1856–1942), маршал Франции (1921), с марта 1916 – командующий Восточной, с декабря 1916 – Северной, с 1917 – группой армий в Шампани, с марта 1919 – верховный комиссар Франции на Юге России.

52

Мазель Оливье (1858–1940), французский дивизионный генерал, в 1916 – командующий 1-й армией, в 1917 – командующий 5-й армией.

53

Манжен Шарль (1866–1925), французский дивизионный генерал. В 1914–1915 гг. командовал бригадой, дивизией, армейскими корпусами; в 1916 – отличился под крепостью Верден; в 1917 – командующий 6-й, в июле 1918–10-й армиями, отличился во 2-м сражении на Марне.

54

Гуро Анри (1867–1946), дивизионный генерал, с 14.05.1915 – командующий французскими войсками на Галлиполийском полуострове; в декабре 1915 и в июле 1918 – командующий 4-й армией; в 1919–1923 главнокомандующий французскими войсками на восточном побережье Средиземного моря.

55

Жерар Огюстен (1857 —?), французский дивизионный генерал. В 1914 – командующий 2-м армейским корпусом; в 1918 – командующий 1-й и 8-й армиями.

Файоль Эмиль (1852–1928), маршал Франции, в 1916 командующий 6-й армией, отличившейся в сражении на Сомме, в 1918 – командующий Резервной группой армий, сорвавших германское наступление в июне и в июле 1918.

57

Мишле Жозеф (1861–1931), французский дивизионный генерал, в 1915 – начальник штаба 1-й армии, начальник 53-й пехотной дивизии, с апреля 1916 – командующий 10-й армией; в 1917 – командующий Резервной группой армий.

58

…1-й и 3-й французскими армиями… – имеются в виду генерал О. Файоль и генерал *Юбер* Жорж-Луи (1862–1921), с 1916 – командующий 3-й армией.

59

…бельгийскому королю… – Альберт I (1875–1934), с 1909 – король Бельгии, в 1914–1918 – главнокомандующий бельгийской армией.

60

…*бельгийской королеве* … – Елизавета Баварская (1876–1965), с 1909 – королева Бельгии, супруга Альберта I, мать короля Леопольда III.

61

Балфурье Морис (1852–1933), французский дивизионный генерал, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени (1916).

62

Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939), генерал-лейтенант. В 1915 – помощник военного министра и товарищ председателя Особого Совещания по обороне государства; в 1916 – начальник 32-й пехотной дивизии, затем генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем; в 1917 – командир 1-го армейского корпуса, участвовал в выступлении генерала Л.Г. Корнилова.

63

…2 территориальны… и 3 территориальные бригады… – имеются в виду территориальные воинские соединения французской армии, которые до начала мобилизации содержали 10–20 % от среднего и младшего состава, а с началом военных действий доукомплектовывались путём призыва военнообязанных.

Занкевич Михаил Иполлитович (1872–1945), генерал-лейтенант, в 1916 г. и.д. генерал-квартирмейстера Генерального штаба, в феврале-апреле 1917 – начальник военной охраны Петрограда, с 05.04.1917 – представитель Ставки Верховного главнокомандующего и Временного правительства во Франции. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции во Франции.

65

Гучков Александр Иванович (1862–1936), с 1906 председатель ЦК партии «Союз 17 октября», председатель III Государственной думы. В 1914 г. один из организаторов военно-промышленных комитетов и с июля 1915 председатель Центрального военно-промышленного комитета; с сентября 1915 член Особого совещания по обороне государства, в 1917 г. военный и морской министр; участник Белого движения, с 1919 в эмиграции во Франции.

Лохвицкий Николай Александрович (1867–1933), генерал-лейтенант, в 1916 – командир 1-й Особой пехотной бригады; с июня 1917 – начальник Особой пехотной дивизии, в которую вошли бригады, действовавшие в составе Русского экспедиционного корпуса во Франции. Участник Белого движения.

67

…*citation*… – (приведение – фр.), имеется в виду приведение к присяге Временному правительству.

Марушевский Владимир Владимирович (1874–1952), генерал-лейтенант. Участник русско-японской войны 1904–1905. В 1916 г. командир 3-й Особой пехотной бригады; в конце 1917 г. начальник Генштаба. С 1918 – участник Белого движения.

69

Годар Жюстен (1871–1956), министр здравоохранения Франции. В 1914–1918 гг. начальник службы здравоохранения французских вооруженных сил.

70

Керенский Александр Федорович (1881–1970), депутат IV Государственной думы, член Временного комитета Государственной думы, товарищ председателя исполкома Петросовета. С 2 марта по 5 мая 1917 – министр юстиции, в мае-сентябре 1917 – военный и морской министр, затем – министр-председатель Временного правительства, с 30 августа одновременно Верховный главнокомандующий. В эмиграции во Франции, позднее – в США.

71

Pann Евгений Иванович (1875–1946), с 1903 – член партии эсеров, жил в эмиграции. С мая 1917 – комиссар Временного правительства во Франции.

Киселев Сергей Петрович (1878–1928), полковник, в 1915 награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, Георгиевским оружием; в 1916 г. назначен в 1-й Особый пехотный полк Русского экспедиционного корпуса во Франции.

73

Бобриков Николай Николаевич (Кока) (1882–1958), полковник Генерального штаба, в 1916–1917 гг. в распоряжении военного агента во Франции. Участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции.

Каменский Михаил Павлович (1874–1937), генерал-майор. В 1914–1915 гг. сначала помощник, потом начальник отделения по устройству и службе войск ГУГШ; с 1918 г. в Красной армии, в 1935 г. репрессирован.

Иванов Михаил Иванович, полковник, в 1917 г. командующий 2-м Особым пехотным полком Русского экспедиционного корпуса во Франции.

Семенов Василий Александрович, подполковник. В 1915 г. старший адъютант штаба 22-й пех. дивизии; в 1916 г. переведен в 9-й Особый пехотный полк.

77

…позорная Куртинская история… – имеется в виду вооруженный мятеж частей 1-й Особой пехотной дивизии в лагере Ля Куртин.

…*представитель*… – имеется в виду представитель Ставки Верховного главнокомандующего.

79

…военный агент… – имеется в виду военный агент, т. е. военный атташе при посольстве России во Франции. *См. далее Игнатьев А.А.*

80

…Главного управления Генерального штаба… – имеется в виду ГУГШ – высший орган оперативно-стратегического управления вооруженных сил Российской империи, ведало разработкой мероприятий по подготовке к войне, мобилизационным планированием, военной разведкой и контрразведкой, перевозками войск и военных грузов и т. п..

81

…*Главное управление* … – имеется в виду ГУГШ.

82

Пац-Помарнацкий Александр Фадеевич (1885–1963), полковник, с 1915 г. – и.д. помощника начальника отделения ГУГШ; с 1918 – в эмиграции.

83

…разведывательный отдел при Главной квартире… – имеется в виду Русская миссия в Межсоюзническом бюро.

84

…*Представителя Верховного Командования*… – имеется в виду должность представителя Ставки Верховного главнокомандующего, которую занимал Ф.Ф. Палицын в 1916–1917.

85

Пон Фердинанд Огюст (1855–1926), французский дивизионный генерал. В 1916 г. командующий 11-й пехотной бригадой, командир 6-й пехотной дивизии; в 1917 – командир 21-го, в 1918–4-го армейских корпусов.

…2 бригады венизилосцев… – воинские части, поддержавшие греческого премьер-министра Э. Венизелоса против греческого короля Констатнтина I, противившегося переходу Греции на сторону Антанты. *См. примечание 43.*

87

Дитерихс Михаил Константинович (1874–1937), генерал-лейтенант. В 1915 г. и.д. генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного Фронта, с конца 1916 – начальник объединенной Франко-Русской дивизии (в составе Сербской армии). С марта 1918 по январь 1919 – начальник штаба Чехословацкого корпуса; позднее – армии А.В.Колчака. С 1922 г. в эмиграции в Китае.

88

Особые совещания Государственного Совета… – имеется в виду Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения, учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны.

…*М.П.С*… – министерство путей сообщения Российской империи.

90

Трепов Александр Фёдорович (1862–1928), член Государственного Совета. В 1916 г. министр путей сообщения, позже – председатель Совета Министров. Участник Белого движения. Умер во Франции.

91

…*Нина обеспокоена*… – А. М. Палицына, жена Ф.Ф. Палицына.

92

…*Московское совещание*… – Государственное совещание в Москве – всероссийский политический форум, созванный Временным правительством.

93

Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940), депутат III и IV Государственной думы, член ЦК партии кадетов, член комитета Сибирского общества помощи больным и раненным воинам и пострадавшим от войны, член Особого совещания по обороне. В 1917 – министр путей сообщения, затем заместитель председателя и министр финансов Временного правительства; с сентября 1917 – генерал-губернатор Финляндии. Остался в СССР, репрессирован.

Игнатьев Павел Алексеевич (1878–1930), полковник. В августе-ноябре 1915 офицер штаба Юго-Западного фронта, где занимался вопросами контрразведки, затем направлен во Францию для связи и координации органов разведки и контрразведки; в 1917–1918 гг. руководитель Русской секции в Межсоюзническом бюро при военном министерстве Франции.

95

…*М.В.Д.*… – министерство внутренних дел Временного правительства.

…разведывательному отделу Генштаба… – имеется в виду разведывательный отдел управления генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего, ведавшее русской военной разведкой и курировавшее деятельность Русской секции Межсоюзнического бюро П.А. Игнатьева в Париже.

97

…международная конференция… – межсоюзническая конференция в Париже (29.11–02.12.1917), на которой обсуждался план, разработанный генералом Фошем, о совместных действиях на Дальнем Востоке против Советов.

98

…Гертлинг произнес речь … – имеется в виду выступление рейхсканцдера Гертлинга в рейхстаге по вопросу о мирных переговорах центральных держав с Советской Россией в Брест-Литовске.

99

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), создатель РСДРП(б), Советского государства и первый председатель Совета народных комиссаров.

100

Крыленко Николай Васильевич (1885–938), член ЦК РСДРП(б). В 1917 – прапорщик, сотрудник газеты «Солдатская правда». Член Комитета по военным и морским делам Совета народных комиссаров, в 1917–1918 гг. Верховный главнокомандующий. Позднее – нарком юстиции РСФСР и СССР.

101

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940), с 1917 – председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. После 1917 г. занимал посты наркома иностранных дел, наркома по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета, В 1929 выслан из СССР, убит агентом НКВД.

102

Пантелеев Александр Ильич (1838–1919), генерал-адьютант, член Государственного Совета. В 1914 г. возглавлял комиссию по расследованию обстоятельств поражения 2-й армии в Восточной Пруссии.

103

…*4-х армий* … – имеются в виду 2-я, 4-я, 5-я и 9-я армии.

104

…за ней Люблинская и Варшавская… – имеется в виду Люблин-Холмская (август) и Лодзинская операции (ноябрь) 1914 г.

105

…повели Гродненскую операцию… – вероятно, автор имеет в виду сражение на реке Бзура (19 ноября – 20 декабря) 1914.

106

…*Главном комитете*… – имеется в виду Особое совещание по обороне – специальный правительственный орган, созданный в 1915 для организации военной экономики. Особое совещание осуществляло «высший надзор» за деятельностью промышленных предприятий, распределяло военные заказы.

107

Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920), генерал-адъютант, член Государственного Совета. В 1915 г. военный министр и председатель Особого совещания по обороне; военный эксперт на советско-польских переговорах в Риге.

108

…6 пунктов… – имеется в виду «Декрет о мире», принятый съездом советов рабочих и солдатских депутатов 25 октября 1917.

109

…*максималистического*… – имеется в виду большевистского.

110

…уже проделана в Моонзунде… – имеется в виду операция «Альбион», осуществленная германской армией и флотом по захвату Моонзундского архипелага в Балтийском море 29 сентября – 20 октября 1917.

111

…в 1870 году… – имеется в виду франко-прусская война 1870–1871 гг., в результате которой в состав Германии вошли Эльзас и Лотарингия.

112

Головин Николай Николаевич (1875–1944), генерал-лейтенант. С 1915 г. и.д. начальника штаба 7-й армии; с 1917 – и.д. начальника штаба главнокомандующего армиями Румынского фронта. Участник Белого движения.

113

Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932), генерал от инфантерии. Участник русско-японской войны 1904–1905. В 1917 г. помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта, в феврале 1918 заключил перемирие с Германией в Фокшанах, добившись от германского командования согласия на сохранение румынской армии, дал согласие на ввод румынских войск в Бессарабию. Участник Белого движения.

114

…Для N не гожусь для… – вероятно, имеется в виду великий князь Николай Николаевич, который мог рассматриваться как объединяющий центр для русских монархистов.

115

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936), член ЦК РСДРП(б), член Политбюро в 1919–1925 гг.; в 1918–1926 гг. председатель Моссовета и председатель Совета труда и обороны (1924), репрессирован.

Кравчинский (псевдоним С. Степняк) Сергей Михайлович (1851–1895), народник, писатель, член организации «Земля и воля».

117

Рогачев Николай Михайлович (1856–1884), поручик, член военно-революционного центра «Народной воли». Осужден и казнен по процессу 14-ти.

118

…*Избирательное собрание*… – имеется в виду Учредительное собрание.

119

…сплошная резня, например, в Армении… – имеется в виду геноцид армянского населения в Османской империи в 1915 году.

120

Бобриков Николай Иванович (1839–1904), генерал-адъютант, с 1898 – финляндский генерал-губернатор. Убит финским националистом.

121

Вильсон Вудро (1856–1924), в 1913–1921 президент США от демократической партии. В 1917 добился вступления в войну Соединенных Штатов, определив их доминирующую роль в определении судеб послевоенного мира. Один из главных авторов Версальского договора и создатель Лиги Наций.

Любомирский Здзислав (1865–1943), князь, политический деятель, президент (мэр) Варшавы; один из авторов польской декларации о независимости.

123

…декларация Вильсона… 14 пунктов его условий … – проект мирного договора, завершающего Первую мировую войну, разработанный Вудро Вильсоном и представленный Конгрессу 8 января 1918. Включал сокращение вооружений, вывод немецких частей из России и Бельгии, провозглашение независимости Польши и создание «общего объединения наций» (Лига Наций).

124

Кюльман Рихард фон (1873–1948), германский дипломат и промышленник. В 1917–1918 гг. статс-секретарь (министр) иностранных дел Германской империи, руководитель германской делегации на переговорах в Брест-Литовске, завершившихся подписанием ущемляющего интересы России мира.

125

Чернин Оттокар фон (1872–1932), австро-венгерский дипломат, министр иностранных дел Австро-Венгрии, участник переговоров (1917–1918) о заключении сепаратных мирных договоров с Украиной, Россий и Румынией.

126

Карханин Михаил Васильевич (1875–1958), полковник. В 1915–1917 гг. – и.д. начальника организационного отделения ГУГШ, готовил к отправке Особые пехотные бригады во Францию и Грецию; с июня 1917 – начальник тылового управления и штаба при представителе России в союзном командовании во Франции. Участник Белого движения. С 1921 – в эмиграции.

127

Дессино Константин Николаевич (1857–1940), генерал-лейтенант. В 1915 г. начальник 71-й пехотной дивизии; с июня 1916 – в распоряжении начальника Генерального штаба. Участник Белого движения, с 1919 – в эмиграции.

128

Гермониус Эдуард Карлович (1864–1938), генерал-лейтенант (1916). В 1914–1916 гг. заведующий приемками Главного артиллерийского управления, июля 1916 по 1918 – председатель русского правительственного комитета в Лондоне, занимался снабжением Добровольческой армии боеприпасами.

129

Свидерский Владимир Александрович (1876–1941), генерал-майор, в 1915 г. служил в Главном артиллерийском управления, член крепостной комиссии при ГУГШ. С 1918 – в эмиграции во Франции.

130

…*посол*… – имеется в виду Извольский Александр Петрович (1856–1919), действительный тайный советник, в 1906–1910 гг. министр иностранных дел, с 1917 г. посол в Париже. Сыграл видную роль в консолидации Антанты.

131

Караулов Николай (1872 —?), с 1912 – проживал в Париже; в 1914–1915 гг. секретарь русского военного госпиталя в Париже; советник посла А.П. Извольского; с 1916 – сотрудник Русской военной миссии во Франции.

Семенов, в 1917 – сотрудник Русской военной миссии во Франции.

133

…*Аланды*… – Аландские острова были присоединены к Российской империи во время русско-шведской войны 1809 г. и входили в состав Великого княжества Финляндского, имея население, состоящее преимущественно из шведов. В годы Первой мировой войны на островах были дислоцированы русские части.

134

…элементами с востока… – имеются в виду части, переброшенные германским командованием из России после заключения перемирия 2 декабря 1917.

135

Клемансо Жорж Бенжамен (1841–1929), французский политический деятель. В 1906–1909 и 1917–1920 гг. премьер-министр Франции.

136

Безобразов Александр Михайлович (1855–1931), действительный статский советник, в 1903–1905 член Особого комитета по Дальнему Востоку. После поражения в русско-японской войне отошел от дел. С 1917 г. в эмиграции.

137

…было бы неприятно бельгийскому королю… – имеется в виду возможная ситуация, когда бельгийский король как главнокомандующий бельгийской армией оказался бы в подчинении у француза-республиканца.

138

…*Ионнеско*… – скорее всего, речь идет о Ионеску Таке (1858–1922), румынском политике, министре иностранных дел Румынии в 1916–1917 гг.

139

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952), эсер, в 1917 г. министр земледелия Временного правительства, в январе 1918 – председатель Учредительного собрания. С 1920 – в эмиграции.

140

…представители Украины… – делегация Центральной Рады Украины, приглашенная к участию в мирных переговорах в Брест-Литовске и подписавшая 12.02.1918 сепаратный мирный договор, согласно которому Германия признавала украинское государство и гарантировала ему военную помощь.

141

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918), один из основателей партии кадетов, депутат II, III и IV Государственных дум, в 1917 г. министр финансов Временного правительства. Зверски убит в ночь с 6 на 7 января 1918.

142

Кокошкин Федор Федорович (1871–1918), юрист, профессор кафедры государственного права Московского университета, депутат I Государственной думы. В 1918 г. государственный контролер Временного правительства, депутат Учредительного собрания. Зверски убит в ночь с 6 на 7 января 1918.

143

Лобанов-Ростовский Алексей Николаевич (1862–1921), князь, в 1914–1917 гг. член авиационной комиссии Особого совещания по обороне, комитета великой княгини Марии Павловны по снабжению увольняемых из лазаретов на родину воинов. С 1919 г. в эмиграции.

Гертлинг Георг фон (1843–1919), барон, философ, глава правительства Баварии в 1912–1917 гг., рейхсканцлер Германской империи (1917–1919).

145

Пишон Стефан (1857–1933), министр иностранных дел Франции в 1906–1911, 1913 и с 16.11.1917 по 20.01.1920 в кабинете Ж. Клемансо.

146

Мотоно Итиро (1862–918), японский дипломат. В 1906–1916 – посол в России, в 1916–1 918 – министр иностранных дел Японии.

147

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), российский адвокат, депутат Государственной думы II, III и IV созывов, в октябре 1917 назначен Временным правительством послом во Францию и исполнял обязанности посла де-факто до установления дипломатических отношений Франции с СССР в 1924.

148

…ради империализма [или] социализма… – намек на лозунг, выдвинутый большевиками «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую».

149

Орландо Витторио Эмануэле (1860–1952), итальянский государственный деятель, в октябре 1917 – июне 1919 гг. председатель кабинета министров, позднее – глава делегации на Парижской мирной конференции.

150

Залкинд Иван Абрамович (1885–1928), член РСДРП(б) с 1903. В 1908–1917 в эмиграции, после Февральской революции 1917 вернулся в Россию, работал в наркомате иностранных дел, с января 1918 – полпред в Швейцарии.

151

…немецким авионам… – имеются в виду германские бомбардировщики, осуществлявшие с июня 1917 налеты и бомбардировки Парижа с воздуха.

152

Каледин Алексей Максимович (1861–1918), генерал от кавалерии, с марта 1916 по май 1917 командующий 8-й армией Юго-Западного фронта. В 1917 избран войсковым атаманом Донского казачьего войска, возглавил на Дону борьбу с большевиками, не получив поддержки населения, покончил с собой.

153

… *Лондонская конференция*… – имеется в виду специальное заседание военного совета Антанты 15 марта 1918 в Лондоне, одобрившее англо-французские проекты интервенции в Россию.

154

… *генерал Черемисинов*… – видимо Черемисинов Владимир Михайлович (1875 – после 1920), генерал-майор. В 1916 – и.д. генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии, в 1917 – и.д. коменданта Севастопольской крепости. С июня 1918 – в армии Украинской Державы, с ноября 1918 – в Красной армии, с 1919 – участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции.

155

…*Евгений Новицкий*… – автор путает Новицкого *Евгения* Федоровича (1867–1931), участника Белого движения, с действительно служившим в Красной армии его родным братом Новицким *Федором* Федорович (1870–1944), генерал-майором (1914), генерал-лейтенантом авиации СССР (1943).

156

Беренс Евгений Александрович (1876–1928), контр-адмирал, участник русско-японской войны 1904–1905. В июне 1915 – марте 1917 – военно-морской агент в Италии; в 1917 – возглавлял статистический, потом иностранный отделы Морского генштаба. После революции перешел на сторону советской власти.

157

Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1876–1956), генерал-майор, с 1916 г. в распоряжении главнокомандующего армиями Северного фронта; во время выступления Л.Г Корнилова назначен временно исполняющим обязанности главнокомандующего армиями Северного фронта. С февраля 1918 – в Красной армии, в марте-августе 1918 – военный руководитель Высшего военного совета.

158

…саксонском принце… – имеется в виду Вильгельм II Карл Флорестан фон Урах, граф фон Вюртемберг, (1864–1928), старший сын первого герцога Урахского Вильгельма (представителя морганатической ветви Вюртембергского герцогского, позднее – королевского дома), провозглашённый королем Литовского королевства под именем Миндаугаса II.

159

…должна вновь начаться комедия… – имеется в виду приезд в Брест-Литовск делегации РСФСР для подписания сепаратного мирного договора в соответствиями с условиями германского правительства от 23 февраля 1918.

160

…житомирских посланных… – имеется в виду антисемитское представление о делегации РСФСР на мирных переговорах в Брест-Литовске.

161

…мирный договор исполнен… – имеется в виду подписание сепаратного мирного договора между странами Центрального блока и РСФСР в Брест-Литовске 3 марта 1918.

162

…за 1807 и 1813 года… – имеется в виду участие России в русско-прусско-французской войне 1807 на стороне Пруссии и освобождение Германии в ходе походов 1813–1814 гг.

163

Ренодель Пьер (1871–1935), деятель французского рабочего движения. В 1915–1918 гг. директор газеты «Юманите», в 1914–1919 гг. депутат парламента от социалистической партии. В 1920-е выступал против СССР.

Арбатский Александр Александрович, в 1915–1916 гг. военный цензор и переводчик при штабе армий Западного фронта, в декабре 1917 – сотрудник Русской миссии в Межсоюзническом бюро.

Быховец Адам (1858 —?), присяжный поверенный, в 1916 г. офицер по руководству агентурной работой при штаба Западного фронта, в 1917 г. сотрудник Русской миссии в Межсоюзническом бюро.

Мещерский Борис Алексеевич (1889–1957), князь, в 1917 г. – атташе Русской военной миссии в Межсоюзническом бюро; после 1920 – в эмиграции.

167

Лещинский-Троекуров Владимир (1889–1925), до 1914 г. журналист, с августа 1914 – офицер Русской военной миссии; в 1917 – капитан, заместитель руководителя Русской миссии в Межсоюзническом бюро; с 1918 – в эмиграции.

168

…*вольноопределяющемуся Франку*… – Франк Виктор (1895—?), в 1917 – поручик, сотрудник Русской миссии в Межсоюзническом бюро.

169

Оноприенко Павел, атташе Русской миссии в Межсоюзническом бюро.

Бибикова Варвара Васильевна (? – 1926), русская общественная деятельница, в 1913–1917 – вице-председательница общества призрения калек несовершеннолетнего возраста и идиотов.

171

Панченко Сергей Амфианович (1867 – после 1935), генерал-майор. С 1917 г. командующий бригадой 4-й Сибирской стрелковой дивизии. С 1918 – участник Белого движения на востоке России, после 1922 – в эмиграции.

Гурко Владимир Иосифович (1863–1927), политический деятель, товарищ министра внутренних дел, с 1912 – член Государственного Совета. После революции – участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции во Франции.

173

Нечволодов Александр Дмитриевич (1864–1938), генерал-лейтенант, с 1915 по 1917 гг. командующий 19-й пехотной дивизии; с 1918 – участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции во Франции.

…*Кочубей* … – возможно, Кочубей Виктор Викторович (1893–1953), князь, после Февральской революции прикомандирован к Русской военной миссии во Франции. В 1923–1925 гг. секретарь Русского бюро по трудоустройству.

175

По Мари, урожденная де Ганц, супруга генерала По.

Мюрат Наполеон Ахилович (1872–1943), принц, генерал-майор, участник русско-японской войны 1904–1905. С 1916 г. командир 12-го драгунского полка; с 1918 – в эмиграции во Франции.

177

Баррес Огюст-Морис (1862–1923), французский писатель и публицист националистического толка, политик.

178

…пресловутое советское собрание в Москве… – имеется в виду IV Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 14–16 марта 1918, ратифицировавших Брест-Литовский сепаратный мирный договор.

179

Дюсиметьер Леон Павлович (1883 —?), полковник Генерального штаба, с 1916 г. в составе Военной школы летчиков-наблюдателей; с 1917 – и.д. помощника начальника Управления военного воздушного флота, с 1918 – в эмиграции.

180

Думерг Гастон (1863–1937), член партии радикал-социалистов, президент Франции (1924–1931). В 1914–1918 гг. министр иностранных дел, в феврале 1917 принимал участие в Петроградской конференции.

181

Бертело Анри Матиас (1861–1931), французский дивизионный генерал. В 1914 г. командир 53-й дивизии, 32-го армейского корпуса; в 1916–1918 гг. командующий 5-й армией в Шампани; в 1918–1919 гг. главнокомандующий войсками Антанты на Балканах и на Юге России.

Лаббе Поль (1867–1943), французский лингвист и этнолог, член Французского географического общества, академик. В конце XIX – начале XX вв. неоднократно путешествовал по России.

183

Марсаль Франсуа Фредерик (1874–1924), французский политический деятель, премьер-министр Франции (1924).

Сахаров Николай, в 1914–1921 гг. приходской священник, в 1936–1959 – протоиерей Свято-Александро-Невского Кафедрального Собора в Париже.

185

…английский консул в Москве… – Локкарт Роберт (1887–1970), дипломат, журналист, разведчик. В 1912–1917 гг. вице-консул и генеральный консул Великобритании в Москве, с января по сентябрь 1918 – глава специальной британской миссии при СНК РСФСР, в октябре 1918 выслан как заговорщик.

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), генерал от инфантерии, военный министр (1898–1904). Участник походов в Среднюю Азию (1875–1876), русско-турецкой войны (1877–1878), русско-японской войны (1904–1905). С 1916 – главнокомандующий армиями Северного фронта; с июля 1916 – Туркестанский генерал-губернатор и войсковой наказной атаман Семиреченского казачьего войска; убит бандитами в своем селе в Псковской губернии.

187

…французами была прикрыта… – имеется в виду решение французского командования о расформировании Русской миссии в Межсоюзническом бюро.

188

Дестрем Георгий Маврикиевич (1884–1959), в 1915–1917 гг. поручик 4-й конно-артиллерийской батареи, награжден Георгиевским оружием. Участник Белого движения, с 1919 – в эмиграции.

189

Неклюдов Анатолий Васильевич (1856–1943), действительный статский советник, дипломат. В 1913–1917 гг. посол в Швеции. В апреле 1917 назначен послом России в Испанию; с 1917 – в эмиграции во Франции.

190

Шебунин Алексей Федорович (1867–1937), дипломат, действительный статский советник. В 1916 г. возглавлял миссию в Салониках (Греция); позднее – сотрудник российского посольства в Париже; после 1918 г. начальник канцелярии бывшего министра иностранных дел С.Д. Сазонова, затем М.Н. Гирса.

191

Рафалович Артур Германович (1853–1921), экономист, публицист. С 1894 по 1917 гг. – специальный агент министерства финансов России во Франции.

Ситроен Андре Гюстав (1878–1935), французский промышленник, создатель концерна «Citroën» и автомобиля под тем же наименованием.

193

…*немецких гота* … – имеются в виду германские тяжелые бомбардировщики типа Gotha G.IV, принимавшие участие в налетах на Париж.

194

…из 210-мм дальнобойного оружия… – имеется в виду орудийный комплекс «Колоссаль», изготовленный на заводах Круппа. Орудие имело калибр 210-мм, ствол длиной в 34 м, общий вес комплекса смонтированного на специальной железнодорожной платформе – 256 тонн. Первый выстрел по Парижу был совершен 21 марта 1918 года в семь часов утра.

195

Дестикер Пьер Анри (1866–1928), бригадный генерал. В 1918 г. начальник штаба маршала Ф. Фоша, участник подписания перемирия в Компьене.

… *передал команданте*… – т. е. старшему, таким образом автор подчеркивает свое уважение к Франсуа Марсалю.

197

Людендорф Эрих (1865–1937), генерал от инфантерии. В 1914–1916 гг. начальник штаба немецких войск на Восточном фронте, в 1916–1918 гг. 1-й генерал-квартирмейстер Верховного командования германской армии. После 1918 – в отставке, позднее депутат германского рейхстага от НСДАП.

198

…бедного генерала Иванова… – возможно, Иванова Александра Георгиевича (1863–1918), генерал-майора, в 1915–1917 гг. начальника 92-й бригады ополчения, расстрелянного большевиками в Феодосии в феврале 1918.

199

Митрополит Владимир (Василий Никифорович Богоявленский, 1848–1918), в 1898–1912 гг. митрополит Московский и Коломенский, в 1912–1915 гг. – Санкт-Петербургский и Ладожский, в 1915–1918 гг. – Киевский и Галицкий.

200

…*Мурман*… – имеется в виду территория Кольского полуострова.

201

…о формировании русского легиона… – имеется в виду «Русский легион чести» – воинская часть, сформированная из добровольцев 1-й Особой дивизии. Офицеры и солдаты легиона считали, что в их лице Россия продолжает выполнять свой союзнический долг, несмотря на подписание позорного Брестского мира. Официально существование Русского легиона было оформлено постановлением президента Французской Республики.

202

Сватиков Сергей Григорьевич (1880–1942), историк, общественный деятель, В мае 1917 командирован как комиссар Временного правительства в Европу для ликвидации заграничной агентуры Департамента полиции. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции во Франции.

203

Михайлов Иван Адрианович (1891–1946) сын А.Ф. Михайлова, управляющий делами Экономического совета Временного правительства. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Китае, казнен по приговору военной коллегии Верховного суда СССР.

…*жены*… – Гурко Варвара Николаевна (урожд. Маслова, ок. 1863–1917).

205

Гофман Макс (1869–1927), германский генерал-майор, с 1916 г. начальник штаба Восточного фронта; участник мирных переговоров в Брест-Литовске.

206

…*Гогенцоллерны*… – германская династия Гогенцоллерн, династия курфюрстов Бранденбурга, впоследствии королей Пруссии и германских императоров в период с с 1871 по 1918.

207

…*Габсбурги*… – монаршая династия, давшая правителей Австрии, позднее – Австро-Венгерской империи.

208

…*султан*… – имеется в виду Мехмед V Решад (1844–1918), султан Османской империи (1909–19180.

209

Фердинанд I (1861–1948), в 1887–1908 гг. князь Болгарии, в 1908–1918 – царь Болгарии, в 1915–1918 гг. главнокомандующий болгарской армией.

210

…письмо Карла I… – имеется в виду Карл Франц Иосиф (1887–1922), император Австро-Венгрии (1916–1918), с 1916 г. главнокомандующий войсками австро-венгерской империи. Весной 1917 представитель императора вел секретные сепаратные переговоры с союзниками.

Лон, в 1918 лейтенант, адъютант и переводчик генерала Ж.Лиоте.

212

Ланглуа (Лангль) де Кари (1850–1927), французский дивизионный генерал. С 1915 г. командующий Центральной группы армий; в 1916 отстранен от командования и направлен с дипломатической миссией в Алжир и Тунис.

213

…*Казанская республика*… – имеется в виду нереализованный проект создания национального государства татар и башкир в составе РСФСР – Урало-Волжский штат (Штат Идель-Урал, «Забулачная республика»).

214

Альби, французский дивизионный генерал, в 1917–1918 гг. начальник Генерального штаба.

215

Гиссер Георгий Георгиевич (1872 – не ранее 1934), генерал-майор, с 1916 г. генерал-квартирмейстер штаба 11-й армии; с 1917 г. 2-й обер-квартирмейстер ГУГШ, позднее – на службе в Красной армии, с 1918 г. в эмиграции.

216

…*Гренель*… – имеется в виду адрес посольства Российской империи в Париже – бульвар Гренель 79.

217

…*Гирс*… – вероятно, Гирс Михаил Николаевич (1856–1932), российский дипломат. В 1914–1917 гг. посол в Риме; в 1919–1920 гг. входил в состав Политического совещания в Париже, возглавлял Совет послов.

218

Боло-Паша Поль (? – 1918), аватюрист, германо-турецкий агент влияния, обвинялся в связях с Ж. Кайо, расстрелян по обвинению в шпионаже в 1918.

219

…процесс Мальви-Кальо пацифистов… – имеется в виду два отдельных процесса, инспирированных Ж. Клемансо против своих политических противников. *Мальви Жан Луи* (1875–1949), член партии радикал-социалистов, в 1917 г. был предан суду и приговорен к 5-летнему изгнанию. *Кайо Жозеф (*1863–1936), один из лидеров радикальной партии; в 1917 был также обвинен Клемансо в государственной измене, и только в 1924 г. – амнистирован.

220

Нулланс Жозеф (1864–1939), французский политический деятель и дипломат, сенатор (1920). В 1913–1914 военный министр, в 1914–1915 министр финансов. С июня 1917 – по сентябрь 1918 посол в России.

221

Севастопуло Матвей Маркович (1868–1943), действительный статский советник, дипломат. С 1913 – советник посольства во Франции (1913), в 1917 – поверенный в делах России во Франции, позднее – в эмиграции.

222

…*Союзе патриотов*… – вероятно, автор имеет в виду участие В.И.Гурко в создании подпольной организации «Правый центр», политического объединения партий и организаций, возникшее в марте 1918 в Москве, пытавшейся в борьбе с большевиками заручиться поддержкой и Германии и стран Антаты.

Корнилов Лавр Георгиевич (1876–1918), генерал от инфантерии. В 1914 г. командующий 48-й пехотной дивизией; в 1916 – командир 25-го армейского корпуса; в 1917 – командующий войсками Петроградского в/о и 8-й армией, позже – Верховный Главнокомандующий. Возглавил «Корниловский» мятеж, был арестован, бежал. Участвовал с генералом Алексеевым в формировании Добровольческой армии. В апреле 1918 убит во время штурма Екатеринодара. Тело генерала был эксгумировано, обезображено и сожжено.

Мирбах Вильгельм фон (1871–1918), граф, дипломат. Участник мирных переговоров в Брест-Литовске; с апреля 1918 года посол Германской империи в Москве. Убит левыми эсерами с целью возобновления войны с Германией.

225

Алексей Николаевич, великий князь (1906–1918), наследник-цесаревич, единственный сын императора Николая и императрицы Александры Федоровны, расстрелян с семьей в Екатеринбурге.

Михаил Александрович, великий князь (1878–1918), младший сын императора Александра III, брат Николая II. В 1914–1916 гг. начальник Кавказской конной («Дикой») туземной дивизии. 3 марта 1917 отказался принять российский престол до решения Учредительного собрания. Убит большевиками в Алапаевске.

227

Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921), государственный деятель, главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908–1915), член «Русского собрания». В декабре 1919 – феврале 1920 гг. начальник управления снабжения правительства при главнокомандующем А. И. Деникине, в 1920 г. назначен председателем правительства Юга России. Умер в Берлине.

Мандельштам Андрей Николаевич (1869–1949), дипломат, действительный статский советник, юрист-международник, востоковед, директор департамента МИД. С 1917 – в эмиграции во Франции, после 1939 – в США.

229

Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936), советский государственный деятель, дипломат, член РСДРП. В феврале 1918 г. глава советской делегации на переговорах с Германией, позже нарком иностранных дел.

230

Бурцев Владимир Львович (1862–1942), журналист и издатель, выслан за антиправительственною деятельность. В 1914 г. вернулся в Россию, был арестован и сослан в Туруханский край. С 1918 – в эмиграции во Франции.

231

…*Соколов*… – вероятно, Сокольников (Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888–1939), член РСДРП(б), до 1917 – в эмиграции, делегат I и II Всероссийских съездов Советов, член ВЦИК, нарком финансов (1922–1926), репрессирован.

Стеклов Юрий Михайлович (Овший Моисеевич Нахамкис) (1873–1941), в 1917 г. член исполкома Петроградского совета; в 1918 – член комиссии по разработке Конституции РСФСР; в 1917–1925 гг. редактор газеты «Известия».

233

Карпов Виктор Иванович (1859–1936), тайный советник. С августа 1915 – член Особого совещания по обеспечению топливом (Осотоп), в 1916 – член Особого совещания по обороне. С 1918 – в эмиграции во Франции.

Миллер, подъесаул Войска Донского, участник Белого движения.

235

Гутьяр Михаил Михайлович (1869 – после 1919), полковник. В 1917 г. командир 317-го пехотного Дрисского полка, позже участник Белого движения.

Стахович Михаил Александрович (1861–1946), дипломат. Брат А.А. Стаховича. Депутат I и II Государственной думы, член Государственного совета, октябрист. В 1917 генерал-губернатор в Финляндии, затем посол в Испании. Участник Русского национального комитета во Франции.

237

…*Басов*… – возможно, Николай Павлович Басов (1875–1929), полковник. В 1916–1917 гг. штаб-офицер управления полевого генерал-инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем. В эмиграции в Китае.

…*вызвали наступление*… – наступление в июне 1917 г. Юго-Западного фронта, давшее противнику представление о небоеспособности русской армии.

239

…итальянская катастрофа… – прорыв войсками Австро-Венгрии и Германии итальянского фронте при Капоретто 24–29 октября 1917.

Лансдаун Генри Чарльз (1845–1927), военный министр и министр иностранных дел Великобритании (1895–1905). Был сторонником вступления Великобритании в войну с Германией. После публикации открытого «письма о мире» (1917), участвовал в комиссии по выработке проекта мирного соглашения.

241

…*Михель*… – имеется в виду собирательный фольклорный образ немецкого парня, именуемого в сказках Михелем.

Сукин Иван Иванович (1890 —?), дипломат, работал в посольстве России в США, министром иностранных дел у А.В. Колчака. В эмиграции в США.

243

Берхтольд Леопольд фон (1863–1942), граф, австрийский дипломат. В 1912–1915 гг. министр иностранных дел; в 1914 – автор ультиматума Сербии и активный сторонник начала военных действий; с января 1915 в отставке.

Добророльский Сергей Константинович (1867–1930), генерал-лейтенант. В 1913 г. начальник мобилизационного отдела ГУГШ, в 1914–1917 гг. начальник штаба 3-й армии, начальник 78-й пех. дивизии, командир 55-го, затем 10-го армейских корпусов. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции.

245

..*автор «Я обвиняю»*... – имеется в виду Золя Эмиль (1840–1902), выдающийся французский писатель, публицист и политический деятель.

Гельферих Карл (1872–1924), дипломат, экономист. В декабре 1917 – марте 1918 член немецкой делегации на переговорах Брест-Литовске, в июле-августе 1918 – посол Германии в Советской России.

247

…телеграмма государя Вильгельму II… – телеграмма Николая II от 19.07.1914: «…Понимаю, что ты должен мобилизовать свои войска, но желаю иметь с твоей стороны такие же гарантии, какие я дал тебе, т. е. что эти мероприятия не означают войны и что мы будем продолжать переговоры ради благополучия наших государств и всеобщего мира, дорогого для всех нас…»

Бетман-Гольвейг Теобальд (1856–1921), германский государственный деятель, в 1909–1917 гг. рейхсканцлер, после 1917 – в отставке.

249

…два труда Блиоха… – Блиох Иван Станиславович (1836–1901), русский банкир, меценат, учёный. В России отдельным изданием вышли «Общие выводы из сочинения «Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях». СПб., 1898–426 с.

Аничков Михаил Викторович (1855 —?), российский экономист, инженер путей сообщения, автор книги «Война и труд». СПб., 1900.

251

…заняли Архангельск… – имеется в виду высадка 2 августа 1918 г. 9-тысячного отряда Антанты с помощью эскадры из 17 военных кораблей.

Бальфур Артур (1848–1930), граф, в 1902–1905 гг. премьер-министр Великобритании, в 1914–1917 гг. министр иностранных дел. В 1917 г. в ответ на 14 пунктов Вильсона выступил за ослабление военной мощи Германии. В 1919–1920 гг. член британской делегации на Парижской конференции.

253

Мордак Жан Жюль Анри (1868–1943), французский дивизионный генерал, в 1917–1919 – военный советник премьер-министра Ж. Клеманссо.

…самочинным комитетом из самых негосударственных элементов… – имеется в виду Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

255

Дьяконов Павел Павлович (1878–1943), генерал-лейтенант. В 1917 – командир 2-го Особого пехотного полка, с сентября 1917 по май 1920 помощник военного агента в Великобритании; С 1920 – в эмиграции во Франции; с 1924 – сотрудник ОГПУ; в 1940 вернулся с семьей в СССР.

Чайковский Николай Васильевич (1850–1926), политический деятель. После Февральской революции – член партии народных социалистов, после Октября – участник Белого движения, в 1918–1919 гг. председатель Временного правительства Северной области в Архангельске, в эмиграции во Франции.

257

Чаплин Георгий Ермолаевич (1886–1950), капитан 1-го ранга. В 1914–1917 гг. помощник начальника Оперативного управления штаба Балтийского флота. С февраля 1918 – участник Белого движении на Севере России. С марта 1920 – в эмиграции, подполковник английской армии.

…арестовал это правление… – имеется в виду попытка Г.Е. Чаплина отстранить от власти социалистов в Архангельском правительстве в сентябре 1918 г.

259

Ларин Михаил Александрович (Михаил Залманович Лурье) (1882–1932), партийный деятель. Во время 1-й мировой войны находился в эмиграции, после Октябрьской революции вернулся в Россию, был членом исполкома Петроградского совета, членом Президиума ВСНХ РСФСР, руководил национализацией.

Красин Леонид Борисович (1870–1926), партийный и государственный деятель, дипломат. Член советской делегации в Брест-Литовске, был нарком торговли и промышленности, путей сообщения, внешней торговли РСФСР, позднее – зам. наркома внешней и внутренней торговли СССР, полпред во Франции и в Великобритании.

261

Зольф Вильгельм (1862–1936), немецкий востоковед, дипломат и государственный деятель. В 1911–1918 гг. министр колоний; в 1918 – статс-секретарь МИД Германской империи; в 1920–1928 – немецкий посол в Токио.

Шейдеман Филипп (1865–1939), политический и государственный деятель, член Социал-демократической партии Германии, в 1919 – первый канцлер Веймарской республики. С октября 1918 – государственный секретарь в коалиционном правительстве Макса Баденского, выступал инициатором разрыва дипломатических отношений с Советской Россией.

Эрцбергер Матиас (1875–1921), министр финансов Веймарской республики, руководитель комиссии по заключению перемирия в правительстве Макса Баденского, в 1919 – рейхсминистр финансов; убит правыми экстремистами.

Гомперс Сэмюэл (1850–1924), политический и профсоюзный деятель США. Во время 1-й мировой войны выступал сторонником вступления США в войну на стороне Антанты, занимал шовинистические позиции.

265

…вожаку социалистической партии в парламенте… – имеется в виду Мильеран Александр. *См. примеч. 404.*

266

Герау Джордж (? – 1921), американский журналист и публицист.

267

…на Западном фронте 5/18 июля… – имеется в виду успешное контрнаступление резервной группы армий под командованием О. Файоля во время 2-го сражения на Марне, в полосе между Эной и Урком, с которого начался переворот хода военных действий на Западном фронте.

268

…*Восторгова*… – Восторгов Иван (Иоанн) Иванович (1864–1918), протоиерей, проповедник, церковный писатель, миссионер, деятель монархического движения. Расстрелян в период красного террора.

269

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918), статс-секретарь, сенатор, член Государственного совета, министр юстиции (1906–1915), с января 1917 г. председатель Государственного совета. Расстрелян.

Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918), тайный советник, министр внутренних дел (1912–1915), шеф жандармов (1912–1915), член Государственного совета. Расстрелян в период красного террора.

Шаховской Всеволод Николаевич, (1868-?), князь, гофмейстер, действительный статский советник, с февраля 1915 – управляющий министерства торговли и промышленности. Расстрелян в период красного террора.

Верховский Александр Иванович (1886–1938), генерал-майор. В 1917 г. командующий войсками Московского в/о, военный министр Временного правительства. С 1919 г. – в Красной армии, в 1938 г. репрессирован.

…*участь Ленина*… – имеется в виду покушение на Ленина Ф. Каплан.

…в районе Сен-Миель хорошо… – имеется в виду первая самостоятельная операция американских войск в 1-ой мировой войне в районе Сен-Миельского выступа (12–19 сентября 1918), завершившаяся окружением германских войск.

Лансинг Роберт (1864–1928), американский государственный деятель, в 1915–1920 гг. госсекретарь США в администрации президента Вудро Вильсона, в 1919–1920 – глава делегации США на Парижской мирной конференции.

Бенедикт XV (в миру – Джакомо делла Кьеза, 1854–1922), Римский Папа (06.09.1914–22 01.1922).

277

…ноту Папы в 1916 году… – послание Бенедикта XV воюющим державам от 1 августа 1916 с призывом прекратить кровопролитие и начать переговоры о мире в рамках предложенного плана из 7 пунктов, предусматривающего взаимное возмещение ущерба, взаимную реституцию оккупированных территорий, улаживание территориальных споров. План был отвергнут.

Фридрих II Великий Гогенцоллерн (1712–1786), прусский король (с 1740), выдающийся военный деятель.

Алленби Эдмунд (1861–1936), британский фельдмаршал, в 1914–1915 гг. командовал кавалерийской дивизией, кавалерийским корпусом, 3-й армией; с июня 1917 – главнокомандующий войсками в Египте и Палестине.

великий князь М.А.… – великий князь Михаил Александрович.

281

…*Самарин*… – возможно, автор имеет в виду бывшего обер-прокурора Св. Синода *Самарина* Александра Дмитриевича (1871—?), члена Государственного Совета, московского губернского предводителя дворянства.

Вильсон Генри (1864–1922), британский фельдмаршал, в 1917 г. – глава военной миссии на Петроградской конференции; позднее – начальник Восточного в/о, с 1918 – начальник имперского Генштаба и член Военного кабинета.

Гинце Пауль фон, дипломат, с 1911 по 1918 – посол Германии в Мексике, Китае и Норвегии; в 1918 г. министр иностранных дел Германии; после ноябрьской революции 1918 – в отставке.

Пайер Фридрих фон (1847–1931), германский государственный и политический деятель, с 1877 – депутат рейхстага; в 1918 г. вице-канцлер Германии.

285

…Македонскими и Палестинскими победами… – боевые действия на Салоникском фронте и взятие палестинских городов Назарета, Мегиддо, Дженина, Хайфы и Аммана в июне 1918 войсками генерала Алленби.

Плюмер Герберт (1857–1934), британский генерал. С августа 1914 – командующий 27-й, позднее – 28-й дивизиями 5-го армейского корпуса; с мая 1915 – командующий 2-й армией; с декабря 1918 по декабрь 1919 – командующий Рейнской оккупационной армией; позднее – главнокомандующий на Мальте.

287

Гюндель Эрих фон (1854–1924), германский генерал пехоты. В 1914 назначен командиром V резервного корпуса, в 1916 поставлен во главе армейского управления «В», действовавшего в Верхнем Эльзасе.

Винтерфельд Детлеф фон (1867–1940), германский генерал-майор. Член германской делегации на переговорах о перемирии с Антантой, 11.11.1918 подписал Компьенское перемирие.

289

Оберндорф Альфред фон (1870–1963), граф, германский дипломат и политический деятель; в 1912 – чрезвычайный посланник в Осло. Член германской делегации на переговорах о перемирии в Компьене.

290

Эберт Фридрих (1871–1925), государственный деятель, лидер правого крыла Социал-демократической партии Германии. В 1918 г. рейхсканцлер Германии; с 10.11.1918 по 13.02.1919 – Председатель Совета Народных уполномоченных Германии; с 1919 по 1925 гг. 1-й рейхспрезидент Германии.

291

…что сидит в Омске… – имеется в виду располагавшееся в июне – сентябре 1918 г. в Омске Временное Сибирское правительство. До этого под таким же названием было создано правительство, преимущественно состоявшее из эсеров под председательством П. Я. Дербера. Оно устраивало далеко не всех, прежде всего военных. В результате весь июнь в Омске шли переговоры и консультации, в результате которых 30 июня 1918 года было объявлено о создании нового Совета министров, который также стал именовать себя Временным Сибирским правительством (ВСП). Его председателем стал министр внешних сношений П.В. Вологодский.

Либкнехт Карл (1871–1919), деятель немецкого и международного рабочего движения. В 1916 гг. один из создателей «Спартака», в 1918 – председатель Коммунистической партии Германии; в январе 1919 арестован и убит.

293

…объявил себя автономным… – имеется в виду Союз Спартака – левое революционно-социалистическое крыло в социал-демократическом движении; в январе 1919 члены Спартака вошли в Коммунистическую партию Германии и вместе с независимыми социал-демократами объявили всеобщую забастовку.

294

…Сибирское правление… Всероссийским правлением… – в сентябре 1918 г. было объявлено о создании так называемой Уфимской директории, объединившей Комитет членов Учредительного собрания в Самаре и Временное сибирское правительство под председательством одного из лидеров партии эсеров Н. Д. Авксентьева. Еще позже – 03.11.1918 было создано Всероссийское Временное правительство. Тем временем, правое крыло Временного Сибирского правительства, представляемое П.В. Вологодским, заручившись вооруженной поддержкой казачьих атаманов и союзников по Антанте, готовило установление в Сибири новой власти. 18 ноября 1918 года в Омске было создано Российское правительство – высший орган государственной власти во главе с Верховным правителем России адмиралом Александром Васильевичем Колчаком.

295

…Сибирское правление… Всероссийским правлением… – в сентябре 1918 г. было объявлено о создании так называемой Уфимской директории, объединившей Комитет членов Учредительного собрания в Самаре и Временное сибирское правительство под председательством одного из лидеров партии эсеров Н. Д. Авксентьева. Еще позже – 03.11.1918 было создано Всероссийское Временное правительство. Тем временем, правое крыло Временного Сибирского правительства, представляемое П.В. Вологодским, заручившись вооруженной поддержкой казачьих атаманов и союзников по Антанте, готовило установление в Сибири новой власти. 18 ноября 1918 года в Омске было создано Российское правительство – высший орган государственной власти во главе с Верховным правителем России адмиралом Александром Васильевичем Колчаком.

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943), один из лидеров партии эсеров. В 1914 – принимал участие в формировании добровольческих отрядов из русских политических эмигрантов во Франции; после Февральской революции – председатель исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, с июля по сентябрь 1917 – министр внутренних дел Временного правительства, председатель предпарламента, с октября 1918 – председатель нового «Временного Всероссийского правительства»; после переворота 18.11.1918 – выслан зарубеж, с 1919 – в эмиграции во Франции, с 1940 – в США.

297

Омон Эмиль (1859–1942), историк, лингвист, славист, с 1904 по 1929 – профессор русского языка и литературы Университета Сорбонна.

Ефремов Иван Николаевич (1866–1945), политический и общественный деятель, член Государственной думы I, III и IV созывов, министр юстиции Временного правительства, чрезвычайный и полномочный представитель Временного правительства в Швейцарии; с 1918 – в эмиграции во Франции.

299

Гербель Сергей Николаевич (1856 —?), действительный статский советник, член Государсвенного совета. В 1914–1917 – главноуполномоченный по поставкам продовольствия; с мая 1918 – представитель председателя Совета министров Украинской Державы при штабе австро-венгерских войск в Одессе; в июле-ноябре – министр продовольствия Украины, в ноябре-декабре 1918 – председатель Совета министров Украинской державы; с 1919 – в эмиграции в Германии.

Краснов Петр Николаевич (1869–1947), генерал от кавалерии. Участник русско-японской войны 1904–1905. В начале войны – командир 10-го Донского казачьего полка, далее командовал 2-й сводной, 1-й Кубанской казачьей дивизиями; в 1917 г. командир 3-го кавалерийского корпуса. В 1918 г. избран атаманом Войска Донского и командующим Донской армией; с 1920 – в эмиграции.

301

Тундутов-Дундуков Дмитрий Давидович (Данзан-Черджал) (1888–1923), калмыцкий князь, полковник. В 1915–1917 – адъютант командующего Кавказским фронтом великого князя Николая Николаевича; участник Белого движения, член казачье-калмыцкого Астраханского войскового правительства, в 1919 был выслан, в 1922 вернулся в Россию, был арестован и расстрелян.

302

Ухтомский Михаил Валерьянович (1888–1941), князь, поручик 2-го лейб-драгунского Псковского полка. В 1917 – сотрудник Русского бюро Межсоюзнической миссии П.А. Игнатьева. С 1918 – участник Белого движения; с 1920 – в эмиграции, в 1933–1939 гг. руководитель Русского хора.

303

Касьянов Борис Павлович (? – 1933), ротмистр 2-го драгунского Псковского полка, участник 1-й мировой и Гражданской войн. С 1920 – в эмиграции.

Пуль Фредерик (1869–1936), генерал-майор. В мае-октябре 1918 г. командующий британскими и союзными частями на Русском Севере, в 1918–1919 являлся главой британской миссии на Юге России, пытался добиться присылки британских войск в помощь А.И. Деникину, но был снят с должности.

305

Половцов Кирилл Анатольевич (1888–1973), корнет 13-го гусарского Нарвского полка, общественный деятель. В 1918 г. был офицером связи между Белыми армиями и союзными войсками в Архангельске. С 1920 – в эмиграции.

306

…как начальник штаба… – т. е. должность начальника Генерального штаба, которую занимал генерал Ф.Ф. Палицын с 1906 по 1908 гг.

307

Хольмсен Иван Алексеевич (1865–1941), генерал-лейтенант. В 1914 – бригадный командир, с 1918 – в Белом движении, в 1919 – представитель Белых армий в Берлине, с 1920 – представитель П.Н. Врангеля во Франции.

308

…*конгрессе мира* … – имеется в виду Парижская мирная конференция.

309

Коновалов Александр Иванович (1875–1948), политический деятель, предприниматель, один из учредителей банка Рябушинских, депутат IV Государственной думы. В 1914–1917 гг. товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета. После Февральской революции – министр торговли и промышленности Временного правительства; с 1918 – в эмиграции.

310

Путилов Алексей Иванович (1866 – не ранее 1937), финансист и промышленник. В 1906–1917 гг. являлся директором-распорядителем крупнейшего в России Русско-Азиатского банка. После Февральской революции – поддерживал Л.Г. Корнилова, был одним из создателей Общества экономического возрождения России; с ноября 1917 – в эмиграции во Франции, оказывал финансовую помощь Белому движению и русской эмиграции.

Рафалович Иосиф Исаевич (1874–1943), промышленник и банкир. После Февральской революции – в эмиграции во Франции, в 1920-х – 1930-х – управлял предприятиями международной торговли.

312

…доносы на него и на его офицеров… – имеются в виду доносы А.А. Арбатского, направленные во 2-е бюро Генерального штаба Франции о разнообразных нарушениях, допущенных П.А.Игнатьевым в бытность его руководителем Русской миссии в Межсоюзническом бюро.

313

…*Сережу и Надю*… – Палицын *Сергей* Федорович (1906–1978), внук автора и его мать Палицына *Надежда* Вячеславовна (урожденная фон Брадке) (1887–1957), супруга Федора Федоровича Палицына-младшего (1879–1909).

314

…Виктор Палицын или его жена… – имеется в виду дальний родственник автора – Палицын Виктор Александрович (1879 —?), полковник генерального штаба. В 1914–1917 гг. помощник делопроизводителя ГУГШ; с октября 1918 – в армии Украинской Державы; в ноябре 1918 находился в Одессе.

315

Скоропадский Павел Петрович (1873–1945), генерал-лейтенант. В 1917 – командир 34-го армейского, затем 1-го Украинского корпуса; в 1918 г. в Киеве избран гетманом Украины и главой Украинской державы, но в конце года бежал в Германию, где возглавил одну из группировок украинской эмиграции.

316

Винниченко Владимир Кириллович (1880–1951), писатель, публицист, политический деятель. В 1917 – лидер Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП), в 1917–1919 гг. глава Генерального секретариата Центральной Рады, глава Директории; в сентябре 1919 вышел партии. В 1920 г. вернулся в Советскую Россию, был назначен заместителем председателя Совнаркома Украины; в конце 1920 – эмигрировал во Францию.

317

Колчак Александр Васильевич (1874–1920), полярный исследователь, адмирал, Георгиевский кавалер. Участник русско-японской войны (1904–1905). 1914 год встретил на Балтийском флоте, в 1917 г. назначен командующим морскими силами Черноморского флота с производством в вице-адмиралы. После Октябрьской революции – один из лидеров Белого движения, возглавил борьбу с советской властью в Сибири, в 1918 стал Верховным правителем России в Омске. В результате предательства союзников был арестован в Иркутске и расстрелян 7 февраля 1920 г. *См. также примеч. 33, 295.*

318

…Как 300 лет тому назад… – эпоха «Смутного времени» – период с 1598 по 1613 гг., ознаменованный сложнейшим политическим, экономическим и социальным кризисом российской государственности.

319

…*английский король*… – Георг V (1865–1936), король Великобритании с 1910 г. Во время I мировой войны Георг V отказался от германских титулов и изменил название королевского дома с Саксен-Кобург-Готского на Виндзорский.

…*CGT*… – Confédération générale du travail – общенациональное профсоюзное объединение Франции, создано в 1895 г.

Жорес Жан (1859–1914), деятель французского и международного социалистического движения.

322

Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959), меньшевик, член исполкома Петроградского Совета; в 1917 – министр почт и телеграфа, позже – внутренних дел. С 1918 – один из лидеров Грузинской демократической республики, участник Парижской мирной конференции. С 1921 – в эмиграции.

323

…на «Вашингтоне»…. – пассажирский лайнер «Джордж Вашингтон», спущен на воду в 1908 г., в предвоенный период третье по величине судно.

324

Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936), член Политбюро ЦК РКП(б), в 1918–1926 гг. председатель Петросовета, сторонник «красного террора», председатель исполкома Коминтерна. Репрессирован.

325

Миллер Евгений Карлович (1867–1937), генерал-майор, в 1914 г. начальник штаба 5-й армии, в 1919 г. главнокомандующий вооруженными силами России, действующими на Северном фронте. С 1920 – в эмиграции во Франции, после гибели генерала Кутепова возглавил Российский общевойсковой союз (РОВС), был похищен, вывезен в Москву агентами НКВД и расстрелян.

326

Гулькевич Константин Николаевич (1865–1935), российский дипломат. В 1916 – чрезвычайный полномочный посланник в Норвегии; с 1917 – российский посол в Швеции, позднее – дипломатический представитель белогвардейских правительств в Стокгольме. С 1920 – в эмиграции.

327

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922), один из основателей кадетской партии, депутат I Государственной Думы. В 1914–1916 гг. адъютант 318-й пешей Новгородской дружины ополчения; в 1917 г. – управделами Временного правительства. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции. Убит в Берлине при покушении на лидера кадетской партии П.Н. Милюкова.

Рузвельт Теодор (1858–1919), президент США с 1901 по 1909 гг… В 1912 организовал новую Прогрессивную партию, поддержал избрание Вильсона президентом, но в 1918 г. выступал противником его мирных инициатив.

329

Тафт Уильям Говард (1857–1930), президент США с 1909 по 1913 от Республиканской партии.

Ракитин Всеволод Владимирович (1883–1920), полковник. В 1914–1915 – при штабе 9-й армии; с 1916 г. и.д. начальника штаба 1-й Особой пехотной бригады; с 1919 – участник Белого движения на востоке России; в марте 1920 попал в плен, расстрелян по приговору ЧК в Омске.

331

…*Павлов*… – возможно, Павлов Анатолий Владимирович (1871 – после 1931), полковник л. – гв. Семеновского полка, участник 1-й мировой и Гражданской войн. С 1920 г. в эмиграции во Франции, воспитатель князя императорской крови Г.М. Брасова (сына вел. кн. Михаила Александровича).

Балбашевский Валериан Леонардович (1877–1954), полковник. В 1914–1915 гг. участник военных действий на Кавказском фронте; с 1916 – в составе Русского экспедиционного корпуса во Франции, в 1918 – в составе Русского легиона чести, участник Белого движения; с 1920 – в эмиграции в Югославии.

333

…штабс-капитаны: Эссен, Энден, кн. Галицын, Сухарев… – офицеры расформированной 1-й Особой пехотной дивизии, выразившие желание вернуться в Россию и сражаться за Белое дело.

334

Погуляев Сергей Сергеевич (1873–1941), контр-адмирал. В 1916–1918 – начальник бригады линейных кораблей Черноморского флота. С 1919 – начальник Управления по делам русских военных и военнопленных за границей; с 1921 – в эмиграции, председатель Союза морских офицеров.

Лихновский Карл Макс (1860–1928), князь, германский дипломат, сторонник мирного разрешения противоречий с Англий. В 1916 написал записку, в которой резко осуждал прусский милитаризм. Записка была использована англичанами для антигерманской пропаганды, а Лихновский обвинен в измене.

Черчилль Уинстон (1874–1965), премьер-министр Великобритании в 1940–1945, 1951–1955 гг., один из лидеров Консервативной партии. С июня 1917 – министр вооружений, с января 1919 – военный министр и министр авиации. В 1918–1919 г г. выступал инициатором интервенции в Советскую Россию.

337

Баттлер Николас Мюррей (1862–1947), американский педагог, публицист, профессор; с 1902 по 1945 – президент Колумбийского университета; лауреат Нобелевской (1931), учредитель Пулитцеровской премии (1917).

338

Монкевиц Николай Августович (1869–1926), генерал-лейтенант, в 1914–1916 гг. начальник штаба 30-го армейского корпуса; позднее – командующий 71-й пехотной дивизией, начальник штаба 4-й армии. С 1918 – участник Белого движения; в марте-декабре 1919 – начальник Русской миссии в Берлине.

Кедров Михаил Александрович (1877–1945), вице-адмирал, командир бригады линейных кораблей Черноморского флота. С 1917 – участник Белого движении, уполномоченный Верховного правителя России А.А. Колчака по делам военно-морских агентов в Европе; в 1920 г. обеспечивал эвакуацию из Крыма русской армии, а затем кораблей Черноморский флота. Состоял в РОВС.

Генрих Прусский Гогенцоллерн (1862–1929), принц, с августа 1914 г. командующий германскими военно-морскими силами на Балтике. В 1918 на объединенном заседании ландратов Эстонии, Латвии и Литвы было провозглашено Балтийское герцогство во главе с принцем Генрихом.

341

Эйзнер Курт (1867–1919), германский левый политический деятель, в 1918 – был назначен премьер-министром, в феврале 1919 потерпел поражение на выборах и был застрелен монархистом в день сложения полномочий.

Гольц Кольмар фон (Гольц-паша, 1843–1916), прусский генерал-фельдмаршал и военный теоретик. В 1914–1915 гг. адъютант султана Мехмеда V и фактический руководитель турецких вооруженных сил.

Люксембург Роза (1871–1919), деятельница польского и германского рабочего движения, одна из основателей Коммунистической партии Германии; убита вместе с К. Либкнехтом.

Радек (Собельсон) Карл Бернардович (1885–1939), профессиональный революционер, в 1914–1915 гг. сторонник лево-радикального течения в германской социал-демократии, в 1918 принял участие в создании Коммунистической партии Германии; в 1919 г. выслан в Россию. Репрессирован.

345

Бухарин Николай Иванович (1888–1938), советский партийный деятель; в 1920–1930-х гг. главный редактор «Правды» и «Известий». Репрессирован.

Штрандман (Штрандтман) Василий Николаевич (1877–1963), российский дипломат. В 1914–1915 гг. 1-й секретарь посольства в Риме, добровольцем вступил в Сербскую армию, где отличился и был награжден сербскими, черногорскими и французскими орденами. С 1918 – участник Белого движения, в 1919 – посланник А.В. Колчака в Белграде; в эмиграции в Югославии.

347

Дмитриев Владимир Иванович (1879–1965), капитан I ранга, дипломат и общественный деятель. В 1913–1917 гг. военно-морской агент во Франции; с 1918 – участник Белого движения, с 1921 – в эмиграции во Франции.

348

…ни Кашен, ни Ренодель, ни Лонге… – депутаты парламента – социалисты: *Кашен* Марсель (1969–1958), редактор «L'Humanité», один из создателей Французской коммунистической партии, *Ренодель* Пьер (*см. примеч. 164*), *Лонге* Жан Лоран (1876–1938), член Французской секции рабочего интернационала.

349

Гурко Дмитрий Иосифович (1872–1945), генерал-майор. В 1914–1915 гг. – командир 18-го гусарского Нежинского полка, в 1915–1917 – начальник штаба 14-го армейского корпуса, с 1918 – участник Белого движения на Северо-Западе. С мая 1920 – в эмиграции во Франции.

Шебеко Вадим Николаевич (1864–1943), генерал-майор, в 1916–1917 годах московский градоначальник, с 1918 – в эмиграции во Франции.

351

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь, с 1915 – председатель Главного комитета Земского и Городского союзов по снабжению армии (Зем-гор). После Февральской революции министр-председатель и министр внутренних дел Временного правительства. С 1918 – в эмиграции во Франции.

Милюков Павел Николаевич (1859–1943), российский политический деятель, историк. Депутат III и IV Государственной Думы, председатель кадетской фракции. После Февральской революции – министр иностранных дел Временного правительства. Участник Белого движения, с ноября 1918 – в эмиграции во Франции; в 1921–1940 редактор газеты «Последние новости».

353

Титов Александр Андреевич (1878 – не ранее 1958), ученый-химик, один из основателей Народно-социалистической партии. В 1914–1918 – член Главного комитета Всероссийского Союза городов. После Февральской революции – товарищ министра продовольствия. Участник Белого движения; в марте 1918 принял участие в создании «Союза Возрождения России».

Кровопусков Константин Романович (1881–1958), социолог, экономист, российский общественный деятель. В 1913–1915 гг. городской голова Одессы, в 1914–1917 – уполномоченный Союза городов; с 1919 в эмиграции.

Петлюра Симон Васильевич (1879–1926), один из лидеров Украинской социал-демократической рабочей партии, в 1917 г. избран в Учредительное собрание от Юго-Западного и Румынского фронтов; организатор и председатель войскового комитета Центральной Рады; в 1918–1920 гг. глава украинской Директории; после ее разгрома в союзе с поляками восстановил свою власть на Украине. В 1920 эмигрировал в Польшу, затем – во Францию.

Литвинов (Валлах Макс) Максим Максимович (1876–1951), член РСДРП(б), после революции на дипломатической работе. С 1921 – заместитель наркома, позднее – народный комиссар иностранных дел, посол в США.

357

Коковцев Владимир Николаевич (1853–1943), граф, председатель Совета министров Российской империи в 1911–1914 годах; с 1918 – в эмиграции во Франции; с 1923 – председатель Союз верных памяти императора Николая II.

Говен (Говэн) Огюст (1861–1931), французский дипломат, публицист, в 1918–1926 – редактор и политический обозреватель «Журналь де Деба».

359

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), российский государственный деятель, юрист, публицист, член Государственного Совета. В 1880–1905 – обер-прокурор Святейшего синода; с конца 1870-х – вдохновитель и проводник консервативной политики и идеолог контрреформ в России в 1880 – начале 1890-х г г.

360

…*Кэ д'Орсе*… – Орсейская набережная Сены в центре Парижа, где находится здание французского министерства иностранных дел. В дипломатическом обиходе Кэ д'Орсе – министерство иностранных дел Франции.

361

…*сартами*… – имеется в виду наименование до 1917 части оседлого населения Средней Азии, вошедшее в состав современных узбеков.

Коковцева Анна Федоровна (урожд. Оом 1860–1950), графиня, супруга В.Н. Коковцева.

363

…кривобокий интернационал… – имеется в виду Бернская конференция 3–10 февраля 1919, в которой приняло участие большинство социал-демократических партий, обсуждавших вопрос об отношении к Октябрьской революции.

364

…приглашение русских на Принцевы острова… – предложение Ллойд Джорджа и Вильсона о созыве конференции с участием советского правительства и «всех борющихся в России групп» на Принцевых островах.

Яковлев Василий Васильевич (1883–1970), капитан 2-го ранга, помощник морского агента в Париже, участник Белого движения в составе ВСЮР; в эмиграции – с 1920.

366

…справится ли Венгрия и Германия… – имеются в виду военные действия, которые вели верные правительствам адмирала Хорти и Веймарской республики войска по подавлению революций в Венгрии и Германии.

367

…политическое совещание… – имеется в виду Русское политическое совещание – белогвардейская организация, созданная в конце 1918 г. Ставило целью «отстаивание единства, целостности и суверенитета России» с ориентацией на страны Антанты.

Падеревский Игнацы Ян (1860–1941), польский пианист, композитор, государственный деятель. В 1919 – премьер-министр Польши.

369

…*Вольдемара*… – имеется в виду Вольдемарас Аугустинас (1883–1942), первый премьер-министр Литовской Республики (в 1918 и с 1926 – по 1929).

…*доктрина Монро*… – имеется в виду идея провозглашения американского континента зоной закрытой для вмешательства европейских держав, оформленная как декларация принципов внешней политики США в 1823 г. в послании президента Джеймса Монро к Конгрессу США.

Драммонд Джеймс Эрик (1876–1951), 16-й граф Перт, британский дипломат, с 1920 по 1933 – первый Генеральный секретарь Лиги Наций.

372

…отъезд итальянских делегатов… – демарш В. Орландо и итальянской делегации на Парижской конференции, в ответ на отказ Ллойд-Джорджа и Вильсона в передаче Италии области Далмация и порта Фиуме (Риека).

373

…зашел к Скалонам… – вероятно, к родственникам Марии Антоновны Палицыной, 1-ой жены автора, урожденной Скалон.

Корево Николай Николаевич (1860–1935), тайный советник, статс-секретарь Государственного совета, после Октябрьской революции – в эмиграции во Франции, принимал участие в работе Политического совещания.

Брокдорф Ульрих фон (1869–1928), граф, дипломат, первый министр иностранных дел Веймарской республики, в 1922–1928 гг. посол Германии в СССР. В 1919 г. ушёл в отставку, отказавшись подписать Версальский договор.

…потопили свои боевые корабли … – имеется в виду затопление кораблей Флота открытого моря германскими моряками в бухте Скапа-Флоу (1919).

377

Гарденин Николай Васильевич (1863–1933), полковник. В 1905–1917 – штаб-офицер при Московском генерал-губернаторе, с 1919 – участник Белого движения в составе ВСЮР; с 1920 – в миграции во Франции.

Геруа Борис Владимирович (1876–1942), генерал-майор. В 1915–1916 – командующий л-гв. Измайловским полком; в 1917 за участие в выступлении Л.Г. Корнилова был арестован, позднее освобожден. В 1919–1920 – председатель Особой военной миссии по оказанию помощи армиям генералов Миллера, Юденича, Деникина и адмирала Колчака. С 1920 – в эмиграции.

Ракитин Александр Владимирович (1885 —?), подполковник. В 1914–1917 гг. на штабных должностях. С 1918 – в армии Украинской Державы – войсковой старшина, позднее – в эмиграции.

Гоф Хьюберт (1870–19653), британский генерал-лейтенант, командовал 7-й дивизией, 1-м армейским корпусом и Резервной (5-й) армией на Западном фронте. С августа 1919 – координировал связи Северо-Западной армии Н.Н. Юденича, вынудив последнего подтвердить независимость Эстонии.

381

…конгресс 1815 года… – международный конгресс с участием представителей европейских государств, завершивший наполеоновские войны.

382

…с крахом Колчака, Юденича и Деникина… – имеется виду отступление под натиском Красной армии Восточного фронта А.В. Колчака, Северо-Западной армии Н.Н. Юденича и Добровольческой армии А.И. Деникина.

383

Врангель Петр Николаевич (1878–1928), барон, генерал-лейтенант. В 1914–1916 г г. начальник штаба Сводно-казачьей дивизии, в 1917 – командующий Уссурийской конной, 7-й кавалерийской дивизиями и Сводным кавалерийским корпусом. После Октябрьской революции – участник Белого движения, командовал 1-й конной дивизией и 1-м конным корпусом; в 1919 – командующий Кавказской армией ВСЮР; с 04.12.1919 по 02.01.1920 – командующий Добровольческой армией, с 11.05.1920 – Русской армией. В 1924 возглавил Российский общевоинский союз (РОВС).

Май-Маевский Владимир Зенонович (1867–1920), генерал-лейтенант. В 1916–1917 гг. командующий 35-й и 4-й пехотными дивизиями, 1-м гвардейским корпусом. С августа 1918 – участник Белого движения, командовал 3-й стрелковой (Дроздовской) дивизией; в 1919 – командующий Добровольческой армией, в конце года снят за кутежи и пьянство.

385

Незнамов Александр Александрович (1872–1928), генерал-майор. В 1914 – начальник штаба 55-й пехотной дивизии; позднее – командир 102-го пехотного Вятского полка, и.д. начальника штаба 7-й армии; с 1918 – на службе в Красной армии.

Клембовский Владимир Наполеонович (1860–1921), генерал от инфантерии. С декабря 1915 – начальник штаба армий Юго-Западного фронта, с 1917 – главнокомандующий армиями Северного фронта. После 1917 г. на службе в Красной армии. Умер в заключении.

387

Рагоза Александр Францевич (1858–1919), генерал от инфантерии. В 1914–1915 гг. командовал корпусом, затем армией, в 1917 временно командовал армиями Румынского фронта. В 1918 – военный министр Украинской Державы, в 1919 был захвачен в Одессе и расстрелян большевиками.

Селивачев Владимир Иванович (1868–1919), генерал-лейтенант. В 1914 г. начальник 4-й Финляндской стрелковой бригады, в 1917 – командовал 49-м армейским корпусом, 7-й и 11-й армиями; в 1918 – мобилизован в в Красную армию, был помощником командующего Южным фронтом, умер от тифа.

389

Надежный Дмитрий Николаевич (1873–1945), генерал-лейтенант. В 1914–1916 – начальник штаба 10-й пехотной дивизии, позднее – командующий 10-й пехотных дивизией. Весной 1918 поступил в Красную армию, командовал Северным, затем – Западным фронтом, с 1924 – на преподавательской работе.

Сытин Иван Павлович (1873–1927), генерал-майор. В 1916 – начальник штаба 35-й пехотной дивизии, затем при штабе Румынского фронта. С 1918 в Красной армии, перешел к белым, был разжалован, умер в Югославии.

391

Егорьев Владимир Николаевич (1869–1948), генерал-лейтенант Генштаба. После Февральской революции командовал пехотной дивизии, 39-м армейским корпусом. В январе 1918 – вступил в Красную армию, в июле-октябре 1919 – командующий Южным фронтом; участник переговоров с Польшей и Финляндией. После войны – редактор журнала «Военная мысль и революция».

Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937), генерал-лейтенант Генштаба. С весны 1918 – в Красной армии, в 1919 – начальник академии Генерального штаба; неоднократно арестовывался, умер в больнице.

393

Беляев Сергей Тимофеевич (1867–1923), генерал-лейтенант В 1915–1916 – генерал для поручений при Главнокомандующем армиями Западного фронта, инспектор артиллерии 2-й армии. С 1918 – на службе на службе в Красной армии, начальник кафедры тактики Артиллерийской академии РККА.

Величко Константин Иванович (1856–1927), инженер-генерал, известный российский фортификатор. С 1918 – на службе в Красной армии; с 1919 преподавал в Военно-инженерной и Военно-Технической академиях.

395

Гук Георгий Карлович (1881–1927), полковник генштаба. С 1918 – участник Белого движения в составе ВСЮР и Русской армии; с 1920 – в эмиграции в США.

Вахарловский Всеволод Николаевич (1858–1939), генерал-лейтенант. В 1914 – инспектор артиллерии 1-го Туркестанского армейского корпуса, в 1915 – инспектор артиллерии Московского в/о; С 1918 – на службе в Красной армии.

Раттель Николай Иосифович (1875–1939), генерал-майор Генштаба, с 1918 в Красной армии, начальник штаба, председатель ВВС; репрессирован.

Щелоков (Щолоков) Иван Иванович (1872–1935), полковник Генштаба. В 1918 вступил в Красную армию, в 1923–1933 гг. профессор Военной академии.

Парский Дмитрий Павлович (1866–1920), генерал-лейтенант Генштаба, с 1918 в Красной армии, в сентябре-ноябре – командующий Северным фронтом; умер от тифа в Москве.

Минут Виктор Николаевич (1868–1934), генерал-лейтенант Генштаба. После Февральской революции начальник Минского в/о. После Октябрьской революции покинул службу и уехал в Берлин, в 1918–1919 состоял в распоряжении военного агента в Берлине; с 1920 – в эмиграции во Франции.

Беркенгейм Александр Моисеевич (1878–1932), российский общественный деятель, один из руководителей кооперативного движения в России и Польше. В 1919–1920 – руководил переговорами по закупкам товаров в Англии и Франции; в 1920 был обвинен в содействии Белому движению, был осужден и остался в эмиграции в Польше.

402

111

403

…*Владислав*… – имеется в виду Владислав IV Ваза (1595–1648), король польский и великий князь литовский с 1633, старший сын Сигизмунда III.

Мильеран Александр (1859–1943), в 1919–1920 гг. верховный комиссар Франции в Эльзас-Лотарингии; позже – председатель Совета министров и министр иностранных дел, поддерживал политику интервенции против РСФСР; в 1920–1924 – президент республики.

405

…американский посол … – Уоллес Хью (1864–1931), американский бизнесмен и дипломат, с 1919 по 1921 – посол Соединенных Штатов во Франции.

Лорис-Меликов Иосиф Григорьевич (1872–1948), граф, русский дипломат. В 1914–1916 гг. 1-й секретарь посольства в США; в 1918 – участник Белого движения в составе армии Верховного правителя А.В. Колчака; с 1920 в эмиграции во Франции, принимал участие в переговорах в Берлине в качестве официального представителя Политического совещания.

407

Таубе Михаил Александрович (1869–1961), барон, дипломат, ученый-юрист, литератор. В 1911–1915 – товарищ министра народного просвещения, сенатор, член Государственного совета. В эмиграции с 1917 в Финляндии, Швеции, Германии; с 1921 – член Высшего монархического совета.

Дмитрий Павлович, великий князь (1891–1942), сын великого князя Павла Александровича. В 1916 г. участник убийства Г. Распутина.

409

Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927), дипломат, член РСДРП(м). В сентябре 1917 – член Петроградского совета и Петроградского военно-революционного комитета; в ноябре 1917 – январе 1918 председатель, позднее член и консультант советской делегации на переговорах в Брест-Литовске; с апреля 1918 – полпред РСФСР в Берлине, в 1920–1921 гг. руководитель советских делегаций на переговорах с Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей.

Семенов Григорий Михайлович (1890–1946), генерал-лейтенант, атаман Забайкальского казачьего войска. В 1914–1916 гг. есаул Нерчинского, позднее Верхнеудинского конных полков; после Февральской революции в сентябре 1917 сформировал добровольческий отряда в Забайкалье и к августу 1918 – освободил от советской власти все Забайкалье. Позже эмигрировал в Корею. Арестован в сентябре 1945, осужден и казнен через повешение.

Каппель Владимир Оскарович (1883–1920), генерал-майор. В 1914–1917 гг. на штабных должностях. В начале 1918 – мобилизован в Красную армию; с июня 1918 г. участник Белого движения, с августа 1918 – командующий Симбирской и Казанской группами Поволжского фронта, в 1919 – главнокомандующий Восточным фронтом; умер от воспаления легких.

Капп Вольфганг (1858–1922), политический деятель консервативно-националистического толка, журналист.

Вайда-Воевода Александру (1872–1950), государственный и политический деятель, премьер-министр Румынии (1919–1920, 1932 и 1933).

414

…*переворота фон Каппа*… – Капповский путч 10–17 марта 1920 против правительства Веймарской республики под руководством генерала Вальтера Лютвица и Вольфганга Каппа.

415

Ознобишин Алексей Александрович (1869–1929), общественный деятель, депутат IV Государственной Думы, после революции – в эмиграции.

Фермор Александр Николаевич (1886–1931), полковник. В 1914 г. вступил в службу вольноопределяющимся л. – гв. Уланского полка; с 1917 – участник 1-го Кубанского и Бредовского походов; с 1920 – в эмиграции.

417

Трепов Федор Федорович (1854–1938), генерал от кавалерии, сенатор, член Государственного Совета. В 1916–1917 гг. военный генерал-губернатор областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны. С ноября 1918 – в эмиграции во Францию, член Высшего монархического совета.

Кочубей Виктор Сергеевич (1860–1923), князь, генерал-лейтенант, начальник Главного управления уделов; после Февральской революции уволен от службы по болезни. С 1918 в эмиграции во Франции и Германии.

419

…оба Ознобишины… – вероятно автор имеет в виду А.А. Ознобишина *(см. примеч. № 415)* и Ознобишина Дмитрия Ивановича (1869–1956), генерал-майора, в 1914–1917 гг. помощника военного агента во Франции.

Раковский Христиан Георгиевич (Крыстю Станчев, 1873–1941), российско-болгарский, советский дипломат. В 1917–1918 гг. участник переговоров в Брест-Литовске; с 1919 по 1923 – председатель СНК и нарком иностранных дел Украины, позднее – на дипломатической работе; репрессирован.

Махно (Михно, Михненко) Нестор Иванович (1889–1934), коммуно-анархист. После 1917 г. возглавил Совет крестьянских депутатов в с. Гуляйполе Екатеринославской губернии; с 1918 – руководитель Революционно-повстанческой армии Украины против германских войск, позднее – выступил против режима С.В. Петлюры; в 1919–1920 воевал с армиями А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, и, одновременно, против советской власти. С 1921 – в эмиграции.

Белосельский-Белозерский Эспер Константинович (1871–1921), князь, капитан II ранга, российский яхтсмен, бронзовый призёр Олимпийских игр 1912 года в Стокгольме в парусном спорте, участник 1-й мировой и Гражданской войн, с 1920 – в эмиграции во Франции.

423

Жуо Леон (1879–1954), лауреат Нобелевской премии Мира (1951). В 1919–1920 гг. член французской делегации на Парижской мирной конференции, позднее – член Международного бюро труда при Лиге Наций.

424

…письмо Брусилова начальнику штаба… – обращение А.А. Брусилова к начальнику Главштаба РККА Н.И. Раттелю 1 мая 1920 с предложением создания специального органа для противодействия вторжению польских войск.

425

…вроде Комитета государственной обороны… – имеется в виду Особое совещание при Главнокомандующем С.С. Каменеве.

…*Совет государственной обороны*… – высший государственный орган, учрежденный в мае 1905 в целях обеспечения развития вооруженных сил империи.

Нубар-паша Погос (1851–1930), армянский общественный и политический деятель. В 1915 г. после начала геноцида армянского населения выступил инициатором переговоров с правительствами Антанты о формировании Восточного (Армянского) легиона в обмен на создание армянского государства.

Лебедев Дмитрий Антонович (1883–1928), генерал-майор Генштаба. В 1917 г. участник выступления Л.Г. Корнилова, в 1918 как с отрядом Добровольческой армии перешел через Волгу в Сибирь; в 1919 – военный министр в правительстве Колчака; позднее – помощник генерала М.К. Дитерихса и начальник вооруженных сил Владивостока. С 1922 – в эмиграции Китае.

429

Сахаров Константин Вячеславович (1881–1941), генерал-лейтенант Генштаба. С 1917 – участник Белого движения, состоял в войсках Директории; в 1919 г. генерал для поручений при Верховном главнокомандующем А.В. Колчаке; позднее командовал частями 3-й армии в Сибирском Ледяном походе. С 1920 в эмиграции в Японии, позднее – в Германии.

430

…последний начальник Генерального штаба… – имеется в виду должность, которую занимал Ф.Ф.Палицын в период военной реформы 1906–1909 гг.

Розанов Сергей Николаевич (1869–1937), генерал-лейтенант Участник русско-японской войны 1904–1905. В 1915 г. начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса; позднее командир 41-го армейского корпуса. В январе-августе 1918 – на службе в Красной армии; с сентября 1918 – участник Белого движения. В 1919–1920 гг. главный начальник Приамурского края и командующий войсками Приамурского в/о. С 1920 в эмиграции.

Степанов Николай Александрович (1869–1949), генерал-лейтенант. В 1914 г. командир 19-го драгунского Архангелогородского полка; затем на штабных должностях. С конца 1918 – участник Белого движения, в 1919 – военный министр правительства А.В. Колчака, С июня 1919 в эмиграции.

Гайда Радола (Гайдль Рудольф, 1892–1948), чехословацкий политический и военный деятель. Весной 1916 прибыл в Россию, где вступил добровольно в 1-ю Сербскую дивизию; в 1918 г. командир полка Чехословацкого корпуса, в 1919 – генерал-майор, командующий Сибирской армией в составе войск А.В. Колчака. С 1920 – на службе в вооруженных силах Чехословацкой республики.

Струве Петр Бернгардович (1870–1944), философ, экономист, историк, с 1905 член партии кадетов, депутат 2-й Государственной думы. Участник и идеолог Белого движения, член «Особого совещания» при А.И. Деникине, министр в правительстве генерала П.Н. Врангеля. С 1920 в эмиграции.

435

Мустафа-Кемаль-Паша (1881–1938), маршал Турции. В 1923 г. основал республику, став первым президентом Турции. Позднее получил новую фамилию – Ататюрк.

Грабский Владислав (1874–1938), польский экономист, один из лидеров Национально-демократической партии; депутат 1-й, 2-й и 3-й Государственных Дум. В 1920, 1923–1925 г г. премьер-министр Польши.

Гижицкий Александр Степанович (1869 – после 1919), российский политический деятель. Депутат III Государственной Думы от Подольской губернии; член Всероссийского Союза Националистов.

Беннигсен Эммануил Павлович (1875 – не ранее 1962), граф, депутат III и IV Государственной Думы от Новгородской губернии, член фракции «октябристов»; с марта 1917 – член Главного управления Красного Креста. С 1918 – в эмиграции во Франции, член Комитета помощи русским беженцам, организованного при Красном Кресте.

439

Шидловский Сергей Илиодорович (1861–1922), действительный статский советник, депутат III и IV Государственной Думы от Воронежской губернии, «октябрист», член Временного комитета Государственной думы; после Октябрьской революции – в эмиграции во Франции.

Балашов (Балашев) Петр Николаевич (1871 – после 1927), статский советник, депутат III и IV Государственной Думы; один из руководителей русского патриотического движения; председатель Всероссийского национального союза в III и IV Госдумах. После 1917 – в эмиграции во Францию.

Бубликов Александр Александрович (1875 —?), депутат IV Государственной Думы, член фракции прогрессистов. Комиссар в министерстве путей сообщения, участник ареста императора. После 1917 в эмиграции во Франции.

Бобринский Алексей Александрович (1852–1927), граф, сенатор, депутат III Государственной Думы от Киевской губернии, с 1912 – член Государственного совета; в 1916 – товарищ министра внутренних дел, позже– министр земледелия. После Октябрьской революции в эмиграции во Франции.

Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1935), тайный советник. Автор и разработчик ряда важнейших государственных актов, в том числе избирательных законов 1905 и 1907 годов; с 1918 в эмиграции во Финляндии, с 1920 во Франции, где выступил как один из учредителей Союза ревнителей памяти императора Николая II.

444

…*Юрьевскому договорам*… – вероятно, автор имеет в виду заключенные в г. Юрьеве договоры между РСФСР и Эстонией (9 февраля 1920), а также между РСФСР и Финляндией (14 октября 1920), завершившие военный действия с этими странами и урегулировавшими территориальные претензии.

Пилсудский Юзеф (1867–1935), маршал Польши, лидер Польской социалистической партии (ППС), один из организаторов националистической фракции. С 11 ноября 1918 – возглавил Польское государство, в 1919–1920 – командующий вооруженными силами, в октябре 1920 – организовал захват Вильнюса и Виленской области. В мае 1926 установил в стране диктаторский режим «санаций», действуя в качестве военного министра (1926–1928, 1930).

Густав II Адольф Ваза (1594–1632), шведский король (с 1611), выдающийся полководец и военный деятель, военный реформатор.

Керзон Джордж Натаниэл (1859–1925), английский публицист, путешественник и государственный деятель. В 1919–1924 гг. министр иностранных дел, лорд-председатель Совета (1916–1919, 1924).

Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936), в 1914–1915 гг. на штабных должностях в отделении генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии; в 1917 – начальник штаба 15-го армейского корпуса. С апреля 1918 – в Красной армии; с сентября 1918 по июль 1919 – командующий Восточным фронтом с июля 1919 по апрель 1924 – главнокомандующий Вооруженными силами; в 1924–1936 гг. на высших руководящих должностях в РККА.

449

Лебедев Павел Павлович (1872–1933), генерал-майор. В 1914–1917 г г. на штабных должностях. С мая 1918 – в Красной армии; с июля 1919 – начальник Полевого штаба РВС Республики, с февраля 1921 по апрель 1924 – начальник штаба РККА, в 1925–1933 – начальник штаба и помощник командующего войсками Украинского военного округа.

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937), маршал Советского Союза. В 1914 г. командир роты л. – гв. Семеновского полка. С 1918 г. в Красной армии, командующий 1-й армией Восточного фронта, 8-й армией Южного фронта, 5-й армией; в 1920 – командующий Кавказским, затем Западным фронтом; позднее в 1921 – руководил подавлением Кронштадтского восстания. В 1920-х – 1930-х на высших должностях в РККА, репрессирован.

451

…северной части своего фронта… – имеется в виду занятие Красной армией Северной области: 21 февраля 1920 – Архангельска, 13 марта Мурманска.

Вейган Максим Луи (1867–1965), французский дивизионный генерал, участник 1-й мировой войны. С марта 1917 член Высшего военного совета, с марта 1918 начальник штаба Верховного главнокомандующего. В 1920–1921 – глава французской военной миссии в Польше, один из создателей новой польский армии.

453

Константин I Глюксбург (1868–1923), в 1913–1917, 1920–1922 – король Греции. Старший сын Георга I и королевы эллинов Ольги Константиновны, с 1889 г. женат на Софии, сестре кайзера Германии Вильгельма II. Выступал против участия Греции в 1-й мировой войне на стороне Антанты.

454

…катастрофа генерала Врангеля и очищение им Крыма… – прорыв войсками Красной армии 7–9 ноября 1920 укреплений Русской армии Врангеля на Перекопе, захват Крымского полуострова и эвакуация 13–16 ноября 1920 сторонников Белого движения из Крыма в Турцию.

455

…сближение большевиков с кемалистами; пересмотр Севрского договора… – заключение 16 марта 1921 в Москве советско-турецкого договора, по которому советское правительство согласилось не признавать никаких международных актов, не признанных национальным правительством Турции. Это способствовало в дальнейшем пересмотру Севрского договора, предусматривавшего раздел владений Османской империи между европейскими государствами.

…*бунт моряков*… – Кронштадтский мятеж 1–18 марта 1921.